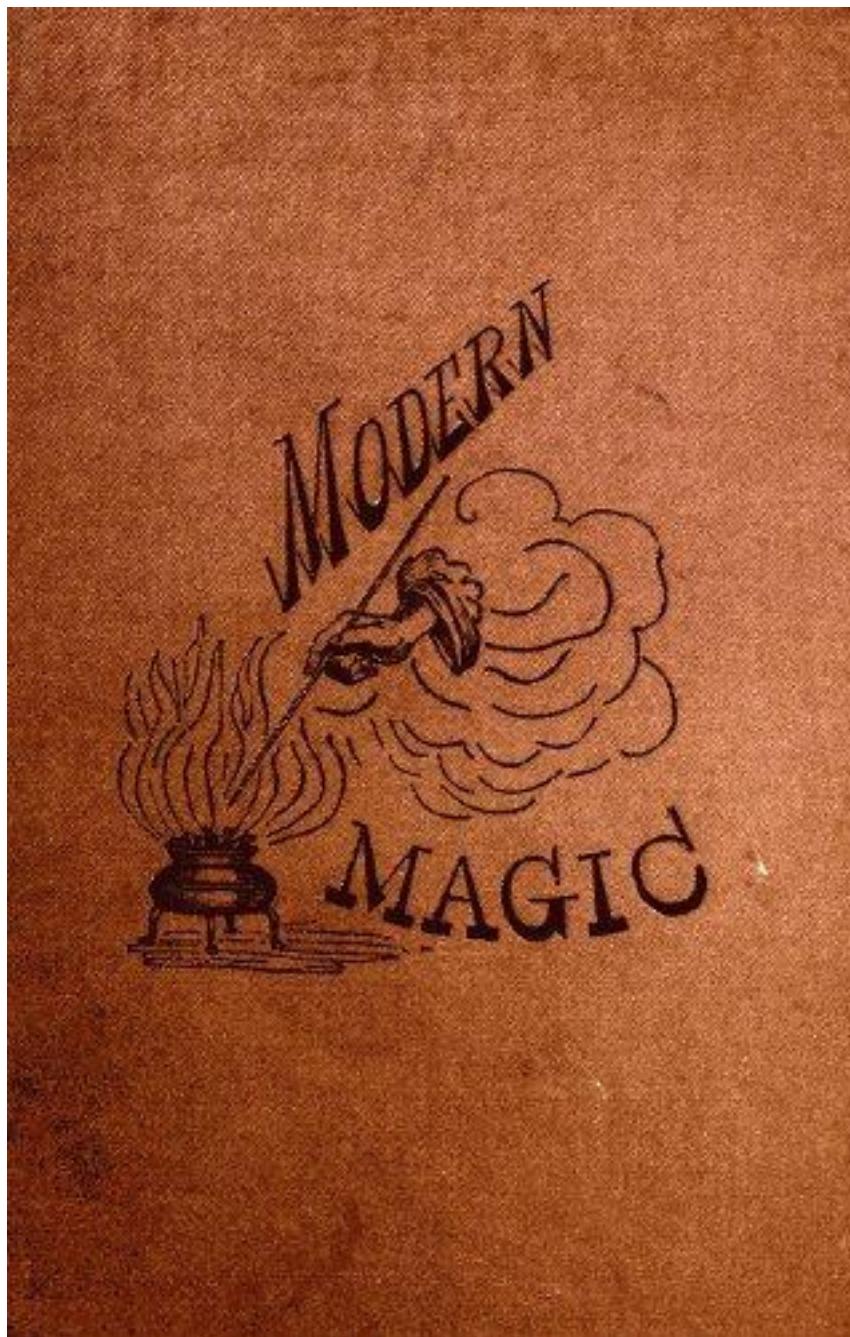

Современная магия

М. Шеле де Вер

The Project Gutenberg eBook of Modern Magic.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Современная магия

Автор: М. Шеле де Вере

Дата выхода: 30 декабря 2011 [eBook #38448]

Последнее обновление: 8 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Курноу, Кэти Максам и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MODERN MAGIC ***

Современная магия.

BY M. SCHELE DE VERE.

Non fumum ex fulgore, sed ex fumo dare lucem Cogitat, ut speciosa dehinc miracula promat.

Гораций.

НЬЮ-ЙОРК:

G. P. PUTNAM'S SONS,

Четвертая авеню и Двадцать третья улица.

1873.

Внесено в соответствии с актом Конгресса в 1878 году компанией G. P. PUTNAM'S SONS,
В офисе Библиотекаря Конгресса, в Вашингтоне.

Ланге, Литтл и Хиллман,
печатники, электротипировщики и стереотипировщики,
108 - 114 Вустер-стрит, Нью-Йорк.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Главная цель нашего существования на земле - помимо священной и первостепенной обязанности обеспечить свое спасение - несомненно, состоит в том, чтобы стать хозяевами окружающего нас материального мира, каким он предстает перед нашими органами чувств и каким его явно поставил в зависимость от нашей воли Создатель. Однако в то же время мы не лишены информации о существовании определенных законов и возникновении некоторых явлений, которые принадлежат к миру, недоступному нам с помощью обычных органов чувств, и которые, тем не менее, серьезно влияют на наше общение с природой и наше личное благополучие. Это знание мы получаем иногда по особой милости, как прямое откровение, а иногда, по неизвестным пока причинам, ценой своего здоровья и больших страданий. Какими бы путями оно ни доходило до нас, его нельзя отвергать; относиться к нему с насмешкой или отказываться от его изучения было бы столь же неразумно, сколь и невыгодно. Самое меньшее, что мы можем сделать, - это выяснить точную природу этих законов и, очистив эти явления от всего, что может быть доказано как случайное или иллюзорное, сравнить их друг с другом и тщательно упорядочить в соответствии с некоторыми стандартами классификации. Главный интерес в такой задаче заключается в обнаружении зерна истины, которое часто скрыто в массе мусора, и которое, будучи выведенным на свет, служит расширению наших знаний и увеличению нашей силы. Трудность заключается в отсутствии всякого научного исследования и во врожденной склонности человека вольно или бессознательно поддаваться как умственным, так и чувственным заблуждениям.

Поэтому цель этой небольшой работы сводится к сбору фактов и явлений, которые могут пролить свет на природу магических сил, которыми, несомненно, наделен человек. Ее цель будет достигнута, если удастся показать, что он действительно обладает силами, которые не подчиняются общим законам природы, но более или менее независимы от пространства и времени, и которые, тем не менее, дают о себе знать частично через обращение к обычным чувствам, а частично через особые явления, являющиеся результатом их деятельности. Эти высшие силы, действующие исключительно через дух человека, являются частью его природы, которая имеет много общего с природой Божества, поскольку он был создан Богом "по образу и подобию Своему", и Господь "вдунул в ноздри его дыхание жизни, и стал человек *душою живою*". Эта душа не является, как утверждают материалисты, просто суммой всех восприятий, полученных в результате коллективной деятельности телесных органов - вывод, который в конечном итоге сделал бы ее продуктом простых материальных атомов, подверженных постоянным физическим и химическим изменениям. Даже если бы было возможно - а мы это отрицаем - свести всю нашу внутреннюю жизнь, включая память, воображение и разум, к системе чисто физических законов и тем самым допустить ее разрушение в момент смерти, все равно осталась бы *живая душа*, исходящая непосредственно от Всевышнего и предназначенная для существования в течение всей вечности. Эта душа, следовательно, не зависит от времени. Она также не связана

пространством, за исключением той степени, в которой она может общаться с внешним миром только посредством тела, с которым она соединена в этой жизни. Природа этого союза - тайна, до сих пор не постигнутая, но именно потому, что это тайна, мы не имеем права предполагать, что он совершенно нерасторжим при жизни или что он полностью прекращается в момент смерти. Напротив, существует более убедительных доказательств того, что душа иногда может действовать независимо от тела, а силы, развиваемые в таких случаях, мы, скорее для удобства, чем из-за особого соответствия термину, предпочитаем называть *магическими* способностями.

У нас нет никаких доказательств относительно взаимоотношений души и тела после смерти. Здесь, поневоле, все должно быть просто спекуляцией. Поэтому ничего большего мы не можем требовать от следующих предположений. Когда тело становится непригодным для того, чтобы служить больше обителью и инструментом для души, связь, которая образовалась до или в момент рождения, постепенно ослабевает. Душа больше не получает впечатлений из внешнего мира, подобных тем, что прежде передавало ей тело, и с этим прекращением взаимного действия заканчивается и общность ощущений. Живая душа, по всей вероятности, осознает свою отделенность от мертвого тела и от мира; она продолжает существовать, но в одиночестве и самозависимости. Однако ее жизнь становится тем активнее и самосознательнее, чем больше она не поглощена общением с миром, не потревожена телесными расстройствами и недугами. Душа с легкостью вспоминает все давно забытые или сильно потускневшие ощущения. Поначалу она испытывает глубочайшие чувства, и мы можем предположить, что это двойная скорбь - по поводу разлуки с телом, с которым она так долго была тесно связана, и по поводу грехов, совершенных ею в течение жизни. Это раскаяние, естественно, будет тем сильнее, чем больше оно не будет прерываться чувственными впечатлениями. Через некоторое время эта скорбь, как и все скорби, начинает утихать, и душа возвращается в состояние покоя: раньше, конечно, у тех, кто в земной жизни уже обрел покой единственным средством, открытым человеку; позже - у тех, кто полностью отдался миру и своим страстям. В это же время живая душа вступает в общение с другими душами, сохраняя, однако, свою индивидуальность по полу, характеру и нраву, и, возможно, проходит курс постепенного очищения, пока не достигнет желанного пристанища в совершенном примирении с Богом. В течение этого промежуточного времени нам не известно ничего, что могло бы полностью исключить мысль о том, что эти живые души продолжают поддерживать некое общение с душами людей на земле, с которыми они разделяют все, что составляет их сущностную природу, за исключением одного факта - привязанности к телу. Нет также причин, по которым душа в человеке не могла бы своими высшими силами воспринимать и общаться с душами, отделенными от смертных тел, хотя это общение должно быть ограниченным и несовершенным из-за огромной разницы между свободной душой и душой, привязанной к земному, грешному телу. Ведь человек, умирая, оставляет после себя в этом мире тело, мертвое и бессильное, труп. Однако он продолжает жить, душа, со всеми особыми силами, составляющими наш духовный организм; то есть истинный человек, в высшем смысле этого слова, все еще существует, хотя и обитает в другом мире. У этой души больше нет земных органов чувств, чтобы исполнять свои желания, но она по-прежнему управляет природой, подчиненной ее воле; кроме того, у нее есть новый набор сил, которые представляют в высшем мире ее высшее тело, и характер ее новой активной жизни будет тем более возвышенным, что эти органы более духовны. Человек не может не продолжать развиваться, расти и созреть в следующем мире так же, как и в этом; его природа и его судьба одинаково несовместимы с резкими переходами и с абсолютным покоем. Душа должна становиться чище и полезнее, ее органы - тоньше и мощнее, и именно об этой жизни постепенного совершенствования и очищения мы можем иногда получить

представление благодаря тому общению, которое, несомненно, все еще существует между душами, привязанными к земле, и душами, освобожденными от этого рабства.

Известно, что есть много богословов, которые сурово отрицают любое дальнейшее развитие духовной части человека и настаивают на том, чтобы рассматривать эту жизнь как единственный испытательный срок, отпущенный ему, по окончании которого будет вынесен немедленный и вечный приговор. Их взгляды заслуживают самого пристального внимания и уважения. Но некоторые из их братьев, не менее выдающиеся по благочестию, глубокой образованности и критическому чутью, придерживаются других мнений, а значит, по крайней мере, в равной степени заслуживают того, чтобы их внимательно выслушали и тщательно рассмотрели. Так же обстоит дело и с верой в возможность общения с развоплощенными духами. Поверхностные наблюдатели готовы сомневаться или отрицать, надменно усмехаться или презрительно насмехаться. Но выдающиеся люди с незапамятных времен относились к этому вопросу с большим вниманием и глубоким интересом. Меланхтон писал: "Я сам видел призраков и знаю многих заслуживающих доверия людей, которые утверждают, что не только видели их, но даже беседовали с ними" (De Anima Recogn.: Wittemb. 1595, p. 317), Лютер говорил почти то же самое; Кальвин и Нокс также выражали подобные убеждения. Вера, которая продержалась на протяжении всех веков истории человечества и имеет таких сторонников, не может не иметь под собой какого-то основания и заслуживает всестороннего изучения. Алхимия с ее провидческими надеждами, тем не менее, содержала в себе зародыши современной химии, а астрология уже тогда научила многому, что составляет астрономию наших дней. То же самое, несомненно, происходит и с современной магией, и здесь мы также можем с уверенностью ожидать, что "из тьмы приходит свет".

СОДЕРЖАНИЕ.

	I.	
Колдовство		13
	II.	
Черная и белая магия		43
	III.	
Сны		94
	IV.	
Видения		116
	V.	
Призраки		155
	VI.	
Гадание		270
	VII.	
Одержимость		340
	VIII.	
Магнетизм		376
	IX.	

Современная магия.

I.

КОЛДОВСТВО.

"Колдовство - это незаконное чудо; чудо - это законное колдовство" - Якоб Бёме.

Пожалуй, ни в одном направлении человеческий разум никогда не проявлял большей слабости, чем во мнениях о колдовстве. Если Геката, древнейшая покровительница ведьм, бродила по ночам с жутким следом и пугала влюбленных во время их тайных встреч или одиноких странников на открытых пустошах и в темных лесах, то ее появление, по крайней мере, соответствовало всей системе греческой мифологии. Тацит не пугает нас, рассказывая, что ведьмы встречались у соляных источников (Ann. xiii. 57), как и Эдда, говоря о "носителях ведьминых котелков", от которых даже Салический закон предостерегает всех добрых христиан. Но когда Анцирский собор в V веке изрекает эдикты против женщин, разъезжающих по ночам на странных животных в компании с Дианой и Иродиадой, странное сочетание имен и грозные наказания заставляют нас почти думать о ведьмах как о реальных и самых чудесных существах. И когда мудрые советники французских парламентов и седые сановники Священной Германской империи вершат суд над горсткой бедных старушек, когда великие английские епископы и ревностные прорицатели Новой Англии приговаривают маленьких детей к смерти за то, что те заключили договор с дьяволом, посещали его саббаты и околдовывали своих мирных соседей, - мы поражаемся заблуждениям, которым подвержены самые мудрые и лучшие из нас.

Христианство, правда, на какое-то время пролило на землю такой яркий свет, что дела тьмы были отвращены, а власть лукавого казалась сокрушенной, согласно священным обещаниям, что семя женщины должно сокрушить голову змея. Так, Карл Великий в своем свирепом эдикте, изданном после поражения саксов, приказал подвергать смерти всех, кто по языческому образцу поддавался дьявольским заблуждениям и поверил, что мужчины или женщины могут быть ведьмами, преследовал и убивал их; или даже заходил так далеко, что поглощал их плоть и отдавал ее другим для подобных целей! Но почти в то же самое время вера в дьявола, четко прописанная в Священном писании, распространилась далеко и широко, и уже в четвертом веке болезни приписывались не органическим причинам, а демоническому влиянию, а дьявол снова стал телесно ходить по земле, сопровождаемый сонмом мелких демонов. По-настоящему просвещенный человек лишь изредка осмеливался бороться со всеобщим суеверием. Так, Агобард, архиепископ Лионский, сияет, как яркая звезда на темном небосклоне девятого века, своим открытым обличением всех верований в одержимость, в управление погодой или в решение трудностей путем испытания. По тем же причинам мы должны чтить память Иоанна Солсберийского, который в двенадцатом веке объявил рассказы о ночных сборищах ведьм со всеми сопутствующими обстоятельствами простыми заблуждениями бедных женщин и простых мужчин, которым казалось, что они видят в теле то, что существовало только в их воображении. Церковь колебалась, то требуя от своих детей веры в дьявола и демонов, то осуждая всякую веру в

сверхъестественные существа. Тринадцатый век, названный Лейбницем самым мрачным из всех, развил поклонение Лукавому до своего полного совершенства; цитировались труды святого Августина, подтверждающие тот факт, что демоны и люди могут вступать в брак, а джинны Востока упоминались как духи, которые "ищут дочерей людей в жены". Первое упоминание о танцах ведьм встречается в записях о страшном празднике Auto-da-fè, состоявшемся в Тулузе в 1353 году, а примерно столетие спустя доминиканский монах Жакье опубликовал первый полный труд о ведьмах и колдовстве. Он представил их как организованную - в соответствии с господствующей в то время модой - регулярную гильдию, с учениками, компаньонами и мастерами, которые занимались особым искусством для определенной цели. Примечательно, что того же мнения, во всех его деталях, придерживался и в нашем веке один из самых известных немецких философов Эшенмайер. В то время как рвение и безумие дьяволопоклонников росло с одной стороны, преследования становились все более жестокими и свирепыми с другой, пока процессы над ведьмами не приобрели гигантские масштабы и не стали проводиться в соответствии с регулярным методом. Инициаторами этих процессов неизменно выступали богословы, и хотя начало этой системе было положено не папским правительством, вскоре она получила юридическую санкцию папы в виде знаменитой буллы Иннокентия VIII, *Summis desiderantes*, датированной 4 декабря 1484 года и предписывающей неустанное преследование всех еретиков-колдунов. Знаменитый "*Malleus maleficatum*" (Кельн, 1489), написанный двумя знаменитыми судьями по делам ведьм, Шпренгером и Гремпером, и полный самых необычных взглядов и утверждений, свел все это к регулярному методу и получил огромное влияние на умы той эпохи. Предписанные им правила и формы не только соблюдались почти во всех частях христианства, но и фактически сохранили свою силу и законность до конца семнадцатого века. Эти взгляды и практика не ограничивались католическими странами; через сто пятьдесят лет после Реформации великий немецкий юрист и протестант Карпзон опубликовал свой "*Praxis Criminalis*", в котором излагались точно такие же взгляды и предписывались те же меры. Пуритане, как известно, придерживались аналогичного плана, и Новому Свету не повезло избежать этих ошибок больше, чем Старому. Любопытной особенностью вышеупомянутых работ является тот факт, что обе они изобилуют выражениями ненависти к женскому полу, и еще более любопытно, хотя и позорно в высшей степени, что особая враждебность, проявляемая судьями по колдовству к женщинам, основана исключительно на том значении, которое они придают смыслу Моисеева запрета: "Не позволяй ведьме жить" (Исход xii. 18).

Это мрачные страницы в истории христианства, почерневшие от дыма погребальных костров и запятнанные кровью бесчисленных жертв жестокого суеверия. Ведь особенность заключалась в том, что в большинстве случаев истинными преступниками оказывались не смиренные страдальцы, чьи жизни приносились в жертву, а надменные судьи. Безумие, похоже, было заразным, так как протестантские власти были столь же кровожадны, как и католики; инквизиция на протяжении многих поколений вела непрерывную войну против этого нового класса еретиков среди народов романской расы. В Германии за короткое время было принесено в жертву огромное количество людей, а в трезвой Англии только во время Долгого парламента погибло три тысячи человек, в то время как, по данным Баррингтона, общее число погибших составило не менее тридцати тысяч! Если в Новой Англии в жертву было принесено совсем немного людей, то это исключение объясняется скорее малочисленностью населения, чем умеренностью; в Южной Америке, напротив, преследования велись с неумолимой жестокостью. И все это происходило в то время, как почти повсюду бушевали жестокие войны, так что, в то время как меч уничтожал мужчин, огонь пожирал женщин! Время от времени разные правительства демонстрировали поразительные контрасты. На севере Яков I, утверждая, что он мудр, как Соломон, и более

образован, чем любой человек в христианстве, вообразил, что его преследует лукавый за его великое религиозное рвение, и видел в каждом католике орудие своего противника. Его дикие фантазии хитро поощрялись теми, кто наживался на его тирании, и католики были представлены как все до одного преданные дьяволу, мессе и колдовству - трем нечестивым союзникам, противостоящим Троице! На юге Венецианская республика, со всей ее мелкой тиранией и пресловутой политической жестокостью, почти одна во всем христианстве противостояла преследованиям колдунов и ведьм и мужественно сражалась на стороне просвещения и христианского милосердия. Ужасы судебных процессов над ведьмами вскоре достигли такой высоты, что мы краснеем за гуманность. Обвиняемых пытали до тех пор, пока они не признавали свою вину, чтобы лишить их не только земной жизни, но и надежды на вечность. Если под пытками они заявляли, что невиновны, но готовы признать свою вину и умереть, им говорили, что в этом случае они умрут с ложью на устах и тем самым лишатся спасения. У некоторых страдальцев находили клеймо на теле - место, где нервы были парализованы, и поэтому боль не ощущалась - это был верный признак того, что они ведьмы, и их немедленно сжигали; если у них не было такого клейма, судья решал, что дьявол пометил только своих сомнительных адептов, а своих верных последователей оставил без клейма! Ужас стал настолько велик, что в XVII веке раскаявшихся "ведьм" было множество, потому что стало обычным делом "просто вешать или обезглавливать тех, кто признался, а всех остальных сжигали заживо. Сотни людей, страдающих от мучительных болезней или терпящих невыносимые лишения, тут же считали себя околдованными или действительно искали избавления от бед этой жизни, добровольно являясь в многочисленные трибуналы для суда над колдовством. Умы людей были настолько ослеплены, что даже когда мужья свидетельствовали о невозможности присутствия их жен на шабаше ведьм, поскольку те всю ночь лежали рядом с ними в постели, им говорили, и они готовы были поверить, что вместо их отсутствующих жен явился фантом! На одном из самых известных процессов пять женщин после невыразимых пыток признались, что они выкопали младенца, ребенка одного из них, и ужинали им с дьяволом; отец ребенка упорствовал, пока могилу не вскрыли, и вот тело ребенка оказалось там невредимым! Но судьи объявили, что это был фантом, посланный лукавым, так как признание преступников стоило больше, чем просто визуальное доказательство, и женщин сожгли соответственно. (Horst. Demonomagic, i. p. 349.) Самое убедительное доказательство абсурдности всех подобных обвинений было получено в нашей стране. Здесь число тех, кто жаловался на то, что их мучают и причиняют им вред демонические агентства, становилось все больше в точной пропорции по мере увеличения числа судебных процессов и последующих осуждений. Но когда девятнадцать обвиняемых были казнены, а судьи, придя в ужас от ежедневно растущего числа жалоб, освободили некоторых из заключенных и отказались арестовывать других, этим жалобам внезапно пришел конец, больше не было слышно рассказов о чарах и колдовстве, а вскоре зло исчезло совсем.

Подобное возвращение к разуму в конце концов привело к реакции и в Европе. Дож Венеции и Большой совет обратились к папе Льву X. с просьбой умерить пыл его служителей, и тот был вынужден остановить беспощадные преследования. Уже до этого публичного обращения раздавались отдельные голоса, осуждавшие подобные массовые убийства; среди них были такие люди, как Бэкон Веруламский, Реджинальд Скотус и, чудо из чудес, два знаменитых иезуита, Таннер и Шпее. И все же даже эти милосердные и просвещенные люди ни на минуту не усомнились в подлинности колдовства и его роковых последствиях. Отец Шпее, самый ученый человек, писавший против непрекращающихся преследований мнимых ведьм, тем не менее заявил в 1631 году в своем знаменитом "*Cautio criminalis*", безусловно, лучшем труде, написанном по этой стороне вопроса, что "в мире существует несколько магов и чародеев, чего не может отрицать никто без легкомыслия и большого невежества", и даже

Бейль, осуждая жестокость ведьмовских процессов, серьезно предлагает наказывать ведьм за их "злую волю". Воде, знаменитый библиотекарь кардинала Мазарина, написал замечательный труд в качестве апологии всех великих людей, которых подозревали в колдовстве, включая даже Клеменса V., Сильвестра II. и других пап, а известный капуцинский монах д'Аутун с бесконечной тонкостью мысли и большим счастьем дикции развил ту же тему в своем *труде* *L'incrédulité savante et la crédulité ignorante*. Однако в 1698 году в Германии все же была приговорена к сожжению ведьма; к счастью, судье, выдающемуся юристу университета Галле, сделал замечание один из уважаемых коллег, и таким образом побудил его с беспристрастной откровенностью изучить себя и весь этот печальный предмет. Это заставило его ясно увидеть ошибку, связанную с судами над колдовством, и в 1701 году он написал ценнейший и влиятельный труд "Против магического преступления". Особенно ему удалось разрушить огромный авторитет, которым до этого пользовался великий труд Дель Рио "*Disquisitiones magicæ*", любимая настольная книга судей всех стран, которую даже переняли, хотя и из-под пера иезуита, протестанты Германии. Однако эти авторы ни в коем случае не отрицали личного существования дьявола и его деятельности на земле; напротив, хорошо известно, что Лютер, Меланхтон и даже Кальвин продолжали всегда говорить о сатане как о существе, обладающем телесным существованием и воспринимаемом человеческими чувствами. Отрицание относилось только к его непосредственной деятельности в физическом мире; его моральное влияние всегда с готовностью признавалось. Спорадические случаи колдовства и их рассмотрение в высших судебных инстанциях продолжались вплоть до наших дней. Мария Тереза первой решительно запретила любые дальнейшие преследования из-за *Veneficium*, как стало модно называть магические действия, с помощью которых, как утверждалось, наносился вред людям или животным. Однако есть авторы, которые и в нашем веке, и даже в нашем поколении утверждают, что дьявол непосредственно действует в повседневной жизни, и видят в демонических страданиях наказание нечестивцев уже в этой жизни.

Вопрос о том, сколько правды было в этой вере в колдовство, которой придерживались многие народы и которая сохранялась на протяжении многих веков, до сих пор не получил полного ответа. Вряд ли можно предположить, что за столь долгий период все люди, даже самые мудрые и тонкие, должны были полностью ослепнуть или сойти с ума. Многие историки и философы считают колдовство простым порождением инквизиции. Рим, утверждают они, находился в большой опасности, у него не было новой догмы, которая могла бы дать пищу пытливым умам и повысить престиж его власти; он становился все более непопулярным во многих странах, до этого считавшихся самыми верными и покорными, и был вовлечен в различные опасные конфликты со светскими властями. В этом затруднительном положении ее инквизиторы искали выход и думали, что средство можно найти в новом сочетании двух традиционных преступлений ереси и чародейства. Колдовство, как преступление, из-за насильственных действий, с которыми оно почти всегда было связано, принадлежало трибуналу светского судьи; как грех оно должно было быть наказано епископом, но как ересь оно попадало, согласно обычаю того времени, не в руки судьи и епископа, а в руки инквизиции.

Чрезвычайное единообразие колдовства от Тежу до Вислы, как в Новой Англии, так и в Старой, приводится в качестве дополнительного доказательства того, что оно было "изготовлено" инквизицией. Однако ничего не выигрывает, если рассматривать его как простое изобретение; такое объяснение не применимо и к колдунам и ведьмам, которые неоднократно упоминаются и осуждаются в Священном писании. Колдовство не было ни чисто искусственным, ни просто заблуждением, ни тем более не могло быть объяснено на чисто естественной основе. Главным в нем является магическая сила, которая относится не к

природной, а к духовной части человека. Поэтому не так уж удивительно, как считают многие авторы, что тысячи бедных женщин прилагали все усилия, чтобы получить видения, которые приводили лишь к тюремному заключению, пыткам и огненной смерти, в то время как они приносили им, очевидно, не утешение и не богатство, а лишь боль, ужас и позор. Ко всему этому примешивалось ощущение удовольствия, смутное и дикое, хотя оно и соответствовало грубым и грубым привычкам эпохи. То же самое происходит с пожирателями опиума и курильщиками гашиша, только в более умеренной форме; наслаждение от этих пагубных наркотиков не видно, но болезнь, страдания и жалкая смерть, которые они вызывают, достаточно заметны. Истории о ведьминых шабашах, проводимых в определенные дни года, возникли, несомненно, из-за того, что господствующее суеверие того времени считало некоторые времена года особенно благоприятными для обряда помазания себя наркотическими мазями, и это привело к тому, что в такие ночи возникали своего рода духовные сообщества, которые для бедных заблуждающихся людей выглядели как настоящие собрания в назначенных местах. Точно так же не было ничего абсолютно абсурдного или невозможного в идее договора с дьяволом. В те века сатана представлялся уму людей как телесное воплощение всего злого и греховного, и поэтому, когда они воображали, что заключают с ним союз, они лишь пробуждали в себе злой принцип до его полной энергии и активности. На самом деле это была эгоистичная, жадная природа человека, вечно воюющая против нравственных законов и заповедей Божьих, которая в таких случаях становилась отчетливо видимой и представала в виде видения. Этот злой принцип, освобожденный от всех ограничений и способный развить свою силу против слабо сопротивляющейся души, естественно, уничтожал бедную заблуждающуюся жертву как телом, так и духом. Поэтому суды над колдовством имели хоть какое-то оправдание, какой бы неразумной ни была их форма и какими бы жестокими ни были злоупотребления. Большинство преступлений, в которых обвинялись так называемые ведьмы, несомненно, были вымышленными; но многие из обвиняемых также получали истинное удовольствие от своей злой практики и от тяжкого вреда, который они наносили тем, кого ненавидели или кому завидовали. Не следует забывать и о том, что эпоха, в которую происходили эти судебные процессы, была эпохой суеверий; все, от принца на троне до клоуна в хижине, изучали и практиковали какую-либо магию; самые искусные государственные деятели и тончайшие философы, самые мудрые прорицатели и самые ученые врачи - все они были в той или иной степени адептами черного искусства, и многие из них стали чрезвычайно опасны для своих ближних. Другие, беспрестанно размышляя о чарах и демоническом влиянии, в конце концов поверили в свои силы и признали свою вину, хотя грешили только по своей воле, никогда не будучи в состоянии вызвать магические силы и повелевать ими. Другие же находились в состоянии постоянной паники и видели колдовство как в самых простых событиях, так и во всех необычных явлениях природы. Сильная буря, внезапный град или необычный подъем рек - все это сразу же приписывалось магическому влиянию, а власти призывали и умоляли предотвратить повторение со всеми его катастрофическими последствиями, наказав виновных. Разве не такая же безумная ярость часто проявлялась в отношении заразных болезней, когда простые люди считали, что их продукты отравлены, а хлеб насущный заражен евреями или другими подозрительными классами, и немедленно брали правосудие в свои руки? В качестве оправдания ужасных преступлений, совершенных судьями и священниками при осуждении ведьм, следует также помнить, что в их глазах преступление было слишком огромным, а опасность - слишком насущной и всеобщей, чтобы допустить промедление в расследовании или милосердие в приговоре. Суровые законы тех полуварварских времен были немедленно применены, и все средства считались справедливыми для получения правды. Пытки ни в коем случае не ограничивались судами над ведьмами, ведь некоторым из величайших государственных деятелей и самых

возвышенных богов приходилось терпеть их ужасы. Более того, ни одна эпоха не была полностью свободна от подобных заблуждений, хотя форма, в которой они проявляются, и сила, с помощью которой они могут поддерживаться, естественно, различаются в зависимости от духа времени. Только наука не может защитить нас от фанатизма, если сердце однажды сбилось с пути, и страшные преступления совершались не только во имя Свободы, но даже под санкцией Креста. Василий Великий уже восстановил *ad integrum* раба, который заявил, что заключил договор с дьяволом, но первый достоверный рассказ о подобной операции связан с императорским офицером Феофилом Аданским во времена Юстиниана. Его епископ незаслуженно унизил его и тем самым вызвал в сердце кроткого от природы человека сильный гнев и безграничное желание отомстить. Пока он находился в этом состоянии неконтролируемого возбуждения, появился еврей и предложил достать для него все, что он хочет, если он отдаст свою душу в залог сатане. Несчастный согласился, и его сразу же повели в цирк, где он увидел множество факелоносцев в белых одеждах - костюмах служителей церкви - и сатану, восседающего посреди собрания. Он подчинился приказу отречься от Христа и засвидетельствовал свое отступничество в письменном документе. Уже на следующий день епископ раскаялся в своей несправедливости и восстановил Феофила в должности, после чего иудей указал ему на то, как быстро его господин пришел ему на помощь. Но покаяние пришло и к Феофилу, и в новом откровении Богородица явилась отчаявшемуся человеку после непрестанной молитвы в течение сорока дней и ночей - подходящая подготовка к такому видению. Она велит ему совершить определенные искупительные обряды и обещает восстановить его христианские привилегии, которые он в конце концов получает, обнаружив свидетельство о своем отступничестве, лежащее у него на груди, и затем умирает в состоянии счастливого облегчения. После этого подобные случаи заключения союза с сатаной довольно часто встречаются в истории святых и выдающихся людей, пока вера в их действенность постепенно не угасла, а недавние попытки, подобные тем, что описаны у Герреса (III. p. 620), оказались совершенно бесплодными.

Среди магических явлений, связанных с колдовством, нет более любопытного, чем так называемый ведьмин саббат, официальное собрание всех, кто находится в союзе с Сатаной, с целью поклясться ему в верности, насладиться нечестивыми удовольствиями и ввести неофитов. То, что на самом деле таких собраний никогда не было, вряд ли нужно объяснять. Так называемые саббаты были сомнамбулическими видениями, являвшимися бедным заблуждающимся существам в состоянии транса, который они вызывали наркотическими мазями, мерзкими отварами или даже простым умственным усилием. Ведь самые искусные из ведьм могли впасть в "сон ведьм", как они называли этот транс, когда им заблагорассудится; остальным же приходилось подчиняться утомительным и зачастую отвратительным церемониям. Знание простых приемов, которое в то время было очень распространено, оказывало большую услугу хитрым самозванцам; так, было хорошо известно, что некоторые травы, например аконит, вызывают во сне ощущение полета, и их, разумеется, старательно использовали. Гиосциамус и таксус, гиперикум и асафетида были очень любимы, и врачи проводили эксперименты с этими мазями, чтобы проверить их действие на организм. Например, Лагуна, врач папы Юлия III, однажды наложил мазь, полученную от мага, на женщину, которая после этого погрузилась в сон продолжительностью тридцать шесть часов, а когда ее разбудили, горько пожаловалась на жестокость, с которой он вырвал ее из объятий мужа. Маркиз д'Агент рассказывает в своих "*Письмах юифов*" (i. l. 20), что знаменитый Гассенди открыл лекарство, которое пастух принимал всякий раз, когда хотел попасть на собрание ведьм. Он завоевал доверие пастуха и, притворившись, что хочет его в дорогу, уговорил его проглотить лекарство в его присутствии. Через несколько минут пастух начал пошатываться, как опьяневший, а затем

погрузился в глубокий сон, во время которого безудержно разговаривал. Когда через много часов он снова пришел в себя, то поздравил лекаря с хорошим приемом, который тот встретил при дворе сатаны, и с восторгом вспоминал приятные вещи, которые они вместе видели и которыми наслаждались! Симптомы ведьминога сна, однако, различны: если в одних случаях он бывает глубоким и непрерывным, то в других спящие становятся жесткими и ледяными, подвергаются сильным спазмам и в изобилии произносят неестественные звуки. Кроме того, сон отличается от сна одержимых людей сознанием телесной боли, которое у околдованных людей сохраняется, в то время как одержимые становятся бесчувственными. Неизменно создается впечатление, что они встречаются с родственными духами на каком-то большом собрании, но способы достижения этого собрания сильно различаются. Некоторые идут пешком, но так как Абарис уже ездил на копье, подаренном ему Аполлоном (Iamblichus De Vita, Pyth. c. 18), другие едут на козлах. В Германии подходящим средством передвижения служили метла, дубинка или дистаф, при условии, что они были должным образом помазаны. В Шотландии и Швеции любимой дорогой является дымовая труба, в других странах такого предпочтения не отдается дверям и окнам. Экспедиция, какой бы радостной она ни была, всегда очень утомительна, и, проснувшись, весельчаки чувствуют себя как распущенные люди. Собрания различаются по месту проведения в зависимости от размера: целые провинции собираются на высоких, уединенных горах, среди которых Брокен в горах Хартц, безусловно, самый известный; небольшие компании собираются возле мрачных церквей или под темными деревьями с широко раскинутыми ветвями.

На севере Европы излюбленным курортом является Голубая гора, известная в Швеции как Блокулла, а в Норвегии - как Блакалла, изолированная скала в море между Смоландом и Оландом, которая, по-видимому, ассоциировалась в сознании людей с древней морской богиней Блакилле. В Италии ведьмы любили собираться под знаменитым ореховым деревом близ Беневента, которое уже у лонгобардов было объектом суеверного почитания, поскольку здесь в древности поклонялись старым божествам, а после любили встречаться *стригой*. Во Франции у них был излюбленный курорт на Пюи-де-Дом, близ Клермона, а в Испании - на песках близ Севильи, где *хечизерас* проводили свои саббаты. Исландский остров Хекла также считается у скандинавов излюбленным местом встреч ведьм, хотя, как ни странно, у жителей острова такой традиции нет. Однако очевидно, что во всех странах, где процветало колдовство, излюбленными местами встреч всегда были те же, к которым в древности язычники совершали многочисленные паломничества, чтобы совершить жертвоприношения и насладиться весельем.

Точно так же излюбленные сезоны для этих жутких собраний почти неизменно совпадают со временем высоких праздников, проводимых в языческие времена, и поэтому они были, как правило, переняты ранними христианами, с праздниками и днями святых христианства. Так, древние германцы, когда они еще были язычниками, отмечали первое мая по двум причинам: как день торжественного суда и как время для ликования, когда князь и крестьянин вместе праздновали возвращение лета с веселыми песнями и танцами вокруг майского столба. Колдуны не преминули использовать этот день и для своих гуляний, добавив его к праздникам Святого Иоанна Крестителя и Святого Варфоломея, в которые, как и в древности, проведение общественных судов собирало большие собрания. Собрания, однако, всегда приходятся на четверг, что объясняется прочной, но пока необъяснимой связью колдовства со старым германским богом грозы Донаром, которому поклонялись на Блоксберге и которому приносили в жертву козла - отсюда и особое пристрастие ведьм к этому животному. Время проведения собрания неизменно - с одиннадцати часов вечера до часа или двух ночи.

Собрание состоит, в зависимости от обстоятельств, из нескольких сотен или нескольких тысяч человек, но женский пол всегда преобладает. Этому факту знаменитый учебник для судей по колдовству, *Malleus*, привел не менее четырех весомых причин. Женщины, говорится в нем, более склонны к страху преступления, чем мужчины, потому что, во-первых, они более доверчивы; во-вторых, в своей природной слабости они более восприимчивы; в-третьих, они более неосмотрительны и опрометчивы, а значит, всегда готовы посоветоваться с дьяволом; и, в-четвертых, что самое главное, *femina* происходит от *fe* - вера и *minus* - меньше, следовательно, у них меньше веры!

Гости появляются, как правило, в своем естественном виде, но иногда их представляют в виде различных животных; последователи Дьявола отдают предпочтение козам и обезьянам, хотя последнее - страсть более недавняя. Толпа, естественно, находится в состоянии непрекращающегося течения и утихания; постоянный приход и уход, толчея и давка не дают ни минуты покоя, и даже здесь доказано, что нечестивцы не имеют ни отдыха, ни покоя.

Среди этой толпы видны стада, состоящие из жаб, за которыми присматривают мальчики и девочки; в центре на камне восседает Сатана, задрапированный в странное одеяние, с ужасными, но неясными чертами лица, и произносит короткие команды ужасающим голосом с неестественной и неслышимой музыкой. Рядом с ним может восседать королева в величественном великолепии, возведенная на трон из числа гостей. Бесчисленные демоны, выполняющие всевозможные необычные обязанности, окружают своего хозяина; или же проносятся сквозь толпу, разбрасывая во все стороны непристойные слова и жесты. Английские ведьмы также встречают по субботам бесчисленное количество котят и показывают шрамы от ран, нанесенных злобными животными. Каждый гость должен отдать дань уважения хозяину пиршества, что делается нелицеприятным образом; и при этом они ничего не получают взамен - по их единодушному признанию - кроме невыполненных обещаний и обманчивых подарков. Даже посуда на столе - всего лишь фикция; в ней нет ни соли, ни хлеба. Кроме того, они обязуются совершить определенное количество злодеяний, которые распределяются на неделю, так что первые дни посвящены обычным грехам, а последние - преступлениям особого ужаса. Со всех сторон доносится музыка необычайной странности, и бесчисленные пары кружатся в беспокойных, непристойных танцах; пары соединяются спина к спине и тщетно пытаются разглядеть лица друг друга. Очень часто маленькие дети воспитываются своими матерями, чтобы быть представленными магистру; когда это сделано, их отправляют прислуживать стаям жаб до девятого года, когда они призываются королевой, чтобы отречься от своей христианской веры и быть регулярно зачисленными в ведьмы".

Описание мелких деталей варьируется, разумеется, в зависимости от индивидуальных склонностей обвиняемых, чьи признания неизменно единообразны в отношении изложенных ранее фактов. Грубые умы, естественно, не видят ничего, кроме грубейших непристойностей и порочных потаканий, в то время как для более утонченных умов очевидные события предстают в свете большей деликатности; они слышат сладкую музыку и являются свидетелями лишь нежной привязанности и братской любви. Но во всех случаях эти ведьмины шабаши становятся страстью для бедных заблуждающихся существ; они наслаждаются там райским наслаждением - то ли действительно предаются чувственному удовольствию, то ли настолько полностью отдаются разуму и воле, что перестают желать чего-либо другого и погружаются в смутное, невыразимое удовольствие. И все же им не дано даже простое удовлетворение от приятной внешности; ведьмы так же уродливы, как ангелы прекрасны; они источают дурной запах и внушают окружающим непреодолимое отвращение.

Насколько все эти описания ведьминых шабашей исключительно порождены воображением заблуждающихся женщин, видно из того, что они варьируются в соответствии с преобладающими представлениями тех, кого они развлекают; Для грубых крестьян эти собрания - грубые пиры, полные непристойных удовольствий; для знатных рыцарей они превращаются в блуждания дикого егеря или в адский суд под видом горы Венеры; для аскетичных монахов и монахинь - в подземный монастырь, наполненный гнусными хулами на Бога и святых. Общим для всех подобных видений является лишь то, что они всегда задуманы в духе жестокого антагонизма к Церкви: здесь пародируются не только все доктрины, но и обряды последней. В субботу совершаются мессы, но при этом оскверняется заступ, святая вода берется у владыки праздника; заступ и свечи чернеют, а *"Ite missa est"*, произносимое отлучающим священником, меняется на: "Иди к дьяволу!". Здесь также требуется исповедь, но кающийся признается в том, что не делал зла, и в том, что иногда проявлял милосердие и доброту; наказание налагается за пренебрежение той или иной из двенадцати заповедей.

Когда ведьмы представляли перед судом, одной из первых мер был поиск особых знаков, которые, как считалось, выдавали их истинный характер. В частности, это были так называемые ведьмины родинки - пятна размером с горошину, на которых по тем или иным причинам нервы теряли чувствительность и где, как следствие, не ощущалась боль. Предполагалось, что они образовались в результате прокола, причем Злодей делал это булавкой из фальшивого золота, своими когтями или рогами. Другие свидетельства находили в особой окраске глаз, которые, как говорили, изображали лапки жабы; в отсутствии слез при повреждении маленькой железы и, прежде всего, в особой легкости тела. Чтобы убедиться в последнем, обвиняемых связывали по рукам и ногам крест-накрест, привязывали к веревке и трижды опускали в воду. Если они оставались на плаву, их вина была установлена: либо они были наделены своим Учителем безопасностью от утопления, либо вода не принимала их, потому что они отреклись от своего крещения! Нет нужды добавлять, что палачи вскоре нашли способ позволять своим узникам плавать или тонуть по своему усмотрению - за определенную плату.

Суды над ведьмами начались в первые дни христианства, поскольку император Валенс приказал, как мы узнаем от Аммиана Марцеллина, призвать к ответу всех колдунов и чародеев, которые пытались с помощью магического искусства узнать его преемника. Несколько тысяч человек были обвинены в колдовстве, но это обвинение тогда, как и почти во все последующие эпохи, в большинстве случаев было не более чем предлогом для разбирательств с неносными людьми. Следующим чудовищным процессом, как его стали называть уже в те ранние времена, стало преследование ведьм во Франции при Меровингах. Ребенок жены Чилперика умер внезапно и при подозрительных обстоятельствах, что привело к заключению в тюрьму префекта Муммолуса, которого королева долгое время преследовала своей ненавистью. Его обвинили в том, что он своими чарами вызвал смерть ее сына, и подвергли страшным пыткам в компании нескольких старух. Однако он не признался ни в чем, кроме того, что последние снабдили его некими снадобьями и мазями, которые должны были обеспечить ему благосклонность короля и королевы. Более поздний процесс такого рода, в котором спокойный разум некоторое время решительно противостоял суеверию, но в конце концов бесславно уступил, известен как *Водуазье* и произошел в Аррасе в 1459 году. Ее начал граф д'Эстамп, но в основном она проводилась епископом и некоторыми выдающимися богословами из числа его знакомых, чье неумеренное рвение и беспощадная жестокость закрепили за этим процессом особенно болезненную память в анналах церкви. Большое количество совершенно невинных мужчин и женщин были подвергнуты пыткам и бесславно казнены, но, к счастью, смерть главного преследователя, Дюблуга, положила внезапный конец существованию колдовства в этой

провинции. Одно из самых примечательных испытаний такого рода было вызвано несколькими маленькими детьми и привело к самым кровавым разбирательствам. Кажется, в 1669 году несколько мальчиков и девочек в приходе Мора, одной из самых красивых частей шведской провинции Даларне, известной благодаря памяти Густава Вазы и Густава III, были поражены нервной лихорадкой, которая оставила их после частичного выздоровления в состоянии крайней раздражительности и чувствительности. Они падали в обмороки и бились в конвульсиях - симптомы, которые простые, но суеверные горцы постепенно стали считать необъяснимыми, а значит, приписывать магическому влиянию. Поползли слухи, что бедные дети околдованы, и вскоре появились все обычные подробности сатанинской одержимости. Гора под названием Блакулла, издревле пользовавшаяся дурной славой, была указана как место встречи ведьм, где ежегодно праздновался саббат, а эти дети были посвящены сатане. Церковь и государство объединили свои огромные силы, чтобы обрушить их на бедных малышей, огромное количество женщин, в основном матерей молодых людей, были вовлечены в обвинения, и в конце концов пятьдесят две из них с пятнадцатью детьми были публично казнены как ведьмы, а пятьдесят младших были приговорены к суровому наказанию! Более трехсот несчастных детей в возрасте до четырнадцати лет сделали подробные признания о ведьмином шабаше и церемониях, сопровождавших их посвящение в его тайны. Подобное страшное заблуждение охватило немецких детей в Вюртемберге, когда в конце семнадцатого века множество мальчиков и девочек, ни один из которых не был старше десяти лет, стали утверждать, что каждую ночь их забирают и несут на шабаш ведьм. Многие из них все время крепко спали, и их легко было разбудить, но некоторые регулярно впадали в транс, во время которого их маленькие тела становились холодными и жесткими. В деревню была направлена комиссия из великих судей и опытных прорицателей для расследования этого дела, и в конце концов выяснилось, что здесь не было никакого самозванства, а бедные дети твердо верили в то, что говорили. Однако выяснилось, что некоторые из них с жадностью слушали рассказы старух о ведьмах и с воспаленным воображением пересказывали их другим, пока глубокое и болезненное нервное возбуждение не овладело их умами и не распространилось по всей общине. Многие из детей, как это было естественно в их возрасте, побуждались тщеславием и говорили, что они тоже были на субботнике, другие же боялись отрицать то, что так положительно утверждали их товарищи. К счастью, комиссия состояла из здравомыслящих людей, которые правильно оценили ситуацию, назначили хорошую порку здесь и там и тем самым уберегли страну от преступления в виде еще одного суда над ведьмами.

О нашем собственном опыте в Новой Англии, в то время, когда сэр Уильям Фиппс был губернатором колоний, убедительно рассказал великий Коттон Мазер. Почти в каждой общине были юноши и девушки, пристрастившиеся к магическим практикам; они любили колдовать, советоваться с ситами и поворотными ключами, и таким образом постепенно приобщались к более серьезным и опасным практикам. В Салеме мужчины и женщины высокого положения и безупречной честности, даже благочестивые члены церкви, внезапно подверглись страданиям и пыткам со стороны неизвестных сил, и наконец им явился маленький черно-желтый демон, сопровождаемый несколькими спутниками с человеческими лицами. Эти привидения вручили им книгу, в которой было предложено расписаться или хотя бы прикоснуться к ней, а если они отказывались, их страшно скручивали и переворачивали, кололи булавками, жгли, словно раскаленным утюгом, связывали по рукам и ногам невидимыми путами и уносили на большие расстояния. Некоторые из них в течение многих дней не могли прикоснуться к еде или питью; другие, пытаясь защититься от демонов, выхватывали у них мотыгу или рвали кусок ткани, и тут же эти доказательства реального существования злых духов становились видимыми для посторонних глаз. Магические явления, сопровождавшие болезнь, носили самый

необычный характер. Несколько человек заявили, что получили яд, потому что отказались поклоняться сатане, и тут же проявились все обычные последствия такого лечения - от простой рвоты до самых страшных страданий, пока не были применены и не начали действовать противодействующие средства. В других случаях страдальцы жаловались на то, что им в рот засовывали горящие тряпки, и хотя ничего не было видно, появлялись обожженные места и волдыри, а запах и дым тлеющих тряпок наполняли комнату. Когда они сообщали, что их клеймили раскаленным утюгом, следы проявлялись, происходило нагноение, образовывались шрамы, которые больше никогда не исчезали в течение жизни, и за всеми этими явлениями наблюдали сотни жаждущих глаз. Власти, конечно же, взялись за дело, и многие люди обоих полов и всех возрастов предстали перед судом. Во время пыток им продолжали являться видения демонических существ и одержимых мужчин и женщин; стоя с завязанными глазами в суде, они чувствовали приближение тех, кого считали заколдованными и зачумленными, и настоятельно молили избавить их от их присутствия. В конце концов многих казнили, и не мало, несомненно, вопреки всякой справедливости, но здравый смысл властей вскоре увидел бесполезность, если не злобу таких процессов, и им был положен конец, а колдовство исчезло, как только ослабли преследования и утихла сенсация.

Тем не менее подобные суды продолжали проводиться в разных частях Европы на протяжении всего прошлого века, и многие невинные жизни были загублены из-за этой, казалось бы, неистребимой веры в колдовство. Даже после того, как от пыток отказались в соответствии с более мудрыми взглядами нашего века, длительного заключения с сопутствующими страданиями и огромной тревогой за исход дела оказалось вполне достаточно, чтобы выбить добровольные признания, которые, конечно, не имели ценности сами по себе, но служили цели поддержания народного суеверия. В 1728 году в Венгрии состоялся особенно страшный процесс такого рода, во время которого были повторены почти все позорные сцены средневекового варварства и который закончился несколькими жестокими казнями. Последний суд над ведьмами в Германии состоялся в 1749 году, когда мать-настоятельница монастыря под Вюрцбургом в Баварии, известная как Эмма Рената, была приговорена к сожжению, но по снисхождению властей ей позволили умереть, обезглавив ее. Швейцария стала местом проведения последнего из подобных судебных процессов, поскольку с этим актом правосудия, как его называли добрые жители Гларуса, гонения закончились.

Однако даже в Англии это чувство, похоже, сохранялось еще долго после того, как судебные процессы прекратились. Так, хорошо известно, что страшный суд над ведьмами, состоявшийся в Мальборо при королеве Елизавете, привел к учреждению так называемой проповеди о ведьмах, которая ежегодно читалась в Хантингдоне, и этот обычай неукоснительно соблюдался вплоть до второй половины восемнадцатого века. Почти в то же время - в 1743 году - в Шотландии были предприняты серьезные усилия, чтобы вновь разжечь огонь яростных преследований. В феврале того года Ассоциированная пресвитерия в публичном документе, адресованном пресвитерии отделившихся церквей, потребовала для определенных целей торжественного признания прежних грехов и клятвы навсегда от них отказаться. Среди этих грехов строгий орган перечислил "отмену смертной казни за колдовство", поскольку последнее было запрещено Священным Писанием, а снисходительность, пришедшая на смену прежней строгости в наказании за это преступление, дала возможность сатане искушать и фактически соблазнять других с помощью тех же старых проклятых и опасных ловушек.

II.

ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ МАГИЯ.

"Мир! Чары сняты" - Макбет.

Самой поразительной из всех сцен, описанных в Священном писании - в той мере, в какой они отражают случаи из жизни людей, - несомненно, является таинственная беседа несчастного царя Саула с духом его бывшего покровителя, пророка Самуила. Несчастный монарх, покинутый друзьями и оставленный собственным сердцем, в полном отчаянии обращается к тем, кого он незадолго до этого "изгнал из земли", к безбожникам, которые "имели знакомых духов и чародеев". Ожесточенный древним врагом своего народа, филистимлянином, и не имея возможности получить ответ от великого Бога своих отцов, он опускается до того, что обращается к ведьме, женщине. По-видимому, Седекла, дочь Децемдиабита - так Филон называет ее, согласно Де Муссо, - хитростью избежала участи своих странных сестер и, обладая знакомым духом, предсказывала будущее любопытствующим в своем жилище в Эндоре. Поначалу она не желает нести наказание, грозящее ей по указу царя, но когда переодетый монарх властным голосом обещает ей безнаказанность, она соглашается "воспитать Самуила". Как только появляется страшный фантом ужасного пророка, она инстинктивно осознает истинный характер своего посетителя и, испугавшись силы живого гораздо больше, чем вида ушедшего, с трепетом восклицает: "Зачем ты обманул меня? Ты Саул!" Затем следует ужасающая сцена, в которой Самуил обличает несчастного, страдающего царя и предсказывает его смерть и смерть его сыновей.

Нет никаких сомнений в том, что перед нами пример настоящей магии. Женщина, очевидно, была способна впасть в состояние экстаза, в котором она могла одновременно смотреть в прошлое и будущее. Таким образом, она видит великого пророка, не посланного Богом свыше, как учили святые отцы, а, согласно преобладавшему тогда верованию, восставшего из Шеола, места обитания ушедших духов, и затем произносит, бессознательно, его собственные слова. Не следует упускать из виду, что Самуил не делает никаких откровений, а лишь повторяет свои прежние предупреждения. Саул не узнает от него абсолютно ничего нового; он лишь слышит те же угрозы, которые пророк уже дважды произносил, когда безрассудный царь осмелился принести жертву Богу своей рукой (I Цар. xiii) и когда он не смог поразить амаликитян, как ему было велено. Одержимая духом живого Самуила, женщина говорит так, как он говорил при жизни, и только когда ее возвышенное состояние делает ее способной заглянуть и в будущее, она принимает на себя роль пророчицы и предсказывает приближающуюся гибель своего царственного гостя.

То, что вся эта ужасная сцена была предрешена и могла произойти только по воле Всевышнего, ничего не меняет в характере женщины со знакомым духом. Это явный случай некромантии, или вызывания духов умерших людей, что практиковалось среди людей с незапамятных времен. Среди избранного народа Божьего с самого начала его истории встречались люди, обладавшие знакомыми духами, и уже Моисей произносит самые суровые анафемы против этих чародеев (Лев. xx. 27). Они предстают в различных обликах: как заклинатели, как консультанты знакомых духов, как волшебники или как некроманты (Втор. xviii. 11); их обвиняют в пропуске детей через огонь, в наблюдении за временем (астрологи), в использовании чародейства; или вообще говорят, что они "пользуются колдовством" (II. Chron. xxxiii. 6). То, что другие народы были не менее знакомы с искусством вызывания духов, мы видим, например, в "Одиссее", где упоминаются многочисленные случаи такого общения с другим миром, а о некромантах говорится как о некоей тесной гильдии. В "Персии" Эсхила дух Дария, отца Ксеркса, вызывается и предсказывает все

несчастья, которые должны постигнуть бедную царицу Атоссу. Величайшие из суровых римлян не могли полностью избавиться от веры в подобную магию, несмотря на материалистические наклонности римского ума и огромное превосходство их телесности. Катон и Силла, Цезарь и Веспасиан - все они с ясным неизменным восприятием признавали те малые зерна истины, которые скрывались среди массы мусора, называемого тогда магией. Даже христианская теология никогда не отрицала существование таких необычных способностей над духами усопших, хотя и приписывала их дьявольскому влиянию.

В этом и заключается главное различие между древней и современной магией. Ведь древнейшими из известных нам волхвов были мудрецы Персии, которых называли, от *mah* (великий), *Mugh*, великие люди страны. Они были философами своего времени, и, если верить беспристрастным свидетельствам греческих писателей, не склонных переоценивать заслуги других народов, они обладали обширной и разнообразной информацией. Их цель была самой высокой из когда-либо задуманных человеческими амбициями; по сути, это было не что иное, как возведение интеллектуальной Вавилонской башни. Они посвятили труды целой жизни и всю силу своего интеллекта изучению сил природы и истинного характера всех сотворенных существ. К последним они относили как развоплощенных духов, так и тех, кто все еще связан с земными телами, рассматривая с мудростью и смелостью концепции, которые еще никогда не были превзойдены, оба класса как одно и то же вечное творение. Полученные таким образом знания они, кроме того, не собирались просто хранить в памяти или записывать в непривлекательных рукописях; они были людьми мира, а также философами, и искали практических результатов. Здесь языческий дух сиял безудержно; целью всех их беспокойных трудов была власть. Их амбиции были направлены на то, чтобы, опираясь на престиж своих знаний, управлять не только механическими силами природы, но и меньшими возможностями других сотворенных существ, и, наконец, самой Судьбой! Поистине возвышенная и благородная цель, если рассматривать ее, как и положено, с их точки зрения, как людей, обладающих всей мудростью земли, но еще не имеющих ни крупницы богооткровенной религии.

Лишь в более поздний период было проведено различие между белой и черной магией. Оно возникло из-за постепенно распространившегося в умах людей заблуждения, что такие необычные способности, основанные изначально только на необычных знаниях, не даются людям от природы, а могут быть получены только благодаря особой благосклонности высших существ, с которыми их обладатель должен вступить в опасный союз. Если это были благосклонные божества, то результаты, полученные с их помощью, назывались белой магией; если же это были боги дурной славы, то они наделяли силой для совершения подвигов черной магии, злодеяний и преступлений. Христианство, хотя и упразднило богов язычества, тем не менее сохранило веру в необыкновенные силы, даруемые сверхъестественными существами, и то же различие продолжало проводиться.

Благочестивые мужчины и женщины совершали чудеса с помощью ангелов и святых; нечестивые грешники делали то же самое, заключив нечестивый союз с лукавым. Египетский чародей из Апулея, заявлявший, что никакое чудо не является слишком сложным для его искусства, поскольку он пользуется слепой властью божеств, подчиняющихся его воле, выражал лишь то, что чувствует в наши дни лаццароне из Неаполя, когда хлещет святого связкой тростника, чтобы заставить его выполнить свою просьбу. Маги не изменили своей доктрины; они даже не изменили своих церемоний; их верность была лишь перенесена с Юпитера на Иегову, как та же колонна, на которой когда-то стоял великий Громовержец на Олимпе, теперь увенчана статуей Петра Боанергеса. Род магов также никогда полностью не угасал; мы находим достаточно упоминаний у классических авторов, чьи свидетельства неопровержимы, чтобы понять, что греки были искусными учеными

древних волхвов и передали полученные таким образом и долгое время ревностно охраняемые знания жрецам Египта, которые, в свою очередь, стали хозяевами двух самых могущественных наций на земле. Сначала Моисей сидел у их ног, пока в возрасте сорока лет не "научился всей мудрости египтян" и не смог успешно справляться с их "магами и чародеями". Затем страна Нила попала в руки римлян, и бедность и пренебрежение заставили мудрецов Египта искать убежища в столице мира, где они либо жили мелкими искусствами и хитроумными уловками своей ложной судьбы, либо, будучи обращенными в христианство, заражали чистую веру своими неприменимыми знаниями. Некоторые части истинной магии пережили все гонения и революции; некоторые драгоценные секреты были сохранены философами более поздних веков и - если верить заявлениям заслуживающих доверия писателей всех столетий - с тех пор остаются в распоряжении масонов и розикрусиан; другие смешались с мерзкими суевериями и нечестивыми практиками и существуют сейчас только в виде черного искусства так называемых магов и ведьм.

Там, где магия находила плодородную почву среди людей, она становилась наукой, передававшейся от отца к сыну, и такой мы находим ее до сих пор в Ост-Индии и на Востоке в целом; когда же она попадала в руки скептиков или слабых, слабоумных людей, она с удивительной быстротой вырождалась в самозванство и обычное жонглирование. Что очевидно в магии, так это тот факт, что ее церемонии, формы и все прочие аксессуары почти бесконечны в своем разнообразии, поскольку они являются лишь случайными проводниками человеческой воли, и настоящие маги прекрасно знают, что важность таких внешних вспомогательных средств не только преувеличена, но и совершенно ошибочна. Единственная цель сжигания духов, навязчивых церемоний и внушающих благоговение процедур - это помощь в создании двух условий, необходимых для всех магических явлений: маг должен быть возбужден до состояния, напоминающего психическое опьянение или настоящий транс, а пассивный субъект должен быть восприимчив к контролю высшего разума. Ибо не нужно добавлять, что последний тем охотнее поддается воздействию, чем слабее его воля и чем более несовершенно его умственное видение, может быть, от природы, а может быть, и в результате тренировок и тщательной подготовки. Поэтому магический стол дервиша, заколдованный барабан шамана, лекарственная сумка индейца используются для тех же целей, что и кольцо Гекаты, жезл прорицателя и волшебная палочка чародея. Легенда и амулет, мумия и восковая фигура, трава и камень, лекарство и эликсир, благоговение и мазь - все это лишь средства, которые использует сильная воля одаренного Мастера, чтобы повлиять на слабый разум и в конце концов подчинить его себе. Так, мощные духи, наркотические запахи и анестезирующие мази используются для того, чтобы вызвать у неопита состояние отвращения и часто фактическую и полную потерю самоконтроля; в других случаях неопит должен кружиться по магическому кругу с востока на запад, пока не станет головокружительным и совершенно обессиленным. Очень любопытно наблюдать, как в самых отдаленных странах и среди самых разных форм общества одни и те же средства используются для одной и той же цели: кружащийся танец фанатичного дервиша совершенно аналогичен дикому бешенству нашего индийского знахаря, который привязывает себя веревкой к столбу и затем кружится вокруг него в ярости. Так, древнейшие маги с глубоким благоговением рассказывают о силе маленькой травы, известной ботаникам как *Hypericum perforatum* L., и вот! В 1860 году выдающийся немецкий автор Юстинус Кернер все еще серьезно учил, что листья этого растения - лучшее средство для изгнания злых духов! Мандрагора и бузина занимали свое место в ложной вере народов с древнейших времен до наших дней, и даже сейчас немцы, а также рабы любят сажать последнюю повсюду на своих кладбищах, как наводящую на мысли о царстве духов!

Белая магия, хотя и строго запрещенная Церковью во все века, тем не менее, кажется, обладала непреодолимой притягательностью для мудрых и ученых людей всех стран. Этим очарованием она обязана многим элементам истины, которые смешаны с окончательным заблуждением; ведь она направлена на глубокое понимание тайн Природы - и пока ее цель законна и очень заманчива для высших умов, - но только для того, чтобы получить с помощью такого знания силу, которую Священное Писание прямо отрицает для человека. Когда она предписывает изучать природу как внешний храм Бога и представляет все части этого огромного здания, от центрального солнца вселенной до мельчайших живых существ, как связанные общей симпатией, против ее доктрин не может быть никаких возражений, и даже величайшие умы могут с полным правом записаться сюда в качестве ее учеников. Но когда она приписывает этой симпатии активную силу и приписывает тайным именам божества, определенным природным продуктам или механически регулируемым комбинациям звезд особый и сверхъестественный эффект, она опускается до презренного суеверия. Поэтому постоянная цель всей Белой магии - успешное вызывание высших духов с целью узнать от них то, что намеренно скрыто от разума человека, - так и не была достигнута. Ибо это грех, тот же самый грех, что и жажда вкушать от древа познания. Поэтому и занятия магией никогда не приносили пользы, хотя мудрые и ученые люди всех веков тратили свои жизни и рисковали спасением своих душ в беспокойных попытках приподнять завесу Изида.

Черная магия, кишуф евреев, открыто заявляет о своей цели - заключить союз со злыми духами для достижения корыстных целей, неизменно гибельных для других. И все же именно здесь мы встречаемся с большим количеством хорошо подтвержденных случаев успеха, которые исключают все сомнения и заставляют нас признать случайную эффективность таких греховных союзов. Естественно, что лучше всего это искусство процветает среди низших рас человечества, где грубое невежество сочетается со слепой верой, а отсутствие вдохновения оставляет разум в естественной темноте. Нас не может не поразить и тот факт, что средства, используемые для этих целей, были одинаковыми почти во все века. Читатели классических писателей знакомы с барабаном Кибелы - у лапландцев с незапамятных времен был такой же барабан, на котором яркими красками нарисованы небеса, ад и земля, а также воспроизведены в живописном виде буквы современного спиритуалиста. На туго натянутую кожу надевают кольцо, которое легкими ударами молотка заставляют вибрировать, и по хаотичным движениям кольца над разнообразными фигурами богов, людей и зверей узнают будущее. Дикарь-консультант лежит на коленях, и как маятник между нашими пальцами и карандаш Планше в нашей руке пишут, казалось бы, бессистемно, но на самом деле под давлением наших мышц, действующих через бессознательное влияние нашей воли, так и здесь удары молотка только кажутся случайными, но, на самом деле, направляются экстатическим владельцем. Уже Олаф Магнус ("Hist. Goth." L. 3, гл. 26) рассказывает, что непрекращающиеся удары барабана и дикое, ликующее пение мага в течение нескольких часов до начала самой церемонии приводят его в состояние экзальтации, без которого он был бы не в состоянии видеть будущее. То, что барабан - всего лишь случайность в церемонии, было поразительно доказано одним лапландцем, который отдал свой колдовской инструмент благочестивому миссионеру (Торнеусу), которого он обратил в веру, и который вскоре стал жаловаться, что даже без барабана он не может не видеть скрытые вещи - утверждение, которое он доказал, пересказав изумленному священнику все мельчайшие подробности своего недавнего путешествия. Кто, читая об этих диких магах, не вспомнит знакомое кольцо и барабанную палочку в левой руке римской Исиды-статуи с барабаном над головой или редко отсутствующие кольцо и молоток в руках египетской Исиды? Вряд ли стоит добавлять, что индейцы нашего континента практиковали это искусство с большим или меньшим успехом со дня открытия до наших дней. Уже Вафер в своем "Описании Дарьенского перешейка" (1699) описывает, как индийские колдуны после

тщательной подготовки смогли сообщить ему о ряде будущих событий, каждое из которых свершилось в последующие дни. Принц Ней-Вид снова встретился с известным знахарем среди индейцев племени креа, чьи пророчества охотно принимали даже белые, и чья сила была неопровержимым доказательством. Бондюэль, известный и в целом заслуживающий доверия писатель, утверждает, основываясь на личном опыте, что среди меномонеев знахари не только практикуют магию, но и способны добиваться самых поразительных результатов. После ударов в барабан Бондюэль обычно слышал тяжелое падение и слабый невнятный голос, после чего палатка заклинателя, хотя и высотой в пятнадцать футов, поднималась в воздух и наклонялась сначала на одну, а затем на другую сторону. Это было время беседы знахаря со злым духом. Использовались также маленькие кукольные фигурки мужчин, длиной едва ли в два дюйма, которые привязывали к мешочкам с лекарствами. Они служили главным образом для того, чтобы разжигать в женщинах любовную страсть, а когда были эффективны, то могли побудить бедняжек преследовать своих возлюбленных дни и ночи напролет по диким лесам. Другие миссионеры также утверждают, что эти знахари, должно быть, умели читать знаки и, возможно, заранее предчувствовать влияние погоды с удивительной точностью, поскольку они часто занимались добычей бурь для специальных целей, и никогда не терпели неудачу. Интересно отметить, что, по единодушному свидетельству всех авторов, пишущих об индейцах, этих знахарей почти всегда настигает насильственная и жалкая смерть.

Небезынтересно напомнить, что преобладающие в наши дни формы магии, в той мере, в какой они состоят из передвижения стола, вызывания духов и тому подобного, берут свое начало среди туземцев нашего континента. Самое раннее сообщение об этих странных представлениях появилось в большом журнале Аугсбурга в Германии (*Allgemeine Zeitung*), где Андри упоминал об их распространении среди западных индейцев. Далее Сарджент дал нам более подробное описание того, как многие вигвамы или бревенчатые хижины в Айове становились ареной поразительных откровений с помощью неуклюжего стола, который весело прыгал, или полупьяного краснокожего медиума, с губ которого срывались нелепые слова. (Spicer, "Lights and Sounds", p. 190.) Только в 1847 году знаменитое семейство Фоксов вывело эти явления на уровень цивилизации: сняв дом в Хайдвилле, штат Нью-Йорк, уже имевший дурную славу из-за таинственных звуков, они привели эти стуки в некую систему и, используя алфавит, получили важную информацию о том, что это работа "духа", и что его зовут Чарльз Рэй. Маргарет Фокс перевезла стуки в Рочестер; Кэтрин, которой было всего двенадцать лет, - в Оберн, и из этих двух центральных мест новая магия быстро распространилась по всему Союзу. Оппозиция и преследования, как это обычно бывает, только усилили интерес публики. Миссис Норман Калвер доказала, правда, что рэппинг можно легко вызвать определенными мускульными движениями колена и лодыжки, а комитет по расследованию, членом которого был Фенимор Купер, получил множество доказательств использования такого метода; но вера верующих не была поколеблена. Передвижение столов, в особенности, предоставило их уму новые доказательства реального присутствия духов, и вскоре почти во всех северных и западных штатах были созданы кружки, образованные людьми с образованием, не имеющими отношения к конфессии, которые называли себя спиритуалистами или спиритами, а их наиболее благосклонными единомышленниками - медиумы. Членами новой секты стали несколько человек, чей интеллект и откровенность были в равной степени безупречны, среди них судья, губернатор одного из штатов и профессор химии. Они организовали общества и кружки, издавали журналы и несколько интересных и ценных работ, результаты которых все больше и больше укрепляли их убеждения.

Новое искусство, естественно, встретило много возражений, особенно среди священнослужителей и прихожан различных церквей. Некоторые из противников смеялись над всем этим как над ловким жонглированием, которое заслужило большой успех благодаря "сообразительности" исполнителей; другие осуждали его как ересь и преступление; первые, конечно, не видели в нем ничего, кроме руки человека, а вторые признавали участие духов, но духов снизу, а не сверху. Забавная особенность общественного мнения по этому вопросу заключалась в том, что когда торговля была процветающей и денег было много, спиритизм также процветал и находил многочисленных приверженцев, но когда дела шли медленно или наступал кризис, все умы отворачивались от любимого занятия и инстинктивно вновь присоединялись к благочестивым верующим в обличии новой магии. Так постепенно возник своего рода антагонизм между ортодоксальными христианами и восторженными спиритуалистами; полемика ведется с большой энергией с обеих сторон, и, увы! на взгляд обычного наблюдателя, магия с каждым днем одерживает верх, по крайней мере ее приверженцы неуклонно растут в числе и даже в социальном весе". (Таттл, "Арена природы"). Не так давно Национальная конвенция спиритуалистов на своем большом собрании в Рочестере, штат Нью-Йорк (август 1868 года), изложила девятнадцать основополагающих принципов своего нового вероучения; их доктрины основаны на том, что мы постоянно окружены невидимым сонмом духов, которые хотят помочь нам вновь вернуться к отцу всего сущего, Великому Духу.

Современная магия встретила такое же противодействие в Европе. Французская академия, претендующая, как обычно, на верховную власть во всех вопросах науки, отказалась, тем не менее, решать этот вопрос. Араго, прочитавший официальный доклад перед августейшим органом, закончил его словами: "Я не верю ни единому слову!", но его коллеги вспомнили, вероятно, что их предшественники уже не раз и не два совершали тяжкие преступления. Разве не та же Академия выступала против хинина и прививок, против молниеотводов и паровых машин? Разве Реомюр не подавил "Эссе о кораллах" Пейсонеля, считая безумием поддерживать их животную природу; разве его ученые собратья не постановили в 1802 году, что метеоров не существует, хотя через некоторое время только в одном департаменте их упало две тысячи; и разве не они, совсем недавно, с презрением и единодушным осуждением встретили известие о пользе эфира в качестве анестетика? Возможно, они вспомнили утверждение доктора Хейра о том, что наше Общество распространения полезных знаний в 1855 году отказалось слушать доклад о спиритизме, предпочтя обсудить важный вопрос: "Почему петухи всегда кукарекают между полночью и часом ночи?". В любом случае, они выслушали доклад и промолчали. Точно так же Александр фон Гумбольдт отказался изучать этот вопрос. Однако такое безразличие не остановило рост спиритизма во Франции, а его последователи разделились на две партии: спиритуалистов под руководством Ривайля, который называл себя Алланом Кардеком, и спиритов под руководством Пьерара. Первый умер в 1869 году, успев за это время переиздать свою книгу *"Жизнь чувств"* пятнадцатью изданиями; чтобы закрепить свою миссию, он сразу после смерти послал свой дух, чтобы сообщить своим жаждущим ученикам, столпившимся вокруг мертвого тела своего лидера, о своих первых впечатлениях в мире духов. Если стиль - это человек (*le style c'est l'homme*), то никто не мог усомниться в том, что говорил именно его дух.

Пожалуй, самым авторитетным первосвященником этой ветви современной магии является известный Женевский профессор Рёссингер, врач с большой известностью и любимый всеми, кто его знает. Он, однако, является камнем преткновения для американских спиритуалистов, потому что всегда оставался твердо привязанным к своей религиозной вере и не признает подлинными никакие духовные откровения, которые не гармонируют с доктринами Христа и положениями Библии. К сожалению, это заставляет его верить, что его

любимый медиум, молодая женщина с мистическим именем Либна, говорит под прямым вдохновением самого Бога! В Англии новая магия имеет не только многочисленных, но и влиятельных приверженцев, таких как лорд Литтон и дарвинист Уоллес; газеты вроде *Star* и журналы вроде *Cornhill Magazine* поддерживают ее способностями, а такие имена, как Хоум в прежние годы и Ньютон в наши дни, которые не только раскрывают секреты, но и фактически исцеляют больных, придали новый престиж молодой науке. В работах Хоуитта и доктора Эшбернера, миссис Морган и миссис Кроссланд эта тема рассматривалась в различных аспектах, а в 1871 году известный химик Крукс исследовал феномены откровений Хоума с помощью аппарата, специально разработанного для этой цели. В результате он пришел к убеждению, что если они не духовные, то, по крайней мере, не производятся никакой силой, известной науке. - *Quart. Journ. of Science*, July, 1871.

В Германии новая магия была гораздо менее популярна, чем в других странах, но, в свою очередь, она была там наиболее тщательно исследована. Люди с большим авторитетом в науке и философии опубликовали обширные работы на эту тему, которые, однако, более примечательны своим рвением и промышленностью, чем остротой суждений. Герстер в Регенсбурге утверждал, что изобрел психографию, а Шапари в Париже и Конфельд в Берлине в то же время открыли любопытный инструмент, известный нам как планшет. Самой практической мерой, предпринятой в Германии для выяснения истины, было, вероятно, создание Общества изучения духов, которое впервые собралось в Дрездене в 1869 году и поставило своей целью получить представление о тех законах природы, которые, как сообщается, позволяют поддерживать прямой и постоянный контакт с миром духов. Здесь, как и во всей тенденции этого направления магии, мы видим действие не просто праздного любопытства, а того горячего стремления к знанию будущего и уверенности в личной вечности, которое живет в сердцах всех людей.

Феномены современной магии сначала были несовершенными ударами о стену, ножки стола или стула, сопровождаемыми движением столов; затем последовало спиритическое письмо с помощью психографа или простого карандаша, и наконец появились прямые "спиритические письма", рисунки медиумов, вместе с музыкальными и поэтическими вдохновениями, и все это достигло кульминации в спиритических фотографиях. Звон колоколов, танцы с поднятыми в воздух руками, поднятие всего тела человека и музыкальные представления без помощи человека лишь в некоторых случаях осуществлялись особо благосклонными людьми. Только два факта полностью установлены в связи со всеми этими явлениями: первый - что некоторые из них, по крайней мере, не производятся обычными силами природы; и второй - что исполнители обычно, а медиум всегда, находятся в более или менее полном состоянии транса. В этом состоянии они забывают о себе, полностью отдают свой разум в руки других людей - медиумов - и искренне верят, что видят и слышат то, что, по их словам, происходит в их присутствии. Отсюда также следует, что духи еще ни разу не раскрыли ни одного секрета и не сообщили нам ничего действительно нового. Их стиль неизменно совпадает с тем, в котором обычно говорят экстатики и сомнамбулы. Известный немецкий спиритуалист Хорнунг, чья вера была хорошо известна, однажды вместе с женой положил руки на свой планшет, а затем спросил, действительно ли существует мир духов? К полному изумлению всех присутствующих, психограф ответил "Нет!" и, когда его стали спрашивать снова и снова, стал беспокоить. Дело было в том, что жена фокусника не верила в духов, а поскольку ее воля была сильнее, то и ответ пришел из ее головы, а не из головы ее мужа. С другой стороны, нельзя отрицать, что медиумы - чаще всего нежные женщины с высокой нервной чувствительностью и почти всегда ведущие жизнь в постоянном и изнурительном возбуждении - в таких случаях доходят до степени, напоминающей сомнамбулизм, и действительно могут иногда, в состоянии ясновидения, видеть то, что

скрыто для других. Именно они "витализируются", как они это называют, а не стол для стука или планшет для письма, и отсюда возникает необходимость в медиуме для всех подобных коммуникаций. О том, что в этих явлениях не действуют духи, вряд ли стоит говорить; даже самые ярые и восторженные приверженцы новой магии не могут отрицать, что никакого оригинального откровения о мире духов еще не было сделано, а все, что рассказывается, является лишь отголоском более или менее привычных представлений людей. Гораздо интереснее вместе с Коулманом обратить внимание на электрическое и гигроскопическое состояние атмосферы, которое, очевидно, имеет большое отношение к подобным явлениям. Видения рук, кистей и голов, которые движутся в воздухе и иногда даже ощущаются, являются либо простыми галлюцинациями, либо реальными объективными явлениями, обусловленными особым состоянием воздуха и благоприятно интерпретируемыми предрасположенным разумом. Следовательно, и наш континент, благодаря своей повышенной сухости атмосферы, гораздо более благоприятен для развития подобных явлений, чем европейский.

Спиритуалисты Старого и Нового Света надеются, что новая магия породит новую универсальную религию и лучший социальный порядок. Однако в этом деле пока не удалось добиться существенного успеха. Посторонние ожидали, что, по крайней мере, общение с духами умерших может быть обеспечено, и таким образом бессмертие человека может быть практически продемонстрировано. Но и это пока не удалось. Что же мы можем узнать из современной магии? Только то, что в природе, очевидно, существуют силы, с характером и точными намерениями которых мы еще не знакомы, и которые, тем не менее, заслуживают изучения и тщательного анализа. Современная магия демонстрирует определенные явления в человеке, которые не подчиняются известным законам природы, и тем самым доказывает, что человек обладает определенными силами, которые он не может или не умеет использовать в обычной жизни. Если эти силы проявляются в результате специальной подготовки или исключительного состояния ума, они сравнительно бесполезны, потому что в таких случаях они являются лишь результатом физического или психического заболевания, и мы можем надеяться получить пользу только от сил, используемых здравомыслящими людьми. Но когда эти способности проявляются спонтанно, очевидно, в результате особого дара, они заслуживают тщательного изучения и уважения, причитающегося новой и неизвестной отрасли знаний.

Нельзя также упускать из виду, что, хотя современная магия как наука является новой, большинство явлений, на которых она основана, были хорошо известны древнейшим народам. Китайцы, которые, кажется, обладали всеми знаниями человечества за много веков до того, как они могли пригодиться им самим или другим людям, и потеряли их, как только возникла потребность в них, много веков назад имели не только движущиеся столы, но даже пишушие духи. Современный планшет представляет собой небольшую доску, которую пускают по воде ножками вверх; они опираются на нее руками и наблюдают за ее колебаниями в воде. Или же они держат небольшую корзинку с прикрепленной к одному концу кисточкой из верблюжьей шерсти, подвешенную над столом, на котором рассыпан слой муки; кисточка начинает двигаться по муке и рисовать на ней символы, которые они интерпретируют в соответствии со своим алфавитом. Жрецы Будды в Монголии также давно используют движущиеся столы, и не без пользы, обычно для обнаружения воров. Лама, к которому обращаются с этой целью, садится перед небольшим столиком на четырех ножках, на который он опирается руками, читая при этом книгу посвящения. Спустя, возможно, полчаса он встает, и когда он делает это, держа руку на столе, стол также поднимается и

следует за его рукой, которую он поднимает до тех пор, пока рука и стол не окажутся на одном уровне с его глазами. Тогда священник идет вперед, стол следует за ним и вскоре начинает двигаться с такой скоростью, что кажется, будто он летит по воздуху, и лама едва успевает за ним. Иногда он падает на то самое место, где спрятаны украденные вещи; в других случаях он лишь указывает направление, в котором их следует искать; нередко он вообще отказывается двигаться, и тогда священник бросает это дело как безнадежное. (Nord. Bienen, 27 апреля 1853 г.) Здесь также очевидно, что стол не является управляющим агентом, а волей ламы, которому он подчиняется с помощью одной из тех таинственных сил, которые мы называем магией. Это та же сила, которая действует в жезле для гадания, маятнике и других подобных явлениях.

Название "медиум" - американское изобретение, основанное на предположении, что лишь несколько благосклонных людей способны вступать в непосредственное общение с духами, которые затем могут передавать полученные откровения другим. Как правило, это дети и молодые люди, но и среди взрослых мужчин некоторые конституции, по-видимому, лучше приспособлены для таких целей, чем другие. Почти во всех случаях было замечено, что электрическое состояние медиума является характеристикой наибольшей важности; чем больше электричества он имеет, тем лучше он способен производить магические явления, и когда его запас исчерпывается в результате длительного сеанса, его сила также прекращается. Отсюда, возможно, и особая квалификация детей; с другой стороны, тот факт, что они нередко способны отвечать на вопросы на языках, которых не знают, доказывает, что они и сами не дают ответа, а лишь получают его от вопрошающего и излагают в том виде, в каком он существует в сознании последнего. Отсюда же вытекает полная нелепость так называемых духовных картин и, что еще хуже, поэтических излияний вроде "Лирики золотого века" мистера Харриса в одиннадцать тысяч четырехстах тридцати жалких стихах. Ибо то, чего "круг" не знает ни индивидуально, ни коллективно, медиум также не в состоянии произвести. Эта истина становится еще более очевидной благодаря последним явлениям, развитым в спиритуалистических кругах, - так называемому трансу, который можно иногда услышать в нью-йоркских кругах и который не требует вмешательства медиума. Ибо и здесь нас поражает полное отсутствие пользы во всех этих откровениях; вдохновленные верующие говорят, читают стихи, но это остается буквально *vox et praeterea nihil*, и мы с силой вспоминаем слова Эсхила, который уже сказал в своем "Агамемноне" (т. 1127),

"Разве когда-нибудь провидцы доставляли удовольствие?

Долго упражнялись в искусстве все провидцы, которых

Когда-либо вдохновленные богами, открывали

Лишь ужасы и жалкую судьбу".

Среди представителей СМИ нашего времени Хоум, естественно, занимает *первое место*. Шотландец по происхождению, он утверждает, что его мать уже обладала даром второго зрения и что в их доме под Эдинбургом подобные случаи были частыми среди соседей. В возрасте трех лет он увидел смерть двоюродной сестры, жившей в далеком городе, и назвал имена людей, стоявших вокруг ее кушетки; он постоянно по-детски разговаривал с духами и слышал небесную музыку; его колыбель качали невидимые руки, а игрушки сами приходили к нему в руки. В десять лет его отвезли к тетке в Америку, и не успели его поселить в доме, как стулья и столы, кровати и утварь начали перемещаться в диком беспорядке, пока испуганная дама не прогнала несчастного мальчика. Присутствуя однажды на демонстрации передвижения стола, он впал в припадок и внезапно стал каталептиком; во время пароксизма он слышал призыв, затем духи объявили о крушении двух моряков, стол начал

раскачиваться, как в шторм, свист ветра сквозь снасти, скрип судна и тупой, тяжелый стук волн о его нос - все это было отчетливо слышно, и наконец стол был расстроен, а духи объявили имя и возраст погибших моряков. С того дня Хоум тщательно культивировал свои странные дары и развил в себе, как он считал, несомненный талант к чтению будущего. Молодым человеком он вернулся в Европу и вскоре стал знаменитым. Флоренция на некоторое время стала главной ареной его успехов; здесь он не только вызывал духов усопших, но и поднимался невидимыми силами с земли и некоторое время парил над головами посетителей. Суеверные итальянцы вконец разволновались и пригрозили ему смертью, от которой его, рискуя жизнью, спас граф Браничи. В Неаполе духи внезапно объявили о своем намерении покинуть его 10 февраля 1856 года и отсутствовать целый год; они так и сделали, и в течение этого времени Хоум наслаждался здоровьем лучше, чем когда-либо в своей жизни! В Риме он стал католиком, и сам добрый Пио Ноно предложил ему поцеловать свое распятие со словами: "Это единственная настоящая волшебная палочка!" К сожалению, Хоум не всегда придерживался такой точки зрения; по крайней мере, в 1864 году в том же городе он вступил в конфликт с папской полицией, которая приказала ему прекратить все сношения "как с высшими, так и с низшими духами", и в конце концов вынудила его покинуть Вечный город. Тогда он публично заявил то, чего, не следует забывать, он последовательно придерживался с самого начала своей удивительной карьеры, - что он был невольным агентом высших сил, которые воздействовали на него в неурочное время, независимо от его воли и часто вопреки его самым дорогим желаниям. Следует добавить, что он дал самое убедительное доказательство своей искренности, никогда не принимая от публики денежного вознаграждения за проявление особых способностей.

Внешность его привлекательна; он среднего роста, светловолосый и светло-русый, стройной фигуры; прост и воспитан в манерах, безупречен нравом. Высшие круги общества всегда были открыты для него, а брак с дочерью русского генерала Стrolла обеспечил ему богатство и выгодное положение в мире. Как и предсказывали духи, они вернулись 10 февраля 1857 года и заявили о себе повторными легкими стуками - то есть вернулась прежняя нервная болезнь Хоума, а вместе с ней и его исключительные способности. Тогда он оказался в Париже и вскоре привлек внимание справедливой, но суеверной императрицы, чью благосклонность он быстро снискал откровением об "Императоре будущего", как духи имели галантность называть ее младенца-сына. Наполеон также начал проявлять интерес к умному, талантливому человеку, чьи особые дарования не мешали ему быть уступчивым придворным и хитрым наблюдателем. В благодарность за доброту, с которой Евгения обеспечила образование его сестры, он проявил все свои способности в Тюильри и раскрыл императору секреты, которые умело выводил на спиритических сеансах у государственных деятелей и генералов. В доме принца Мюрата он совершил, пожалуй, самый удивительный из всех своих подвигов: спокойно сидя в кресле, он заставил столы кружиться, часы в двух комнатах стоять на месте или идти по своему желанию, все колокола в доме звонить вместе или по отдельности, а носовые платки неудержимо вырываться из рук и карманов нескольких человек, в том числе и императора. Затем пол словно просел, все двери в доме захлопнулись и снова открылись, газовые фонари потухли, а когда они так же внезапно вспыхнули вновь, Хоум исчез, не попрощавшись. Гости покинули дом молча и в состоянии сильного и болезненного волнения. На другой выставке в доме принца Наполеона известный жонглер присутствовал по приглашению, чтобы посмотреть на Хоума, но вскоре он заявил, что в увиденном нет никакого жонглирования, подобного тому, которое он знает, и встреча, во время которой были продемонстрированы самые поразительные явления, закончилась тем, что Хоум впал в состояние страшного оцепенения. Пожалуй, ничто не может яснее сказать о глубоком интересе, который испытывали к современному магу высшие чины страны, чем тот

факт, что в Тюильри не раз проводились частные сеансы, на которых, кроме него самого, императора и императрицы, разрешалось присутствовать только одному человеку, герцогу Монте bello. Говорят, хотя и не сам Хоум, что на одной из таких встреч была четко предсказана печальная судьба империи и даже установлено время смерти императора. Одно из достижений современной магии, в котором Хоум уникален, - это поднятие его тела в воздух; ни один другой человек до сих пор даже не пытался совершить подобный подвиг. Он поднимается в горизонтальное положение, иногда лишь на небольшое расстояние от пола, но нередко и почти до потолка; однажды в Бордо он оставался таким образом подвешенным на виду у нескольких человек в течение пяти минут. Еще одна его особенность - удлинение тела. Согласно заявлению, заслуживающему полного доверия ("Human Nature", Dec. 1868), он может, находясь в состоянии транса, прибавить четыре дюйма к своему росту! Наконец, его неоднократно видели выходящим по воздуху из одного окна комнаты, в которой находились его посетители, и возвращающимся через другое окно, и это представление почти всегда заканчивалось полным истощением и явной болезнью фокусника.

Сам Хоум утверждает, что не совершает никаких чудес и не способен заставить законы природы приостановиться на мгновение, но одарен исключительной способностью использовать способности, которыми он обладает в равной степени со всеми своими собратьями. В нем они активны; в подавляющем большинстве людей они дремлют, потому что человек больше не осознает полного и абсолютного контроля над природой, которым его наделил Творец. Он добавляет, что только вера, без помощи духов, позволяет ему вызывать таинственные огни или тяжелые предметы мебели, перемещающиеся по воздуху, а также производить странные звуки и вызывать особые видения в сознании своих друзей. С другой стороны, когда он поднимается в воздух или получает возможность читать будущее, а также открывать, что делают в данный момент отсутствующие люди, он утверждает, что действует как безвольное орудие духов, не имея ни силы вызвать свою способность совершать эти подвиги, ни возможности отбросить ее по своему желанию. Иногда он признается, что осознает электрический ток, который он способен производить в определенное время и в определенном состоянии духа; эта эманация защищает его тело от воздействий, смертельных для других, и позволяет ему, например, держать в руке живые угли и совать всю голову в огонь дымохода. Это "определенное состояние ума", как он его называет, является просто состоянием транса. Отсюда и крайне непостоянный характер его выступлений, и его нежелание выступать в качестве фокусника по просьбе других. Сам он также не всегда уверен в своем состоянии; так, зимой 1870 года, когда он хотел продемонстрировать некоторые из простейших феноменов в присутствии нескольких ученых в Санкт-Петербурге, он потерпел такую полную неудачу во всех попытках, что комиссия объявила его фактически, хотя и не в терминах, самозванцем. То же самое произошло с ним на первом экзамене, который проводил мистер Крукс, известный профессор химии, в компании с господами Коксом и Хаггинсом; они, однако, не отказались от своей цели, и на следующей встрече, когда некоторые антипатичные зрители уже не присутствовали, Хоум продемонстрировал самые замечательные явления. Комитет пришел к выводу, что он мог совершать эти подвиги с помощью новой "психической силы", которую ученым было крайне важно тщательно исследовать.

Число мужчин и женщин, обладающих подобными способностями, хотя обычно и в меньшей степени, очень велико, особенно в Соединенных Штатах. Только одна черта является общей для всех них - состояние транса, в котором они способны производить столь поразительные явления, во всех остальных отношениях они сильно различаются, как по характеру своих выступлений, так и по степени их достоверности. Ведь с самого первого появления медиумов в спиритуалистических кругах, фактически, вероятно, уже на выставках семьи Фокс,

заблуждение и преднамеренный обман смешивались с настоящей магией. Столы передвигались с помощью ловких приемов; изнасилования духов производились хитроумными усилиями мышц и сухожилий; чрево вещатели использовали свое искусство, чтобы вызвать необычные звуки в воздухе, а знаменитые призраки Пеппера показали, с какой легкостью можно обмануть глаз и взять в плен другие органы чувств. Самым успешным обманом занимались так называемые братья Дэвенпорт, чьи знаменитые выставки вызывали всеобщий интерес, пока сохранялось впечатление, что это работа невидимых духов, но они стали еще более популярными и привлекательными, когда была обнаружена их истинная природа, благодаря изысканному мастерству, с которым исполнялись эти жонглерские трюки.

Мастера физической науки убедительно доказали, что передвижение стола - это простое механическое искусство. Фарадей и Бабине уже обращали внимание на то, что самые мелкие мышцы человеческого тела могут производить большие эффекты, если их разумно использовать, и приводили в пример так называемую "электрическую девушку", выставленную в Париже, которая одной лишь мускульной силой отбросила стул, на котором сидела, на большое расстояние. Этот же подвиг, как известно, неоднократно совершали и другие люди. Подобные мускульные усилия совершаются - несомненно, часто совершенно бессознательно - людьми, чья воля действует энергично, а когда несколько человек сотрудничают, сила вибраций, производимых в своеобразном ритмическом такте, становится поистине поразительной. Достаточно вспомнить, что качение тяжело нагруженной телеги по улицам может сотрясти огромное, хорошо построенное здание от крыши до подвала, и что регулярный топот отряда мужчин не раз приводил к тому, что подвесные мосты, обладающие большой и проверенной прочностью, ломались и погребали под своими обломками сотни людей. Так, несколько детей и хрупких женщин в одиночку могут в течение часа упорной работы и безраздельного внимания передвигать столы такого веса, что несколько сильных мужчин могут поднять их лишь с трудом. Единственная действительно новая сила, которая когда-либо появлялась в этой ветви современной магии, - это Ода барона Рейхенбаха; ее присутствие и эффективность невозможно отрицать, хотя способ ее действия до сих пор остается загадкой. Летом 1861 года немецкий барон оказался в компании застольщиков в доме лорда Уильяма Коупера, зятя лорда Пальмерстона. Чтобы доказать свою веру, он пролез под тяжелым обеденным столом, опираясь всем весом на одну из трех массивных ножек и крепко ухватившись руками за две другие. Дерево начало издавать низкие электрические звуки, затем появились более громкие, как при трескании мебели в сухую погоду, и наконец стол начал двигаться. Рейхенбах сделал все возможное, чтобы предотвратить движение, но стол рванул по комнате, увлекая за собой неудачливого барона, к большому удовольствию всех присутствующих. Немецкий ученый утверждает, что эта сила, которой обладают лишь привилегированные люди, обладающие особой чувствительностью, исходит из кончиков пальцев, светится в темноте и действует как рычаг на все препятствия, возникающие на ее пути. Поскольку существование Оды установлено вне всяких сомнений, а его эффекты признаются всеми, кто изучал этот предмет, мы вынуждены рассматривать его по крайней мере как один из таинственных элементов современной магии.

Насколько нам известно, Ода - это магнетическая сила; ведь как только определенные люди оказываются намагниченными, они начинают испытывать особые ощущения, тепло или холод, головную или другую боль, и, если есть предрасположенность, поразительное увеличение силы во всех своих чувствах. Они видят всевозможные огни, могут различать даже мельчайшие предметы в темной комнате и наблюдать красивое белое пламя на полюсах магнитов. Рейхенбах получил, как он полагал, два замечательных результата из этих

первых явлений. Он пришел к выводу, что полярные сияния, *auroa boreales* и т.д. идентичны магнитному излучению Земли, и обнаружил, что чувствительные, болезненные люди, которые особенно восприимчивы к магнитным влияниям, должны лежать головой на север, а ногами на юг, чтобы получить освежающий сон. Следующим шагом была попытка отождествить Од с животным магнетизмом; Рейхенбах обнаружил, что каталептические пациенты, которые воспринимали присутствие магнитов с изысканной точностью и следовали за ними, как зачарованные, подвергались одинаковому воздействию как его собственных рук, так и рук других совершенно здоровых, но сильно магнетических людей. Он мог притягивать таких несчастных своими вытянутыми пальцами и заставлять их следовать за ним в бессознательном состоянии, куда бы он их ни вел. Согласно его теории, две стороны человека имеют противоположную электрическую природу, и магнитный ток непрерывно проходит от одной стороны к другой; чувствительные люди, хотя и ослепленные, прекрасно знают, с какой стороны они приближаются к другим.

Постепенно барон Рейхенбах расширял круг своих экспериментов, привлекая для этой цели, помимо собственной дочери, еще и госпожу Новотны, печально страдавшую от каталептических приступов. Она смогла различить по ощущениям, которые вызывала вся ее система, более шестисот химических веществ и под его руководством расположила их в соответствии с их электрохимической силой. Другая больная, госпожа Майс, ощущала прохладный ветер, когда к ней подносили определенные вещества. В результате этих и подобных усилий, в которых барону помогали многочисленные друзья, он установил, что в природе существует сила, которая проходит через все вещества, включая человеческое тело, и присуща всему материальному миру. Эту силу он назвал Од. Подобно электричеству и магнетизму, Од является полярной силой, и здесь также противоположные полюса притягиваются, а подобные полюса отталкиваются друг от друга. Вся эта тема, хотя и находится пока только в зачаточном состоянии, заслуживает тщательного изучения и всестороннего исследования.

Проявления так называемых духов, естественно, привлекают большое внимание и вызывают самые ожесточенные нападки. В Англии, особенно в Англии, ученый мир на одной стороне, а спиритуалисты - на другой; и они не стесняются говорить друг о друге очень горькие вещи. Газета "*Saturday Review*", скорее жестко, чем вежливо, отзывается об американских спиритуалистах следующим образом: "Если это мир духов, если это духовный разум, и если все, на что способны духи, - это кружиться в темных комнатах, щипать людей за ноги под столом, играть "Home, Sweet Home" на аккордеоне, целовать людей в темноте, рисовать детские картинки и писать такие сентиментальные пошлости, какие копирует мистер Коулман. Коулман копирует под их диктовку - гораздо лучше быть респектабельной свиньей и смириться с уничтожением, чем быть проклятым такой смертностью, как эта". На что *Spiritual Magazine* (январь, 1862) без колебаний отвечает. "Некоторое время мы не будем есть бекон на завтрак, опасаясь получить кусочек от редактора "*Субботнего обозрения*" в его самозабвенном соответствующем метемпсихозе". Следует, однако, иметь в виду, что спиритуалисты повсеместно апеллируют к собственному разуму как высшему трибуналу, перед которым могут решаться подобные вопросы, и к законам природы, поскольку, как они говорят, они тождественны законам практического разума. Они не верят, как тело, ни в ангелов, ни в демонов. Их духи - это просто очищенные души усопших людей. Протестантские богословы, не признающие чистилища, видят в этих выставках не что иное, как деяния сатаны. С другой стороны, католические богословы и протестантские мистики, которые, подобно немцу Шуберту, верят в существование того, что они любопытно называют "более мирным inferнальным духом", приписывают их действиям злых духов. Однако в подавляющем большинстве случаев духи оказываются ничем иным, как продуктом

деятельности медиумов. Последние, неизменно либо больные от природы, либо перевозбужденные по случаю, верят, что видят и слышат проявления во внешнем мире, которые на самом деле существуют только в их собственном сознании. Католического медиума, таким образом, посещают духи из рая и ада, в то время как протестантский медиум никогда не встречается с душами из чистилища. О будущем состоянии человека никогда не было открыто ничего, что не было бы уже известно на земле. Наиболее забавны ревности великих духов, Соломона и Сократа, Моисея и Платона, когда медиумы ревнуют друг к другу! Один несколько сатирический писатель объясняет даже тот факт, что духи так часто противоречат друг другу и говорят гадости о священных предметах, внутренней злобой носителей, которая обнаруживается в таких случаях, в то время как в обычной жизни они тщательно скрывают ее! Если эти духи действительно являются порождениями внутренней магической жизни, о которой мы только учимся узнавать первые элементарные признаки, то скрытые в нас силы вполне могут ужаснуть нас, когда они появляются на таких выставках, и мы не будем удивляться тому, как многие простые смертные предстают здесь в образе поэта или пророка, если не в образе злого демона. Не следует также забывать, что наша память хранит огромные сокровища знаний, о которых мы совершенно не подозреваем, пока при определенных обстоятельствах тот или иной факт внезапно не всплывает перед нашим мысленным взором. Сам факт, что мы можем, приложив большие усилия и постоянно обращаясь к памяти, вспомнить наконец то, что, казалось бы, было совершенно забыто, доказывает наличие таких знаний. Состояние сильного возбуждения, лихорадки или транса особенно благоприятно для извлечения таких скрытых сокровищ, и можно не сомневаться, что многие медиумы искренне верят в получение нового откровения, когда к их сознанию возвращаются лишь старые, давно забытые факты. В целом, однако, повторяем, в духе нет ничего такого, чего не было бы в медиуме. Американский спиритуалист вызывает только своих соотечественников, изредка - всемирно известных героев, таких как Наполеон или Сезар, Шекспир или Шиллер, в то время как космополитичного немца посещают люди из всех стран. Наконец, следует помнить, что, согласно старой пословице, мы всегда готовы поверить в то, что хотим увидеть или услышать, и отсюда удивительное легкое верие большинства спиритуалистов. Даже скептики не свободны от влияния этой тенденции. Когда доктор Белл, выдающийся врач из Сомервилля, штат Массачусетс, много лет назад исследовал эти явления современной магии, он сразу же заметил, что духи никогда не давали информации, которой не владел тот или иной присутствующий. Лишь в нескольких случаях он со свойственной ему откровенностью и сразу же, на самой встрече, признал, что был получен правдивый ответ. Но когда после возвращения домой он проанализировал эти несколько исключительных откровений, то обнаружил, что ошибался и что эти ответы были такими же иллюзорными, как и все остальные.

Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что современная магия, в той мере, в какой она состоит из передвижения столов и вызывания духов с их обычным сопровождением, не является ни исключительно работой механического жонглирования, ни, с другой стороны, результатом откровений, сделанных духами. Однако в массе накопленных свидетельств после их тщательного просеивания остается множество фактов, которые невозможно объяснить обычным ходом природы. Сила, порождающая эти явления, должна быть отнесена к другим хорошо известным способностям, дарованным человеку в исключительных обстоятельствах, таким как безопасность сомнамбул в опасных местах; исцеления, совершаемые верой, и странные представления, совершаемые больными, страдающими каталепсией и подобными заболеваниями. Если люди под влиянием месмеризма, в состоянии экстатической горячки или под давлением сильного и длительного возбуждения проявляют способности, которыми человек не обладает от природы, то современная магия также вполне может быть признана одним из средств, с помощью

которых такие необычные и пока еще неизученные силы выходят на свет. Все, что можно обоснованно требовать от тех, кто так настойчиво бросает вызов нашему восхищению и требует нашего уважения к новой науке, - это доказать, что она полезна для человека, а таких доказательств пока не существует.

В Мексике подготовка к магическим действиям, похоже, заключалась в прямом опьянении; по крайней мере, мы узнаем от Акосты в его "*Hist. nat. y moral de los Indias*" (lv.), что жрецы перед жертвоприношением вдыхали сильные духи, натирали себя мазями из ядовитых животных, табака и конопляного семени, а в конце пили чику, смешанную с различными наркотиками. Таким образом они достигали состояния экзальтации, в котором не только хладнокровно убивали множество людей и теряли всякий страх перед дикими зверями, но и могли предсказывать происходящее на большом расстоянии и даже будущие события. Подобные практики мы находим и ближе к дому. У индейцев с острова Марта-Винъярд до их обращения в христианство были свои искусные маги, которые вступали в союз со злыми духами и, как лапы, обнаруживали украденные вещи, ранили людей на расстоянии и ясно предсказывали приход белых. Благочестивый Брейнерт приводит подробные рассказы о некоторых обращенных делаварах, которые после крещения почувствовали, что злой дух покинул их, и утратили способность к магии. Один из них, великий и злой маг, горько сожалел о своем прежнем состоянии, когда он был рабом лукавого, и стал, по словам доброго миссионера: "смирненным, благочестивым, сердечным и любящим христианином". Труднее объяснить магию так называемого архиепископа Бейселя, главы братства в Эфрате (Пенсильвания), который, по словам современных авторитетов, "до такой степени угнетал своей магией отца и управителя монастыря Эккерлинга, что тот покинул своих братьев и укрылся в лесной хижине отшельника! Духи усопших братьев и сестер по велению епископа возвращались в трапезную; они вкушали хлеб и мясо и даже беседовали со своими преемниками. Нет никаких сомнений в том, что Бейссель, обильно и исключительно одаренный, обладал способностью вводить своих несчастных подчиненных, и без того изнуренных всевозможными аскезами, в состояние экстаза, в котором они искренне верили, что видят этих духов и подвергаются магическому воздействию. О том, что подобная сила отнюдь не полностью покинула наш континент, можно судить по зверствам, совершаемым по приказу негритянских Обее, о которых имеются хорошо подтвержденные записи во Флориде и Луизиане, а также на Кубе.

Индогерманская раса знала и практиковала черную магию с незапамятных времен, и уже в "Вендидаде" она объясняется как действие, которое Ахриман, злой дух, совершал, когда его омрачала смерть. В Египте она процветала на протяжении многих веков и никогда не исчезала полностью. Яннес и Ямбрес, возглавлявшие жрецов в их противостоянии Моисею (2. Тим. iii. 8), имеют своих преемников в наши дни, и те самые чудеса, которые совершали эти древние заклинатели, вновь и вновь становятся свидетелями современных путешественников. Священное писание изобилует примерами всех видов магии; в нем говорится об астрологии, пророчествах по стрелам, по внутренностям животных и по снам; но, как ни странно, очарование змей и сглаз не упоминаются, если не считать Валаама. Каббала же, напротив, не раз говорит о дурном глазе (айн хара), и все южные народы Европы, а также славянские расы, боятся его странной силы.

Глаз, однако, используется отнюдь не только для того, чтобы творить зло; наряду со злым оком у итальянцев есть и другой дар, называемый *attrativa*, который позволяет человеку, по видимому, только силой своего взгляда, привлекать к себе всех, кого он пожелает. Известный святой Филиппо Нери не только покорял всех, кого хотел привлечь, взглядом, но даже собаки оставляли своих любимых хозяев и следовали за ним повсюду. Коттон Мазер в

своей "Магнолии" рассказывает, что квакеры часто только взглядом - хотя нередко и помазанием или дыханием на них - заставляли других людей сопровождать их, присоединяться к их общению и быть во всем послушными их велениям. Том Кейс, сам квакер, несомненно, обладал способностью ошеломлять тех, на кого он пристально смотрел в течение некоторого времени, до такой степени, что они падали, словно пораженные эпилепсией; однажды, по крайней мере, он силой своего взгляда обратил даже бешеного быка, пока тот не подошел к нему покорно и не лизнул ему руку, как домашняя собака. Даже в наш век Гете признает способность некоторых людей притягивать других силой своей воли и упоминает случай, когда он сам, страстно желая увидеть свою возлюбленную, заставил ее бессознательно подойти и встретить его на полпути. (Eckermann, iii. 201.)

Бесполезно клеймить столь глубоко укоренившуюся и столь универсальную веру как простое суеверие. Среди массы заблуждений, которые в течение веков накапливались вокруг этого вероучения, не следует упускать из виду маленькое зернышко истины - неоспоримую способность человеческого разума действовать через глаз.

То же самое касается и магии, известной как таковой двум великим народам древности. Если греки видели в Платоне сына Аполлона, пришедшего к его матери Периктионе в облике змеи, а в Александре Македонском - сына Юпитера Аммона, они, вероятно, намеревались просто сделать своим соотечественникам тот же комплимент, который современные народы передают, называя своих правителей королями и кайзерами "по милости Божьей". Но постоянство, с которым высшие существа приходили к рожденному на земле человеку в облике благосклонных животных, - не просто случайность. Сыны Божьи приходили к дочерям человеческим, хотя не сказано, в каком виде они появлялись, и предположение, что это были "гиганты на земле", упоминаемые в Священном писании, не подтверждается; но точно так же, как боги приходили с Олимпа в виде быков и баранов, так и злые духи Средневековья появлялись в виде баранов и кошек. В этой связи можно привести любопытный пример смешения правды и лжи. Известно, что южные итальянцы считают Вергилия одним из величайших магов, когда-либо живших на земле, и приписывают его могиле сверхъестественную силу даже сейчас. Сам поэт, конечно, не имел никакого отношения к магии, но его репутация мага возникла благодаря тому, что, наряду с Библией, его стихи в ранний период стали излюбленным средством для предсказания будущего. *Sortes Virgilianæ*, строки, которые при случайном открытии тома впервые бросались в глаза, были главной особенностью искусства, известного как стихомания.

История величайшего мага, упомянутого в Новом Завете, была тщательно изучена, и основные черты, по крайней мере, хорошо установлены. Симон Магус был магом в том смысле, в котором древние использовали этот термин; но он, очевидно, обладал, кроме того, всеми силами, на которые претендуют лучшие спиритуалисты, такие как Хоум в наши дни. Уроженец Гиттона, небольшой деревни в Самарии, он рано проявил превосходные интеллектуальные способности, сопровождавшиеся почти чудесным контролем над умами других людей. С помощью первого он создал возвышенную гностическую систему, которая, однако, рассыпалась на части, как только вступила в контакт с вдохновенной системой христианства. Его влияние на других привело к тому, что он, в высокомерии, присущем естественному человеку, стал считать себя великой божественной силой, которая предстает в различных формах как Отец, Сын и Дух. Он утверждал, что может делать себя невидимым и беспрепятственно проходить сквозь твердые субстанции - точно так же, как это делали в более поздние века святой Доминик и другие святые (Goerres. *Mystic*, ii. 576) - связывать и развязывать других, а также себя по желанию; открывать двери тюрем и заставлять деревья расти из голой земли. Прежде чем полностью отвергнуть его притязания как ложь и трюки,

мы должны принять во внимание два факта: во-первых, что современные жонглеры в Индии выполняют эти самые трюки до сих пор необъяснимым образом, и, во-вторых, что он, по всей вероятности, обладал лишь способностью возбуждать других людей до состояния экзальтации, в котором они искренне верили, что видят все эти вещи. В любом случае, его магические деяния были идентичны чудесам более поздних святых, и как те воздвигнуты в святилищах и статуях в Риме, так и Вечный город воздвиг Симону Магусу статую и провозгласил его богом во времена Клавдия! Другим знаменитым магом того же рода был Седехий (Goerres. Mystic, iv. ii. 71), живший во времена Сен-Луи, который однажды, чтобы убедить скептиков своего времени в реальном существовании духов, как это допускает Каббала, приказал им явиться в человеческом облике перед глазами монарха. Мгновенно вся равнина вокруг королевского шатра ожила огромной армией; длинные ряды ярко раскрашенных палаток усеяли низины, а на склонах вокруг расположились бесчисленные войска; в воздухе появились конные эскадроны, совершавшие чудесные эволюции. Вероятно, это был первый случай появления тех воздушных воинств, которые с тех пор часто встречаются в разных странах.

Христианская эпоха придала магическим явлениям новый и специфический характер; то, что было чудом в апостольские времена, осталось в глазах народа чудом и по сей день, когда его совершали святые церкви, стало преступлением и мерзостью, когда его авторами были миряне, и все же оба вида не отличались ни одной чертой. Самым замечательным представителем этой двойственной природы сверхъестественных представлений является, несомненно, доктор Фауст, которого великий и благочестивый Меланхтон, по его словам, хорошо знал как уроженца маленькой деревушки Книттлинген, расположенной недалеко от его собственного места рождения, и как человека беспутных привычек, которого дьявол увлек за собой лично. Его девиз, который был обнаружен под его портретом (Hauber's "Bibl. Mag."), был характерен для его веры: *Omne bonum et perfectum a Deo, imperfectum a diablo*. Его обширная ученость, огромная власть над стихиями и популярная история о его договоре с лукавым сделали его героем среди германов, типичным представителем национальных тенденций которых он тогда был. К сожалению, почти в каждой христианской стране был свой Фауст; таков, например, в Испании знаменитый доктор Торальба, живший в XVI веке, который с помощью подневольного демона читал будущее, исцелял больных, путешествовал по воздуху и, даже попав в руки инквизиции, добился своего освобождения через Великого адмирала Кастилии. Жиль де Лаваль, публично сожженный в 1440 году, и леди Фаулис из Шотландии - параллельные случаи.

Одной из самых нелепых церемоний, относящихся к черной магии, была известная Тайгхейрм в Шотландском нагорье - жертвоприношение демону, очевидно, переданное из языческих времен. Так называемый маг приобретал большое количество черных кошек и посвящал их, произнося торжественные заклинания и сжигая различные оскорбительные благоволия, злым духам. Затем несчастных жертв оплевывали и медленно поджаривали на костре из углей, одну за другой, но так, что между смертью одной и страданиями следующей не было ни секунды паузы. Это чудовищно абсурдное жертвоприношение должно было продолжаться три дня и ночи, в течение которых магу не разрешалось принимать ни еды, ни питья. В результате, если он не падал без сил и не погибал, то страшно возбуждался и в конце концов видел демонов в виде черных кошек, которые давали ему все, что он желал (Horst. "Deuteroscopia", ii. 184). Вряд ли стоит добавлять, что в том состоянии ясновидения, которого он достиг, он просил только о том, что, как он прекрасно знал, должно было произойти, и что все страшные видения адских духов существовали только в его измученном воображении. Но многие удивятся, узнав, что подобные "тайгхейрмы" проводились еще в прошлом веке и что на острове Малл до сих пор показывают место, где Аллан Маклин со

своим помощником Лахлейном Маклином четыре дня и ночи подряд приносили в жертву черных кошек. Старший из них был чем-то вроде верховного жреца и главного мага у суеверных островитян; второй был молодым неженатым мужчиной прекрасной внешности и более чем обычного ума. Оба пережили страшную церемонию, но в полном изнеможении опустились на землю, не получив ожидаемого откровения; тем не менее дар второго зрения сохранился у них на всю жизнь.

Не следует, наконец, думать, что вызывание духов - это утраченное искусство; даже в наши дни находятся люди, готовые вызвать усопших из мест их упокоения и явить их взорам живых людей. Лучшее объяснение этой отрасли магии дал один ученый профессор, за которым принц-курфюрст Бранденбурга Фридрих II послал из Галле, чтобы узнать у него, как можно вызывать духов. Ученый заявил, что нет ничего проще, и подкрепил свое утверждение рядом реальных представлений. Сначала зрителя подготовили крепкими напитками, которые египетские колдуны уже использовали в подобных случаях, и воскурением благовоний. Вскоре он впадал в некий полусон, в котором он еще мог понимать сказанное, но уже не вдумывался в смысл слов; постепенно его мозг становился настолько беспокойным, а воображение настолько возбужденным, что он представлял себе образы, соответствующие словам, которые он слышал, и вызывал их перед своим мысленным взором как реальность. Фокусник, защищенный от воздействия благовоний губкой, наполненной спиртовой смесью, начинал беседовать со своим посетителем и пытался вывести у него все, что мог, о человеке, которого тот желал увидеть, его фигуре, одежде и т. д. Наконец жертву заводили в темную комнату, где суровым, властным голосом спрашивали: "Не видите ли вы ту женщину в белом?" (или что бы это ни было за лицо), и тут же его перевозбужденное воображение заставляло его думать, что он действительно видит то, что ожидал или хотел увидеть. Так продолжалось до тех пор, пока он не падал в изнеможении или не терял сознание. Когда он приходил в себя, то, естественно, плохо помнил то, что видел, находясь в состоянии сильного возбуждения, а его память, ослабленная промежуточным полным истощением и обмороком, не могла вспомнить мелкие ошибки или мельчайшие неточности его видения. Все, что осталось от всего происходящего, - это жуткое впечатление, что он действительно видел духов ушедших друзей.

Подобные искусные маневры не раз использовались в зловещих целях. Так, хорошо известен исторический факт, что люди, получившие власть над королем Фридрихом Вильгельмом II после его восхождения на престол и удерживавшие ее некоторое время благодаря видениям, которые они ему показывали, использовали подобные средства для вызова духов, которых он хотел увидеть. Мастером в этой области черной магии, несомненно, был Жозеф Бальзамо, граф Калиостро из французской истории. Он не был ни магом в истинном смысле этого слова, ни даже религиозным энтузиастом, а всего лишь искусным жонглером и мошенником, который благодаря природной одаренности, терпеливому обучению и непревзойденному искусству приобрел огромную власть над умами других людей. Он играл на воображении людей, как на знакомом инструменте, и величайшие философы становились его жертвами с той же легкостью, что и самые зоркие женщины, несмотря на природный инстинкт, который обычно защищает последних от подобного навязывания. Его секрет - в том, что касается вызова духов умерших - умер вместе с ним, но то, что просвещенные, совестливые люди искренне верили, что им показывали развоплощенных духов, слишком хорошо подтверждено воспоминаниями французских и голландских писателей, чтобы сомневаться в этом. На собраниях своих "лож египетских масонов" он, как Великий Кофта, или те, кого он квалифицировал, дыша на них, нанимали мальчика или девочку, часто бессистемно вызванных с улицы, но в другое время тщательно подготовленных для этой цели, чтобы смотреть в руку или в таз с водой. Бедного ребенка,

однако, сначала приводили в полубессознательное состояние, помазывали "елеем мудрости", несомненно, одурманивающим составом, и после многочисленных церемоний переносили в углубление, называемое скинией, и приказывали смотреть в руку или в таз с водой. После того как собравшиеся помолились некоторое время, "голубя", как они называли ребенка, спрашивали, что он видит. Как правило, он видел сначала ангела или священника - возможно, образ самого Калиостро в священническом облачении, - но часто и обезьян, плод скептического воображения. Затем следовали более или менее интересные откровения, некоторые совершенно абсурдные, другие представляющие реальный интерес, а иногда и реальные предсказания будущих событий. Сам Калиостро во время своего последнего процесса перед римской инквизицией, с готовностью признавшись в большом количестве самозванств, упорно отстаивал подлинность этих сообщений и настаивал на том, что они были следствием особой силы, дарованной Богом. Его утверждение имеет определенную ценность, так как этот проницательный человек прекрасно понимал, насколько больше он может выиграть от быстрого признания, чем от такого отрицания; его жена, хотя и была его сообщницей в прежние годы, а теперь ни в коем случае не желала щадить своего квази-мужа, всегда заявляла, что это настоящая тайна, которую она никогда не могла постичь. Если добавить к этим соображениям тот факт, что многие мастера ложи, даже в Голландии и Англии, получали такие же результаты, и что все они не могли быть самозванцами или обманутыми жертвами, то в этих хорошо известных явлениях остается достаточно, чтобы приписать их таинственной, магической силе. (*Compendio della vita, etc. di G. Balsamo*, Roma, 1791.) На самом деле совершенно очевидно, что несчастный жонглер обладал в очень редкой степени силой, подобной той, которую практиковали Месмер, Хоум и другие люди этого класса, не имея ни ума, чтобы понять ее истинную природу, ни амбиций, чтобы использовать ее для других, кроме самых низких эгоистических целей. Судебные процессы над магами, которые вызывали мертвых и заставляли их открывать будущее, все еще происходят время от времени; в 1850 году в просвещенной Германии не менее четырех человек вместе со своими сообщниками были обвинены в этом преступлении, а разбирательство одного дела, которое произошло в Мюнхене, произвело немалую сенсацию.

Черная магия, таким образом, также не должна рассматриваться как простая иллюзия, а тем более как работа злых духов. Результаты, к которым она порой приводит, являются делом рук самого человека и существуют только в его сознании. Но если человек может производить такие чудесные эффекты, которые, казалось бы, лежат за пределами материального мира, то насколько же больше Творец и Хранитель всего сущего должен быть способен вызывать события, которые выходят за пределы нашего разума - за пределы материального мира. Такие события, когда они преследуют высшую моральную или религиозную цель, мы называем Чудесами, и они остаются непостижимыми для всех, чье знание ограничено физическим миром. Над законами природы властвует Божественная Воля, которая может сделать то, что не под силу природе, и которую мы можем понять только тогда, когда вспомним о том, что рядом с видимым порядком мира или над ним существуют духовные законы, а также духовные существа. В чуде активизируются силы, которые обычно остаются неактивными, но которые тем не менее постоянно существуют в мире. Поэтому все великие мыслители с готовностью признавали существование чудес: Локк и Лейбниц, а также, в последнее время, Шталь и Шопенгауэр. Локк в своем "Рассуждении о чудесах" доходит до того, что называет их верительными грамотами посланника, посланного Богом, и утверждает, что и Моисей, и Христос подтверждали истинность и божественный характер своих откровений чудесами. Даже в возможность их продолжения верят те, кто надеется, что среди нас останутся люди, "вкусившие доброго слова Божия и сил грядущего мира" (Евреям vi. 5).

III.

СНЫ.

"Спать - значит видеть сны" - Гамлет.

Из двух частей нашего существа одна, духовная и рожденная на небесах, всегда активна, другая, телесная, рожденная на земле, требует частого и регулярного отдыха во сне. Однако во время этого отдыха разум также прекращает свою деятельность, но лишь потому, что у него больше нет слуг, готовых и способных выразить его активность. Когда органы чувств спят, разум лишен обычных средств связи с внешним миром; но это не обязательно обрекает его на бездействие. Напротив, часто утверждалось, что разум наиболее активен и способен на самые высокие достижения, когда освобождается от привычного рабства перед чувствами. Уже Эсхил в своих "Эвменидах" говорит:

Ум спящих действует хитрее;
Блик дня скрывает судьбы людей.

Однако кажется, что промежуточное состояние между полной активностью бодрствования и полным покоем чувств во время крепкого сна наиболее благоприятно для развития таких магических явлений, которые происходят в снах. Тот факт, что восприимчивость разума в это время особенно велика, тесно связан с зафиксированным в Священном Писании утверждением, что Бог часто открывал людям Свою волю во сне. Если мы признаем древность книги Иова, то увидим там самое раннее известное сообщение об этой связи. "Во сне, в ночном видении, когда глубокий сон опускается на людей, во время дремоты на постели; тогда Он отверзает уши людей и запечатывает их наставления" (xxxiii. 15). Далее нам рассказывают, что "Бог пришел к Авимелеху во сне ночью" (Быт. xx. 3), и с тех пор мы слышим о подобных откровениях, полученных ночью во сне, на протяжении всей истории избранного народа. Часто, однако, сны называются видениями. Так, Валаам пророчествовал: "Сказал он, слышавший слова Божии и познавший знание Всевышнего, видевший видение Всемогущего, впавший в транс, но имевший глаза свои открытыми". Даниилу его тайна "открылась в ночном видении", но Саулу в такой милости было отказано, ибо "не отвечал ему Господь ни во сне, ни на урме, ни через пророков". Соломону, напротив, "Господь являлся во сне ночью" много раз; Иоилу было обещано, что "старцы будут видеть сны, а юноши - видения", и это обещание, приведенное святым Петром, в значительной степени исполнилось в его дни (Деян. ii. 17). Сны не утратили своего значения и после пришествия Христа. Его предполагаемому отцу "явился во сне Ангел Господень", повелевая ему взять Марию в жены; его также предупредили во сне "не возвращаться к Ироду", и Господь не раз говорил "Павлу ночью в видении", когда он во сне также был послан в Македонию.

То, что в этих и подобных случаях принимается за божественное вдохновение, в светской истории обычно рассматривается как таинственное, магическое откровение; но явления во всех случаях остаются одними и теми же, и те, что проявляются во сне, идентичны симптомам, демонстрируемым в откровениях, происходящих днем, когда благосклонный получатель широко бодрствует. Ясновидение ночью ничем не отличается от ясновидения днем; состояние экстаза, транса, необходимо в обоих случаях. То, что пророческие сны обычно остаются неизвестными за пределами Священного Писания, следует объяснить тем,

что они не оставляют после себя никаких воспоминаний, если только не продолжают до состояния полусна, из которого происходит внезапное пробуждение; и вскоре после этого они неизменно облакаются в некую аллегорическую форму и становятся пригодными для ошибочного или, по крайней мере, несовершенного толкования. Так, сны, как и трансы, часто предвещают смерть в форме путешествия и представляют умирающего в виде выкорчеванного дерева, завядшего цветка или тонущего пловца. Первые христиане, предвидя мученическую смерть, очень часто получали в снах предвестие своей предстоящей участи в таких символических формах, и, что было совершенно особенным для их видений, они часто распространялись на языческих тюремщиков и стражей, чьи умы были возбуждены свидетельством страданий и постоянства их жертв, и которые, во многих случаях, становились, в результате этих снов, новообращенными в новую веру. Однако легкость, с которой такие символы могут быть неправильно поняты, стала для снов столь же роковой в оценке большинства людей, как и неточная манера, в которой реальное откровение часто представляется еще полуспящему разуму. Отсюда и популярная вера в то, что сны "идут наперекосяк", как выражается вульгарный сленг. Эта вера основана на том, что подлинные сновидения, запечатлеваясь в памяти, часто подвергаются не только искажению, но и фактической реверсии. Так, Роджерс видел во сне, как маленький, слабый человек Хайки убил могучего гиганта Колфилда, а в реальной схватке, которую он действительно предвидел, последний убил своего ничтожного антагониста. Поэтому так же опасно "верить в сны", как и полностью отрицать их ценность и приписывать все реализации снов, с Макнишем, простой случайности. ("Сон", с. 81.) Люди с холодным рассудком и ясным умом во все времена были на стороне верующих, и даже наш великий Франклин, с его исключительно практичным умом и известным отвращением ко всякого рода суевериям, твердо доверял взглядам, которые, как он считал, пришли к нему во сне.

Античность верила в сны не только как в средство, с помощью которого боги открывали свою волю, но и как в особую благосклонность, оказываемую удачливым людям. Так, рассказывают, что однажды двое мужчин путешествовали вместе из Аркадии в Мегару; когда они добрались до города, один из них остановился в гостинице, а другой отправился погостить к другу. Оба, утомленные путешествием, улеглись отдохнуть; но путнику, находившемуся в частном доме, ночью приснилось, что его друг призывает его прийти на помощь, так как хозяин гостиницы собирается его убить. Испугавшись яркого сна, он вскочил, но, поразмыслив, решил, что все это лишь пустая фантазия, и снова лег. Затем сон повторился, но на этот раз его друг добавил, что теперь уже поздно приходить ему на помощь, так как его убили, а утром его тело вынесут из города, спрятав под кучей навоза. Этот второй сон произвел на Аркадия такое впечатление, что он в ранний час отправился к городским воротам и, к своему изумлению, вскоре увидел, что к тому месту, где он стоял, приближается повозка, груженная навозом. Он остановил возчика и спросил, что тот спрятал в своей повозке? Тот, дрожа, убежал; тело убитого друга было найдено, и вероломный трактирщик поплатился жизнью за свое преступление". (Цицерон, *De divin.*)

Один из древнейших достоверных снов в христианские времена открыл святому Василию смерть Юлиана Отступника. Ему показалось, что во сне он видит, как мученик Меркурий получает от Бога приказ убить тирана, а через некоторое время возвращается и произносит: "Господи, Юлиан убит, как Ты повелел!". Святой был так твердо убежден, что получил прямое откровение с небес, что немедленно сообщил об этом народу, и таким образом обрел новую честь, когда наконец пришла официальная информация. (*Vita S. Basil.*, etc., p. 692.) Здесь также глубокая ненависть христианского священника к императору, посмевавшему возобновить поклонение древним богам язычников, несомненно, послужила причиной яркого сна, а с другой стороны, передача фактического откровения была настолько

несовершенной, что реальное событие - смерть Юлиана от персидского копья - согласно привычному образу мышления святого Василия, превратилось в его казнь по божественному повелению святым мучеником. Нет недостатка в знаменитых людях всех веков, которые видели свои удивительные сны и, к счастью для будущего исследования, тщательно их записывали. Так, Меланхтон рассказывает, что он находился в монастыре вместе с неким доктором Йонасом, когда к нему пришли письма с просьбой передать другу печальную весть о внезапной смерти его дочери. Великий реформатор был в растерянности, как выполнить этот тягостный долг, и, движимый инстинктивным порывом, спросил доктора Йонаса, видел ли он когда-нибудь замечательные сны. Тот ответил, что накануне ночью ему приснилось возвращение домой и радостный прием, который ему оказали все члены семьи, кроме старшей дочери, которая не пришла. Тогда Меланхтон сказал ему, что его сон оказался правдой и что он больше никогда не увидит свою дочь, поскольку она была призвана в свой вечный дом. Петрарке приснился сон, который, очевидно, также был отражением его дневных мыслей, но сопровождался прямым откровением. В течение нескольких дней он очень беспокоился о здоровье своего покровителя, некоего Колонны, епископа Ломбезского, и однажды ночью увидел себя во сне идущим рядом со своим другом, но не в силах идти с ним в ногу; епископ шел все быстрее и быстрее, велел ему оставаться позади, а когда поэт настоял на том, чтобы идти за ним, он вдруг принял смертельный вид и сказал: "Нет, я не позволю тебе идти со мной сейчас!" В ту же ночь, когда Петрарка увидел этот сон в Парме, епископ умер в своем дворце в Ломбезе. Известному Томасу Воттону, проживавшему в Кенте, за некоторое время до смерти приснилось, что он видит, как пять человек совершают ограбление в Оксфорде. На следующий день он добавил постскрипtum к письму, которое написал своему сыну Генри, в то время студенту университета, в котором упоминал свой сон и спрашивал, действительно ли такое ограбление имело место. Письмо попало к молодому человеку на следующее утро после совершения преступления, когда город и университет находились в состоянии сильного возбуждения. Он сразу же сообщил о письме властям, которые нашли в рассказе о сне настолько точное описание грабителей, что сразу же смогли установить, кто из них виновен, и арестовать их, прежде чем они смогли скрыться". (Beaumont, p. 223.) Великий немецкий поэт Густав Шваб получил первое предчувствие Французской революции в 1848 году через удивительный сон, который приснился его дочери в ночь перед 24 февраля. На нее напала злокачественная лихорадка, она была очень беспокойна и нервно возбуждена; в течение этой ночи она видела в своих лихорадочных снах улицы Парижа, заполненные возбужденными толпами, и была вынуждена стать свидетелем самых страшных сцен. Когда на следующее утро отец пришел к ее постели, она подробно описала ему строительство баррикад, кровавые столкновения между войсками и горожанами, а также ряд печальных трагедий, которые она видела на узких и темных улицах великого города. Отец, хотя и был глубоко впечатлен ярким характером сна, приписал его воспоминаниям о сценах, разыгравшихся во время революции 1789 года, и отмахнулся от темы, хотя его ребенок настаивал на том, что здания, костюмы и манеры всех, кого она видела, были вполне современными. Велико же было изумление поэта и всех, кто слышал об этом сне, когда через несколько дней после этого до них дошли первые известия об изгнании семьи Орлеан, и еще большее, когда газеты одна за другой стали приносить описания сцен, которые в лихорадочном сне девочка увидела в мельчайших подробностях и при этом с безошибочной точностью. Правда, поэт, в биографии которого этот сон со всеми сопутствующими обстоятельствами упоминается во всех подробностях, годами предвидел подобную революцию и часто, с графической силой поэта, представлял себе сцены, которые должны были произойти, когда наступит день бури. Таким образом, ум его дочери, несомненно, уже давно был наполнен образами такого рода и находился в состоянии, особенно восприимчивом к впечатлениям, связанным с этой темой.

Однако остается волшебный феномен, что она видела не вымысел поэта, а реальные события со всеми их подробностями, и видела их в ту самую ночь, в которую они произошли. В бумагах сэра Роберта Пиля была найдена заметка о его путешествии из Антиба в Ниццу в 1854 году. Он находился на борту парохода "Эркулано", который 25 апреля так сильно столкнулся с другим пароходом, "Сицилия", что сразу же затонул, а две трети пассажиров погибли. Среди спасшихся были великий английский государственный деятель и горничная двух дам, жены и дочери советника французского суда в Дижоне. Девушка предчувствовала надвигающееся зло, но ее желание отложить путешествие было отвергнуто. Отец, также ничего не зная о точном местонахождении своих любимых, очень беспокоился об их безопасности, а в ту самую ночь, когда случилось несчастье, видел все происходящее в тревожном сне. Он отчетливо видел, как судно исчезает в волнах, а несколько жертв, среди которых были его жена и ребенок, борются за жизнь, пока не погибают окончательно. Он проснулся в состоянии сильного страдания, позвал своих слуг, чтобы они составили ему компанию, и рассказал им, что ему приснилось. Через несколько часов телеграф известил его о случившемся и о его собственном тяжком несчастье. (*Journ. de l'âme*, Févr. 1857, p. 253.)

В то время как в этих снах становятся известны события, произошедшие в одно и то же время, в других снах раскрывается само будущее. Цицерон в своем труде "О гадании" (I. 27 и II. 66) и Валерий Максим сохранили ряд таких снов-видений, которые были известны уже во времена античности; особенно хорошо известен сон, касающийся тирана Дионисия.

Женщина по имени Гимера во сне оказалась среди богов на Олимпе и увидела прикованного к трону Юпитера крупного мужчину с рыжими волосами и пятнистым лицом. Когда она спросила божественного посланника, перенесшего ее в те края, кто этот человек, он сказал ей, что это бич Италии и Сицилии, человек, который, будучи освобожденным от цепей, разрушит многие города. На следующее утро она рассказала свой сон друзьям, но не нашла объяснения, пока через несколько лет, когда Дионисий вззошел на престол, она не оказалась в толпе, которая собралась на праздник. Она случайно оказалась в толпе, собравшейся посмотреть на триумф нового монарха, и, увидев тирана, издала громкий крик, так как узнала в нем человека в цепях под троном Юпитера. Этот крик привлек внимание; ее привели к Дионисию, заставили рассказать свой сон и отправили на казнь. Не менее известен и удивительный сон, приснившийся Сократу за некоторое время до его смерти. Приговор уже был вынесен, но день его исполнения еще не был известен, когда к нему пришел Крито, один из его друзей, и сообщил, что казнь, вероятно, будет назначена на следующее утро. Великий философ ответил со свойственным ему спокойствием: "Если такова воля богов, пусть будет так; но я не думаю, что это произойдет завтра. Перед тем как вы вошли, я видел сладкий сон. Мне явилась женщина необыкновенной красоты, одетая в длинное белое одеяние, назвала меня по имени и сказала: "Через три дня ты вернешься в свою любимую Фтию" (родной город Сократа)". Он умер только на третий день.

На протяжении своей удивительной карьеры Александр Македонский не раз вступал в своеобразный контакт с пророческими снами. Так, ему сообщили о приходе Кассандра задолго до того, как он его увидел, и даже о том, какое влияние окажет на его судьбу еще неизвестный друг. Когда тот наконец появился при дворе, Александр долго и с тревогой смотрел на него и узнал в нем человека, которого так часто видел в своих снах. Однако, прежде чем его подозрения приняли положительную форму, ему упомянули греческий дистих, написанный в доказательство полной бесполезности всех снов, и эффект этих строк в сочетании с открытием, что Кассандр был сыном его возлюбленного Антипатра, побудил его отбросить все опасения. Тем не менее, впоследствии его друг хладнокровно отравил его. Не менее известен сон, который предупредил Кая Гракха о его печальной судьбе. Он увидел

во сне тень своего брата Тиберия и услышал, как тот ясным голосом объявил, что Каю тоже предстоит разделить его трагический конец и быть убитым, как и он сам, в Капитолии. Великий римлянин часто рассказывал об этом сне, а историк Келий сообщает, что слышал его повторение при жизни Гракха. Известно, что тот впоследствии стал трибуном и был убит во время пребывания на этом посту, так же как и его брат. Цицерону тоже приснился сон-предупреждение. Он спасался от врагов, изгнавших его из Рима, и искал безопасности на своей вилле в Антии. Однажды ночью ему приснилось, что, когда он бродил по пустынной, безлюдной местности, ему повстречался консул Марий в сопровождении обычной свиты, украшенный всеми знаками отличия своего ранга, и спросил его, почему он так меланхоличен и почему бежал из Рима. Когда он ответил на этот вопрос, Марий взял его за правую руку и, подозвав к себе своего начальника, приказал ему отнести великого оратора в храм Юпитера, построенный самим Марием, и заверил Цицерона, что там он встретит новые надежды. Впоследствии выяснилось, что в тот самый час, когда приснился сон, сенат обсуждал в храме Юпитера вопрос о скорейшем возвращении Цицерона. Для великого Сезара тоже было бы хорошо, если бы он послушался предостерегающего голоса снов, потому что в ночь перед его убийством его жена, Кальпурния, увидела во сне, как он, раненый и обильно истекающий кровью, упал в ее объятия и там закончил свою жизнь. Она рассказала ему о своем сне и на коленях умоляла его не выходить на улицу в этот день; но Цезарь, опасаясь, что его могут заподозрить в том, что он придает излишнее значение женским снам, отнесся к ее опасениям легко, отправился в сенат и встретил свою трагическую судьбу. Среди более поздних римлян император Феодосий был наиболее благосклонен к сновидениям, если мы можем полагаться на утверждение Аммиана Марцеллина (I. 29). Двое придворных, желая узнать, кто сменит на троне императора Валенса, использовали некий магический инструмент, напоминающий современный психограф, и сумели расшифровать буквы Theod. Об их открытии стало известно ревнивому императору, который приказал казнить не только Теодоруса, своего второго государственного секретаря, но и большое количество выдающихся личностей, чьи имена начинались со зловещих пяти букв. По неизвестным причинам Феодосий, находившийся в то время в Испании, избежал подозрений, и все же именно он, когда Валенс пал в войне с готами, был вызван домой следующим императором, Грацианом, чтобы спасти империю и принять на себя верховное командование армией. Когда успешный полководец вернулся в Византию, чтобы отчитаться перед императором, ему приснился сон, в котором он увидел, как великий патриарх Антиохии Мелетий облачает его в пурпур и возлагает на его голову императорскую корону. Грациан, пораженный блеском победы, одержанной в момент наивысшей опасности, сделал Феодосия императором Востока и вернулся в Рим. В следующем году (380) в Константинополе состоялся великий собор, и здесь, среди толпы собравшихся сановников церкви, Феодосий сразу же узнал епископа Антиохийского, которого он никогда не видел, кроме как во сне.

Не всем известно, что предсказание будущего величия, которое Шекспир заставляет трех ведьм передать Макбету, имеет под собой историческую основу. Однако это сообщение пришло к нему, вероятно, не во время реальной встречи, а посредством пророческого сна, который представил честолубивому вождю встречу с неземными агентами. Это предположение подкрепляется первым упоминанием о таинственном событии, которое, как считается, встречается в "Винтаунисе Кроникиле", где Макбету сообщается, что ему приснились три странные женщины, которые предсказали ему его судьбу. Боэций почерпнул свои сведения из этого источника, причем по неизвестным причинам добавил не только Банко в качестве свидетеля этой сцены, но и описал ее, первым из всех летописцев, как реальную встречу в лесу.

Сообщение о том, что открытие знаменитой Венеры Милосской произошло благодаря сну, не является невероятным, но пока не имеет достаточных подтверждений. Французский консул в Бресте, проживавший на острове Мило, как утверждается, две ночи подряд видел сон о том, что в определенном месте острова были произведены раскопки, и, что его усилия были вознаграждены находкой прекрасной статуи. Он не придавал значения этому сну, но он повторился в третий раз, и теперь так отчетливо, что он не только ясно видел все окрестности, но и следы недавнего пожара на том месте, на которое ему указали раньше. Когда на следующий день он отправился на это место, то сразу же узнал следы пожара, начал свои исследования и обнаружил не только Венеру, которая теперь является славой Лувра, но и несколько других ценнейших статуй. Известный сон майора Андре вызывает те же возражения, хотя его добросовестно цитирует миссис Кроу (i., p. 59). Нам рассказывают, что преподобный мистер Каннингем, поэт, увидел во сне человека, которого схватили вооруженные солдаты и повесили на дереве. К своему ужасу, на следующий день он узнал в майоре Андре, который тогда впервые предстал перед ним, человека, которого он видел во сне. Последний как раз собирался отплыть в Америку, где его и постигла печальная участь.

Большое количество снов, которые рассматриваются как пророческие, - не что иное, как результат впечатлений, произведенных на разум во время сна какими-то телесными ощущениями. Опухоль или воспаление, например, часто предвещается болью в пораженной части тела; разум получает через нервы впечатление от этой боли и одевает ее во время сна и в сновидении в знакомые одежды: укусы змеи, жало насекомого или, даже, удар кинжала. Случайные совпадения придают престиж таким простым и совершенно естественным снам. Так, Штиллинг ("Jenseits", p. 284) приводит известную историю о молодом человеке из Падуи, которому однажды ночью приснилось, что его укусил один из мраморных львов, стоящих перед церковью святой Юстины. Проходя мимо этого места на следующий день с друзьями, он вспомнил сон и, засунув руку в пасть одного из львов, вызываясь сказал: "Посмотрите на свирепого льва, который укусил меня прошлой ночью". Но в тот же миг он издал пронзительный крик и в ужасе отдернул руку: скорпион, спрятавшийся в пасти льва, ужалил его, и бедный юноша умер от яда. Немецкому поэту Конраду Гесснеру аналогичным образом приснилось, что змея укусила его в левую грудь; он совсем забыл об этом, когда через пять дней на этом месте появился небольшой нарост, который быстро перерос в смертельную язву и через короткое время стал причиной его смерти.

Гораздо более интересными и иногда приносящими хорошие результаты являются сны, которые можно назвать ретроспективными, поскольку в них раскрываются события прошлого, которые находятся в определенной связи с настоящим или надвигающейся необходимостью. Многие из них, несомненно, возникают просто в результате восстановления в памяти забытых фактов; другие, однако, не могут быть объяснены таким образом. Юстин рассказывает о сне Дидоны, в котором она увидела своего ушедшего мужа, Сихея, который указал ей на свои спрятанные сокровища и посоветовал искать безопасности в бегстве. У святого Августина также есть рассказ об отце, который после смерти явился своему сыну и показал ему расписку, потеря которой вызвала у наследника сильное беспокойство. (После смерти Данте нигде не удалось найти тринадцатое канто его "Рая", и эта очевидная потеря наполнила всю Италию горем и печалью. Однако его сын, Пьетро Алигьери, спустя долгое время увидел во сне своего отца, который пришел к нему в постель и рассказал, что пропавшие бумаги были спрятаны под некой доской у окна, у которого он имел привычку писать. Только когда все другие поиски оказались тщетными, на сон обратили внимание; но при осмотре доски канто было найдено именно в том месте, которое указал сон.

Аналогичный сон, приснившийся совсем недавно, был случайно подтвержден более тщательно, чем обычно бывает в подобных случаях. Прекрасная жена парижского барона Альфонса де Ротшильда потеряла ценное кольцо во время охоты в лесу неподалеку от своего замка Ферьер. Так случилось, что ранние ассоциации сделали драгоценность особенно дорогой для нее, и она тяжело переживала потерю; поэтому за ее возвращение сразу же было назначено вознаграждение в пятнадцать сотен франков. В ночь после охоты дочь одного из сторожей увидела во сне незнакомого мужчину внушительной внешности, который велел ей отправиться на рассвете на определенный перекресток в лесу, где она найдет кольцо у подножия букового дерева, недалеко от шоссе. Она просыпается, сразу же одевается и идет к месту, о котором мечтала; через полчаса ходьбы она доходит до перекрестка и почти в тот же миг видит что-то сверкающее и переливающееся, как светлячок, поднимает его, и вот - это кольцо. Девушка даже не видела охоты и ничего не знала о потере драгоценности; все происшествие и место, где она была потеряна, были указаны ей во сне". (*Le Monde Illustré*, 15 декабря 1860 г.).

Уже упоминалось, что часто поднимался вопрос о том, действительно ли разум находится в состоянии покоя во время сна, или же он продолжает действовать в сновидениях. Некоторые авторы полностью отрицают его активность, другие допускают частичную. Философ Кант зашел так далеко, что утверждал, что восприятия во время сна более ясные и полные, чем днем, из-за полного покоя других органов чувств. Воспоминания, добавлял он, отсутствуют, поскольку разум действует во сне без участия тела.

Однако есть определенные факты, которые, кажется, доказывают, что разум, по крайней мере, не прекращает свою деятельность, пока тело спит. Как иначе можно объяснить способность многих людей, несомненно, просыпаться в определенный час, а также успех, с которым не раз предпринимались большие умственные усилия во время глубокого сна? Ярким примером последнего является знаменитая соната Тартини. Он тщетно пытался закончить это великое произведение; вдохновение не приходило, и он бросил работу в отчаянии. Ночью ему приснился сон, в котором он снова пытался сделать все возможное, но тщетно; однако в момент отчаяния ему явился дьявол и пообещал закончить работу в обмен на его душу. Композитор, ничуть не смущаясь, отдает душу и слышит, как его великолепное произведение славно завершается на скрипке. Он просыпается в совершенном восторге, идет к своему столу и тут же записывает свою "Дьявольскую сонату". Известно, что даже дети иногда способны давать разумные ответы, когда крепко спят; вопросы, однако, должны соответствовать течению их мыслей, иначе они могут быть разбужены. Рейл приводит случай с двумя солдатами, которые иногда вели непрерывный разговор в течение всей ночи, пока, судя по всему, крепко спали. Одна дама также не могла отказаться от ответов на вопросы, заданные ей ночью, и в конце концов была вынуждена тщательно запираяться, когда ложилась спать.

Поэтому некоторые из самых глубоких мыслителей, обсуждавших тему сновидений, такие как Декарт и Лейбниц, Жуффруа и Дугалд Стюарт, Ричард и Карус, а также ряд других, утверждают, что разум непрерывно бодрствует. Некоторые авторы считают, что духовная часть человека не нуждается во сне, но наслаждается комфортом, когда чувствует, что тело находится в полном покое, и забывает, таким образом, на время о проблемах повседневной жизни и обязанностях нашего земного существования. Они основывают эту точку зрения на том факте, что, насколько мы можем судить, разум, во время сна, не зависит от тела и внешнего мира. Мышление вполне возможно во время сна без сновидений, и даже некоторые телесные ощущения воспринимаются правильно, как, например, когда мы переворачиваемся во сне, потому что лежание на одном боку вызывает боль или

дискомфорт. Мы не только разговариваем во сне, но и смеемся или плачем, вздыхаем или стонем. Легкий шум, прошептанное слово влияют на ход наших мыслей и порождают новые образы в наших снах, как определенные заболевания и даже давление на определенные органы неизменно порождают одни и те же сны. Пространство и время исчезают, однако, естественным образом, потому что мы можем измерить их только с помощью наших органов чувств, а они в это время бездействуют. Поэтому Дугалд Стюарт объясняет тот факт, что одно мгновение сна часто длится год или целую жизнь, тем, что, когда мы спим, образы, созданные нашим воображением, кажутся реальностью, а те, которые мы формируем, когда бодрствуем, как нам известно, являются просто выдумкой, а значит, не подчиняются законам времени.

Поэтому нас не удивит, что эта активность разума, лишенная обычных способов заявить о себе жестом, звуком или действием, часто ищет символических выражений, и именно здесь кроется зерно истины, скрытое под огромным количеством мусора, известного как толкование сновидений. Таким образом, беды и трудности могут выглядеть как бури; горе и печаль - как слезы; беспокойные воды могут символизировать боль, а гладкий лед - надвигающуюся опасность; сухое русло реки - приближающийся голод, а красивые цветы - грядущую радость, если, конечно, мы склонны признать более высокий класс пророческих снов. Такая точка зрения подкреплена высоким авторитетом, ведь со времен Аристотеля великие писатели, как богословы, так и философы, пытались классифицировать сны в соответствии с их природой и важностью. Великий реформатор Меланхтон в своей работе о душе разделил их на обычные сны, не имеющие никакого значения; пророческие сны, возникающие благодаря индивидуальным дарам спящего; божественные сны, вдохновленные Богом либо непосредственно, либо через посредство ангелов, и, наконец, демонические сны, такие как шабаш ведьм. Одна большая трудность, связанная с подобной классификацией, возникает, однако, из-за хорошо известного факта, о котором уже говорилось, что внешние ощущения являются наиболее частой причиной сновидений. Даже они были систематизированы некоторыми авторами, наиболее успешно, возможно, в работе Мейна де Бирана, но он снова упускает из виду многочисленные случаи, когда внешние шумы и подобные происшествия вызывают целый ряд мыслей. Так, Поупу приснился испанец, который нагло вошел в его библиотеку, растащил книги по полкам и остался глух к любым его возражениям. Впечатление было настолько сильным, что он допросил всех своих слуг и провел тщательное расследование, пока в конце концов не был вынужден признать, что все это было сном, вызванным падением книги в его библиотеке, которое он услышал во сне. Еще более примечательный случай произошел однажды в гостинице в Данцике, где не одному человеку, а всем без исключения постояльцам приснился внезапный приезд нескольких путешественников, которые переполошили весь дом и с необычным шумом и грохотом заняли их комнаты. Приехал не один, но ночью поднялась сильная буря, от которой хлопали двери и хлопали оконные ставни, и эти звуки вызвали у более чем пятидесяти человек точно такие же впечатления.

IV.

ВИДЕНИЯ.

Concipiendis visionibus quas phantasias vocant.

Квинтилиан.

Видения, то есть восприятие внешне осязаемых объектов внешнего мира, которые существуют только в нашем воображении, были известны с незапамятных времен у всех народов на земле. Сами по себе они совершенно естественны, и часто их можно без труда отследить до телесных заболеваний или расстройства психики, так что многие выдающиеся врачи отмахиваются от них как от случайных симптомов застойных явлений или невралгии. Они могут представлять реальных людей и вещи, известные заранее и воспроизведенные таким образом, чтобы казаться объективными; или же это могут быть идеальные формы, продукт момента и несовместимые с законами реальной жизни. Люди, у которых бывают видения и которые ничего не знают об их истинной природе, склонны испытывать сильное возбуждение, как будто они перенеслись в другой мир. Образы, которые они видят, кажутся им сверхъестественного происхождения и могут внушать им возвышенные мысли и благородные порывы, но слишком часто они нарушают их душевный покой и приводят к преступлению или отчаянию.

Когда видения распространяются не только на зрение, но и на другие органы чувств, а особое состояние духа, вызванное ими, затрагивает сразу несколько частей тела, они называются галлюцинациями; наиболее частые среди безумцев, которых, по словам Эскироля, восемьдесят из ста, они, как правило, весьма незначительны; в то время как видения через глаза часто сопровождаются весьма примечательными магическими явлениями. Так, видения, которые великие люди, такие как Кромвель и Декарт, Байрон или Гете, записывают из своего собственного опыта, были, очевидно, признаками большой энергии их психической жизни, в то время как у других они так же явно являются симптомами болезни. Приписываемые древними божественному влиянию, христианство неизменно осуждало их - когда они не были безусловно вдохновлены Богом, как в случае с мучеником Стефаном и апостолом Иоанном, - как творения дьявола. Во все времена они передавались другим людям либо путем заражения, либо, в редких случаях, через наложение рук, так как были получены искусственным путем. Так, сильная телесная усталость и полная прострация после долгой болезни способны вызывать галлюцинации. Например, Альберт Смит, поднимаясь на Монблан и чувствуя себя совершенно изможденным, ясно видел все, что его окружало, глазами и в то же время видел чудесные вещи с помощью так называемого внутреннего чувства. Швейцарец, который в 1848 году, во время сильного холода, перешел из Уоллиса в Кандерштег через знаменитый перевал Гемми, на высоте восьми тысяч футов, видел по пути несколько человек, разгребающих снег с его тропы, попутчиков, поднимающихся со всех сторон, и катящиеся массы снега, которые превратились в собак; он слышал удары топоров, смех и пение далеких пастухов, тогда как его дорога была совершенно пустынной, и ни одной человеческой души на многие мили. Его руки и ноги были обморожены, когда он, наконец, добрался до ночлега, а через десять дней он умер от последствий облучения. Во время отступления французов из России несчастных страдальцев, замерзших и голодных, постоянно мучили подобные галлюцинации, которые усиливали их страдания порой до такой степени, что доводили их до самоубийства. Другой частой причиной видений является длительный пост в сочетании с более или менее аскетической набожностью. Считается, что это объясняет, почему пророкам Ветхого Завета так строго запрещалось употреблять вино и богатую пищу. Так, Аарону было сказано: "Не пей вина и крепких напитков ни ты, ни сыновья твои с тобою, когда вступишь в скинию" (Левит. х. 9); Моисей оставался сорок дней и "не ел хлеба и не пил вина", когда был на горе Синай (Втор. ix. 9); назареем было приказано "не пить никакого виноградного вина, не есть ни мокрого винограда, ни сушеного" и даже воздерживаться от уксуса (Числ. vi. 3), а Даниил и его спутники не ели ничего, кроме "мякины и воды" (Дан. i. 12), чтобы подготовиться к получению "мудрости и знания и разумения снов и видений".

Наркотики, а в наше время и большинство анестетиков, могут вызывать видения и галлюцинации, но результат во всех этих случаях гораздо менее интересен, чем при спонтанном их появлении. Табак и опиум, бетель, гашиш и кока - основные используемые средства; но в Сибири, кроме наркотических грибов, есть еще и ава, в Полинезии - ава, в Новой Гранаде и Гималаях - терновое яблоко, во Флориде - апалацин, и в северных регионах Америки и Европы - ледум. Самым эффективным среди этих наркотиков кажется индийская конопля, так как видения, которые она вызывает, превосходят даже чудесные эффекты опиума, как недавно снова наиболее наглядно описал Байярд Тейлор. Смеховой газ также часто оказывает подобное воздействие и, кроме того, дает драгоценную привилегию свободы от болезненных, часто мучительных последствий других наркотиков. Когда духи используются с явной целью вызвать видения, трудно определить, сколько в них от их влияния, а сколько от перевозбужденного ума провидца. Бенвенуто Челлини описывает - хотя, возможно, и не самым достоверным образом - удивительный эффект, произведенный на него и мальчика рядом с ним духами, которые священник сжег в Колизее. Все огромное здание показалось ему наполненным демонами, и мальчик увидел тысячи угрожающих людей, четырех огромных гигантов и огонь, вырывавшийся в бесчисленных местах. В то же время великому художнику было сказано, что ему угрожает большая опасность и что в течение месяца он непременно потеряет свою возлюбленную Анжелику; оба события произошли, как и было предсказано, и тем самым доказано, что в данном случае видения сопровождалась по меньшей мере магическими явлениями. (*Гете, Б. Челлини*, т. iv. гл. 2).

Среди других внешних причин, способных вызвать видения, следует упомянуть бурные движения, особенно вращающиеся, как у шаманов Лапландии и танцующих дервишей Востока; раны, нанесенные самим себе, как это делали жрецы Ваала, чтобы возбудить свою силу прорицания, и длительное тюремное заключение, как это было показано в известных случаях с Бенвенуто Челлини и Сильвио Пеллико. Последнего постоянно мучили вздохи или сдавленный смех, которые он слышал в своей темнице; затем невидимые руки дергали его за платье, сбивали книги или пытались погасить свет, пока он не начал всерьез подозревать, что может быть жертвой невидимых злых сил. К счастью, все эти явления исчезали с рассветом, и таким образом его бодрый ум, подкрепленный истинным благочестием, получал возможность сохранять рассудок неповрежденным.

Болезни любого рода являются плодотворным источником видений, и некоторые из них редко обходятся без них; но характер видений различается в зависимости от природы поражения. У людей, страдающих печенью, видения меланхолические, у больных чахоткой - радостные. Эпилептики часто видят страшные призраки во время пароксизмов, а люди, укушенные бешеными собаками, видят животное, которое причинило им страдания. Хорошо известен случай с берлинским продавцом книг Николаем; болезнь, от которой он страдал, не только очень распространена в некоторых частях России, но и имеет точно такие же симптомы. Пациенты испытывают сначала чувство сильного уныния, за которым следует период глубокой меланхолии, во время которого они видят себя окруженными множеством людей, с которыми они разговаривают и ссорятся, наполовину осознавая свое заблуждение, но не в состоянии полностью овладеть им. Обычно им пускают кровь, после чего образы становятся прозрачными и уменьшаются во все меньшем и меньшем пространстве, пока, наконец, не исчезают совсем. Поражения сердца и последующее неравномерное распределение крови по системе склонны издавать своеобразные звуки, которые порой складываются в громкие и гармоничные произведения. Волнение, обычно сопутствующее особо смертельным чумам и заразным болезням, усиливает склонность последних вызывать галлюцинации. Во время чумы в царствование Юстиниана видели, как люди ходили по толпе и прикасались то к одному, то к другому человеку; на последних сразу же нападала болезнь,

и они неизменно умирали. В другой раз на одежде заразившихся появились пятна и отметины, как будто сделанные невидимыми руками, после чего страдальцы стали видеть множество призраков и через некоторое время умерли. Те же симптомы сопровождали холеру и в наше время, и не раз странных, совершенно неизвестных людей не только видели, но и слышали, когда они разговаривали с другими; во многих случаях сказанное ими было записано, и оказалось предсказанием приближающихся визитов страшной болезни в соседние дома. Магическая сила предвидения, по-видимому, в этих случаях развивается вследствие крайнего возбуждения или глубокой тревоги, но бессознательное ясновидение принимает форму лиц, находящихся вне их собственной психической сферы, в пределах которой они только и существовали.

Однако наиболее частыми причинами видений являются причины психического характера, такие как закоренелые идеи, сильные страсти, глубоко укоренившиеся предрассудки и скрытые проступки. Когда видения вызваны такими причинами, они часто выглядят так, будто привели к совершению великих преступлений. Так, Юлиан Отступник, который на всех своих монетах и знаменах изобразил своего ангела-хранителя, естественно, глубоко запечатлел в своем сознании эту форму. В ночь перед решающей битвой он, по словам Аммиана Марцеллина, увидел, как этот гений-покровитель отворачивается от него, и это видение произвело столь глубокое впечатление на его разум, что он истолковал его как предзнаменование своей грядущей смерти. На следующий день он пал в бою. Хорошо известно страшное наказание, которому подвергла Карла IX его собственная совесть; после резни святого Варфоломея он днем и ночью видел вокруг себя формы своих жертв, пока смерть не положила конец его страданиям. На нашем континенте один из первых завоевателей привел яркий пример того, как возникают подобные видения. Он был одним из искателей приключений, достигших Дарьена, и собирался разграбить один из храмов; но за несколько дней до этого индианка сказала ему, что сокровища, хранящиеся в нем, охраняются злыми духами, и если он войдет туда, то земля разверзнется и поглотит и храм, и завоевателей. Ничего не боясь, он повел своих людей на приступ; но, когда они приблизились, он вдруг увидел в вечернем свете, как колоссальное здание раскачивается, словно в бурю, и, основательно перепуганный, ускорил со своими последователями, оставив храм и его сокровища невредимыми. То, что видения часто предшествуют жестоким преступлениям, вполне естественно, поскольку в таких случаях они являются не чем иным, как продуктом сильного возбуждения, в котором часто совершаются убийства; но было бы нелепо рассматривать их как побудительные причины. У Равайяка были постоянные видения ангелов, святых и демонов, когда он готовился к убийству Генриха IV, а молодой студент, пытавшийся убить Наполеона в Шёнбрунне, неоднократно видел гения Германии, который являлся ему и призывал освободить свою страну от узурпатора. Люди, которые пытаются вызвать призраков, очень склонны их видеть, потому что их разум сильно возбужден их действиями, и они уверенно ожидают видений. Но некоторые люди обладают подобной силой, не прилагая особых усилий и не делая специальных приготовлений - для этого достаточно их твердого волевого усилия. Так, Тальма мог в любой момент заставить себя увидеть на месте зрителей, перед которыми он выступал, собрание скелетов, и, как говорят, он никогда не выступал лучше, чем когда поддавался этой галлюцинации. Художники также часто обладают способностью вызывать в своем воображении черты тех, чей портрет они пишут; Блейк, например, был в состоянии фактически закончить сходство с изображениями, которые он видел, сидя в кресле, где сидели реальные люди.

Если видения встречаются довольно часто, то галлюцинации других органов чувств менее распространены. Невменяемые слышат странные разговоры. Галлюцинации вкуса заставляют пациентов наслаждаться восхитительными блюдами или есть испорченное мясо

и другие невкусные яства, которые не существуют. Часто ощущаются сладкие запахи и благовония, гораздо реже - неприятные запахи. Осязание - наименее подверженное обману из всех чувств; тем не менее невменяемые люди иногда ощущают легкое прикосновение как сильный удар, а страдающие от некоторых болезней убеждены, что по их телу бегают муравьи, пауки или другие насекомые.

Любимое время видений - ночь, в основном около полуночи, а в течение всего года - время Адвента, а также ночи от Рождества до Нового года. Это, конечно, не особенность сверхъестественной жизни, а простой эффект большей тишины и более задумчивой, внутренней жизни, которую эти времена года обычно приносят занятым людям. Реальность нашего окружения исчезает с заходом солнца, и глубокой ночью мы становимся почти полностью независимыми от влияния, которое оказывают на нас днем друзья, семья и даже мебель. Кроме того, исчезают все стандарты измерения, и мы теряем правильную оценку пространства и времени. Обращаясь в такие моменты с большей энергией и настойчивостью внутрь себя, наше воображение получает свободу действий, и перед нашим мысленным взором возникают бесчисленные образы, не подчиняющиеся законам реальной жизни. Темнота, неподвижность и одиночество - три главные особенности полуночного времени года - способствуют полной активности нашей фантазии и ставят критику под сомнение, лишая нас возможности сравнивать с реальными звуками или видами. В то же время утверждается, что при таких обстоятельствах люди лучше воспринимают проявления, которые в суете повседневной жизни легкомысленно игнорируются или вообще незаметны для обычных органов чувств. Пока общение с миром и его требованиями занимает все наши мысли, а корысть заставляет нас смотреть только на одну великую цель жизни, мы глухи и слепы ко всему, что явно не принадлежит этому миру. Но когда эти требования больше не предъявляются к нам, и особенно когда, как во время Адвента, наши мысли несколько отвлекаются от земной природы, а глаза поднимаются к небу, тогда мы можем дать волю нашим инстинктам, или, если мы предпочитаем настоящее название, дополнительным чувствам, с помощью которых мы воспринимаем нематериальные вещи. Часто проводят сравнение между способностью видеть видения и способностью различать звезды. Днем блеск солнца настолько затмевает последние, что мы не видим ни одной; ночью они выходят как бы из темноты, и чем глубже чернота неба, тем больше их собственная яркость. Неужели они не более чем порождения нашего воображения, освобожденные ночью и темнотой?

Что касается излюбленных мест, где чаще всего бывают видения, то, по-видимому, уже в древности уединенные места считались особыми курортами для злых духов. Пустыни Азии с их глубокими оврагами и многочисленными пещерами наводили на мысль о населении пугливых и странных существ, которых мало кто видел и никто не знал в полной мере. Отсюда и страшное описание Вавилона во время его низвержения, когда "дома их будут полны мрачных тварей, и совы будут обитать там, и сатиры будут плясать там" (Исаия xiii). (Исаия xiii. 21). Новый Завет подобным образом говорит о пустынях Палестины как об обиталище злых духов, а в более поздние времена Фарерские острова постоянно упоминались как населенные странными и неземными существами. Пустыни Африки полны джиннов, а обширные равнины Востока населены странными явлениями. Уединенные места норвежских гор изобилуют гномами и спрайтами, а пустыри повсюду не успевают быть покинутыми людьми, как их оккупируют злые духи и становятся сценами диких и жутких видений.

Хорошо подтвержденные случаи видений регистрируются непрерывной чередой со времен античности до наших дней и не оставляют сомнений в том, что они не только часто

встречаются среди людей, но и, как правило, сопровождаются магическими явлениями огромной важности. Древние, конечно, чаще всего видели своих богов; язычники, обращенные в христианство, - своих прежних идолов, грозивших им страшными карами; христиане - своих святых и мучеников, ангелов и демонов. Таким образом, все стороны опираются на авторитеты, никак не свойственные той или иной вере, но общие для всего человечества; и битва ведется, по крайней мере на время, между верой и верой и между видением и видением. Знаменитый ритор Аристид, который упоминается в истории как один из самых могущественных поборников политеизма, когда-либо способных выступить против торжествующего христианства, в часы своего возвышения видел великого Эскулапия, который давал ему указания, как вести свою войну. В такие моменты его публичные выступления становились настолько привлекательными, что тысячи восторженных слушателей собирались, чтобы прильнуть к его устам. История гения Сократа хорошо известна; Аулус Геллий рассказывает, как великого мудреца видели неподвижным в течение двадцати четырех часов на одном и том же месте, прежде чем он присоединился к экспедиции в Потидею, настолько поглощенным глубокой мыслью, что казалось, будто его душа покинула тело. Дион, самый близкий друг Платона, видел, как огромная фурия вошла в его дом и вымела его метлой; возник заговор, и он был убит, потеряв за несколько дней до этого своего единственного сына. (Тот же Симонид, который, согласно Валерию Максиму (*De Somniis*, l. i. ch. 5), спасся от кораблекрушения благодаря своевременному предупреждению духа, однажды обедал в великолепном доме Скопаса в Краноне, в Фессалии, когда вошел слуга и сообщил ему, что у дверей стоят два гигантских юноши и хотят его немедленно видеть. Он вышел и никого не обнаружил, но в тот же миг крыша и стены столовой обрушились, похоронив всех гостей под развалинами (Phædrus' Fab., iv. 24). Древние считали видения в обоих случаях лишь следствием пророческой силы поэта, которая спасла его от немедленной смерти: один раз в виде духа, а второй раз - в виде Диоскуров. Поскольку Симонид незадолго до этого написал прекрасную поэму в честь Кастора и Поллукса, его побег и дружеское предупреждение были естественно приписаны героическим юношам, которые постоянно появляются в истории как защитные джинны. Известно, что в Греции они сражались, облаченные в пурпурные плащи и восседая на белоснежных конях, на стороне Локри, и в тот же день объявили о своей победе в Олимпии и Спарте, в Коринфе и Афинах (Юстин, ix. 3). В Риме им приписывали победу на берегу Регилльского озера и сообщали, что они, как и в Греции, ворвались в город, опередив всех гонцов, чтобы сообщить радостную весть. Во время македонской войны они встретили Публия Ватиния, направлявшегося в Рим, и сообщили ему, что накануне Эмилий Паулюс захватил Персея. Обрадованный новостью, префект поспешил в сенат, но был дискредитирован и фактически отправлен в тюрьму по обвинению в пустых сплетнях, недостойных его высокого поста. И только когда наконец из далекой армии приходят гонцы и подтверждают сообщение о пленении Персея, неудачливого префекта снова освобождают и награждают высокими наградами.

В других случаях гений-предупредитель являлся в видениях иного характера. Так, Ганнибал, по преданию, проследил во сне весь ход и успех всех своих планов с помощью своего гения, который явился ему в виде ребенка дивной красоты, посланного самим великим Юпитером, чтобы направить его движения и сделать его хозяином Италии. Ребенок просил его следовать за ним, не оборачиваясь, но Ганнибал, поддавшись врожденной склонности жаждал запретного плода, оглянулся и увидел огромного змея, низвергающего все преграды на своем пути. Затем разразилась сильная гроза с яростными молниями, которые разрушили самые крепкие стены. Ганнибал спросил о значении этих предзнаменований, и ему ответили, что гроза означает полное подчинение Италии, но что он должен молчать и предоставить остальное судьбе. То, что видение не сбылось полностью, естественно, приписали его неосмотрительности. Гений двух консулов, П. Деция и Манлия Торквата,

напротив, принял форму огромного призрака, который появился ночью в их лагере у подножия Везувия и объявил о решении, что один вождь должен пасть, чтобы сделать армию победоносной. На основании этого видения два полководца решили, что тот, чьи войска первыми покажут признаки сдачи, должен искать смерти, выступив в одиночку против латинской армии. Поэтому легионы Деция не успели отступить, как он с мечом в руке бросился на врага и не только погиб славной смертью за свою страну, но и обеспечил блестящую победу своим братьям.

Позднее гений спас жизнь Октавиану, когда они с Антонием расположились лагерем в Филиппах, накануне великой битвы с Брутом и Кассием. Однако видение явилось не ему самому, а другому человеку, его собственному врачу Артору, которому во сне было приказано посоветовать своему господину явиться на поле боя, несмотря на серьезное недомогание. Октавиан последовал совету и вышел, хотя его пришлось нести в санях; во время его отсутствия солдаты Брута вошли в лагерь и фактически обыскали его палатку, в которой он неминуемо погиб бы, если бы не своевременное предупреждение. Совсем иной характер имело видение Кассия, лейтенанта Антония, который во время бегства в Афины увидел ночью огромный черный фантом, сообщивший ему, что это его злой дух. В ужасе он позвал своих слуг и спросил, что они видели, но те ничего не заметили. Успокоенный таким образом, он снова уснул, но призрак вернулся снова и так мучительно тревожил его разум, что он не спал всю ночь, окруженный своей охраной и рабами. Впоследствии это видение было истолковано как предзнаменование его грядущей насильственной смерти.

Император Траян был спасен от смерти во время страшного землетрясения человеком колоссальных размеров, который пришел вывести его из дворца в Антиохии; а Аттила, который, к удивлению всего мира, пощадил Рим и Италию по просьбе папы Льва Великого, назвал истинным мотивом своего поступка появление величественного старика в священнических одеждах, который, обнажив меч, угрожал ему мгновенной смертью, если он не исполнит все, что потребует римский первосвященник.

В других случаях, столь же многочисленных, сколь и поразительных, гений принимает облик женщины. Так, Дион Кассий ("История Рима", I. IV.), а также Суетоний ("Клавдий", I. I) рассказывают, что когда Друз опустошил Германию и собирался переправиться через Эльбу, ему явилась грозная фигура гигантской женщины, которая вброд дошла до середины потока, а затем воскликнула: "Куда, о Друзус? Не можешь ли ты положить предел своей жажде завоеваний? Назад! Конец твоим деяниям и твоей жизни близок!" История гласит, что Друз отступил без видимых причин и что он умер, не дойдя до берегов Рейна. Тацит рассказывает о видении, которое посетило Курция Руфа в то время, когда он, сын гладиатора и занимавший самое скромное положение, сопровождал квестора на пути в Африку. Когда он ходил вверх и вниз по проходу в глубокой медитации, ему явилась женщина необыкновенного роста и сказала: "Ты, о Руфус, будешь проконсулом этой провинции!". Юноша, возможно, воодушевленный и поддерживаемый видением, которое было результатом его собственных честолюбивых мечтаний, быстро поднялся благодаря своим выдающимся способностям и, достигнув консульства, действительно получил провинцию Африка (Ann., XI. 21). Младший Плиний, который рассказывает ту же историю в своем замечательном письме к Суру о магии, добавляет, что гений во второй раз явился к великому проконсулу, но промолчал. Последний увидел в этом молчании предупреждение о приближении смерти и приготовился к своему концу, который не преминул вскоре завершить его карьеру.

Поразительно видеть, как в этих видениях неизменно ясно и отчетливо отражалась внутренняя жизнь человека. Честолюбивый юноша видел олицетворение своей удачи в

облике прекрасной женщины, которую его возбужденное воображение называло Африкой и которую он надеялся когда-нибудь назвать своей. Брут, напротив, полный предчувствий зла и страдающий, возможно бессознательно, от горьких угрызений совести из-за убийства Сезара, видел свою печальную судьбу в образе отвратительного демона. Армия, также разделяя, несомненно, мрачные предчувствия своего вождя, смотрела на черного эфиопа, вошедшего в лагерь, как на дурное предзнаменование. Назначенная встреча в Филиппах была лишь свидетельством выдающихся способностей Брута, который предвидел вероятный ход войны и знал огромное стратегическое значение знаменитого города.

Точно так же в Аугсбурге долго лелеяли предание о фанатичной героине на коне, которая явилась Аттиле, когда он пытался пересечь реку Лех на пути из Италии в Паннонию. Она окликнула его: "Назад!" и произвела глубокое впечатление на его разум. Изображение женщины-великана долгое время хранилось в одном из миноритских монастырей города, и по чертам лица и костюму она была явно немкой. Не исключено, что возвышенный, но суеверный ум безжалостного завоевателя, долго думая о предстоящем нападении на могущественный, неизвестный народ, в минутном трансе олицетворил для себя гений этой расы в облике величественной женщины.

Это было тем более вероятно, что Священное Писание также представляет нам целый ряд могущественных женщин, оказывавших порой длительное влияние на судьбу избранного народа, и мировая история изобилует подобными примерами. Была Дебора, "пророчица, судившая Израиль в то время" и отправившаяся на помощь при поражении Сисире, и была Хульда, пророчица, предупредившая Иосию, царя Иудеи. Такие же грандиозные образы мы находим в греческой и римской истории, а в германских летописях упоминается не одна Джетта и Велла. Черда предупреждений, сделанных более нежным полом, проходит через все летописи современных рас с древнейших времен до наших дней. Один из последних случаев произошел с королем, известным своим насмешливым скептицизмом и полным неверием во все высшие силы. Это был Бернадот, который оставил своего благодетеля, чтобы взойти на трон Швеции, и обратил свой собственный меч против своего бывшего хозяина. Спустя много лет после падения Наполеона он собирался послать своего сына Оскара с армией против Норвегии и встретил сильное противодействие в Государственном совете. Полный нетерпения и негодования, он сел на коня и поехал, чтобы охладить свой разгоряченный ум; подъезжая к темному лесу недалеко от Стокгольма, он увидел сидящую на обочине старуху, чей причудливый костюм и дикие, растрепанные волосы привлекли его внимание. Он грубо спросил ее, что она там делает? Она ответила: "Если Оскар вступит в войну, которую вы предлагаете, он не нанесет, а примет первый удар". На короля это предупреждение произвело впечатление, и он вернулся, полный раздумий, в свой дворец; после бессонной ночи он сообщил Государственному совету, что изменил свои взгляды и не будет отправлять принца в Норвегию (*La Presse*, 4 мая 1844 года). Даже если принять беседу с женщиной за простое видение, результат долгой и тревожной озабоченности короля важным планом, от успеха которого могли зависеть безопасность его трона и продолжение династии, все равно остается вопрос, почему человек с его вкусами и надменным скептицизмом должен был облечь свои сомнения в слова, произнесенные старой женщиной, одетой в причудливый костюм?

Число практических, здравомыслящих людей, которые даже в недавние времена считали себя под особой заботой и защитой гения или ангела-хранителя, гораздо больше, чем принято считать. Древние рассматривали гения как часть своей мифологии, а современные христиане, которые лелеют эту веру, ссылаются на то, что Спаситель сказал о маленьких детях: "Ангелы их на небесах всегда созерцают лице Отца Моего" (Мф. xviii. 10). Эти видения -

так их следует называть - сильно различаются у разных людей. У одних они появляются только тогда, когда грозят большие опасности или приходится прилагать возвышенные усилия; у других же, благодаря своей частоте, они принимают более или менее постоянную форму и даже могут передаваться по наследству, становясь божествами-покровителями определенных домов, знакомыми духами или специально назначенными ангелами-хранителями членов семьи или отдельных людей. Отсюда хорошо известные в древности рассказы о гении Сократа и знакомых духах Библии. Отсюда же почти непрерывная череда подобных рассказов, дошедших до нас через Средние века. Так, Кампанелла утверждал, что всякий раз, когда ему угрожало несчастье, он впадал в состояние, промежуточное между бодрствованием и сном, в котором слышал голос, произносивший: "Кампанелла! Кампанелла!" и несколько других слов, при этом он никогда не видел человека. Калинья, канцлер Наварры, услышал в Беарне, как его имя называли три раза, а затем тот же голос предупредил его, чтобы он немедленно покинул город, так как там должна была свирепствовать чума. Он послушался приказа и спасся от страшной болезни (Beaumont, "Tractat.", etc., p. 208). У иезуита Джованни Карреры был гений-покровитель, с которым он часто советовался в особо трудных случаях. Он так хорошо познакомился с ним, что сам будил его каждую ночь для молитв, но когда временами он не решался сразу подняться, дух на время покидал его, и Каррера мог побудить его вернуться только долгой непрерывной молитвой и постом ("Hist. S. J.", iii. p. 177).

У Бернадотов существовало предание, что один из их предков женился на фее, которая осталась добрым гением в семье, и давно предсказал, что кто-то из этой крови взойдет на трон. Бернадот, ставший королем, никогда не забывал об этом пророчестве и во многом руководствовался им, когда шведские дворяне предлагали ему трон. Известно, что сам Наполеон либо верил, либо пытался верить в доброго гения, который направлял его шаги и оберегал от опасностей. Он появлялся, по его собственным словам, иногда в виде огненного шара, который он называл своей "звездой", или в виде человека в красном одеянии, который время от времени наносил ему визиты. Генерал Рапп рассказывает, что в 1806 году он однажды застал императора в своей комнате, по-видимому, погруженным в столь глубокую медитацию, что тот не заметил его прихода, но когда его разбудили, он схватил Раппа за руку и спросил его, видел ли он ту звезду? Когда тот ответил, что ничего не видит, Наполеон продолжил: "Это моя звезда; она стоит прямо над вами. Она никогда не покидала меня; я вижу ее во всех важных случаях; она приказывает мне идти дальше и всегда была знаком успеха". Этот рассказ, исходящий от самого генерала Раппа, приводится здесь с одобрения великого историка Амедея Тьерри.

Дез Муссо сообщает следующие факты, основанные на свидетельствах заслуживающих доверия личных друзей. (Некая мадам Н., дочь генерала, постоянно посещала свою мать, которая давно умерла, и получала от нее частые сведения о тайных вещах, благодаря чему приобрела репутацию пророчицы. Однажды дух матери предупредил ее, чтобы она попыталась помешать мужу, который должен был покончить жизнь самоубийством, осуществить свой замысел. Были приняты все меры предосторожности, даже ножи и вилки убирались после еды, но случилось так, что в дом зашел солдат Национальной гвардии и оставил в прихожей заряженное ружье. Муж дамы, к несчастью, случайно увидел его, взял и вышиб себе мозги на месте.

Особо интересный класс видений - это те, которым великие художники порой обязаны своими величайшими триумфами. И здесь грань между простым бредом и реальными магическими явлениями часто настолько слаба, что не позволяет обратить на нее внимание. Ведь художники должны культивировать свое воображение в ущерб другим способностям и,

естественно, живут больше в идеальном мире, чем в реальном. Занятые, по роду своих занятий, образами более чем земной красоты, они легко формируют в своем сознании идеалы, которые стремятся закрепить сначала в памяти, а затем на холсте или в мраморе, на бумаге или в восторженных словах. Рафаэль Санцио долгое время тщетно пытался изобразить Богородицу в соответствии с неясным идеалом, зародившимся в его сознании; наконец, проснувшись однажды ночью, он увидел в том месте, где висел его эскиз, яркий свет, и в сиянии - Мать Христа в несравненной красоте и со сверхъестественной святостью в ее чертах. Это видение глубоко запечатлелось в его сознании и навсегда осталось оригиналом, с которого даже его лучшие Мадонны могли быть лишь несовершенными копиями. Бенвенуто Челлини, будучи больным до смерти, неоднократно видел старика, пытавшегося утащить его в лодку, но стоило его верному слуге подойти и прикоснуться к нему, как отвратительное видение исчезало. Очевидно, у художника в голове была картина Харона и его ахеронской лодки, которая таким образом воспроизводилась в его лихорадочных снах. В другой раз, когда он уже давно сидел в тюрьме и в отчаянии подумывал о самоубийстве, "неизвестное существо" внезапно схватило его и отбросило на расстояние четырех ярдов, где он пролежал несколько часов полумертвым. В следующую ночь ему явился "прекрасный юноша" и высказал ему горькие упреки за его греховный замысел. Тот же юношеский гений неоднократно являлся ему, когда наступал великий кризис в его удивительно авантюрной жизни, и не раз открывал ему тайны будущего. (У бедного Тассо были страшные галлюцинации в то время, когда его разум был расстроен, но над всеми ними витало видение славной Девы, окруженной ярким светом, которое всегда утешало и, возможно, только оно спасло его от самоуничтожения. Подобно Рафаэлю, Даннекер также долгое время тщетно пытался найти совершенное выражение для своего идеала Христа на кресте; однажды ночью он также увидел Спасителя во сне и сразу же приступил к созданию своей модели, с которой впоследствии была скопирована известная статуя трансцендентной красоты и силы.

Паганини рассказывал с забавным видом притворного благоговения и почтения, что его мать за несколько дней до его рождения видела ангела с двумя крыльями и таким ослепительным великолепием, что не могла смотреть на это явление. Небесный посланник предложил ей высказать свое желание и пообещал, что оно будет исполнено. Тогда она на коленях умоляла его сделать ее Николо великим скрипачом, и ей было сказано, что так и будет. Это видение - возможно, не более чем яркая форма искреннего желания и горячей молитвы - несомненно, оказало серьезное влияние на великого художника, который и сам был странно восприимчив к подобным впечатлениям. (*Moniteur*, 30 сентября 1860 г.).

В соответствии с целью этих очерков здесь ничего нельзя сказать о длинном ряде видений, которые были дарованы мученикам и святым; их история относится к теологии. Но святые люди, независимо от своих религиозных убеждений, часто были столь же известны своими видениями, как и благочестием своих сердец и своими достижениями в мире. Так, например, Лойола, у которого способности были постоянно напряжены до предела, а мысли вечно устремлены к великой и святой цели, не мог не прийти в состояние психического возбуждения, которое, естественно, порождало впечатляющие видения. Поэтому он постоянно видел странные виды и слышал таинственные голоса, что было следствием то крайнего уныния, то восстановленной уверенности в Боге и в себе как агенте Всевышнего. И все же эти видения никогда не мешали ни ясности его суждений, ни быстроте и энергии его действий. У Лютера, одного из самых практичных людей, когда-либо призванных действовать и руководить в условиях великого кризиса, тоже были видения; он видел дьявола и вел с ним громкие дискуссии; он страдал от его преследований и прилагал огромные усилия, чтобы избавиться от непрошеного гостя, занимаясь при этом своим

великим делом - переводом Библии. Ведь он был, в конце концов, - и для очень великих и благих целей - всего лишь человеком своего века, проникнутым всеобщей верой в личное существование и постоянное присутствие сатаны, и в то же время чувствовал, что участвует в войне, от результатов которой зависит не только земное благополучие, но и вечное спасение миллионов.

Трудно сказать, помогали ли Мухаммеду, который, несомненно, имел бесчисленные видения, его галлюцинации в создании новой веры. Ученые говорят нам, что он страдал *от мышечной истерии*, болезни, нередкой как у мужчин, так и у женщин, которая вызывает периодические пароксизмы и характеризуется попеременным сокращением и расширением мышц. Когда наступал приступ, губы и язык пророка начинали вибрировать, глаза поднимались вверх, а голова автоматически двигалась. Если пароксизмы были очень сильными, он падал на землю, его лицо становилось пурпурным, и он дышал с трудом. Поскольку он часто сохранял сознание, то притворялся, что эти симптомы вызваны посещениями ангелов, и за каждым приступом следовало новое откровение. Болезнь была результатом его ранней беззаконной жизни и свободы, на которую он претендовал, даже в более поздние годы, ссылаясь на особую диспенсацию свыше как боговдохновенный пророк. Не стоит удивляться, что новая религия, исходящая из такого источника и провозглашенная среди гор и степей Аравии, которые, согласно народным поверьям, населены джиннами и демонами, в значительной степени основывается на видениях и галлюцинациях.

Важная роль, которую видения занимают в истории различных религий Земли, выходит за рамки нашей цели; мы знаем, однако, что записи древних храмов, пророков, святых и мучеников, а также более поздних монастырей и церквей изобилуют случаями так называемых откровений свыше. Они не раз служили в критические моменты для того, чтобы побудить отдельных людей и целые народы к возвышенным усилиям. Одним из самых известных случаев первого рода является рассказ Константина Великого, который сообщил Евсевию Кесарийскому, подтвердив свое заявление торжественной клятвой, что в 312 году, незадолго до решающей битвы в Риме против своего грозного противника Магенция, он увидел на небе яркий крест, окруженный словами: *In hoc signo vinces*. Но это видение было далеко не единственным. Кроме того, на следующую ночь он сам увидел во сне Спасителя, который приказал ему отныне использовать в бою знамя, подобное тому, что он видел в своем видении. Язычник Назарий также рассказывает о ряде чудесных знамений на небе, которые наблюдались в Галлии непосредственно перед великой победой императора. Нельзя сомневаться и в том, что это видение не только внушило Константину новые надежды и новое мужество, позволившее ему одержать победу, но и побудило его после успеха открыто заявить о своем обращении в веру Христову.

Видения этого выдающегося человека, Сведенборга, слишком хорошо известны, чтобы потребовать здесь более чем простого упоминания. Начав свое общение со сверхъестественным миром в зрелом возрасте сорока пяти лет, он вскоре отдался ему систематически и почувствовал себя вынужденным сделать свои ежедневные беседы, а также получаемые время от времени откровения должным образом известными публике. Так, он писал с явным чувством твердой убежденности: "Недавно у меня была беседа с апостолом Павлом"; а в другой раз он уверял одного вюртембергского прелата: "Целый год я беседовал со святым Павлом, особенно о словах из Послания к Римлянам, iii. 28. Трижды я беседовал со святым Иоанном, один раз с Моисеем и сто раз с Лютером, когда тот признался, что учил *fidem solam* вопреки предупреждению ангела, и что он стоял один, когда

отрекался от папы. С ангелами, наконец, я постоянно общался в течение последних двадцати лет и до сих пор веду ежедневные беседы".

Классическое, как и христианское искусство, обязано видениям не одним ярким успехом. С другой стороны, они так же часто служили гнусным целям, в основном подпитывая суеверия и поддерживая религиозную тиранию. Достаточно вспомнить ужасное бедствие, вызванное несчастным мальчиком-пастухом во Франции, который в 1213 году увидел или сделал вид, что увидел, небесные видения, приказавшие ему призвать своих товарищей и с их помощью спасти Святую землю от владения неверных. Тысячи маленьких детей были охвачены заразительным волнением и, оставив свой дом и родных, последовали за своим юным вождем, не сдерживаемые властями, благодаря толкованию слов Иисуса: "Пустите малых детей приходить ко Мне!". Ни один из них так и не добрался до Палестины, все погибли задолго до того, как достигли даже юга Франции.

Это не совсем магическое явление, но, безусловно, самая поразительная особенность видений, когда разум многих людей способен по собственной воле создавать образы и формы, настолько идеально похожие на те, что существуют в окружающем нас мире, что те же самые умы не в состоянии отличить, где галлюцинация и реальность соприкасаются друг с другом. Эта способность, конечно, варьируется, как и другие способности: иногда она не производит ничего, кроме смутного, бесформенного света или звуков; у других людей она способна вызывать вполне определенные формы, заставляя слышать слова и причинять боль. Во время тяжелых телесных или душевных страданий оно может стать утешителем, а в момент прохождения через долину смертной тени оно способно успокоить муки видениями небесного блаженства, но для злой совести оно может показаться и мстителем, предвещающая грядущий суд и осуждение. Именно это влияние на жизнь людей и их огромное моральное значение придает видениям - а в некоторой степени даже галлюцинациям - дополнительный интерес и заставляет нас не отбрасывать их как пустые фантомы, а попытаться выяснить их истинную природу и конечную цель. Это тем более необходимо, что в наши дни видения считаются исключительно плодом психической деятельности провидца, и эта истина в изобилии подтверждается тем простым фактом, что слепые или глухие люди вполне способны иметь видения и галлюцинации, как и те, кто пользуется всеми своими чувствами.

Таким образом, эти магические явления непрерывной цепочкой сопровождали почти всех великих людей, известных истории, с древнейших времен до наших дней. В наше время их часто успешно объясняют телесными и психическими расстройствами, но этот факт ничуть не уменьшает интереса, который они представляют для изучающих магию. Великий Паскаль, которому однажды грозила мгновенная смерть из-за опрокидывания кареты, отныне постоянно видел перед собой пропасть, из которой вырывались огненные языки пламени; он мог скрыть ее, просто поставив между ней и глазами стул или стол. В случае с английским художником Блейком, у которого были видения исторических личностей, которые представляли перед ним в идеализированных очертаниях, его периодические аберрации сознания были приняты как достаточное объяснение. Напротив, берлинский книготорговец Николай, который, как и Бомонт, видел сотни мужчин, женщин и детей, сопровождавших его на прогулках или посещавших его в его покоях, считал, что его призрачная компания зависит от состояния его здоровья. Когда ему пускали кровь или ставили пиявки, образы становились бледными, исчезали частично или растворялись совсем. Особенностью его случая было то, что он никогда не видел видений в темноте, но все его фантазмы появлялись при свете дня или ночью, когда в камине горели свечи или большой огонь. Капитан Генри Белл неоднократно получал от своего немецкого друга Каспара фон Спарра настоятельные

просьбы перевести "Застольную речь" Мартина Лютера, которая, будучи подавленной указом императора Рудольфа, стала очень редкой, и которую Спарр прислал ему в копии, обнаруженной им самим в погребке, где она пролежала замурованной пятьдесят два года. Капитан Белл приступил к работе, но через некоторое время бросил ее. Через несколько недель ночью к нему явился беловолосый старик, дернул его за ухо и сказал: "Что! Неужели ты не найдешь времени перевести книгу? Я скоро дам тебе место для этого и необходимый досуг". Белл был сильно напуган; , но все же пренебрег работой. Через две недели после видения его арестовали и поместили в Вестминстерскую тюрьму, где он пробыл десять лет, из которых пять посвятил переводу этой работы. (В наше время религиозные видения ни в коем случае не прекратились, и не одно замечательное обращение в веру приписывается такому воздействию. Мы не говорим о так называемых чудесах, подобных тому, что произошло с детьми из Салетты в департаменте Изер в 1849 году, или о недавних откровениях в Лурде и в Южном Эльзасе, которые были публично одобрены ведущими людьми церкви и послужили богатым материалом даже для политических демонстраций. Видение майора Гардинера, который незадолго до совершения греховного поступка увидел Спасителя и стал другим человеком, было так часто опубликовано и так подробно обсуждалось, что нет необходимости повторять его здесь. Обращение молодого Ратисбона в 1843 году произвело в то время огромную сенсацию. Он родился от еврейских родителей, но, как и многие представители его расы, вырос и стал вольнодумцем и насмешником, отвергая все верования как пустые суеверия. Однажды он зашел в церковь Делле Фратте в Риме и, погрузившись в глубокую задумчивость, внезапно увидел видение Девы Марии, которое произвело на него столь глубокое впечатление, что изменило весь ход его жизни. Он отказался от огромного богатства, доставшегося ему в наследство, от прекрасной суженой и, решительно отвернувшись от мира, поступил послушником в иезуитский монастырь , таким образом, буквально оставив все, чтобы следовать за Христом.

Магические явления, сопровождающие видения, у народов, принадлежащих к расе славян, нередко носят особенно грозный и отталкивающий характер, что, несомненно, соответствует темпераменту и складу воображения, свойственным этой расе. Склавины склонны к тому, чтобы на них катались невидимые люди, пока они не упадут в обморок; их загоняют дикие звери на могилы преступников, где они видят страшные зрелища, или заставляют смешиваться с отрядами злых духов, бродящих по широким, пустынным степям, и они неизменно страдают от печальных последствий таких видений, пока преждевременная смерть не избавит их через несколько месяцев. В Валахии особое видение так называемого Пиколича встречается довольно часто, и, по крайней мере, в одном случае оно было официально зафиксировано военными властями. Бедному рядовому, который уже не раз страдал от видений, приказали стоять в карауле на одиноком горном перевале и по правилам службы заставили занять там место, хотя он очень просил, чтобы ему разрешили поменяться с братом-солдатом, так как ждал горе. Командир, пораженный искренностью его мольбы, пообещал оказать ему посильную помощь и поставил второго часового для его поддержки рядом с ним. В половине десятого офицер и высокопоставленный гражданский чиновник увидели, как мимо дома, в котором они находились, пронеслась темная фигура; они сразу же поспешили к посту, где быстро прозвучали два выстрела, и обнаружили, что внутренний часовой с еще дымящейся винтовкой в руках неподвижно устоял на то место, где стоял его товарищ, и совершенно не заметил приближения своего начальника. Когда они добрались до внешнего поста, то обнаружили, что винтовка лежит на земле, разбитая на куски, а тяжелый ствол согнут в форме косы, а сам человек лежит на значительном расстоянии и стонет от боли, поскольку все его тело было так сильно обожжено, что он умер на следующий день. Оставшийся в живых заявил, что черная фигура, словно с неба, упала на его товарища и разорвала его на

куски, несмотря на два выстрела, которые он сделал с небольшого расстояния, после чего она в одно мгновение исчезла. О случившемся было доложено в штаб, и когда было проведено расследование, выяснилось, что ряд точно таких же случаев уже был официально зарегистрирован. Конечно, это видение - не более чем плод возбужденного воображения горцев, которые придают излюбленную форму "пиколича" частым, причудливо выглядящим массам тумана и мглы, которые поднимаются в их темных долинах, парят над оврагами и пропастями и, подгоняемые внезапным порывом ветра, взлетают вверх с удивительной быстротой и, кажется, исчезают в одно мгновение. Видение бедного часового, с другой стороны, было своего рода ясновидением, порожденным совместным влиянием местных традиций, ночного часа и темного перевала на предварительно возбужденный разум, в то время как видение двух офицеров было аналогичным магическим явлением, результатом впечатления, произведенного на них мгновенной молитвой жертвы и горячей дискуссией о реальности "Приколича". Часовой, вероятно, увидел странную фигуру и выстрелил; ружье разорвалось и убило его, подпалив одежду; это предположение подкрепляется утверждением, что бедняга, предвидя встречу с призраком, вложил в ружье двойной заряд. Этот случай еще раз учит, что простое отрицание фактов и надменная улыбка при виде видений не приносят никакой пользы, в то время как спокойное и внимательное изучение всех обстоятельств может пролить свет на их природу и со временем помочь искоренить роковые суеверия, подобные "Приколичу".

Интересно наблюдать, насколько безобидны и даже приятны в сравнении с ними видения людей с хорошо тренированным умом и добрым нравом. Книготорговец Николай развлекал своих призрачных гостей, и порой их разговор его очень забавлял. Макниш ("Сон", с. 194) рассказывает о докторе Бостоке, у которого были частые видения, и о пожилой даме, которую доктор Олдерсон лечил от подагры и которая принимала дружеские визиты родственников и знакомых, с которыми она беседовала, но которые мгновенно исчезали, когда она звала свою горничную. Другой пациент доктора Олдерсона, который видел себя таким же образом в окружении множества людей, даже ощущал удары, которые наносил ему кнутом фантом-картер. Хотя во всех этих случаях видения исчезали после энергичного кровопускания и очищения, тем не менее явления были реальными в той мере, в какой они затрагивали пациента, и в каждом случае были полностью подтверждены и научно исследованы. Известный автор Макниш сам часто становился жертвой подобного самообмана; во время приступа лихорадки он видел страшные адские фигуры, формирующиеся и растворяющиеся по желанию, а однажды ночью ему привиделся целый театр, заполненный людьми, среди которых он узнал многих друзей и знакомых, а на сцене он увидел знаменитого Дюкроу с его лошадьми. Как только он открыл глаза, сцена исчезла, но музыка продолжалась, так как оркестр играл великолепный марш из "Аладдина" и не прекращал своего волшебного представления в течение пяти часов. Таким образом, зрение, по-видимому, находилось под влиянием его воли, но слух был ему неподвластен.

Очень интересный класс видений, сопровождаемых несомненными магическими явлениями и столь же частых в наше время, как и в любой другой период, составляют те, которые являются результатом климатических и топографических особенностей. Мы уже говорили, что особое впечатление, которое производят на предрасположенные умы обширные пустыни и бескрайние пустоши, суеверные жители близких мест часто приписывают влиянию злых духов. Таким видением является рагл Северной Африки, который возникает либо после утомительных путешествий по сухой, жаркой пустыне, вследствие сильного нервного возбуждения, либо как один из симптомов тифозной лихорадки у местных пациентов. Зрение и слух страдают одинаково, другие органы чувств - только в редких случаях. Обычно глаз видит все в огромном увеличении или странном изменении: галька

превращается в огромные каменные глыбы, слабые следы на горячем песке - в широкие просеки или обширные луга, а далекие тени - в животных, колодцы или горные склоны. При восходе луны видение увеличивается в размерах и четкости; сцена становится оживленной, люди проходят мимо, верблюды следуют друг за другом длинными рядами, а войска маршируют мимо батальонами. Затем и слух начинает поддаваться очарованию; шелест сухих листьев превращается в сладкую песню многочисленных птиц; ветер сменяется криками отчаяния, а шум падающего песка - отдаленным громом. Мозг, по-видимому, остается незатронутым, так как путешественники, страдающие от Ragl, способны делать записи и фиксировать симптомы, хотя блокнот выглядит для них как огромный альбом с дорогими гравюрами. Можно не сомневаться, что прилив крови к глазам и ушам является первопричиной этих явлений, но особая природа видений до сих пор остается загадкой. Одной из поразительных особенностей является их неизменная идентичность у людей одной расы и культуры; европейцы имеют свои собственные галлюцинации, которые не разделяют африканцы; первые видят церкви, дома и кареты, вторые - мечети, палатки и верблюдов, доказывая тем самым, что эти галлюцинации чувств возникают в сознании, а не во внешнем мире. Путешественники, страдающие от голода или от страшного воздействия симуна, естественно, подвержены раглу больше, чем другие; видения обычно появляются ближе к полуночи и продолжаются до шести-семи часов утра, а днем они наблюдаются только в случаях обострения страданий. Другая особенность заключается в том, что эти видения связаны только с небольшими предметами и умеренными звуками; легкое трение вибрирующей кисточки на шее верблюда показалось великому исследователю Ричардсону похожим на стук мельничного колеса, а слова, выкрикиваемые его спутником, звучали вполне естественно. Так в каждом лишайнике он видел зеленый садовый участок, а звезды различал достаточно отчетливо, чтобы направлять по ним свой путь, даже когда очень сильно страдал от рагла.

Фата Моргана так называемой Великой пустыни в Орегоне, в которой в значительной степени теряются воды Падуки, Канзаса и Арканзаса, - это родственная привязанность. Здесь также видят всевозможные фантомы, гигантских всадников, колоссальные здания и мерцающие огни; но отсутствие тепла делает видения менее частыми и менее отчетливыми. Индейцы, как и африканские мавры, боятся этих явлений и приписывают их злым духам. Эти явления представляют особый интерес еще и потому, что доказывают, как постоянно во всех этих вопросах современной магии факты сочетаются с простыми заблуждениями. Так, например, мерцающие огни, о которых мы упоминали, - это не просто видения, а реальные и осязаемые субстанции, эффект газообразных выделений, которые довольно часто встречаются в этих степях. Так же обстоит дело и с местными видениями, характерными для горных регионов, такими как Маленький Серый Человек из Гризона в Швейцарии и гномы шахтеров почти во всех странах. Жители альпийских регионов приобретают - или даже наследуют, возможно, - особую способность предсказывать погоду; они инстинктивно чувствуют, не давая себе труда выяснить причину, приближение туманов и мглы, столь опасных для благополучия их стад и их собственной безопасности. Это предчувствие облекается местными традициями и их собственным живым воображением в знакомые очертания сверхъестественных существ, и то, что сначала было, возможно, просто формой речи, постепенно превращается в глубоко укоренившуюся веру, передающуюся от отца к сыну. В конце концов они действительно видят глазами поднимающиеся туманы и дрейфующие облака в форме, о которой так часто слышали, или придают поднимающимся газам, далеко в недрах земли, форму знакомых гномов. Эти видения, следовательно, не полностью порождены воображением, но имеют, так сказать, зерно истины, вокруг которого сплетается странная форма.

Многочисленный класс видений, представляющих собой одни из самых интересных явлений этой отрасли магии, следует рассматривать как результат врожденного желания постичь тайну будущей жизни. Человеческое сердце, осознающее бессмертие от природы и уверенное этом в откровении, страстно желает приподнять завесу, скрывающую тайны будущей жизни. Среди прочих средств для достижения этой цели часто требовалось обещание близких друзей, что после смерти они вернутся и расскажут о своем состоянии в другом мире. Такие договоры заключались с незапамятных времен, но до сих пор их единственным результатом было то, что оставшиеся в живых люди время от времени верили, что их навещают умершие друзья - другими словами, что состояние сильного волнения и ожидания вызывало у них видения. В конце концов, верно и то, что из этой пропасти путешественники никогда не возвращаются. Тем не менее, эти видения представляют глубокий интерес для психолога, поскольку они являются результатом бессознательных действий и, таким образом, показывают, какие мысли живут в нашем сердце относительно будущего.

V.

ПРИЗРАКИ.

"Sunt aliquid manes; letum non omnia finit".

Мало найдется тем, не относящихся к сложным вопросам теологии, по которым выдающиеся люди всех наций и эпох придерживались бы более разнообразных взглядов, чем по так называемым призракам. Сам термин понимался по-разному почти всеми великими писателями, которые подходили к границе этого отдела магии. Слово, которое сейчас обычно используется для обозначения любого нематериального существа, не сделанного из земли, земного, или, возможно, в более высоком смысле, "тела духовного" святого Павла, в ранние времена христианства применялось только к видимым духам умерших людей. В Средние века, когда все странное и неестественное безоговорочно приписывалось дьявольскому влиянию, эти явления также считались не чем иным, как делом рук дьявола. В последние дни богословы добавили новый предмет споров к этому непростому вопросу. Богословы XVII и XVIII веков, конечно, отрицали возможность повторного появления духов усопших, как они последовательно отрицали существование чистилища, и, тем не менее, только из чистилища этим духам, согласно распространенному мнению, было позволено вернуться на землю - рай и ад были сравнительно закрытыми местами. Однако, поскольку люди настаивали на том, что видят призраков, им ничего не оставалось, как объявить их галлюцинациями, порожденными в злокозненных целях самим лукавым; так постановила не так давно Базельская консистория в связи с обращением немецкого автора-мистика Юнга Штиллинга. И все же очевидно, что ряд выдающихся мыслителей, и даже несколько самых скептических философов, верили в возможность таких посещений узниками Шеола. Гуго Гроций и Пуффендорф, чья известная житейская мудрость дает право на большое уважение, Макиавелли и Боккаччо, Томазий и даже Кант - все они неоднократно признавали существование того, что мы привычно называем призраками. Великий философ из Кенигсберга полностью погружается в эту тему. "Нематериальные существа, - говорит он, - включая души людей и животных, могут существовать, хотя их следует рассматривать не как заполняющие пространство, а лишь действующие в его пределах". Он допускает вероятность того, что вскоре будет открыт процесс, посредством которого человеческая душа, даже в этой жизни, тесно связана с нематериальными заключенными мира духов, и эта связь, по его словам, действует в обоих направлениях: люди влияют на духов, а духи

действуют на людей, хотя последние не осознают этих впечатлений, "пока все в порядке". Подобно тому, как физический мир находится под контролем закона гравитации, духовный мир, по его мнению, управляется моральным законом, который обуславливает различие между добрыми и злыми духами. Этой же веры придерживаются и подробно обсуждают выдающиеся французские авторы, такие как де Муссо, де Мирвиль и другие. Католическая церковь никогда полностью не отрицала доктрину призраков, возможно, считая себя связанной библейским утверждением, что "гробы отверзлись, и многие тела святых, спавших, встали и вышли из гробов, и пошли в святой город, и явились многим". (Тертуллиан, Святой Августин и Фома Аквинский однозначно утверждают, как догмат, что души усопших могут покидать свой дом, но не по своему желанию, а только по особому разрешению Всевышнего. Святой Августин упоминает святых, которые его посещали, а Фома Аквинский говорит даже о возвращении проклятых узников ада, чтобы утешить и обратить преступников в этом мире. В "Энциклопедии католического богословия" (iv. p. 489) говорится, что "хотя теория призраков никогда не становилась догмой Святой Церкви, она сохранялась и существовала во времена Христа, который не осуждал ее, когда она упоминалась в его присутствии". (Св. Матф. xiv. 26; Св. Лука xxiv. 37).

Кальмет, известный бенедиктинский аббат из Сенон в Лотарингии, один из самых известных богословских писателей XVIII века, говорит (i. 17): "Явления призраков были бы более понятны, если бы духи имели тело; но Святая Церковь постановила, что ангелы, дьяволы и духи усопших являются чистыми нематериальными духами. Поскольку этот вопрос выходит за рамки наших умственных способностей, мы должны подчиниться суждению Церкви, которая не может ошибаться". Другой великий богослов, немец Бенгель, напротив, полагал, что "вероятно, явления усопших имеют установленный предел и затем прекращаются; они продолжаются, вероятно, до тех пор, пока все связи между телом и душой не будут полностью разорваны". Этот вопрос о характере нашего существования в течение времени, следующего за смертью, является, как известно, одним из самых сложных в наши дни, поскольку в то время как большинство богословов протестантской церкви предполагают немедленное решение нашей вечной судьбы, другие допускают вероятность промежуточного состояния, а католическая церковь имеет свое хорошо известное испытательное состояние в чистилище. Можно сразу сказать, что вся теория призраков приемлема только в том случае, если мы допускаем, что после смерти следует период, в течение которого душа переживает не мгновенный разрыв, а медленное, постепенное отделение от тела, сопровождаемое такой же постепенной адаптацией к новому образу существования. Вопрос о том, остается ли дух в это время достаточно сродни земным субстанциям, чтобы иметь возможность облечься в какую-либо материю, осязаемую чувствами живых людей, имеет сравнительно небольшое значение. Идея такого "бесплотного тела" очень древняя, и она никогда не переставала возникать. Так, в 1306 году уже Гвидо де ла Тонс, умерший в Вероне, в течение восьми дней являлся своей жене, соседям и нескольким благочестивым священникам и заявил в ответах на их вопросы, что духи усопших обладают способностью облекаться в воздух и таким образом становиться осязаемыми для живых существ. Бейль в своей статье о Спинозе (примечание 2) также отстаивает возможность, по крайней мере, физических эффектов, производимых агентами, присутствие которых мы не в состоянии воспринять с помощью наших обычных органов чувств. Даже такой исключительно практичный ум, как ум Лессинга, был озадачен трудностями, связанными с этим вопросом, и он заявил, что "здесь его мудрые мысли были на исходе".

Другой великий немецкий писатель, Геррес, в своей "Христианской мистике" (iii. p. 307) не только признает существование призраков, но и объясняет их как "высшую прототипическую

форму человека, освобожденную от земной формы, спектр, освобожденный от своей оболочки, который может присутствовать везде, где пожелает, в пределах установленных границ своей области". Это мнение, однако, не подтверждается опытом тех, кто верит, что видел призраков; ведь последние лишь изредка появляются в высшей, очищенной форме, напоминающей бесплотные существа, как просто беловатый пар или форма, образованная слабым светом; гораздо чаще их видят в форме и даже в костюме их земного существования. Единственным доказательством наличия сверхъестественных или магических сил, сопровождающих подобные явления, является невыразимый ужас, который угнетает сердце и вызывает сильные телесные страдания; холодный озноб, неизменно предшествующий явлению, и глубокое, изысканно болезненное чувство, которое не забывается в течение всей жизни.

Пока эта тема настолько мало изучена, что есть лишь несколько фактов, которые можно назвать полностью установленными. Форма и облик, в которых появляются призраки, являются результатом воображения человека, видящего призраков, независимо от того, видит ли он ангелов или дьяволов, людей или животных. Если его восприимчивость сильно развита, он видит их во всей полноте и различает даже мельчайшие детали; слабые люди, напротив, воспринимают лишь слабые, светящиеся или белесые образы, просто фрагментарные и зачаточные видения. Однако эти способности восприятия могут быть улучшены практикой, и те, кто часто видит призраков, непременно обнаруживают одну особенность за другой, пока вся форма не предстанет перед их мысленным взором ясно и отчетливо. Ухо обычно более восприимчиво к приближению призраков, чем глаз, и часто предупреждает разум задолго до того, как явление становится видимым. Слышимые звуки, как правило, неясны и плохо различимы, в основном это низкий шепот или беспокойное шуршание, странное движение туда-сюда или дуновение холодного воздуха в разных направлениях. Многие звуки, однако, настолько своеобразны, что их не услышишь иначе как в связи с призраками, и поэтому они не поддаются никакому описанию. Нет нужды добавлять, что подавляющее большинство таких звуков также существует только в сознании слушателя, но поскольку последний в состоянии возбуждения полностью убежден, что слышит их, они для него столь же реальны, как если бы существовали вне его существа. Они также не всегда присущи только призрачному провидцу. Напротив, слышание таких звуков так же заразительно, как и видение таких достопримечательностей; и не только люди подвержены этому влиянию, они видят и слышат то, что испытывают другие, но даже высшие животные, лошади и собаки, разделяют эту восприимчивость. Когда призраки говорят, голос почти всегда энгастримантический, то есть призрак сам произносит слова, в состоянии экстатической бессознательности, и, вероятно, с помощью своего рода инстинктивного чревовещания. К этим явлениям зрения и слуха следует добавить, в-третьих, периодическое сильное перемещение тяжелых предметов. Мебель, кажется, меняет свое место, громоздкие предметы исчезают полностью, или вся окружающая сцена принимает новый порядок и расположение. Эти явления, насколько они действительно существуют, должны быть приписаны высшим, пока еще необъяснимым силам, и предполагают мнение, которого придерживаются многие авторы, что развоплощенные духи, поскольку они освобождены от механических законов природы, обладают также силой приостанавливать их во всем, с чем они вступают в контакт. Последняя особенность видения призраков, которая является существенной, - это холодная дрожь, невыразимый ужас, который охватывает бедного смертного человека в тот момент, когда он вступает в контакт с неизвестным миром. Уже Иов сказал: "На меня напал страх и трепет, от которого задрожали все кости мои. Потом дух прошел пред лицом моим; волосы на плоти моей встали дыбом" (iv. 14, 15). Это чувство смутного, но почти непереносимого ужаса напоминает агонию умирающего человека; оно совершенно естественно, поскольку видение призраков, то есть развоплощенных духов,

возможно только при более или менее полной остановке обычной жизни во плоти. На мгновение все телесные функции приостанавливаются, деятельность мозга прекращается, а само сознание теряется, как при обмороке. Это редко происходит без короткой инстинктивной борьбы, и окончательная победа невидимой и неведомой силы, лишаящей разум привычной власти над телом, обязательно сопровождается сильной болью и непреодолимыми муками.

Хорошо подтвержденные случаи появления духов ушедших людей упоминаются в самых ранних писаниях. Валериус Максим живописно описывает опыт поэта Симонида, который собирался сесть на судно, чтобы отправиться в дальнее путешествие с друзьями, когда обнаружил мертвое тело, лежащее непогребенным на морском берегу. Потрясенный нечестивостью друзей неизвестного, он отложил свой отъезд, чтобы устроить трупу достойные похороны. На следующую ночь ему явился дух этого человека и посоветовал не отплывать на следующий день. Он послушался, друзья ушли без него и погибли во время сильной бури. Глубоко тронутый печальной утратой, но не менее благодарный за собственное чудесное спасение воздвиг памяти своего неизвестного друга благородный памятник в стихах, не имеющий себе равных по красоте и пафосу. Флегон, вольноотпущенник императора Адриана, также оставил нам в своем труде *"De Mirabilibus"* один из самых трогательных примеров такого видения призраков; это известная история о Махатесе и Филимионе, которую Гете воспроизвел в своей *"Коринфской невесте"*. Не стоит забывать и о многочисленных примерах видений во сне, с помощью которых Всевышний решил открыть Свою волю возлюбленным среди избранного народа - серия явлений, о продолжении которой Церковь позаботилась в прежние века, почти непрерывно сменяя друг друга от святого к святому. Язычники были обращены в веру благодаря таким откровениям, мученики получили утешение, раненые - исцеление, и даже император Константин был исцелен от проказы благодаря явлению двух апостолов, Петра и Павла.

Истина, которая лежит в основе всех этих явлений, вероятно, заключается в том, что призрачные волнения - это в основном действия людей, но людей, которые на время перестали быть свободными агентами и которые по причинам, которые мы сейчас объясним, приобрели исключительные способности. Так, известный юрист, советник Хелльфельд в Йене, однажды вечером был на пороге подписания смертного приговора солдату кавалерии. Этот вопрос глубоко волновал его ум в течение нескольких дней, и прежде чем взяться за перо, он, по своему обыкновению, призвал "помощь Всемогущего через Его святой дух". В этот момент - это было за час до полуночи - он слышит сильные удары в окно, которые звучат так, словно по стеклам бьют хлыстом. Его секретарь также отчетливо слышит удары и начинает сильно дрожать. Эта кажущаяся случайность заставляет судью повременить с решением; он посвящает следующий день тщательному повторному изучению доказательств и приходит к убеждению, что преступление заслуживает лишь незначительного наказания. Не успел закончиться год, как был пойман другой преступник, который добровольно признался, что именно он совершил преступление, за которое был наказан солдат. В этот торжественный момент, конечно, только собственный разум судьи, глубоко тронутый и измученный мучительной работой, символически предупредил его, чтобы он не спешил, и сам факт, что удары прозвучали так, как будто они были нанесены кнутом, доказывал его неосознанную ассоциацию этого шума с кавалерийским солдатом. И все же он и его секретарь верили и торжественно утверждали, что слышали эти таинственные удары! Этот дуализм, который как бы разделяет человека на два существа, одно из которых следует за другим и наблюдает за ним, в то время как оба не осознают своей идентичности, является магическим элементом в этих явлениях. Эта неосознанность, доказывающая, как и во сне, бездействие нашего разума, приводит к естественному

эффекту: все призрачные явления кажутся нам глупыми, бесцельными и злыми. Дело в том, что они почти всегда исходят от более или менее больного или нарушенного разума и приобретают значение только в той мере, в какой наша обязанность состоит в том, чтобы отделить истину от заблуждения. Только так мы можем надеяться противостоять их пагубной тенденции и не дать еще более сильным заблуждениям овладеть слабыми умами. Именно с этой целью в Лондоне в 1869 году был создан клуб, члены которого находят развлечение и полезную работу в расследовании всех случаев появления домов с привидениями и других призрачных явлений.

О том, что вера в призраков не является современным заблуждением, можно судить по святому Августину, который уже упоминает ферму некоего Гаспариуса, потревоженную громкими звуками, пока молитва благочестивого священника не восстановила мир. В католической церкви есть святой Цезарий, который подобным образом очистил дом врача Эльпидия в Равенне, наполненный злыми духами, и впустил хозяина только после того, как тот прошел через ливень камней. Другому святому, Губертусу, призраки досаждали в его доме в Каменсе, и ему так и не удалось обрести покой, пока он не умер в 958 году. Злые или заинтересованные люди, конечно, слишком легко пользуются доверчивостью людей и используют подобные нарушения в личных целях; так было с привидениями, которые преследовали дом Совета в Констанце и дворец в Вудстоке во времена Кромвеля. Случай со скрупулезно добросовестным протестантским священником в Германии, который в 1719 году вызвал сильное волнение во всей империи, хорошо подходит для того, чтобы показать реальную природу ряда таких призрачных волнений. Его вызвали к смертному одру отъявленной грешницы, женщины, которая в последний момент хотела получить утешение от религии. К сожалению, он прибыл к ней слишком поздно; она уже была без сознания и умерла в его присутствии, как ему показалось, не примирившись со своим Богом и с самим собой, которого она часто оскорбляла и проклинала при жизни. Глубоко взволнованный, он вернулся домой и, размышляя о болезненной теме с сильным беспокойством в течение семи дней, начал слышать шаги в своем доме. Постепенно они становились все чаще, потом он различил в них женские шаги, и наконец они стали сопровождаться волочением платья. Были установлены часы, рассыпан песок, в доме держали собак - но все напрасно; никаких следов человека не было обнаружено, а звуки продолжались. Несчастный молился день и ночь, и шум исчез на две недели. Когда он перестал молиться, они вернулись, причем громче, чем когда-либо. Он сурово попросил призрака утихнуть, и вот! Призрак повиновался. Когда он спрашивает, кто это - добрый ангел или демон, ответа нет; но вопрос: "Ты дьявол?" - находит немедленный ответ в быстрых шагах по дому, ибо в голове бедняги засела мысль, что такие вещи может делать только лукавый. Наконец он собрал все свои оставшиеся силы и приказным тоном велел призраку уйти и никогда больше не появляться. С этого момента все волнения прекращаются - и очень естественно, потому что человек, которого преследовали призраки, полностью восстановил власть над собой; дуализм, порождавший все призрачные явления, прекратился, и восстановленный разум совершил свое собственное исцеление. Поскольку эти явления происходят изнутри, совершенно естественным представляется и то, что они чаще всего происходят в ноябре. Религиозные умы и суеверные склонности привели этот факт в причудливую связь с приближением времени Адвента, но причина, вероятно, чисто физическая; темный и мрачный месяц с его густыми туманами, символизирующими наступление зимы, предрасполагает разум к мрачным мыслям и делает его менее способным противостоять атмосферным воздействиям.

Очень распространено мнение, что подобные нарушения под названием "дома с привидениями" приписываются душам умерших людей, которые не могут найти покоя за пределами могилы. Серия историй о привидениях, основанных на этом предположении,

начинается с рассказа Суэтония и продолжается до наших дней. То был дух Калигулы, который не мог успокоиться до тех пор, пока его тело, сожженное лишь наполовину, оставалось в таком позорном состоянии. Ночь за ночью его дом и сад посещали странные видения, пока дворец не был уничтожен огнем, а сестры императора не отдали последние почести его останкам.

Таким образом, склонность современных исследователей возводить все популярные рассказы о великих событиях, все знакомые анекдоты и сказки, и даже пословицы и поговорки, к древним, была полностью удовлетворена и в этом случае. Они были не только известны античности, но и составляли основу народных сказаний. Так, младший Плиний рассказывает нам одну из них, которую он часто слышал. В Афинах стоял большой, комфортабельный особняк, который, однако, пользовался дурной славой. Ночь за ночью, как рассказывали, слышалось бряцание цепей, сначала на расстоянии, потом все ближе, пока не показалась бледная, изможденная фигура, с бородой и волосами в длинных растрепанных локонах и лязгающими цепями на руках и ногах. Обитатели дома не могли спать, были напуганы, болели и умирали. Так продолжалось год за годом, прекрасное здание пустовало и наконец было выставлено на продажу по низкой цене. Примерно в это время в Афины приехал философ Афинодор и увидел объявление; его насторожила небольшая сумма, которую требовали за дом, он заинтересовался причинами и снял дом. Ибо он был человеком смелым и намеревался разгадать тайну.

Вечером первого дня он выгнал слуг и остался один в передней комнате, писал и занимал себя нарочито серьезными и отвлеченными вопросами, чтобы не дать волю воображению. Как только все вокруг затихло, раздается лязг и звон цепей; но он не обращает внимания и продолжает писать. Шум приближается, и он входит в комнату; подняв голову, он видит перед собой известную странную фигуру. Она манит его, но он требует терпения и пишет дальше; тогда призрак трясет цепями над его головой и снова властно манит. Теперь он встает, берет лампу и следует за своим гостем через коридоры во двор, где призрак исчезает. Философ нарыгает на этом месте траву и отмечает место. На следующий день он обращается к властям с просьбой раскопать это место, и когда это было сделано, были найдены кости старика, нагруженные тяжелыми цепями. С тех пор дом оставался нетронутым, как будто усопший хотел лишь побудить какого-нибудь разумного человека оказать ему почести достойного погребения, которые у древних считались очень важными". ("Письмо к Серам", l. vii. 27.) История, рассказанная Лукианом ("Филопсевды", xxx.), почти идентична истории Плиния. Здесь же, в Коринфе, дом, некогда принадлежавший Евбатиду, по тем же причинам оставался незанятым и уже начал разрушаться, когда пифагореец Аригнот решил убедиться в реальности этих ночных явлений. Он приходит туда после полуночи, ставит лампу на пол, ложится и начинает читать. Вскоре появляется ужасное чудовище, черное, как ночь, и превращается из одного отвратительного зверя в другого, пока, наконец, не подчиняется суровому приказу неустрашимого философа и не исчезает в углу большой комнаты. С наступлением дня приводят рабочих, которые разбирают пол; находят скелет и достойно погребают его, и с этого дня в доме воцаряется обычный мир и покой. ("Эпист.", l. vii. 27.) Плутарх в своей "Жизни Кимона" также утверждает, что в банях в Херонее обитал призрак Дамона, который нашел там свою смерть; двери были замурованы, а место покинуто, но до его дня не было придумано никакого средства, и страшные виды и ужасные звуки продолжали делать это место непригодным для жизни.

Восточные страны также не знакомы с этим народным поверьем. В Египте дома с привидениями есть почти в каждой деревне, в Каире их огромное количество, а в Тунисе целые улицы были заброшены призрачными обитателями. В Нанкине один великий

мандарин владел просторным зданием, которое он не мог ни занять сам, ни сдать другим из-за его дурной репутации. Наконец миссионер иезуит Риччиус предложил взять его для своего ордена; отцы переехали в него, победили призраков какими-то известными им самим средствами и получили не только хороший дом, но и большой авторитет у туземцев за свою победу над духами (C. Hasart. *Hist. Eccles. Sinica*, p. 4, ch. iii.).

Подобное необычное поверье встречается не только во все века и среди самых просвещенных народов, но даже в нашем веке произошел похожий случай, который хорошо подтвержден. Герцог Карл Александр Вюртембергский, недоброй памяти, умер в городе Людвигсбурге, возможно, от убийства. В течение нескольких лет после этого дворец был ареной жесточайших беспорядков; даже часовые, сильные и хорошо вооруженные люди, были подняты и переброшены через парапет террасы. Иной раз казалось, что все здание заполнено людьми; двери открывались и закрывались, в апартаментах горел свет, мелькали неясные фигуры. Большим отрядам войск под командованием офицеров, специально отобранных для этой цели, не раз приказывали пройти по дворцу в таких случаях, но ни разу не обнаружили следов присутствия человека (Kerner. *Bilder*. p. 143). Даже великий Фридрих Прусский, человек, чей скептический ум, несомненно, должен был быть свободен от всех суеверий, однажды был вынужден признать свою неспособность объяснить естественными причинами происшествие такого рода. Католический священник в Силезии потерял свою кухарку, которая была ему особенно дорога; ее призрак, как его называли, продолжал преследовать дом, и, что самое странное, не для того, чтобы нарушить его покой, а чтобы выполнять обычную домашнюю работу. Полы были подметены, огонь разожжен, белье выстирано - все это было сделано невидимыми руками. Фредерик, случайно узнавший об этом, приказал капитану и лейтенанту своей гвардии расследовать дело; их приняли под бой барабанов, а затем позволили им стать свидетелями тех же домашних представлений. Когда мрачный старый капитан разразился страшными проклятиями, он получил по ушам и удалился, совершенно обескураженный. После его доклада королю дом был снесен, а на некотором расстоянии от него возведен новый пасторский дом. Этот случай упоминается во многих исторических трудах и без комментариев цитируется даже великим историком Менцелем. Другой поразительный случай, несколько иного характера, был полностью доложен Колониальному управлению в Лондоне. Речь идет о большом хранилище на острове Барбадос, вырубленном в живом камне и доступном только через огромную железную дверь, закрепленную обычным способом с помощью крепких засовов и замка, ключ от которого хранился в Доме правительства. В течение 1819 года его четыре раза открывали для погребения, и каждый раз было замечено, что все гробы в хранилище были с силой брошены. Губернатор, лорд Комбермир, сам отправился в сопровождении своих сотрудников и нескольких офицеров, чтобы осмотреть это место, и обнаружил, что само хранилище находится в идеальном порядке и без малейших следов насилия. Он приказал закрыть дверь цементом и поставил на нее свою печать, примеру которой последовали почти все присутствующие. Восемь месяцев спустя, 28 апреля 1820 года, он вскрыл хранилище в присутствии большой компании друзей и на глазах у многотысячной толпы. Цемент и печати оказались безупречными и неповрежденными; на песке, которым был тщательно посыпан пол хранилища, не было обнаружено ни следа, ни знака, но гробы снова были разбросаны в большом беспорядке. Один, такой тяжелый, что для его перемещения потребовалось восемь человек, был найден стоящим вертикально, а гроб с ребенком был с силой прибит к стене. Тщательно составленный отчет с рисунками был отправлен домой, но объяснения так и не было найдено. Ученые склонны были приписать эти волнения землетрясениям, но в летописях острова за эти годы их не было. Остается, однако, вероятность того, что обследование свода было несовершенным и что море могло

проникнуть в него через какую-то скрытую расщелину. В этом случае невидимым агентом вполне мог стать необычно высокий прилив.

Даже индейцы нашего далекого Запада лелеют ту же суеверную веру, и в своем домике на склонах Скалистых гор он слышит таинственные стуки. Для него они - доброе предупреждение духа, которого он называет Великим Медведем, предвещающее великое бедствие.

То, что определенные места, похоже, посещаются призраками, то есть преследуются с особым предпочтением, следует объяснить заразной природой таких психических расстройств, которые обычно вызывают подобные явления. Более того, это отнюдь не ограничивается, как принято считать, северными регионами, где частые туманы и густые дымки, короткие дни и длинные ночи, а также мрачное окружение и внушающие благоговение звуки природы предрасполагают разум к ожиданию сверхъестественных явлений. Так, например, прекрасная Суабия, одна из самых благодатных частей Германии, милая и улыбчивая на своих плодородных равнинах, и ни в коем случае не особо жуткая, даже в самых уединенных уголках Шварцвальда, изобилует местами с привидениями. В доме доктора Кернера, Вайнсберге, привидения посещали почти каждый дом; окрестности были столь же благосклонны, и даже в открытой местности есть бесчисленные крестьянские домики и дворянские усадьбы, которые часто посещают призраки. Одно из самых привлекательных поместий в Вюртемберге было куплено в 1815 году одним выдающимся солдатом, чья бесстрашная храбрость заставила его быстро подняться из класса в класс под взглядом великого Наполеона. Вскоре после его приезда жену каждую ночь будили разнообразные таинственные звуки, начиная от странного, низкого хныканья и заканчивая ужасающими взрывами. Полковник также слышал их и пытался выяснить причину. Кроме того, ночь за ночью огромные замковые часы, которые исправно ходили весь день, били не в те часы, а утром оказывались совсем не теми. Тревожные силы вскоре перешли на личности; однажды ночью, когда полковник, сидя за обеденным столом и услышав обычные звуки, сердито сказал: "Хотел бы я, чтобы призрак дал о себе знать!", раздался страшный взрыв, сбивший с ног оратора и собравший в комнате всех обитателей дома. Сразу же начались поиски, и обнаружилось, что главная гиря больших часов отсутствует. Пришлось заказать новую гирю, и только спустя долгое время старая была найдена зажатой между двумя этажами над часами. Беспорядки не ограничивались замком: в полночь лошади в конюшне становились беспокойными и почти дикими, рвались на свободу и потели, пока не покрывались белой пеной. Однажды полковник отправился в конюшню, сел на своего любимого возницу, который не раз переносил его шум и грохот сражений, и стал ждать наступления полуночи. Мгновенно бедное животное начало дрожать, потом пятиться и яростно брыкаться, пока его хозяин, известный как хороший наездник, не смог больше сдерживать его, и обезумевший конь носился по конюшне, рискуя жизнью. Через час бедняги начали успокаиваться, но дрожали всеми конечностями; лошадь самого полковника поддалась испытанию и умерла утром. Пришлось построить новую конюшню, которая осталась свободной от возмущений.

Самый примечательный и, как ни странно, в то же время наиболее достоверный из всех рассказов о волнениях, вызванных недавно ушедшими друзьями, можно найти в мемуарах, написанных самой страдальцей и адресованных знаменитому барону Гримму под псевдонимом господин Майс. Через него история попала к Гете, который сразу же перенял ее во всех подробностях и, лишь изменив имя главного героя на Антонелли, вставил ее в свои "Беседы немецких эмигрантов". Это же событие полностью описано в "Мемуарах маркграфини Анспахской" как "история, которая в то время произвела большую сенсацию в

Париже и возбудила всеобщее любопытство". Но еще больший авторитет этому рассказу придает тот факт, что он был официально зафиксирован в полицейских отчетах Парижа, из которых его часто извлекали для публикации. Мдль. Ипполит Клерон делает в основном следующие заявления: "В 1743 году моя молодость и успех на сцене обеспечили мне большое внимание со стороны молодых пижонов и пожилых распутников, среди которых, однако, я часто находила несколько лучших людей. Одним из них, который произвел на меня глубокое впечатление, был некий мистер С., сын купца из Бретани, лет тридцати, с красивыми чертами лица, хорошо сложенный и одаренный некоторым поэтическим талантом. Его разговор и манеры свидетельствовали о том, что он получил превосходное образование и привык к хорошему обществу, а его сдержанность и застенчивость, не позволявшие ему выдать свою привязанность, делали его еще более дорогим для меня. Убедившись в его благоразумии, я разрешил ему посещать меня и дал понять, что он может называть себя моим другом. Он принял это терпеливо, видя, что я все еще свободен и не лишен нежных чувств, и надеясь, что время внушит мне более теплую привязанность. Кто знает, что могло бы произойти! Но я часто расспрашивал его, как из любопытства, так и из благоразумия, и его откровенные ответы разрушали его перспективы; он признался, что, недовольный своим скромным положением в жизни, продал свое имущество, чтобы жить в Париже в лучшем обществе, а мне это не нравилось. Люди, которые стыдятся самих себя, не способны, как мне кажется, внушать другим уважение. Кроме того, он был меланхоличен и недоволен, слишком хорошо знал людей, чтобы, по его словам, не презирать и не избегать их. Он намеревался не посещать никого, кроме меня, и побудить меня также не видеть никого, кроме него. Вы можете представить, как мне не нравились подобные идеи. Я мог бы держаться за гирлянды, но не желал быть связанным цепями. С этого момента я поняла, что должна разочаровать его надежды, и постепенно удалась от его общества. Это вызвало у него тяжелую болезнь, во время которой я оказывал ему все возможное внимание. Но мой упорный отказ сделать для него больше, только углубил рану, и в то же время бедный молодой человек имел несчастье быть лишенным почти всего своего имущества своим неверным братом, которому он доверил продажу всего, что ему принадлежало, так что он был вынужден принимать от меня небольшие суммы для оплаты своей ежедневной пищи и необходимых лекарств.

"Наконец он вернул себе часть имущества, но его здоровье было подорвано; и поскольку я считал, что оказываю ему настоящую услугу, увеличивая расстояние между нами, я отказался впредь получать его письма и визиты.

"Так продолжалось два года с половиной, когда он умер. Он послал за мной, желая насладиться счастьем еще раз увидеть меня в свои последние минуты, но мои друзья не позволили мне уехать. Рядом с ним не было никого, кроме слуг и старухи, которая в последнее время была его единственной компаньонкой. Наши жилища находились далеко друг от друга: его - возле Шоссе-д'Антен, где было построено всего несколько домов, а мое - возле аббатства Сен-Мартен. Моими ежедневными гостями были агент, выполнявший все мои профессиональные обязанности, месье Пипеле, хорошо известный и любимый всеми, кто его знал, и Розели, один из моих коллег-комедиантов, добрый молодой человек, полный остроумия и таланта. Ужинали мы скромно, но были веселы и от души веселились. Однажды вечером я только что спел несколько милых песен, которые, казалось, привели в восторг моих друзей, когда часы пробили одиннадцать, и в тот же миг раздался чрезвычайно резкий крик. Его пронзительный звук и продолжительность поразили всех; я упала в обморок и пролежала без сознания почти четверть часа.

"Мой агент был влюблен в меня и так обезумел от ревности, что, когда я пришла в себя, он осыпал меня упреками и сказал, что сигналы для моего интервью были довольно громкими. Я сказала ему, что, поскольку я имею право принимать, когда и кого пожелаю, никакие сигналы не нужны, а этот крик, несомненно, был достаточно душераздирающим, чтобы убедить его, что он не предвещает никаких сладких минут. Моя бледность, дрожь, которая продолжалась некоторое время, слезы, текущие беззвучно и почти бессознательно, и настоятельная просьба, чтобы кто-нибудь остался со мной на ночь, - все эти признаки убедили его в моей невиновности. Мои друзья остались со мной, обсудили страшный крик и решили, наконец, выставить вокруг дома охрану.

"Тем не менее страшный звук повторялся ночь за ночью; его отчетливо слышали мои друзья, все соседи и даже полицейские, стоявшие неподалеку от нас; казалось, он раздавался прямо под моим окном, где ничего не было видно. Не было никаких сомнений в том, кому он предназначался, потому что, когда я ужинал, крика не было слышно; но часто после моего возвращения, когда я входил в свою комнату и спрашивал о нем у матери и слуг, он вдруг снова пронзал воздух. Однажды председатель суда, в доме которого я гостил, предложил проводить меня домой в целости и сохранности; в тот момент, когда он пожелал мне спокойной ночи у дверей, крик раздался прямо между нами, и беднягу пришлось поднимать в карету скорее мертвым, чем живым.

"В другой раз мой молодой спутник, Розели, умный, остроумный человек, не веривший ни в небо, ни в землю, ехал со мной в карете по дороге к другу, жившему в отдаленной части города. Мы обсуждали страшные муки, которым я подвергался, и он, посмеиваясь надо мной, в конце концов заявил, что ни за что не поверит, если не услышит это собственными ушами, и бросил мне вызов, чтобы я позвал своего любовника. Не знаю, как мне удалось уступить, но в тот же миг крик повторился трижды, причем с непреодолимой яростью. Когда наша карета подъехала к дому, слуги нашли нас обоих лежащими без сознания на подушках, и пришлось позвать помощь, прежде чем мы пришли в себя. После этого в течение нескольких месяцев я ничего не слышал и начал надеяться, что все закончилось. Но я жестоко ошибался.

"Членам королевского отряда комедиантов было приказано явиться в Версаль в честь бракосочетания дофина, и поскольку мы должны были провести там три дня, нам предоставили жилье. Однако случилось так, что одну мою подругу, мадам Гранваль, забыли, и, видя ее затруднения, я наконец предложил ей ближе к трем часам утра разделить мою комнату, в которой было две кровати. Это заставило меня отвести горничную в мою собственную постель, и, когда она уже собиралась уходить, я сказал ей: "Вот мы и на краю света, погода отвратительная, и крику было бы трудно преследовать нас здесь! В этот момент он раздался совсем рядом с нами; мадам Гранваль вскочила, ужасно испугавшись, и пробежала по всему дому, разбудив всех и приведя нас в такое возбужденное состояние, что всю ночь ни один глаз не сомкнулся. Семь или восемь дней спустя, когда я весело болтала с друзьями, в назначенный час раздался выстрел, очевидно, через мое окно. Мы все слышали его и видели огонь, но стекло не было разбито. Все сразу подумали о попытке убить меня, и некоторые друзья тут же поспешили к начальнику полиции. Немедленно были посланы люди, чтобы обыскать дома напротив, и в течение нескольких дней и ночей улица строго охранялась несколькими солдатами; мой собственный дом был обыскан от крыши до подвала, и друзья пришли большими компаниями, чтобы помочь в наблюдении: тем не менее, выстрел падал ночь за ночью в один и тот же час, в течение трех месяцев, с неизменной точностью. Не было найдено ни одной зацепки, не было замечено никаких признаков, кроме звука выстрела и вида огня. Ежедневно в штаб-квартиру полиции

поступали доклады о происшествиях, постоянно придумывались и применялись новые меры, но власти были озадачены, как и все, кто пытался разгадать эту тайну. В конце концов я вполне свылся с этим беспорядком и уже привык говорить о нем как о проделках *bon diable*, поскольку он так долго довольствовался трюками жонглеров; но однажды ночью, когда я вышел через открытое окно на балкон и стоял там с моим агентом рядом, внезапно прогремел выстрел, от которого нас обоих отбросило в комнату, где мы упали как мертвые. Придя в себя, мы встали и после некоторого колебания признались друг другу, что у нас сильно заложило уши: у него - правое, у меня - левое, после чего мы разразились искренним смехом. Следующая ночь прошла спокойно, но на следующий день я ехал со своей горничной в дом друга, куда меня пригласили встретиться с некоторыми знакомыми. Когда мы проезжали через определенную часть города, я узнала дома в ярком лунном свете и шутливо сказала: "Это очень похоже на ту часть города, где жил бедный С.". В тот же миг часы на ближайшей церкви пробили одиннадцать, и тут же из одного из зданий раздался выстрел, который, казалось, прошел сквозь нашу карету. Кучер решил, что на нас напали грабители, и хлестнул лошадей, чтобы спастись; я знал, что это значит, но все равно был основательно напуган и добрался до дома в состоянии, мало пригодном для светских развлечений. Однако это был последний раз, когда мой несчастный друг использовал оружие.

"Вместо стрельбы теперь раздавалось громкое хлопанье в ладоши, с определенными модуляциями и повторениями. Этот звук, к которому я привык на сцене благодаря любезности моих друзей, не так сильно беспокоил меня, как моих товарищей. Они расположились вокруг моей двери и под моим окном; они отчетливо слышали его, но не могли разглядеть ни одного человека. Я не помню, как долго это продолжалось, но за этим последовало пение сладкой, почти небесной мелодии, которая началась в верхней части улицы и постепенно нарастала, пока не достигла моего дома, где медленно закончилась. Затем шум прекратился совсем.

"Единственный свет на эту загадку пролила одна пожилая дама, которая обратилась ко мне под предлогом желания посмотреть мой дом, который я предлагал в аренду. Меня очень поразил ее почтенный вид и явное волнение. Я предложил ей стул и сел напротив, но некоторое время не мог вымолвить ни слова. Наконец она, казалось, набралась храбрости и рассказала, что давно хотела познакомиться со мной, но не решалась прийти, пока меня постоянно окружали друзья и поклонники. Наконец она случайно увидела мое объявление и воспользовалась случаем, чтобы увидеть меня и посетить мой дом, который вызвал в ее глазах глубокий, хотя и меланхолический интерес. Я сразу догадался, что она - тот самый верный друг, который один оставался у постели бедного С., когда тот был поражен смертельной болезнью и отказывался видеть кого-либо еще. В течение нескольких месяцев, сказала она мне, он не говорил ни о чем, кроме меня, глядя на меня то как на ангела, то как на демона, но совершенно не в силах удержать свои мысли от непрерывного пребывания на одной теме, которая заполняла его ум и сердце в равной степени. Я попытался объяснить старой леди, что в полной мере оценил его добрые качества и благородные порывы, но не нашел в себе сил согласиться с его своеобразными взглядами на общество и пообещать, как он настаивал, оставить все, что я любил, ради того, чтобы жить с ним в одиночестве и полном уединении. Я сказал ей также, что, когда он послал за мной, чтобы я увидел его в последние минуты жизни, мои друзья не пустили меня, и что я сам чувствовал, что зрелище его смерти в такой обстановке было бы крайне опасно для моего душевного спокойствия, к тому же совершенно бесполезно для умирающего. Она признала силу моих доводов, но повторила, что мой отказ ускорил его конец и лишил его в последний момент всякого самообладания. В таком состоянии духа, когда за несколько минут до одиннадцати вошел слуга и в ответ на его

страстный вопрос заверил, что никто не приходил, он воскликнул: "Бессердечная женщина! Она ничего не добьется своей жестокостью, ибо я буду преследовать ее после смерти, как преследовал ее при жизни!" И с этими словами на устах он скончался".

Впечатление, производимое этим тщательно проверенным рассказом, является сильным аргументом в пользу того, что после смерти душа человека сохраняет связь с миром, в котором мы живем. Жил человек, все существование которого было поглощено одной великой и всепроникающей страстью; она разрушила его тело и лишила разум возможности исправлять причуды его фантазии. В таком состоянии он и умер, с чувством тяжелой вины и жаждой мести на первом месте в его сознании. Затем последовал ряд магических явлений, свидетелями которых в течение нескольких лет были тысячи друзей и любопытных наблюдателей, бросивших вызов бдительности солдат и остроте полицейских агентов. Эти волнения, поначалу носящие отпечаток умышленного раздражения, постепенно принимают более мягкую форму, как бы выражая смягчение негодования; они становятся слабее и реже и, наконец, прекращаются совсем, наводя на мысль о покое, который бедная заблудшая душа обрела, наконец, по бесконечному милосердию и доброте, благополучно войдя в желанную гавань.

С другой стороны, поскольку контрасты встречаются и здесь, и в других местах, эти явления часто приписывались чисто физическим причинам, и в ряде случаев окончательное объяснение подтверждало это предположение. Например, одного ипохондрика-художника по ночам беспокоил негромкий, но яростный стук в его постели, который слышали как другие, так и он сам. Он молился, вызывал священников к своей постели, читал мессы от своего имени, но все было напрасно. Тогда пришел простой, здравомыслящий друг, который, наполовину в шутку, наполовину всерьез, накрыл большой палец его ноги латунной проволокой, которую окунул в щелочной раствор, и вот, стук прекратился и больше не возвращался! (Dupotel, "Animal Magn.") В другом случае женщина, страдающая сомнамбулизмом, пугала себя и других сильнейшими стуками, когда ее разочаровывали или мешали; ее врач, подозревая причину, в конце концов дал ей спазмолитические средства, и вскоре выяснилось, что во время нервных спазмов мышцы вибрировали достаточно сильно, чтобы вызвать эти нарушения. После этих открытий было обнаружено, что почти любой человек может производить такие стуки - которые стоят в подозрительном отношении к похищениям духов - напрягая определенные мышцы ноги; некоторые люди, которые практиковали этот трюк в научных целях, например профессор Шифф из Флоренции, способны имитировать почти все различные стуки, которые обычно приписывают привидениям и духам. Публичные выступления мистера Чонси Берра в Нью-Йорке стали яркими иллюстрациями этой способности, а мистер Шадрах Барнс в совершенстве имитировал стук пальцами ног.

В большом количестве случаев подобные явления возникают у людей, страдающих каким-либо нервным заболеванием, и тогда стуки, конечно же, производятся бессознательно и могут сопровождаться проявлениями исключительных способностей. Однако не стоит добавлять, что эти два симптома не обязательно имеют одинаковую природу; обычно механические стуки предшествуют развитию экстатических видений. У девочки одиннадцати лет, ребенка скромных эльзасских родителей, в 1852 году эта последовательность симптомов проявилась очень ярко. Ребенок имел привычку засыпать в любое время суток; сразу же таинственные стуки начинали исполнять танец или марш и продолжались ежедневно более часа. Через некоторое время бедная девочка начала разговаривать во сне и общаться со стучащим агентом. Она приказывала ему выбить тату или сыграть квикстеп, и это немедленно исполнялось. Указания посторонних, даже если они

не произносили их, а просто тщательно обдумывали в уме, выполнялись аналогичным образом. Наконец ребенок, несомненно, становясь все хуже и неистово возбуждаемый толпами любопытных, которые теснились в доме, начал наставлять своих слушателей, проповедовать и молиться; во время этих увещаний не было слышно стуков, но она стала ясновидящей и узнавала всех присутствующих, даже с закрытыми глазами. Ей казалось, что стуки и речи произносит чернокожий мужчина в красном платке. В конце концов ее ясновидение стало настолько поразительным, что ее случай вызвал глубочайший интерес у лиц, занимающих высокое социальное положение, и несколько врачей обследовали ее с особой тщательностью. Ее болезнь была объявлена неврозом ("Магикон", т. 274).

Очень своеобразное и совершенно необъяснимое явление, относящееся к этому классу призрачных явлений, - это полное удаление людей невидимой силой. Представление о подобных явлениях, должно быть, было распространено среди иудеев, ибо когда "явилась колесница огненная и кони огненные... и Илия вознесся вихрем на небо" (II Царств ii. 11), сыны пророков не сразу смирились, а послали пятьдесят человек на его поиски, "чтобы Дух Господень не взял его и не бросил на какую-нибудь гору или в какую-нибудь долину" (ст. 16). В Новом Завете то же самое таинственное перемещение упоминается в случае с Филиппом после его беседы с эфиопом, которого он крестил. "Дух Господень уловил Филиппа, и евнух уже не видел его", и "Филипп был найден в Азоте" (Деян. Viii. 39, 40). То, что в этих случаях было сделано божественной силой, в других случаях, как говорят, было делом рук неизвестной и невидимой силы. Обычно, несомненно, мужчины или дети теряют себя случайно, либо когда они уже находятся от болезни или по другой причине в состоянии полусознания, либо когда они становятся настолько озадаченными и напуганными самим происшествием, что им кажется, что их унесла таинственная сила. Самый достоверный случай приводится у Бомонта (стр. 65). Ирландский управляющий, пересекая поле, увидел на нем большую компанию, которая пировала, и был приглашен присоединиться к их трапезе. Однако один из них шепотом предупредил его, чтобы он не принимал ничего из того, что ему предложат. Когда он отказался есть, стол исчез, а люди стали танцевать под веселую музыку. Его снова пригласили присоединиться, но когда он отказался, все исчезли, и он остался один. Он поспешил домой, основательно напуганный, и упал в обморок в своей комнате. Ночью ему приснилось или привиделось, что один из таинственной компании появился у его кровати и объявил ему, что если он посмеет выйти из дома на следующий день, то его унесут. Он оставался дома до вечера, когда, считая себя в безопасности, переступил порог. Мгновенно увидев его, его спутники, обвязав его веревкой, поспешили прочь так быстро, что не смогли за ним угнаться. Наконец они встречают всадника, которого знаками просят задержать несчастную жертву; он хватает веревку, получает сильный удар, но спасает управляющего. Лорд Оррери пожелал увидеть этого человека, и когда тот предстал перед графом, он сообщил, что другой ночной посетитель угрожал ему, как и прежде. После этого его поместили в большую комнату под охраной нескольких крепких мужчин; туда постоянно входили и выходили несколько уважаемых лиц, среди которых были два епископа. Днем его внезапно подняли в воздух; знаменитый боксер Грейтрикс, специально приставленный к нему для охраны, и еще один сильный человек схватили его за плечи, но он вырвался из их рук и некоторое время носился высоко над головами, пока наконец не упал на руки кому-то из своих сторожей. Ночью то же самое видение снова стояло у его постели, предлагая выпить серой кашицы, которая должна была излечить его от всех недугов и защитить от дальнейшего насилия. Он поддался на уговоры, когда посетитель представился ему бывшим другом, который был вынужден посещать эти таинственные собрания в наказание за беспутную жизнь, которую он вел на земле, и теперь желает спасти другого несчастного от такой же печальной участи. При этом он напомнил ему о том, что тот пренебрегает молитвой, а затем исчез. Стюард быстро оправился от испуга, и больше к нему

никто не приставал. Можно не сомневаться, что этому человеку было плохо и с телом, и с совестью, и что это двойное бремя было слишком тяжелым для его разума; его мысли стали беспорядочными, пока он не почувствовал, что внешняя сила сильнее его собственной воли, и поэтому не только представлял себе странные видения, но и фактически подчинялся хаотичным импульсам своего больного разума, как будто они были актами насилия извне.

Что касается излюбленных мест, где чаще всего бывают видения, то, по-видимому, уже в древности уединенные места считались особыми курортами для злых духов. Пустыни Азии с их глубокими оврагами и многочисленными пещерами наводили на мысль о населении пугливых и странных существ, которых мало кто видел и никто не знал в полной мере. Отсюда и страшное описание Вавилона во время его низвержения, когда "дома их будут полны мрачных тварей, и совы будут обитать там, и сатиры будут плясать там" (Исаия xiii). (Исаия xiii. 21). Новый Завет подобным образом говорит о пустынях Палестины как об обиталище злых духов, а в более поздние времена Фарерские острова постоянно упоминались как населенные странными и неземными существами. Пустыни Африки полны джиннов, а обширные равнины Востока населены странными явлениями. Уединенные места норвежских гор изобилуют гномами и спрайтами, а пустыри повсюду не успевают быть покинутыми людьми, как их оккупируют злые духи и становятся сценами диких и жутких видений.

Хорошо подтвержденные случаи видений регистрируются непрерывной чередой со времен античности до наших дней и не оставляют сомнений в том, что они не только часто встречаются среди людей, но и, как правило, сопровождаются магическими явлениями огромной важности. Древние, конечно, чаще всего видели своих богов; язычники, обращенные в христианство, - своих прежних идолов, грозивших им страшными карами; христиане - своих святых и мучеников, ангелов и демонов. Таким образом, все стороны опираются на авторитеты, никак не свойственные той или иной вере, но общие для всего человечества; и битва ведется, по крайней мере на время, между верой и верой и между видением и видением. Знаменитый ритор Аристид, который упоминается в истории как один из самых могущественных поборников политеизма, когда-либо способных выступить против торжествующего христианства, в часы своего возвышения видел великого Эскулапия, который давал ему указания, как вести свою войну. В такие моменты его публичные выступления становились настолько привлекательными, что тысячи восторженных слушателей собирались, чтобы прильнуть к его устам. История гения Сократа хорошо известна; Аулус Геллий рассказывает, как великого мудреца видели неподвижным в течение двадцати четырех часов на одном и том же месте, прежде чем он присоединился к экспедиции в Потидею, настолько поглощенным глубокой мыслью, что казалось, будто его душа покинула тело. Дион, самый близкий друг Платона, видел, как огромная фурия вошла в его дом и вымела его метлой; возник заговор, и он был убит, потеряв за несколько дней до этого своего единственного сына. (Тот же Симонид, который, согласно Валерию Максиму (*De Somniis*, l. i. ch. 5), спасся от кораблекрушения благодаря своевременному предупреждению духа, однажды обедал в великолепном доме Скопаса в Краноне, в Фессалии, когда вошел слуга и сообщил ему, что у дверей стоят два гигантских юноши и хотят его немедленно видеть. Он вышел и никого не обнаружил, но в тот же миг крыша и стены столовой обрушились, похоронив всех гостей под развалинами (*Phædrus' Fab.*, iv. 24). Древние считали видения в обоих случаях лишь следствием пророческой силы поэта, которая спасла его от немедленной смерти: один раз в виде духа, а второй раз - в виде Диоскуров. Поскольку Симонид незадолго до этого написал прекрасную поэму в честь Кастора и Поллукса, его

побег и дружеское предупреждение были естественно приписаны героическим юношам, которые постоянно появляются в истории как защитные джины. Известно, что в Греции они сражались, облаченные в пурпурные плащи и восседая на белоснежных конях, на стороне Локри, и в тот же день объявили о своей победе в Олимпии и Спарте, в Коринфе и Афинах (Юстин, ix. 3). В Риме им приписывали победу на берегу Регилльского озера и сообщали, что они, как и в Греции, ворвались в город, опередив всех гонцов, чтобы сообщить радостную весть. Во время македонской войны они встретили Публия Ватиния, направлявшегося в Рим, и сообщили ему, что накануне Эмилий Паулюс захватил Персея. Обрадованный новостью, префект поспешил в сенат, но был дискредитирован и фактически отправлен в тюрьму по обвинению в пустых сплетнях, недостойных его высокого поста. И только когда наконец из далекой армии приходят гонцы и подтверждают сообщение о пленении Персея, неудачливого префекта снова освобождают и награждают высокими наградами.

В других случаях гений-предупредитель являлся в видениях иного характера. Так, Ганнибал, по преданию, проследил во сне весь ход и успех всех своих планов с помощью своего гения, который явился ему в виде ребенка дивной красоты, посланного самим великим Юпитером, чтобы направить его движения и сделать его хозяином Италии. Ребенок просил его следовать за ним, не оборачиваясь, но Ганнибал, поддавшись врожденной склонности жаждать запретного плода, оглянулся и увидел огромного змея, низвергающего все преграды на своем пути. Затем разразилась сильная гроза с яростными молниями, которые разрушили самые крепкие стены. Ганнибал спросил о значении этих предзнаменований, и ему ответили, что гроза означает полное подчинение Италии, но что он должен молчать и предоставить остальное судьбе. То, что видение не сбылось полностью, естественно, приписали его неосмотрительности. Гений двух консулов, П. Деция и Манлия Торквата, напротив, принял форму огромного призрака, который появился ночью в их лагере у подножия Везувия и объявил о решении, что один вождь должен пасть, чтобы сделать армию победоносной. На основании этого видения два полководца решили, что тот, чьи войска первыми покажут признаки сдачи, должен искать смерти, выступив в одиночку против латинской армии. Поэтому легионы Деция не успели отступить, как он с мечом в руке бросился на врага и не только погиб славной смертью за свою страну, но и обеспечил блестящую победу своим братьям.

Позднее гений спас жизнь Октавиану, когда они с Антонием расположились лагерем в Филиппах, накануне великой битвы с Брутом и Кассием. Однако видение явилось не ему самому, а другому человеку, его собственному врачу Артуру, которому во сне было приказано посоветовать своему господину явиться на поле боя, несмотря на серьезное недомогание. Октавиан последовал совету и вышел, хотя его пришлось нести в санях; во время его отсутствия солдаты Брута вошли в лагерь и фактически обыскали его палатку, в которой он неминуемо погиб бы, если бы не своевременное предупреждение. Совсем иной характер имело видение Кассия, лейтенанта Антония, который во время бегства в Афины увидел ночью огромный черный фантом, сообщивший ему, что это его злой дух. В ужасе он позвал своих слуг и спросил, что они видели, но те ничего не заметили. Успокоенный таким образом, он снова уснул, но призрак вернулся снова и так мучительно тревожил его разум, что он не спал всю ночь, окруженный своей охраной и рабами. Впоследствии это видение было истолковано как предзнаменование его грядущей насильственной смерти.

Император Траян был спасен от смерти во время страшного землетрясения человеком колоссальных размеров, который пришел вывести его из дворца в Антиохии; а Аттила, который, к удивлению всего мира, пощадил Рим и Италию по просьбе папы Льва Великого, назвал истинным мотивом своего поступка появление величественного старика в

священнических одеждах, который, обнажив меч, угрожал ему мгновенной смертью, если он не исполнит все, что потребует римский первосвященник.

В других случаях, столь же многочисленных, сколь и поразительных, гений принимает облик женщины. Так, Дион Кассий ("История Рима", l. lv.), а также Суетоний ("Клавдий", l. i) рассказывают, что когда Друз опустошил Германию и собирался переправиться через Эльбу, ему явилась грозная фигура гигантской женщины, которая вброд дошла до середины потока, а затем воскликнула: "Куда, о Друзус? Не можешь ли ты положить предел своей жажде завоеваний? Назад! Конец твоим деяниям и твоей жизни близок!" История гласит, что Друз отступил без видимых причин и что он умер, не дойдя до берегов Рейна. Тацит рассказывает о видении, которое посетило Курция Руфа в то время, когда он, сын гладиатора и занимавший самое скромное положение, сопровождал квестора на пути в Африку. Когда он ходил вверх и вниз по проходу в глубокой медитации, ему явилась женщина необыкновенного роста и сказала: "Ты, о Руфус, будешь проконсулом этой провинции!". Юноша, возможно, воодушевленный и поддерживаемый видением, которое было результатом его собственных честолюбивых мечтаний, быстро поднялся благодаря своим выдающимся способностям и, достигнув консульства, действительно получил провинцию Африка (Апп., xi. 21). Младший Плиний, который рассказывает ту же историю в своем замечательном письме к Суру о магии, добавляет, что гений во второй раз явился к великому проконсулу, но промолчал. Последний увидел в этом молчании предупреждение о приближении смерти и приготовился к своему концу, который не преминул вскоре завершить его карьеру.

Поразительно видеть, как в этих видениях неизменно ясно и отчетливо отражалась внутренняя жизнь человека. Честолюбивый юноша видел олицетворение своей удачи в облике прекрасной женщины, которую его возбужденное воображение называло Африкой и которую он надеялся когда-нибудь назвать своей. Брут, напротив, полный предчувствий зла и страдающий, возможно бессознательно, от горьких угрызений совести из-за убийства Сезара, видел свою печальную судьбу в образе отвратительного демона. Армия, также разделяя, несомненно, мрачные предчувствия своего вождя, смотрела на черного эфиопа, вошедшего в лагерь, как на дурное предзнаменование. Назначенная встреча в Филиппах была лишь свидетельством выдающихся способностей Брута, который предвидел вероятный ход войны и знал огромное стратегическое значение знаменитого города.

Точно так же в Аугсбурге долго лелеяли предание о фанатичной героине на коне, которая явилась Аттиле, когда он пытался пересечь реку Лех на пути из Италии в Паннонию. Она окликнула его: "Назад!" и произвела глубокое впечатление на его разум. Изображение женщины-великана долгое время хранилось в одном из миноритских монастырей города, и по чертам лица и костюму она была явно немкой. Не исключено, что возвышенный, но суеверный ум безжалостного завоевателя, долго думая о предстоящем нападении на могущественный, неизвестный народ, в минутном трансе олицетворил для себя гений этой расы в облике величественной женщины.

Это было тем более вероятно, что Священное Писание также представляет нам целый ряд могущественных женщин, оказывавших порой длительное влияние на судьбу избранного народа, и мировая история изобилует подобными примерами. Была Дебора, "пророчица, судившая Израиль в то время" и отправившаяся на помощь при поражении Сисире, и была Хульда, пророчица, предупредившая Иосию, царя Иудеи. Такие же грандиозные образы мы находим в греческой и римской истории, а в германских летописях упоминается не одна Джетта и Велла. Череда предупреждений, сделанных более нежным полом, проходит через все летописи современных рас с древнейших времен до наших дней. Один из последних

случаев произошел с королем, известным своим насмешливым скептицизмом и полным неверием во все высшие силы. Это был Бернадот, который оставил своего благодетеля, чтобы взойти на трон Швеции, и обратил свой собственный меч против своего бывшего хозяина. Спустя много лет после падения Наполеона он собирался послать своего сына Оскара с армией против Норвегии и встретил сильное противодействие в Государственном совете. Полный нетерпения и негодования, он сел на коня и поехал, чтобы охладить свой разгоряченный ум; подъезжая к темному лесу недалеко от Стокгольма, он увидел сидящую на обочине старуху, чей причудливый костюм и дикие, растрепанные волосы привлекли его внимание. Он грубо спросил ее, что она там делает? Она ответила: "Если Оскар вступит в войну, которую вы предлагаете, он не нанесет, а примет первый удар". На короля это предупреждение произвело впечатление, и он вернулся, полный раздумий, в свой дворец; после бессонной ночи он сообщил Государственному совету, что изменил свои взгляды и не будет отправлять принца в Норвегию (*La Presse*, 4 мая 1844 года). Даже если принять беседу с женщиной за простое видение, результат долгой и тревожной озабоченности короля важным планом, от успеха которого могли зависеть безопасность его трона и продолжение династии, все равно остается вопрос, почему человек с его вкусами и надменным скептицизмом должен был облечь свои сомнения в слова, произнесенные старой женщиной, одетой в причудливый костюм?

Число практичных, здравомыслящих людей, которые даже в недавние времена считали себя под особой заботой и защитой гения или ангела-хранителя, гораздо больше, чем принято считать. Древние рассматривали гения как часть своей мифологии, а современные христиане, которые лелеют эту веру, ссылаются на то, что Спаситель сказал о маленьких детях: "Ангелы их на небесах всегда созерцают лице Отца Моего" (Мф. xviii. 10). Эти видения - так их следует называть - сильно различаются у разных людей. У одних они появляются только тогда, когда грозят большие опасности или приходится прилагать возвышенные усилия; у других же, благодаря своей частоте, они принимают более или менее постоянную форму и даже могут передаваться по наследству, становясь божествами-покровителями определенных домов, знакомыми духами или специально назначенными ангелами-хранителями членов семьи или отдельных людей. Отсюда хорошо известные в древности рассказы о гении Сократа и знакомых духах Библии. Отсюда же почти непрерывная череда подобных рассказов, дошедших до нас через Средние века. Так, Кампанелла утверждал, что всякий раз, когда ему угрожало несчастье, он впадал в состояние, промежуточное между бодрствованием и сном, в котором слышал голос, произносивший: "Кампанелла! Кампанелла!" и несколько других слов, при этом он никогда не видел человека. Калинья, канцлер Наварры, услышал в Беарне, как его имя называли три раза, а затем тот же голос предупредил его, чтобы он немедленно покинул город, так как там должна была свирепствовать чума. Он послушался приказа и спасся от страшной болезни (Beaumont, "Tractat.", etc., p. 208). У иезуита Джованни Карреры был гений-покровитель, с которым он часто советовался в особо трудных случаях. Он так хорошо познакомился с ним, что сам будил его каждую ночь для молитв, но когда временами он не решался сразу подняться, дух на время покидал его, и Каррера мог побудить его вернуться только долгой непрерывной молитвой и постом ("Hist. S. J.", iii. p. 177).

У Бернадотов существовало предание, что один из их предков женился на фее, которая осталась добрым гением в семье, и давно предсказал, что кто-то из этой крови взойдет на трон. Бернадот, ставший королем, никогда не забывал об этом пророчестве и во многом руководствовался им, когда шведские дворяне предлагали ему трон. Известно, что сам Наполеон либо верил, либо пытался верить в доброго гения, который направлял его шаги и оберегал от опасностей. Он появлялся, по его собственным словам, иногда в виде огненного

шара, который он называл своей "звездой", или в виде человека в красном одеянии, который время от времени наносил ему визиты. Генерал Рапп рассказывает, что в 1806 году он однажды застал императора в своей комнате, по-видимому, погруженным в столь глубокую медитацию, что тот не заметил его прихода, но когда его разбудили, он схватил Раппа за руку и спросил его, видел ли он ту звезду? Когда тот ответил, что ничего не видит, Наполеон продолжил: "Это моя звезда; она стоит прямо над вами. Она никогда не покидала меня; я вижу ее во всех важных случаях; она приказывает мне идти дальше и всегда была знаком успеха". Этот рассказ, исходящий от самого генерала Раппа, приводится здесь с одобрения великого историка Амедея Тьерри.

Дез Муссо сообщает следующие факты, основанные на свидетельствах заслуживающих доверия личных друзей. (Некая мадам Н., дочь генерала, постоянно посещала свою мать, которая давно умерла, и получала от нее частые сведения о тайных вещах, благодаря чему приобрела репутацию пророчицы. Однажды дух матери предупредил ее, чтобы она попыталась помешать мужу, который должен был покончить жизнь самоубийством, осуществить свой замысел. Были приняты все меры предосторожности, даже ножи и вилки убирались после еды, но случилось так, что в дом зашел солдат Национальной гвардии и оставил в прихожей заряженное ружье. Муж дамы, к несчастью, случайно увидел его, взял и вышиб себе мозги на месте.

Особо интересный класс видений - это те, которым великие художники порой обязаны своими величайшими триумфами. И здесь грань между простым бредом и реальными магическими явлениями часто настолько слаба, что не позволяет обратить на нее внимание. Ведь художники должны культивировать свое воображение в ущерб другим способностям и, естественно, живут больше в идеальном мире, чем в реальном. Занятые, по роду своих занятий, образами более чем земной красоты, они легко формируют в своем сознании идеалы, которые стремятся закрепить сначала в памяти, а затем на холсте или в мраморе, на бумаге или в восторженных словах. Рафаэль Санцио долгое время тщетно пытался изобразить Богородицу в соответствии с неясным идеалом, зародившимся в его сознании; наконец, проснувшись однажды ночью, он увидел в том месте, где висел его эскиз, яркий свет, и в сиянии - Мать Христа в несравненной красоте и со сверхъестественной святостью в ее чертах. Это видение глубоко запечатлелось в его сознании и навсегда осталось оригиналом, с которого даже его лучшие Мадонны могли быть лишь несовершенными копиями. Бенвенуто Челлини, будучи больным до смерти, неоднократно видел старика, пытавшегося утащить его в лодку, но стоило его верному слуге подойти и прикоснуться к нему, как отвратительное видение исчезало. Очевидно, у художника в голове была картина Харона и его ахеронской лодки, которая таким образом воспроизводилась в его лихорадочных снах. В другой раз, когда он уже давно сидел в тюрьме и в отчаянии подумывал о самоубийстве, "неизвестное существо" внезапно схватило его и отбросило на расстояние четырех ярдов, где он пролежал несколько часов полумертвым. В следующую ночь ему явился "прекрасный юноша" и высказал ему горькие упреки за его греховный замысел. Тот же юношеский гений неоднократно являлся ему, когда наступал великий кризис в его удивительно авантюрной жизни, и не раз открывал ему тайны будущего. (У бедного Тассо были страшные галлюцинации в то время, когда его разум был расстроен, но над всеми ними витало видение славной Девы, окруженной ярким светом, которое всегда утешало и, возможно, только оно спасло его от самоуничтожения. Подобно Рафаэлю, Даннекер также долгое время тщетно пытался найти совершенное выражение для своего идеала Христа на кресте; однажды ночью он также увидел Спасителя во сне и сразу же приступил к созданию своей модели, с которой впоследствии была скопирована известная статуя трансцендентной красоты и силы.

Паганини рассказывал с забавным видом притворного благоговения и почтения, что его мать за несколько дней до его рождения видела ангела с двумя крыльями и таким ослепительным великолепием, что не могла смотреть на это явление. Небесный посланник предложил ей высказать свое желание и пообещал, что оно будет исполнено. Тогда она на коленях умоляла его сделать ее Николо великим скрипачом, и ей было сказано, что так и будет. Это видение - возможно, не более чем яркая форма искреннего желания и горячей молитвы - несомненно, оказало серьезное влияние на великого художника, который и сам был странно восприимчив к подобным впечатлениям. (*Moniteur*, 30 сентября 1860 г.).

В соответствии с целью этих очерков здесь ничего нельзя сказать о длинном ряде видений, которые были дарованы мученикам и святым; их история относится к теологии. Но святые люди, независимо от своих религиозных убеждений, часто были столь же известны своими видениями, как и благочестием своих сердец и своими достижениями в мире. Так, например, Лойола, у которого способности были постоянно напряжены до предела, а мысли вечно устремлены к великой и святой цели, не мог не прийти в состояние психического возбуждения, которое, естественно, порождало впечатляющие видения. Поэтому он постоянно видел странные виды и слышал таинственные голоса, что было следствием то крайнего уныния, то восстановленной уверенности в Боге и в себе как агента Всевышнего. И все же эти видения никогда не мешали ни ясности его суждений, ни быстроте и энергии его действий. У Лютера, одного из самых практичных людей, когда-либо призванных действовать и руководить в условиях великого кризиса, тоже были видения; он видел дьявола и вел с ним громкие дискуссии; он страдал от его преследований и прилагал огромные усилия, чтобы избавиться от непрошеного гостя, занимаясь при этом своим великим делом - переводом Библии. Ведь он был, в конце концов, - и для очень великих и благих целей - всего лишь человеком своего века, проникнутым всеобщей верой в личное существование и постоянное присутствие сатаны, и в то же время чувствовал, что участвует в войне, от результатов которой зависит не только земное благополучие, но и вечное спасение миллионов.

Трудно сказать, помогали ли Мухаммеду, который, несомненно, имел бесчисленные видения, его галлюцинации в создании новой веры. Ученые говорят нам, что он страдал *от мышечной истерии*, болезни, нередкой как у мужчин, так и у женщин, которая вызывает периодические пароксизмы и характеризуется попеременным сокращением и расширением мышц. Когда наступал приступ, губы и язык пророка начинали вибрировать, глаза поднимались вверх, а голова автоматически двигалась. Если пароксизмы были очень сильными, он падал на землю, его лицо становилось пурпурным, и он дышал с трудом. Поскольку он часто сохранял сознание, то притворялся, что эти симптомы вызваны посещениями ангелов, и за каждым приступом следовало новое откровение. Болезнь была результатом его ранней беззаконной жизни и свободы, на которую он претендовал, даже в более поздние годы, ссылаясь на особую диспенсацию свыше как боговдохновенный пророк. Не стоит удивляться, что новая религия, исходящая из такого источника и провозглашенная среди гор и степей Аравии, которые, согласно народным поверьям, населены джиннами и демонами, в значительной степени основывается на видениях и галлюцинациях.

Важная роль, которую видения занимают в истории различных религий Земли, выходит за рамки нашей цели; мы знаем, однако, что записи древних храмов, пророков, святых и мучеников, а также более поздних монастырей и церквей изобилуют случаями так называемых откровений свыше. Они не раз служили в критические моменты для того, чтобы побудить отдельных людей и целые народы к возвышенным усилиям. Одним из самых

известных случаев первого рода является рассказ Константина Великого, который сообщил Евсевию Кесарийскому, подтвердив свое заявление торжественной клятвой, что в 312 году, незадолго до решающей битвы в Риме против своего грозного противника Магенция, он увидел на небе яркий крест, окруженный словами: *In hoc signo vinces*. Но это видение было далеко не единственным. Кроме того, на следующую ночь он сам увидел во сне Спасителя, который приказал ему отныне использовать в бою знамя, подобное тому, что он видел в своем видении. Язычник Назарий также рассказывает о ряде чудесных знамений на небе, которые наблюдались в Галлии непосредственно перед великой победой императора. Нельзя сомневаться и в том, что это видение не только внушило Константину новые надежды и новое мужество, позволившее ему одержать победу, но и побудило его после успеха открыто заявить о своем обращении в веру Христову.

Видения этого выдающегося человека, Сведенборга, слишком хорошо известны, чтобы потребовать здесь более чем простого упоминания. Начав свое общение со сверхъестественным миром в зрелом возрасте сорока пяти лет, он вскоре отдался ему систематически и почувствовал себя вынужденным сделать свои ежедневные беседы, а также получаемые время от времени откровения должным образом известными публике. Так, он писал с явным чувством твердой убежденности: "Недавно у меня была беседа с апостолом Павлом"; а в другой раз он уверял одного вюртембергского прелата: "Целый год я беседовал со святым Павлом, особенно о словах из Послания к Римлянам, iii. 28. Трижды я беседовал со святым Иоанном, один раз с Моисеем и сто раз с Лютером, когда тот признался, что учил *fidem solam* вопреки предупреждению ангела, и что он стоял один, когда отрекался от папы. С ангелами, наконец, я постоянно общался в течение последних двадцати лет и до сих пор веду ежедневные беседы".

Классическое, как и христианское искусство, обязано видениям не одним ярким успехом. С другой стороны, они так же часто служили гнусным целям, в основном подпитывая суеверия и поддерживая религиозную тиранию. Достаточно вспомнить ужасное бедствие, вызванное несчастным мальчиком-пастухом во Франции, который в 1213 году увидел или сделал вид, что увидел, небесные видения, приказавшие ему призвать своих товарищей и с их помощью спасти Святую землю от владения неверных. Тысячи маленьких детей были охвачены заразительным волнением и, оставив свой дом и родных, последовали за своим юным вождем, не сдерживаемые властями, благодаря толкованию слов Иисуса: "Пустите малых детей приходить ко Мне!". Ни один из них так и не добрался до Палестины, все погибли задолго до того, как достигли даже юга Франции.

Это не совсем магическое явление, но, безусловно, самая поразительная особенность видений, когда разум многих людей способен по собственной воле создавать образы и формы, настолько идеально похожие на те, что существуют в окружающем нас мире, что те же самые умы не в состоянии отличить, где галлюцинация и реальность соприкасаются друг с другом. Эта способность, конечно, варьируется, как и другие способности: иногда она не производит ничего, кроме смутного, бесформенного света или звуков; у других людей она способна вызывать вполне определенные формы, заставляя слышать слова и причинять боль. Во время тяжелых телесных или душевных страданий оно может стать утешителем, а в момент прохождения через долину смертной тени оно способно успокоить муки видениями небесного блаженства, но для злой совести оно может показаться и мстителем, предвещающий грядущий суд и осуждение. Именно это влияние на жизнь людей и их огромное моральное значение придает видениям - а в некоторой степени даже галлюцинациям - дополнительный интерес и заставляет нас не отбрасывать их как пустые фантомы, а попытаться выяснить их истинную природу и конечную цель. Это тем более необходимо, что в наши дни видения

считаются исключительно плодом психической деятельности провидца, и эта истина в изобилии подтверждается тем простым фактом, что слепые или глухие люди вполне способны иметь видения и галлюцинации, как и те, кто пользуется всеми своими чувствами.

Таким образом, эти магические явления непрерывной цепочкой сопровождали почти всех великих людей, известных истории, с древнейших времен до наших дней. В наше время их часто успешно объясняют телесными и психическими расстройствами, но этот факт ничуть не уменьшает интереса, который они представляют для изучающих магию. Великий Паскаль, которому однажды грозила мгновенная смерть из-за опрокидывания кареты, отныне постоянно видел перед собой пропасть, из которой вырывались огненные языки пламени; он мог скрыть ее, просто поставив между ней и глазами стул или стол. В случае с английским художником Блейком, у которого были видения исторических личностей, которые представляли перед ним в идеализированных очертаниях, его периодические аберрации сознания были приняты как достаточное объяснение. Напротив, берлинский книготорговец Николай, который, как и Бомонт, видел сотни мужчин, женщин и детей, сопровождавших его на прогулках или посещавших его в его покоях, считал, что его призрачная компания зависит от состояния его здоровья. Когда ему пускали кровь или ставили пиявки, образы становились бледными, исчезали частично или растворялись совсем. Особенностью его случая было то, что он никогда не видел видений в темноте, но все его фантазмы появлялись при свете дня или ночью, когда в камине горели свечи или большой огонь. Капитан Генри Белл неоднократно получал от своего немецкого друга Каспара фон Спарра настоятельные просьбы перевести "Застольную речь" Мартина Лютера, которая, будучи подавленной указом императора Рудольфа, стала очень редкой, и которую Спарр прислал ему в копии, обнаруженной им самим в погребке, где она пролежала замурованной пятьдесят два года. Капитан Белл приступил к работе, но через некоторое время бросил ее. Через несколько недель ночью к нему явился беловолосый старик, дернул его за ухо и сказал: "Что! Неужели ты не найдешь времени перевести книгу? Я скоро дам тебе место для этого и необходимый досуг". Белл был сильно напуган; , но все же пренебрег работой. Через две недели после видения его арестовали и поместили в Вестминстерскую тюрьму, где он пробыл десять лет, из которых пять посвятил переводу этой работы. (В наше время религиозные видения ни в коем случае не прекратились, и не одно замечательное обращение в веру приписывается такому воздействию. Мы не говорим о так называемых чудесах, подобных тому, что произошло с детьми из Салетты в департаменте Изер в 1849 году, или о недавних откровениях в Лурде и в Южном Эльзасе, которые были публично одобрены ведущими людьми церкви и послужили богатым материалом даже для политических демонстраций. Видение майора Гардинера, который незадолго до совершения греховного поступка увидел Спасителя и стал другим человеком, было так часто опубликовано и так подробно обсуждалось, что нет необходимости повторять его здесь. Обращение молодого Ратисбона в 1843 году произвело в то время огромную сенсацию. Он родился от еврейских родителей, но, как и многие представители его расы, вырос и стал вольнодумцем и насмешником, отвергая все верования как пустые суеверия. Однажды он зашел в церковь Делле Фратте в Риме и, погрузившись в глубокую задумчивость, внезапно увидел видение Девы Марии, которое произвело на него столь глубокое впечатление, что изменило весь ход его жизни. Он отказался от огромного богатства, доставшегося ему в наследство, от прекрасной суженой и, решительно отвернувшись от мира, поступил послушником в иезуитский монастырь, таким образом, буквально оставив все, чтобы следовать за Христом.

Магические явления, сопровождающие видения, у народов, принадлежащих к расе славян, нередко носят особенно грозный и отталкивающий характер, что, несомненно, соответствует темпераменту и складу воображения, свойственным этой расе. Склавины склонны к тому, чтобы на них катались невидимые люди, пока они не упадут в обморок; их загоняют дикие звери на могилы преступников, где они видят страшные зрелища, или заставляют смешиваться с отрядами злых духов, бродящих по широким, пустынным степям, и они неизменно страдают от печальных последствий таких видений, пока преждевременная смерть не избавит их через несколько месяцев. В Валахии особое видение так называемого Пиколича встречается довольно часто, и, по крайней мере, в одном случае оно было официально зафиксировано военными властями. Бедному рядовому, который уже не раз страдал от видений, приказали стоять в карауле на одиноком горном перевале и по правилам службы заставили занять там место, хотя он очень просил, чтобы ему разрешили поменяться с братом-солдатом, так как знал, что его ждет горе. Командир, пораженный искренностью его мольбы, пообещал оказать ему посильную помощь и поставил второго часового для его поддержки рядом с ним. В половине десятого офицер и высокопоставленный гражданский чиновник увидели, как мимо дома, в котором они находились, пронеслась темная фигура; они сразу же поспешили к посту, где быстро прозвучали два выстрела, и обнаружили, что внутренний часовой с еще дымящейся винтовкой в руках неподвижно устоял на то место, где стоял его товарищ, и совершенно не заметил приближения своего начальника. Когда они добрались до внешнего поста, то обнаружили, что винтовка лежит на земле, разбитая на куски, а тяжелый ствол согнут в форме косы, а сам человек лежит на значительном расстоянии и стонет от боли, поскольку все его тело было так сильно обожжено, что он умер на следующий день. Оставшийся в живых заявил, что черная фигура, словно с неба, упала на его товарища и разорвала его на куски, несмотря на два выстрела, которые он сделал с небольшого расстояния, после чего она в одно мгновение исчезла. О случившемся было доложено в штаб, и когда было проведено расследование, выяснилось, что ряд точно таких же случаев уже был официально зарегистрирован. Конечно, это видение - не более чем плод возбужденного воображения горцев, которые придают излюбленную форму "пиколича" частым, причудливо выглядящим массам тумана и мглы, которые поднимаются в их темных долинах, парят над оврагами и пропастями и, подгоняемые внезапным порывом ветра, взлетают вверх с удивительной быстротой и, кажется, исчезают в одно мгновение. Видение бедного часового, с другой стороны, было своего рода ясновидением, порожденным совместным влиянием местных традиций, ночного часа и темного перевала на предварительно возбужденный разум, в то время как видение двух офицеров было аналогичным магическим явлением, результатом впечатления, произведенного на них мгновенной молитвой жертвы и горячей дискуссией о реальности "Приколича". Часовой, вероятно, увидел странную фигуру и выстрелил; ружье разорвалось и убило его, подпалив одежду; это предположение подкрепляется утверждением, что бедняга, предвидя встречу с призраком, вложил в ружье двойной заряд. Этот случай еще раз учит, что простое отрицание фактов и надменная улыбка при виде видений не приносят никакой пользы, в то время как спокойное и внимательное изучение всех обстоятельств может пролить свет на их природу и со временем помочь искоренить роковые суеверия, подобные "Приколичу".

Интересно наблюдать, насколько безобидны и даже приятны в сравнении с ними видения людей с хорошо тренированным умом и добрым нравом. Книготорговец Николай развлекал своих призрачных гостей, и порой их разговор его очень забавлял. Макниш ("Сон", с. 194) рассказывает о докторе Бостоке, у которого были частые видения, и о пожилой даме, которую доктор Олдерсон лечил от подагры и которая принимала дружеские визиты родственников и знакомых, с которыми она беседовала, но которые мгновенно исчезали,

когда она звала свою горничную. Другой пациент доктора Олдерсона, который видел себя таким же образом в окружении множества людей, даже ощущал удары, которые наносил ему кнутом фантом-картер. Хотя во всех этих случаях видения исчезали после энергичного кровопускания и очищения, тем не менее явления были реальными в той мере, в какой они затрагивали пациента, и в каждом случае были полностью подтверждены и научно исследованы. Известный автор Макниш сам часто становился жертвой подобного самообмана; во время приступа лихорадки он видел страшные адские фигуры, формирующиеся и растворяющиеся по желанию, а однажды ночью ему привиделся целый театр, заполненный людьми, среди которых он узнал многих друзей и знакомых, а на сцене он увидел знаменитого Дюкроу с его лошадьми. Как только он открыл глаза, сцена исчезла, но музыка продолжалась, так как оркестр играл великолепный марш из "Аладдина" и не прекращал своего волшебного представления в течение пяти часов. Таким образом, зрение, по-видимому, находилось под влиянием его воли, но слух был ему неподвластен.

Очень интересный класс видений, сопровождаемых несомненными магическими явлениями и столь же частых в наше время, как и в любой другой период, составляют те, которые являются результатом климатических и топографических особенностей. Мы уже говорили, что особое впечатление, которое производят на предрасположенные умы обширные пустыни и бескрайние пустоши, суеверные жители близких мест часто приписывают влиянию злых духов. Таким видением является рагл Северной Африки, который возникает либо после утомительных путешествий по сухой, жаркой пустыне, вследствие сильного нервного возбуждения, либо как один из симптомов тифозной лихорадки у местных пациентов. Зрение и слух страдают одинаково, другие органы чувств - только в редких случаях. Обычно глаз видит все в огромном увеличении или странном изменении: галька превращается в огромные каменные глыбы, слабые следы на горячем песке - в широкие просеки или обширные луга, а далекие тени - в животных, колодцы или горные склоны. При восходе луны видение увеличивается в размерах и четкости; сцена становится оживленной, люди проходят мимо, верблюды следуют друг за другом длинными рядами, а войска маршируют мимо батальонами. Затем и слух начинает поддаваться очарованию; шелест сухих листьев превращается в сладкую песню многочисленных птиц; ветер сменяется криками отчаяния, а шум падающего песка - отдаленным громом. Мозг, по-видимому, остается незатронутым, так как путешественники, страдающие от Ragl, способны делать записи и фиксировать симптомы, хотя блокнот выглядит для них как огромный альбом с дорогими гравюрами. Можно не сомневаться, что прилив крови к глазам и ушам является первопричиной этих явлений, но особая природа видений до сих пор остается загадкой. Одной из поразительных особенностей является их неизменная идентичность у людей одной расы и культуры; европейцы имеют свои собственные галлюцинации, которые не разделяют африканцы; первые видят церкви, дома и кареты, вторые - мечети, палатки и верблюдов, доказывая тем самым, что эти галлюцинации чувств возникают в сознании, а не во внешнем мире. Путешественники, страдающие от голода или от страшного воздействия симуна, естественно, подвержены раглу больше, чем другие; видения обычно появляются ближе к полуночи и продолжаются до шести-семи часов утра, а днем они наблюдаются только в случаях обострения страданий. Другая особенность заключается в том, что эти видения связаны только с небольшими предметами и умеренными звуками; легкое трение вибрирующей кисточки на шее верблюда показалось великому исследователю Ричардсону похожим на стук мельничного колеса, а слова, выкрикиваемые его спутником, звучали вполне естественно. Так в каждом лишайнике он видел зеленый садовый участок, а звезды различал достаточно отчетливо, чтобы направлять по ним свой путь, даже когда очень сильно страдал от рагла.

Фата Моргана так называемой Великой пустыни в Орегоне, в которой в значительной степени теряются воды Падуки, Канзаса и Арканзаса, - это родственная привязанность. Здесь также видят всевозможные фантомы, гигантских всадников, колоссальные здания и мерцающие огни; но отсутствие тепла делает видения менее частыми и менее отчетливыми. Индейцы, как и африканские мавры, боятся этих явлений и приписывают их злым духам. Эти явления представляют особый интерес еще и потому, что доказывают, как постоянно во всех этих вопросах современной магии факты сочетаются с простыми заблуждениями. Так, например, мерцающие огни, о которых мы упоминали, - это не просто видения, а реальные и осязаемые субстанции, эффект газообразных выделений, которые довольно часто встречаются в этих степях. Так же обстоит дело и с местными видениями, характерными для горных регионов, такими как Маленький Серый Человек из Гризона в Швейцарии и гномы шахтеров почти во всех странах. Жители альпийских регионов приобретают - или даже наследуют, возможно, - особую способность предсказывать погоду; они инстинктивно чувствуют, не давая себе труда выяснить причину, приближение туманов и мглы, столь опасных для благополучия их стад и их собственной безопасности. Это предчувствие облекается местными традициями и их собственным живым воображением в знакомые очертания сверхъестественных существ, и то, что сначала было, возможно, просто формой речи, постепенно превращается в глубоко укоренившуюся веру, передающуюся от отца к сыну. В конце концов они действительно видят глазами поднимающиеся туманы и дрейфующие облака в форме, о которой так часто слышали, или придают поднимающимся газам, далеко в недрах земли, форму знакомых гномов. Эти видения, следовательно, не полностью порождены воображением, но имеют, так сказать, зерно истины, вокруг которого сплетается странная форма.

Многочисленный класс видений, представляющих собой одни из самых интересных явлений этой отрасли магии, следует рассматривать как результат врожденного желания постичь тайну будущей жизни. Человеческое сердце, осознающее бессмертие от природы и уверенное этом в откровении, страстно желает приподнять завесу, скрывающую тайны будущей жизни. Среди прочих средств для достижения этой цели часто требовалось обещание близких друзей, что после смерти они вернутся и расскажут о своем состоянии в другом мире. Такие договоры заключались с незапамятных времен, но до сих пор их единственным результатом было то, что оставшиеся в живых люди время от времени верили, что их навещают умершие друзья - другими словами, что состояние сильного волнения и ожидания вызывало у них видения. В конце концов, верно и то, что из этой пропасти путешественники никогда не возвращаются. Тем не менее, эти видения представляют глубокий интерес для психолога, поскольку они являются результатом бессознательных действий и, таким образом, показывают, какие мысли живут в нашем сердце относительно будущего.

V.

ПРИЗРАКИ.

"Sunt aliquid manes; letum non omnia finit".

Мало найдется тем, не относящихся к сложным вопросам теологии, по которым выдающиеся люди всех наций и эпох придерживались бы более разнообразных взглядов, чем по так называемым призракам. Сам термин понимался по-разному почти всеми великими писателями, которые подходили к границе этого отдела магии. Слово, которое сейчас

обычно используется для обозначения любого нематериального существа, не сделанного из земли, земного, или, возможно, в более высоком смысле, "тела духовного" святого Павла, в ранние времена христианства применялось только к видимым духам умерших людей. В Средние века, когда все странное и неестественное безоговорочно приписывалось дьявольскому влиянию, эти явления также считались не чем иным, как делом рук дьявола. В последние дни богословы добавили новый предмет споров к этому непростому вопросу. Богословы XVII и XVIII веков, конечно, отрицали возможность повторного появления духов усопших, как они последовательно отрицали существование чистилища, и, тем не менее, только из чистилища этим духам, согласно распространенному мнению, было позволено вернуться на землю - рай и ад были сравнительно закрытыми местами. Однако, поскольку люди настаивали на том, что видят призраков, им ничего не оставалось, как объявить их галлюцинациями, порожденными в злокозненных целях самим лукавым; так постановила не так давно Базельская консистория в связи с обращением немецкого автора-мистика Юнга Штиллинга. И все же очевидно, что ряд выдающихся мыслителей, и даже несколько самых скептических философов, верили в возможность таких посещений узниками Шеола. Гуго Гроций и Пуффендорф, чья известная житейская мудрость дает право на большое уважение, Макиавелли и Боккаччо, Томазий и даже Кант - все они неоднократно признавали существование того, что мы привычно называем призраками. Великий философ из Кенигсберга полностью погружается в эту тему. "Нематериальные существа, - говорит он, - включая души людей и животных, могут существовать, хотя их следует рассматривать не как заполняющие пространство, а лишь действующие в его пределах". Он допускает вероятность того, что вскоре будет открыт процесс, посредством которого человеческая душа, даже в этой жизни, тесно связана с нематериальными заключенными мира духов, и эта связь, по его словам, действует в обоих направлениях: люди влияют на духов, а духи действуют на людей, хотя последние не осознают этих впечатлений, "пока все в порядке". Подобно тому, как физический мир находится под контролем закона гравитации, духовный мир, по его мнению, управляется моральным законом, который обуславливает различие между добрыми и злыми духами. Этой же веры придерживаются и подробно обсуждают выдающиеся французские авторы, такие как де Муссо, де Мирвиль и другие. Католическая церковь никогда полностью не отрицала доктрину призраков, возможно, считая себя связанной библейским утверждением, что "гробы отверзлись, и многие тела святых, спавших, встали и вышли из гробов, и пошли в святой город, и явились многим". (Тертуллиан, Святой Августин и Фома Аквинский однозначно утверждают, как догмат, что души усопших могут покидать свой дом, но не по своему желанию, а только по особому разрешению Всевышнего. Святой Августин упоминает святых, которые его посещали, а Фома Аквинский говорит даже о возвращении проклятых узников ада, чтобы устроить и обратить преступников в этом мире. В "Энциклопедии католического богословия" (iv. p. 489) говорится, что "хотя теория призраков никогда не становилась догмой Святой Церкви, она сохранялась и существовала во времена Христа, который не осуждал ее, когда она упоминалась в его присутствии". (Св. Матф. xiv. 26; Св. Лука xxiv. 37).

Кальмет, известный бенедиктинский аббат из Сенона в Лотарингии, один из самых известных богословских писателей XVIII века, говорит (i. 17): "Явления призраков были бы более понятны, если бы духи имели тело; но Святая Церковь постановила, что ангелы, дьяволы и духи усопших являются чистыми нематериальными духами. Поскольку этот вопрос выходит за рамки наших умственных способностей, мы должны подчиниться суждению Церкви, которая не может ошибаться". Другой великий богослов, немец Бенгель, напротив, полагал, что "вероятно, явления усопших имеют установленный предел и затем прекращаются; они продолжаются, вероятно, до тех пор, пока все связи между телом и душой не будут полностью разорваны". Этот вопрос о характере нашего существования в

течение времени, следующего за смертью, является, как известно, одним из самых сложных в наши дни, поскольку в то время как большинство богословов протестантской церкви предполагают немедленное решение нашей вечной судьбы, другие допускают вероятность промежуточного состояния, а католическая церковь имеет свое хорошо известное испытательное состояние в чистилище. Можно сразу сказать, что вся теория призраков приемлема только в том случае, если мы допускаем, что после смерти следует период, в течение которого душа переживает не мгновенный разрыв, а медленное, постепенное отделение от тела, сопровождаемое такой же постепенной адаптацией к новому образу существования. Вопрос о том, остается ли дух в это время достаточно сродни земным субстанциям, чтобы иметь возможность облечься в какую-либо материю, ощутимую чувствами живых людей, имеет сравнительно небольшое значение. Идея такого "бесплотного тела" очень древняя, и она никогда не переставала возникать. Так, в 1306 году уже Гвидо де ла Тонс, умерший в Вероне, в течение восьми дней являлся своей жене, соседям и нескольким благочестивым священникам и заявил в ответах на их вопросы, что духи усопших обладают способностью облекаться в воздух и таким образом становиться ощутимыми для живых существ. Бейль в своей статье о Спинозе (примечание 2) также отстаивает возможность, по крайней мере, физических эффектов, производимых агентами, присутствие которых мы не в состоянии воспринять с помощью наших обычных органов чувств. Даже такой исключительно практичный ум, как ум Лессинга, был озадачен трудностями, связанными с этим вопросом, и он заявил, что "здесь его мудрые мысли были на исходе".

Другой великий немецкий писатель, Геррес, в своей "Христианской мистике" (iii. p. 307) не только признает существование призраков, но и объясняет их как "высшую прототипическую форму человека, освобожденную от земной формы, спектр, освобожденный от своей оболочки, который может присутствовать везде, где пожелает, в пределах установленных границ своей области". Это мнение, однако, не подтверждается опытом тех, кто верит, что видел призраков; ведь последние лишь изредка появляются в высшей, очищенной форме, напоминающей бесплотные существа, как просто беловатый пар или форма, образованная слабым светом; гораздо чаще их видят в форме и даже в костюме их земного существования. Единственным доказательством наличия сверхъестественных или магических сил, сопровождающих подобные явления, является невыразимый ужас, который угнетает сердце и вызывает сильные телесные страдания; холодный озноб, неизменно предшествующий явлению, и глубокое, изысканно болезненное чувство, которое не забывается в течение всей жизни.

Пока эта тема настолько мало изучена, что есть лишь несколько фактов, которые можно назвать полностью установленными. Форма и облик, в которых появляются призраки, являются результатом воображения человека, видящего призраков, независимо от того, видит ли он ангелов или дьяволов, людей или животных. Если его восприимчивость сильно развита, он видит их во всей полноте и различает даже мельчайшие детали; слабые люди, напротив, воспринимают лишь слабые, светящиеся или белесые образы, просто фрагментарные и зачаточные видения. Однако эти способности восприятия могут быть улучшены практикой, и те, кто часто видит призраков, непременно обнаруживают одну особенность за другой, пока вся форма не предстанет перед их мысленным взором ясно и отчетливо. Ухо обычно более восприимчиво к приближению призраков, чем глаз, и часто предупреждает разум задолго до того, как явление становится видимым. Слышимые звуки, как правило, неясны и плохо различимы, в основном это низкий шепот или беспокойное шуршание, странное движение туда-сюда или дуновение холодного воздуха в разных направлениях. Многие звуки, однако, настолько своеобразны, что их не услышишь иначе как

в связи с призраками, и поэтому они не поддаются никакому описанию. Нет нужды добавлять, что подавляющее большинство таких звуков также существует только в сознании слушателя, но поскольку последний в состоянии возбуждения полностью убежден, что слышит их, они для него столь же реальны, как если бы существовали вне его существа. Они также не всегда присущи только призрачному провидцу. Напротив, слышание таких звуков так же заразительно, как и видение таких достопримечательностей; и не только люди подвержены этому влиянию, они видят и слышат то, что испытывают другие, но даже высшие животные, лошади и собаки, разделяют эту восприимчивость. Когда призраки говорят, голос почти всегда энгастримантический, то есть призрак сам произносит слова, в состоянии экстатической бессознательности, и, вероятно, с помощью своего рода инстинктивного чревовещания. К этим явлениям зрения и слуха следует добавить, в-третьих, периодическое сильное перемещение тяжелых предметов. Мебель, кажется, меняет свое место, громоздкие предметы исчезают полностью, или вся окружающая сцена принимает новый порядок и расположение. Эти явления, насколько они действительно существуют, должны быть приписаны высшим, пока еще необъяснимым силам, и предполагают мнение, которого придерживаются многие авторы, что развоплощенные духи, поскольку они освобождены от механических законов природы, обладают также силой приостанавливать их во всем, с чем они вступают в контакт. Последняя особенность видения призраков, которая является существенной, - это холодная дрожь, невыразимый ужас, который охватывает бедного смертного человека в тот момент, когда он вступает в контакт с неизвестным миром. Уже Иов сказал: "На меня напал страх и трепет, от которого задрожали все кости мои. Потом дух прошел пред лицом моим; волосы на плоти моей встали дыбом" (iv. 14, 15). Это чувство смутного, но почти непереносимого ужаса напоминает агонию умирающего человека; оно совершенно естественно, поскольку видение призраков, то есть развоплощенных духов, возможно только при более или менее полной остановке обычной жизни во плоти. На мгновение все телесные функции приостанавливаются, деятельность мозга прекращается, а само сознание теряется, как при обмороке. Это редко происходит без короткой инстинктивной борьбы, и окончательная победа невидимой и неведомой силы, лишаящей разум привычной власти над телом, обязательно сопровождается сильной болью и непреодолимыми муками.

Хорошо подтвержденные случаи появления духов ушедших людей упоминаются в самых ранних писаниях. Валериус Максим живописно описывает опыт поэта Симонида, который собирался сесть на судно, чтобы отправиться в дальнейшее путешествие с друзьями, когда обнаружил мертвое тело, лежащее непогребенным на морском берегу. Потрясенный нечестивостью друзей неизвестного, он отложил свой отъезд, чтобы устроить трупу достойные похороны. На следующую ночь ему явился дух этого человека и посоветовал не отплывать на следующий день. Он послушался, друзья ушли без него и погибли во время сильной бури. Глубоко тронутый печальной утратой, но не менее благодарный за собственное чудесное спасение воздвиг памяти своего неизвестного друга благородный памятник в стихах, не имеющий себе равных по красоте и пафосу. Флегон, вольноотпущенник императора Адриана, также оставил нам в своем труде "*De Mirabilibus*" один из самых трогательных примеров такого видения призраков; это известная история о Махатесе и Филимионе, которую Гете воспроизвел в своей "Коринфской невесте". Не стоит забывать и о многочисленных примерах видений во сне, с помощью которых Всевышний решил открыть Свою волю возлюбленным среди избранного народа - серия явлений, о продолжении которой Церковь позаботилась в прежние века, почти непрерывно сменяя друг друга от святого к святому. Язычники были обращены в веру благодаря таким откровениям, мученики получили утешение, раненые - исцеление, и даже император Константин был исцелен от проказы благодаря явлению двух апостолов, Петра и Павла.

Истина, которая лежит в основе всех этих явлений, вероятно, заключается в том, что призрачные волнения - это в основном действия людей, но людей, которые на время перестали быть свободными агентами и которые по причинам, которые мы сейчас объясним, приобрели исключительные способности. Так, известный юрист, советник Хелльфельд в Йене, однажды вечером был на пороге подписания смертного приговора солдату кавалерии. Этот вопрос глубоко волновал его ум в течение нескольких дней, и прежде чем взяться за перо, он, по своему обыкновению, призвал "помощь Всемогущего через Его святой дух". В этот момент - это было за час до полуночи - он слышит сильные удары в окно, которые звучат так, словно по стеклам бьют хлыстом. Его секретарь также отчетливо слышит удары и начинает сильно дрожать. Эта кажущаяся случайность заставляет судью повременить с решением; он посвящает следующий день тщательному повторному изучению доказательств и приходит к убеждению, что преступление заслуживает лишь незначительного наказания. Не успел закончиться год, как был пойман другой преступник, который добровольно признался, что именно он совершил преступление, за которое был наказан солдат. В этот торжественный момент, конечно, только собственный разум судьи, глубоко тронутый и измученный мучительной работой, символически предупредил его, чтобы он не спешил, и сам факт, что удары прозвучали так, как будто они были нанесены кнутом, доказывал его неосознанную ассоциацию этого шума с кавалерийским солдатом. И все же он и его секретарь верили и торжественно утверждали, что слышали эти таинственные удары! Этот дуализм, который как бы разделяет человека на два существа, одно из которых следует за другим и наблюдает за ним, в то время как оба не осознают своей идентичности, является магическим элементом в этих явлениях. Эта неосознанность, доказывающая, как и во сне, бездействие нашего разума, приводит к естественному эффекту: все призрачные явления кажутся нам глупыми, бесцельными и злыми. Дело в том, что они почти всегда исходят от более или менее больного или нарушенного разума и приобретают значение только в той мере, в какой наша обязанность состоит в том, чтобы отделить истину от заблуждения. Только так мы можем надеяться противостоять их пагубной тенденции и не дать еще более сильным заблуждениям овладеть слабыми умами. Именно с этой целью в Лондоне в 1869 году был создан клуб, члены которого находят развлечение и полезную работу в расследовании всех случаев появления домов с привидениями и других призрачных явлений.

О том, что вера в призраков не является современным заблуждением, можно судить по святому Августину, который уже упоминает ферму некоего Гаспариуса, потревоженную громкими звуками, пока молитва благочестивого священника не восстановила мир. В католической церкви есть святой Цезарий, который подобным образом очистил дом врача Эльпидия в Равенне, наполненный злыми духами, и впустил хозяина только после того, как тот прошел через ливень камней. Другому святому, Губертусу, призраки досаждали в его доме в Каменсе, и ему так и не удалось обрести покой, пока он не умер в 958 году. Злые или заинтересованные люди, конечно, слишком легко пользуются доверчивостью людей и используют подобные нарушения в личных целях; так было с привидениями, которые преследовали дом Совета в Констанце и дворец в Вудстоке во времена Кромвеля. Случай со скрупулезно добросовестным протестантским священником в Германии, который в 1719 году вызвал сильное волнение во всей империи, хорошо подходит для того, чтобы показать реальную природу ряда таких призрачных волнений. Его вызвали к смертному одру отъявленной грешницы, женщины, которая в последний момент хотела получить утешение от религии. К сожалению, он прибыл к ней слишком поздно; она уже была без сознания и умерла в его присутствии, как ему показалось, не примирившись со своим Богом и с самим собой, которого она часто оскорбляла и проклинала при жизни. Глубоко взволнованный, он вернулся домой и, размышляя о болезненной теме с сильным беспокойством в течение семи

дней, начал слышать шаги в своем доме. Постепенно они становились все чаще, потом он различил в них женские шаги, и наконец они стали сопровождаться волочением платья. Были установлены часы, рассыпан песок, в доме держали собак - но все напрасно; никаких следов человека не было обнаружено, а звуки продолжались. Несчастный молился день и ночь, и шум исчез на две недели. Когда он перестал молиться, они вернулись, причем громче, чем когда-либо. Он сурово попросил призрака утихнуть, и вот! Призрак повиновался. Когда он спрашивает, кто это - добрый ангел или демон, ответа нет; но вопрос: "Ты дьявол?" - находит немедленный ответ в быстрых шагах по дому, ибо в голове бедняги засела мысль, что такие вещи может делать только лукавый. Наконец он собрал все свои оставшиеся силы и приказным тоном велел призраку уйти и никогда больше не появляться. С этого момента все волнения прекращаются - и очень естественно, потому что человек, которого преследовали призраки, полностью восстановил власть над собой; дуализм, порождавший все призрачные явления, прекратился, и восстановленный разум совершил свое собственное исцеление. Поскольку эти явления происходят изнутри, совершенно естественным представляется и то, что они чаще всего происходят в ноябре. Религиозные умы и суеверные склонности привели этот факт в причудливую связь с приближением времени Адвента, но причина, вероятно, чисто физическая; темный и мрачный месяц с его густыми туманами, символизирующими наступление зимы, предрасполагает разум к мрачным мыслям и делает его менее способным противостоять атмосферным воздействиям.

Очень распространено мнение, что подобные нарушения под названием "дома с привидениями" приписываются душам умерших людей, которые не могут найти покоя за пределами могилы. Серия историй о привидениях, основанных на этом предположении, начинается с рассказа Суэтона и продолжается до наших дней. То был дух Калигулы, который не мог успокоиться до тех пор, пока его тело, сожженное лишь наполовину, оставалось в таком позорном состоянии. Ночь за ночью его дом и сад посещали странные видения, пока дворец не был уничтожен огнем, а сестры императора не отдали последние почести его останкам.

Таким образом, склонность современных исследователей возводить все популярные рассказы о великих событиях, все знакомые анекдоты и сказки, и даже пословицы и поговорки, к древним, была полностью удовлетворена и в этом случае. Они были не только известны античности, но и составляли основу народных сказаний. Так, младший Плиний рассказывает нам одну из них, которую он часто слышал. В Афинах стоял большой, комфортабельный особняк, который, однако, пользовался дурной славой. Ночь за ночью, как рассказывали, слышалось бряцание цепей, сначала на расстоянии, потом все ближе, пока не показалась бледная, изможденная фигура, с бородой и волосами в длинных растрепанных локонах и лязгающими цепями на руках и ногах. Обитатели дома не могли спать, были напуганы, болели и умирали. Так продолжалось год за годом, прекрасное здание пустовало и наконец было выставлено на продажу по низкой цене. Примерно в это время в Афины приехал философ Афинодор и увидел объявление; его насторожила небольшая сумма, которую требовали за дом, он заинтересовался причинами и снял дом. Ибо он был человеком смелым и намеревался разгадать тайну.

Вечером первого дня он выгнал слуг и остался один в передней комнате, писал и занимал себя нарочито серьезными и отвлеченными вопросами, чтобы не дать волю воображению. Как только все вокруг затихло, раздается лязг и звон цепей; но он не обращает внимания и продолжает писать. Шум приближается, и он входит в комнату; подняв голову, он видит перед собой известную странную фигуру. Она манит его, но он требует терпения и пишет дальше; тогда призрак трясет цепями над его головой и снова властно манит. Теперь он

встает, берет лампу и следует за своим гостем через коридоры во двор, где призрак исчезает. Философ нарывает на этом месте траву и отмечает место. На следующий день он обращается к властям с просьбой раскопать это место, и когда это было сделано, были найдены кости старика, нагруженные тяжелыми цепями. С тех пор дом оставался нетронутым, как будто усопший хотел лишь побудить какого-нибудь разумного человека оказать ему почести достойного погребения, которые у древних считались очень важными". ("Письмо к Серам", l. vii. 27.) История, рассказанная Лукианом ("Филопсевды", xxx.), почти идентична истории Плиния. Здесь же, в Коринфе, дом, некогда принадлежавший Евбатиду, по тем же причинам оставался незанятым и уже начал разрушаться, когда пифагореец Аригнот решил убедиться в реальности этих ночных явлений. Он приходит туда после полуночи, ставит лампу на пол, ложится и начинает читать. Вскоре появляется ужасное чудовище, черное, как ночь, и превращается из одного отвратительного зверя в другого, пока, наконец, не подчиняется суровому приказу неустрашимого философа и не исчезает в углу большой комнаты. С наступлением дня приводят рабочих, которые разбирают пол; находят скелет и достойно погребают его, и с этого дня в доме воцаряется обычный мир и покой. ("Эпист.", l. vii. 27.) Плутарх в своей "Жизни Кимона" также утверждает, что в банях в Херонее обитал призрак Дамона, который нашел там свою смерть; двери были замурованы, а место покинуто, но до его дня не было придумано никакого средства, и страшные виды и ужасные звуки продолжали делать это место непригодным для жизни.

Восточные страны также не знакомы с этим народным поверьем. В Египте дома с привидениями есть почти в каждой деревне, в Каире их огромное количество, а в Тунисе целые улицы были заброшены призрачными обитателями. В Нанкине один великий мандарин владел просторным зданием, которое он не мог ни занять сам, ни сдать другим из-за его дурной репутации. Наконец миссионер иезуит Риччиус предложил взять его для своего ордена; отцы переехали в него, победили призраков какими-то известными им самим средствами и получили не только хороший дом, но и большой авторитет у туземцев за свою победу над духами (C. Nasart. *Hist. Eccles. Sinica*, p. 4, ch. iii.).

Подобное необычное поверье встречается не только во все века и среди самых просвещенных народов, но даже в нашем веке произошел похожий случай, который хорошо подтвержден. Герцог Карл Александр Вюртембергский, недоброй памяти, умер в городе Людвигсбурге, возможно, от убийства. В течение нескольких лет после этого дворец был ареной жесточайших беспорядков; даже часовые, сильные и хорошо вооруженные люди, были подняты и переброшены через парапет террасы. Иной раз казалось, что все здание заполнено людьми; двери открывались и закрывались, в апартаментах горел свет, мелькали неясные фигуры. Большим отрядам войск под командованием офицеров, специально отобранных для этой цели, не раз приказывали пройти по дворцу в таких случаях, но ни разу не обнаружили следов присутствия человека (Kerner. *Bilder*. p. 143). Даже великий Фридрих Прусский, человек, чей скептический ум, несомненно, должен был быть свободен от всех суеверий, однажды был вынужден признать свою неспособность объяснить естественными причинами происшествие такого рода. Католический священник в Силезии потерял свою кухарку, которая была ему особенно дорога; ее призрак, как его называли, продолжал преследовать дом, и, что самое странное, не для того, чтобы нарушить его покой, а чтобы выполнять обычную домашнюю работу. Полы были подметены, огонь разожжен, белье выстирано - все это было сделано невидимыми руками. Фредерик, случайно узнавший об этом, приказал капитану и лейтенанту своей гвардии расследовать дело; их приняли под бой барабанов, а затем позволили им стать свидетелями тех же домашних представлений. Когда мрачный старый капитан разразился страшными проклятиями, он получил по ушам и удалился, совершенно обескураженный. После его доклада королю дом был снесен, а на

некотором расстоянии от него возведен новый пасторский дом. Этот случай упоминается во многих исторических трудах и без комментариев цитируется даже великим историком Менцелем. Другой поразительный случай, несколько иного характера, был полностью доложен Колониальному управлению в Лондоне. Речь идет о большом хранилище на острове Барбадос, вырубленном в живом камне и доступном только через огромную железную дверь, закрепленную обычным способом с помощью крепких засовов и замка, ключ от которого хранился в Доме правительства. В течение 1819 года его четыре раза открывали для погребения, и каждый раз было замечено, что все гробы в хранилище были с силой брошены. Губернатор, лорд Комбермир, сам отправился в сопровождении своих сотрудников и нескольких офицеров, чтобы осмотреть это место, и обнаружил, что само хранилище находится в идеальном порядке и без малейших следов насилия. Он приказал закрыть дверь цементом и поставил на нее свою печать, примеру которой последовали почти все присутствующие. Восемь месяцев спустя, 28 апреля 1820 года, он вскрыл хранилище в присутствии большой компании друзей и на глазах у многотысячной толпы. Цемент и печати оказались безупречными и неповрежденными; на песке, которым был тщательно посыпан пол хранилища, не было обнаружено ни следа, ни знака, но гробы снова были разбросаны в большом беспорядке. Один, такой тяжелый, что для его перемещения потребовалось восемь человек, был найден стоящим вертикально, а гроб с ребенком был с силой прибит к стене. Тщательно составленный отчет с рисунками был отправлен домой, но объяснения так и не было найдено. Ученые склонны были приписать эти волнения землетрясениям, но в летописях острова за эти годы их не было. Остается, однако, вероятность того, что обследование свода было несовершенным и что море могло проникнуть в него через какую-то скрытую расщелину. В этом случае невидимым агентом вполне мог стать необычно высокий прилив.

Даже индейцы нашего далекого Запада лелеют ту же суеверную веру, и в своем домике на склонах Скалистых гор он слышит таинственные стуки. Для него они - доброе предупреждение духа, которого он называет Великим Медведем, предвещающее великое бедствие.

То, что определенные места, похоже, посещаются призраками, то есть преследуются с особым предпочтением, следует объяснить заразной природой таких психических расстройств, которые обычно вызывают подобные явления. Более того, это отнюдь не ограничивается, как принято считать, северными регионами, где частые туманы и густые дымки, короткие дни и длинные ночи, а также мрачное окружение и внушающие благоговение звуки природы предрасполагают разум к ожиданию сверхъестественных явлений. Так, например, прекрасная Суабия, одна из самых благодатных частей Германии, милая и улыбчивая на своих плодородных равнинах, и ни в коем случае не особо жуткая, даже в самых уединенных уголках Шварцвальда, изобилует местами с привидениями. В доме доктора Кернера, Вайнсберге, привидения посещали почти каждый дом; окрестности были столь же благосклонны, и даже в открытой местности есть бесчисленные крестьянские домики и дворянские усадьбы, которые часто посещают призраки. Одно из самых привлекательных поместий в Вюртемберге было куплено в 1815 году одним выдающимся солдатом, чья бесстрашная храбрость заставила его быстро подниматься из класса в класс под взглядом великого Наполеона. Вскоре после его приезда жену каждую ночь будили разнообразные таинственные звуки, начиная от странного, низкого хныканья и заканчивая ужасающими взрывами. Полковник также слышал их и пытался выяснить причину. Кроме того, ночь за ночью огромные замковые часы, которые исправно ходили весь день, били не в те часы, а утром оказывались совсем не теми. Тревожные силы вскоре перешли на личности; однажды ночью, когда полковник, сидя за обеденным столом и услышав обычные звуки,

сердито сказал: "Хотел бы я, чтобы призрак дал о себе знать!", раздался страшный взрыв, сбивший с ног оратора и собравший в комнате всех обитателей дома. Сразу же начались поиски, и обнаружилось, что главная гиря больших часов отсутствует. Пришлось заказать новую гирю, и только спустя долгое время старая была найдена зажатой между двумя этажами над часами. Беспорядки не ограничивались замком: в полночь лошади в конюшне становились беспокойными и почти дикими, рвались на свободу и потели, пока не покрывались белой пеной. Однажды полковник отправился в конюшню, сел на своего любимого возницу, который не раз переносил его шум и грохот сражений, и стал ждать наступления полуночи. Мгновенно бедное животное начало дрожать, потом пятиться и яростно брыкаться, пока его хозяин, известный как хороший наездник, не смог больше сдерживать его, и обезумевший конь носился по конюшне, рискуя жизнью. Через час бедняги начали успокаиваться, но дрожали всеми конечностями; лошадь самого полковника поддавалась испытанию и умерла утром. Пришлось построить новую конюшню, которая осталась свободной от возмущений.

Самый примечательный и, как ни странно, в то же время наиболее достоверный из всех рассказов о волнениях, вызванных недавно ушедшими друзьями, можно найти в мемуарах, написанных самой страдальцей и адресованных знаменитому барону Гримму под псевдонимом господин Майс. Через него история попала к Гете, который сразу же перенял ее во всех подробностях и, лишь изменив имя главного героя на Антонелли, вставил ее в свои "Беседы немецких эмигрантов". Это же событие полностью описано в "Мемуарах маркиграфини Анспахской" как "история, которая в то время произвела большую сенсацию в Париже и возбудила всеобщее любопытство". Но еще больший авторитет этому рассказу придает тот факт, что он был официально зафиксирован в полицейских отчетах Парижа, из которых его часто извлекали для публикации. Мдль. Ипполит Клерон делает в основном следующие заявления: "В 1743 году моя молодость и успех на сцене обеспечили мне большое внимание со стороны молодых пижонов и пожилых распутников, среди которых, однако, я часто находила несколько лучших людей. Одним из них, который произвел на меня глубокое впечатление, был некий мистер С., сын купца из Бретани, лет тридцати, с красивыми чертами лица, хорошо сложенный и одаренный некоторым поэтическим талантом. Его разговор и манеры свидетельствовали о том, что он получил превосходное образование и привык к хорошему обществу, а его сдержанность и застенчивость, не позволявшие ему выдать свою привязанность, делали его еще более дорогим для меня. Убедившись в его благоразумии, я разрешил ему посещать меня и дал понять, что он может называть себя моим другом. Он принял это терпеливо, видя, что я все еще свободен и не лишен нежных чувств, и надеясь, что время внушит мне более теплую привязанность. Кто знает, что могло бы произойти! Но я часто расспрашивал его, как из любопытства, так и из благоразумия, и его откровенные ответы разрушали его перспективы; он признался, что, недовольный своим скромным положением в жизни, продал свое имущество, чтобы жить в Париже в лучшем обществе, а мне это не нравилось. Люди, которые стыдятся самих себя, не способны, как мне кажется, внушать другим уважение. Кроме того, он был меланхоличен и недоволен, слишком хорошо знал людей, чтобы, по его словам, не презирать и не избегать их. Он намеревался не посещать никого, кроме меня, и побудить меня также не видеть никого, кроме него. Вы можете представить, как мне не нравились подобные идеи. Я мог бы держаться за гирлянды, но не желал быть связанным цепями. С этого момента я поняла, что должна разочаровать его надежды, и постепенно удалилась от его общества. Это вызвало у него тяжелую болезнь, во время которой я оказывал ему все возможное внимание. Но мой упорный отказ сделать для него больше, только углубил рану, и в то же время бедный молодой человек имел несчастье быть лишенным почти всего своего имущества своим неверным братом, которому он доверил продажу всего, что ему принадлежало, так что он

был вынужден принимать от меня небольшие суммы для оплаты своей ежедневной пищи и необходимых лекарств.

"Наконец он вернул себе часть имущества, но его здоровье было подорвано; и поскольку я считал, что оказываю ему настоящую услугу, увеличивая расстояние между нами, я отказался впредь получать его письма и визиты.

"Так продолжалось два года с половиной, когда он умер. Он послал за мной, желая насладиться счастьем еще раз увидеть меня в свои последние минуты, но мои друзья не позволили мне уехать. Рядом с ним не было никого, кроме слуг и старухи, которая в последнее время была его единственной компаньонкой. Наши жилища находились далеко друг от друга: его - возле Шоссе-д'Антен, где было построено всего несколько домов, а мое - возле аббатства Сен-Мартен. Моими ежедневными гостями были агент, выполнявший все мои профессиональные обязанности, месье Пипеле, хорошо известный и любимый всеми, кто его знал, и Розели, один из моих коллег-комедиантов, добрый молодой человек, полный остроумия и таланта. Ужинали мы скромно, но были веселы и от души веселились. Однажды вечером я только что спел несколько милых песен, которые, казалось, привели в восторг моих друзей, когда часы пробили одиннадцать, и в тот же миг раздался чрезвычайно резкий крик. Его пронзительный звук и продолжительность поразили всех; я упала в обморок и пролежала без сознания почти четверть часа.

"Мой агент был влюблен в меня и так обезумел от ревности, что, когда я пришла в себя, он осыпал меня упреками и сказал, что сигналы для моего интервью были довольно громкими. Я сказала ему, что, поскольку я имею право принимать, когда и кого пожелаю, никакие сигналы не нужны, а этот крик, несомненно, был достаточно душераздирающим, чтобы убедить его, что он не предвещает никаких сладких минут. Моя бледность, дрожь, которая продолжалась некоторое время, слезы, текущие беззвучно и почти бессознательно, и настоятельная просьба, чтобы кто-нибудь остался со мной на ночь, - все эти признаки убедили его в моей невинности. Мои друзья остались со мной, обсудили страшный крик и решили, наконец, выставить вокруг дома охрану.

"Тем не менее страшный звук повторялся ночь за ночью; его отчетливо слышали мои друзья, все соседи и даже полицейские, стоявшие неподалеку от нас; казалось, он раздавался прямо под моим окном, где ничего не было видно. Не было никаких сомнений в том, кому он предназначался, потому что, когда я ужинал, крика не было слышно; но часто после моего возвращения, когда я входил в свою комнату и спрашивал о нем у матери и слуг, он вдруг снова пронзал воздух. Однажды председатель суда, в доме которого я гостил, предложил проводить меня домой в целости и сохранности; в тот момент, когда он пожелал мне спокойной ночи у дверей, крик раздался прямо между нами, и беднягу пришлось поднимать в карету скорее мертвым, чем живым.

"В другой раз мой молодой спутник, Розели, умный, остроумный человек, не веривший ни в небо, ни в землю, ехал со мной в карете по дороге к другу, жившему в отдаленной части города. Мы обсуждали страшные муки, которым я подвергался, и он, посмеиваясь надо мной, в конце концов заявил, что ни за что не поверит, если не услышит это собственными ушами, и бросил мне вызов, чтобы я позвал своего любовника. Не знаю, как мне удалось уступить, но в тот же миг крик повторился трижды, причем с непреодолимой яростью. Когда наша карета подъехала к дому, слуги нашли нас обоих лежащими без сознания на подушках, и пришлось позвать помощь, прежде чем мы пришли в себя. После этого в течение нескольких месяцев я ничего не слышал и начал надеяться, что все закончилось. Но я жестоко ошибался.

"Членам королевского отряда комедиантов было приказано явиться в Версаль в честь бракосочетания дофина, и поскольку мы должны были провести там три дня, нам предоставили жилье. Однако случилось так, что одну мою подругу, мадам Гранваль, забыли, и, видя ее затруднения, я наконец предложил ей ближе к трем часам утра разделить мою комнату, в которой было две кровати. Это заставило меня отвести горничную в мою собственную постель, и, когда она уже собиралась уходить, я сказал ей: "Вот мы и на краю света, погода отвратительная, и крику было бы трудно преследовать нас здесь! В этот момент он раздался совсем рядом с нами; мадам Гранваль вскочила, ужасно испугавшись, и пробежала по всему дому, разбудив всех и приведя нас в такое возбужденное состояние, что всю ночь ни один глаз не сомкнулся. Семь или восемь дней спустя, когда я весело болтала с друзьями, в назначенный час раздался выстрел, очевидно, через мое окно. Мы все слышали его и видели огонь, но стекло не было разбито. Все сразу подумали о попытке убить меня, и некоторые друзья тут же поспешили к начальнику полиции. Немедленно были посланы люди, чтобы обыскать дома напротив, и в течение нескольких дней и ночей улица строго охранялась несколькими солдатами; мой собственный дом был обыскан от крыши до подвала, и друзья пришли большими компаниями, чтобы помочь в наблюдении: тем не менее, выстрел падал ночь за ночью в один и тот же час, в течение трех месяцев, с неизменной точностью. Не было найдено ни одной зацепки, не было замечено никаких признаков, кроме звука выстрела и вида огня. Ежедневно в штаб-квартиру полиции поступали доклады о происшествиях, постоянно придумывались и применялись новые меры, но власти были озадачены, как и все, кто пытался разгадать эту тайну. В конце концов я вполне свикся с этим беспорядком и уже привык говорить о нем как о проделках *bon diable*, поскольку он так долго довольствовался трюками жонглеров; но однажды ночью, когда я вышел через открытое окно на балкон и стоял там с моим агентом рядом, внезапно прогремел выстрел, от которого нас обоих отбросило в комнату, где мы упали как мертвые. Придя в себя, мы встали и после некоторого колебания признались друг другу, что у нас сильно заложило уши: у него - правое, у меня - левое, после чего мы разразились искренним смехом. Следующая ночь прошла спокойно, но на следующий день я ехал со своей горничной в дом друга, куда меня пригласили встретиться с некоторыми знакомыми. Когда мы проезжали через определенную часть города, я узнала дома в ярком лунном свете и шутливо сказала: "Это очень похоже на ту часть города, где жил бедный С.". В тот же миг часы на ближайшей церкви пробили одиннадцать, и тут же из одного из зданий раздался выстрел, который, казалось, прошел сквозь нашу карету. Кучер решил, что на нас напали грабители, и хлестнул лошадей, чтобы спастись; я знал, что это значит, но все равно был основательно напуган и добрался до дома в состоянии, мало пригодном для светских развлечений. Однако это был последний раз, когда мой несчастный друг использовал оружие.

"Вместо стрельбы теперь раздавалось громкое хлопанье в ладоши, с определенными модуляциями и повторениями. Этот звук, к которому я привык на сцене благодаря любезности моих друзей, не так сильно беспокоил меня, как моих товарищей. Они расположились вокруг моей двери и под моим окном; они отчетливо слышали его, но не могли разглядеть ни одного человека. Я не помню, как долго это продолжалось, но за этим последовало пение сладкой, почти небесной мелодии, которая началась в верхней части улицы и постепенно нарастала, пока не достигла моего дома, где медленно закончилась. Затем шум прекратился совсем.

"Единственный свет на эту загадку пролила одна пожилая дама, которая обратилась ко мне под предлогом желания посмотреть мой дом, который я предлагал в аренду. Меня очень поразил ее почтенный вид и явное волнение. Я предложил ей стул и сел напротив, но

некоторое время не мог вымолвить ни слова. Наконец она, казалось, набралась храбрости и рассказала, что давно хотела познакомиться со мной, но не решалась прийти, пока меня постоянно окружали друзья и поклонники. Наконец она случайно увидела мое объявление и воспользовалась случаем, чтобы увидеть меня и посетить мой дом, который вызвал в ее глазах глубокий, хотя и меланхолический интерес. Я сразу догадался, что она - тот самый верный друг, который один оставался у постели бедного С., когда тот был поражен смертельной болезнью и отказывался видеть кого-либо еще. В течение нескольких месяцев, сказала она мне, он не говорил ни о чем, кроме меня, глядя на меня то как на ангела, то как на демона, но совершенно не в силах удержать свои мысли от непрерывного пребывания на одной теме, которая заполняла его ум и сердце в равной степени. Я попытался объяснить старой леди, что в полной мере оценил его добрые качества и благородные порывы, но не нашел в себе сил согласиться с его своеобразными взглядами на общество и пообещать, как он настаивал, оставить все, что я любил, ради того, чтобы жить с ним в одиночестве и полном уединении. Я сказал ей также, что, когда он послал за мной, чтобы я увидел его в последние минуты жизни, мои друзья не пустили меня, и что я сам чувствовал, что зрелище его смерти в такой обстановке было бы крайне опасно для моего душевного спокойствия, к тому же совершенно бесполезно для умирающего. Она признала силу моих доводов, но повторила, что мой отказ ускорил его конец и лишил его в последний момент всякого самообладания. В таком состоянии духа, когда за несколько минут до одиннадцати вошел слуга и в ответ на его страстный вопрос заверил, что никто не приходил, он воскликнул: "Бессердечная женщина! Она ничего не добьется своей жестокостью, ибо я буду преследовать ее после смерти, как преследовал ее при жизни!" И с этими словами на устах он скончался".

Впечатление, производимое этим тщательно проверенным рассказом, является сильным аргументом в пользу того, что после смерти душа человека сохраняет связь с миром, в котором мы живем. Жил человек, все существование которого было поглощено одной великой и всепроникающей страстью; она разрушила его тело и лишила разум возможности исправлять причуды его фантазии. В таком состоянии он и умер, с чувством тяжелой вины и жадной мести на первом месте в его сознании. Затем последовал ряд магических явлений, свидетелями которых в течение нескольких лет были тысячи друзей и любопытных наблюдателей, бросивших вызов бдительности солдат и остроте полицейских агентов. Эти волнения, поначалу носящие отпечаток умышленного раздражения, постепенно принимают более мягкую форму, как бы выражая смягчение негодования; они становятся слабее и реже и, наконец, прекращаются совсем, наводя на мысль о покое, который бедная заблудшая душа обрела, наконец, по бесконечному милосердию и доброте, благополучно войдя в желанную гавань.

С другой стороны, поскольку контрасты встречаются и здесь, и в других местах, эти явления часто приписывались чисто физическим причинам, и в ряде случаев окончательное объяснение подтверждало это предположение. Например, одного ипохондрика-художника по ночам беспокоил негромкий, но яростный стук в его постели, который слышали как другие, так и он сам. Он молился, вызывал священников к своей постели, читал мессы от своего имени, но все было напрасно. Тогда пришел простой, здравомыслящий друг, который, наполовину в шутку, наполовину всерьез, накрыл большой палец его ноги латунной проволокой, которую окунул в щелочной раствор, и вот, стук прекратился и больше не возвращался! (Dupotel, "Animal Magn.") В другом случае женщина, страдающая сомнамбулизмом, пугала себя и других сильнейшими стуками, когда ее разочаровывали или мешали; ее врач, подозревая причину, в конце концов дал ей спазмолитические средства, и вскоре выяснилось, что во время нервных спазмов мышцы вибрировали достаточно сильно, чтобы вызвать эти нарушения. После этих открытий было обнаружено, что почти любой

человек может производить такие стуки - которые стоят в подозрительном отношении к похищениям духов - напрягая определенные мышцы ноги; некоторые люди, которые практиковали этот трюк в научных целях, например профессор Шифф из Флоренции, способны имитировать почти все различные стуки, которые обычно приписывают привидениям и духам. Публичные выступления мистера Чонси Берра в Нью-Йорке стали яркими иллюстрациями этой способности, а мистер Шадрах Барнс в совершенстве имитировал стук пальцами ног.

В большом количестве случаев подобные явления возникают у людей, страдающих каким-либо нервным заболеванием, и тогда стуки, конечно же, производятся бессознательно и могут сопровождаться проявлениями исключительных способностей. Однако не стоит добавлять, что эти два симптома не обязательно имеют одинаковую природу; обычно механические стуки предшествуют развитию экстатических видений. У девочки одиннадцати лет, ребенка скромных эльзасских родителей, в 1852 году эта последовательность симптомов проявилась очень ярко. Ребенок имел привычку засыпать в любое время суток; сразу же таинственные стуки начинали исполнять танец или марш и продолжались ежедневно более часа. Через некоторое время бедная девочка начала разговаривать во сне и общаться со стучащим агентом. Она приказывала ему выбить тату или сыграть квикстеп, и это немедленно исполнялось. Указания посторонних, даже если они не произносили их, а просто тщательно обдумывали в уме, выполнялись аналогичным образом. Наконец ребенок, несомненно, становясь все хуже и неистово возбуждаемый толпами любопытных, которые теснились в доме, начал наставлять своих слушателей, проповедовать и молиться; во время этих увещеваний не было слышно стуков, но она стала ясновидящей и узнавала всех присутствующих, даже с закрытыми глазами. Ей казалось, что стуки и речи произносит чернокожий мужчина в красном платке. В конце концов ее ясновидение стало настолько поразительным, что ее случай вызвал глубочайший интерес у лиц, занимающих высокое социальное положение, и несколько врачей обследовали ее с особой тщательностью. Ее болезнь была объявлена неврозом ("Магикон", т. 274).

Очень своеобразное и совершенно необъяснимое явление, относящееся к этому классу призрачных явлений, - это полное удаление людей невидимой силой. Представление о подобных явлениях, должно быть, было распространено среди иудеев, ибо когда "явилась колесница огненная и кони огненные... и Илия вознесся вихрем на небо" (II Царств ii. 11), сыны пророков не сразу смирились, а послали пятьдесят человек на его поиски, "чтобы Дух Господень не взял его и не бросил на какую-нибудь гору или в какую-нибудь долину" (ст. 16). В Новом Завете то же самое таинственное перемещение упоминается в случае с Филиппом после его беседы с эфиопом, которого он крестил. "Дух Господень уловил Филиппа, и евнух уже не видел его", и "Филипп был найден в Азоте" (Деян. Viii. 39, 40). То, что в этих случаях было сделано божественной силой, в других случаях, как говорят, было делом рук неизвестной и невидимой силы. Обычно, несомненно, мужчины или дети теряют себя случайно, либо когда они уже находятся от болезни или по другой причине в состоянии полусознания, либо когда они становятся настолько озадаченными и напуганными самим происшествием, что им кажется, что их унесла таинственная сила. Самый достоверный случай приводится у Бомонта (стр. 65). Ирландский управляющий, пересекая поле, увидел на нем большую компанию, которая пиновала, и был приглашен присоединиться к их трапезе. Однако один из них шепотом предупредил его, чтобы он не принимал ничего из того, что ему предложат. Когда он отказался есть, стол исчез, а люди стали танцевать под веселую музыку. Его снова пригласили присоединиться, но когда он отказался, все исчезли, и он остался один. Он поспешил домой, основательно напуганный, и упал в обморок в своей комнате. Ночью ему приснилось или привиделось, что один из таинственной компании

появился у его кровати и объявил ему, что если он посмеет выйти из дома на следующий день, то его унесут. Он оставался дома до вечера, когда, считая себя в безопасности, переступил порог. Мгновенно увидев его, его спутники, обвязав его веревкой, поспешили прочь так быстро, что не смогли за ним угнаться. Наконец они встречают всадника, которого знаками просят задержать несчастную жертву; он хватает веревку, получает сильный удар, но спасает управляющего. Лорд Оррери пожелал увидеть этого человека, и когда тот предстал перед графом, он сообщил, что другой ночной посетитель угрожал ему, как и прежде. После этого его поместили в большую комнату под охраной нескольких крепких мужчин; туда постоянно входили и выходили несколько уважаемых лиц, среди которых были два епископа. Днем его внезапно подняли в воздух; знаменитый боксер Грейтрикс, специально приставленный к нему для охраны, и еще один сильный человек схватили его за плечи, но он вырвался из их рук и некоторое время носился высоко над головами, пока наконец не упал на руки кому-то из своих сторожей. Ночью то же самое видение снова стояло у его постели, предлагая выпить серой кашицы, которая должна была излечить его от всех недугов и защитить от дальнейшего насилия. Он поддался на уговоры, когда посетитель представился ему бывшим другом, который был вынужден посещать эти таинственные собрания в наказание за беспутную жизнь, которую он вел на земле, и теперь желает спасти другого несчастного от такой же печальной участи. При этом он напомнил ему о том, что тот пренебрегает молитвой, а затем исчез. Стюард быстро оправился от испуга, и больше к нему никто не приставал. Можно не сомневаться, что этому человеку было плохо и с телом, и с совестью, и что это двойное бремя было слишком тяжелым для его разума; его мысли стали беспорядочными, пока он не почувствовал, что внешняя сила сильнее его собственной воли, и поэтому не только представлял себе странные видения, но и фактически подчинялся хаотичным импульсам своего больного разума, как будто они были актами насилия извне.

В другом случае главным действующим лицом был кандидат богословия Биллинг, известный как человек с очень чувствительным характером и склонный к галлюцинациям; ранее уже были отмечены крайние страдания, которые причиняло присутствие человеческих останков всему его организму. Великий немецкий баснописец Пфеффель, слепой человек, однажды взял Биллинга за руку и пошел с ним в сад проветриться. Поэт заметил, что когда они дошли до определенного места, молодой человек замешкался, и его рука задрожала, как будто ее ударило током. Когда его спросили, в чем дело, он ответил: "О, ничего!" Но когда он прошел по этому месту во второй раз, та же самая дрожь дала о себе знать. Под давлением Пфеффеля молодой человек наконец признался, что испытывает на этом месте то чувство, которое всегда вызывает у него присутствие трупа, и предложил пойти туда с поэтом ночью, чтобы доказать ему правильность своих ощущений. Когда друзья отправились в сад после наступления темноты, Биллинг сразу же заметил слабый отблеск света над этим местом. Он остановился на расстоянии около десяти ярдов и через некоторое время заявил, что видит парящую над этим местом женскую фигуру высотой около пяти футов, правая рука которой лежит на груди, а левая свисает вниз. Когда поэт подошел и встал на роковое место, молодой человек утверждал, что образ был то справа, то слева, то перед ним, то позади него, а когда Пфеффель ударил вокруг него тростью, это произвело эффект, как будто он прорезал пламя, которое мгновенно воссоединилось. Во второй раз свидетелями тех же явлений стали несколько родственников Пфеффеля. Через несколько дней после этого, когда молодой человек отсутствовал, поэт приказал раскопать место в саду, и на глубине нескольких футов, под слоем извести, был обнаружен человеческий скелет. Его извлекли, засыпали яму и все заново выравнивали. После возвращения Биллинга поэт снова взял его с собой в сад, и на этот

раз молодой человек прошел по роковому месту, не испытав ни малейших ощущений (*Kieser, Archiv., etc., p. 326*).

Именно этот замечательный опыт заставил барона Райхенбаха проверить его, поведя одну из своих чувствительных пациенток, мисс Райхель, ночью на большое венское кладбище. Как только она дошла до места, то увидела повсюду море пламени, наиболее яркого над новыми могилами, более слабого над другими и совсем тусклого то тут, то там. В некоторых случаях эти огни достигали высоты почти четырех футов, но в целом они больше походили на светящийся туман, так что ее рука, проведенная над местом, где она увидела один из них, казалась окутанной огненным облаком. Ее ничуть не беспокоили явления, которые она часто наблюдала ранее, а барон Рейхенбах считал, что видит в них подтверждение своей теории об Од-свете. Однако не приходится сомневаться, что светящийся вид, ощутимый только необычайно чувствительными людьми, является результатом химического разложения, которое оказывает на них особое влияние.

Отсюда, несомненно, и многочисленные рассказы о призрачных огнях на кладбищах; над испуганным зрителем почти всегда смеются или от души издеваются, и не один бедный ребенок стал жертвой абсурдной теории "излечения от глупых страхов". Несомненно, свет действительно мерцает над церковными дворами, и в "свечах-трупах" валлийцев и "свечах-эльфах" шотландцев, которые с предчувствием видят в доме болезни, предвещая близкий распад, есть нечто большее, чем просто пустое суеверие. В то же время хорошо известно, что и живые люди при определенных обстоятельствах испускали свет, особенно из головы. Случаи с Моисеем, чье лицо сияло нестерпимой яркостью, и мучеником Стефаном знакомы всем, а ореол, которым художники окружают головы святых, красноречиво свидетельствует о всеобщей и глубоко укоренившейся вере. Но наука также полностью подтвердила тот факт, что свет проявляется как реальный и безошибочный световой поток из человеческого тела, как в здоровом состоянии, так и в смертельной болезни. Самым распространенным примером такого излучения света является выброс искр из волос при расчесывании. До и во время электрических "пылевых бурь" в Индии это явление часто встречается в волосах обоих полов. В сухую погоду, когда волосы также сухие, и особенно непосредственно перед грозой, такие же искры наблюдаются во всех странах. Доктор Фипсон упоминает случай со своим родственником, "чьи волосы (длиной ровно в один ярд с четвертью), когда их быстро расчесывают черной гуттаперчевой расческой, испускают листы света длиной до фута", причем этот свет "состоит из сотен маленьких электрических искр, щелкающий звук которых отчетливо слышен".

Но электрический свет иногда испускается и самим человеческим телом, а не только волосами. Памятный случай этого явления зафиксирован доктором Кейном в дневнике его последнего путешествия в полярные области. Он и его спутник Петерсен легли спать в хижине во время сильного холода, а проснувшись ночью, к своему ужасу, обнаружили, что их лампа - единственная надежда - погасла. Петерсен тщетно пытался найти свет в карманном пистолете, и тогда Кейн решил взять пистолет сам. "Было так темно, - рассказывает он, - что мне пришлось нащупывать его, и при этом я коснулся его руки". В этот момент пистолет в руке Петерсена стал отчетливо виден. Бледный голубоватый свет, слегка дрожащий, но не прерывающийся, покрывал его металлические части. Приклад тоже был отчетливо виден, словно отраженный свет, и, к изумлению нас обоих, большой и два пальца, которыми Петерсен держал пистолет, - на коже четко проступали складки, морщины и контуры ногтей. Когда я взял пистолет, моя рука тоже засветилась". Этот светящийся и, несомненно, электрический феномен произошел в совершенно исключительных обстоятельствах и является единственным случаем, зафиксированным за последнее время. Но гораздо более

примечательное явление подобного рода упоминается Бартолином, который рассказывает об одной даме в Италии, которую он справедливо называет *mulier splendens*, чье тело фосфоресцировало или, скорее, светилось электрическими лучами, когда ее слегка натерли куском сухого льна. В этом случае свечение было нормальным, несомненно, очень частым при обычных обстоятельствах, и этот факт хорошо засвидетельствован. Мистер Б. Х. Паттерсон упоминает в журнале *Belgravia* (октябрь, 1872), что он видел, как фланель, которой он натирал свое тело, испускала голубые искры, и в то же время слышал "потрескивающий" звук. Эти факты доказывают, что человеческое тело даже в обычной жизни способно испускать светящиеся колебания, а наука учит нас, что они довольно часто появляются при болезнях. И здесь доктор Фипсон снова упоминает несколько случаев, ставших результатом его чтения. Один из них - случай с женщиной в Милане, во время болезни которой вокруг ее кровати мерцал так называемый фосфорический свет. Другой замечательный случай записан доктором Маршем в томе "Эволюция света из человека" и гласит следующее: "Примерно за полтора часа до смерти моей сестры мы были поражены светящимися явлениями, исходящими от ее головы в диагональном направлении. В это время она находилась в полулежачем положении и была совершенно спокойна. Свет был бледным, как луна, но вполне очевидным для мамы, меня и сестер, которые в это время наблюдали за ней. Одна из нас сначала подумала, что это молния, но вскоре мы увидели некое трепетное мерцание, играющее вокруг изголовья кровати, и тогда, вспомнив, что мы читали о том, что нечто подобное наблюдалось перед растворением, мы попросили принести в комнату свечи, опасаясь, что наша дорогая сестра заметит сияние, и оно может нарушить спокойствие ее последних минут".

Другой случай связан с ирландским крестьянином и записан доктором Донованом из личного наблюдения в *дублинской медицинской прессе* в 1870 году следующим образом: "В декабре меня послали к Харрингтону. Он находился под наблюдением моего предшественника и был записан как фтизиатрический пациент. Он находился под моим наблюдением около пяти лет, и я уже прекратил свои визиты, когда стало известно, что каждую ночь в его хижине видят таинственные огни. Этот вопрос привлек большое внимание. Я решил подвергнуть этот вопрос испытанию собственных чувств и с этой целью посещал хижину в течение четырнадцати ночей. Только в три ночи я наблюдал что-то необычное. Однажды я увидел светящийся туман, похожий на бореальную аврору, и дважды - сцинтилляции, похожие на сверкающую фосфоресценцию, которую дает морская инфузория. В результате тщательного изучения я могу с уверенностью сказать, что никакого навязывания не было ни в работе, ни в попытках".

Единственное объяснение светящихся излучений от больных людей, когда-либо предложенное компетентными органами, объясняет их истечением или выходом нервной силы, которая, как известно, по своей природе родственна электричеству, трансформируясь в светимость, когда покидает тело. Сестрица Преворст сообщала, что видела нервы в виде сияющих нитей, и даже из глаз некоторых людей, как ей казалось, непрерывно вспыхивали лучи света. Другие сомнамбулы, а также загипнотизированные люди видели, как волосы людей сияли множеством искр, а дыхание изо рта казалось слабым светящимся туманом.

Такое же свечение, наконец, иногда наблюдается на кладбищах, и, несомненно, оно чаще приводило бы к тщательному исследованию, если бы наблюдатели не были так часто заподозрены в суеверных опасениях. Однако в случае с пациентами барона Рейхенбаха таких трудностей опасаться не приходилось; они неизменно видели светлые голубоватые языки пламени, парящие над многими могилами, и что еще больше поражало, так это то, что эти движущиеся огни наблюдались только на недавних могилах, как бы естественно

зависящих от процесса разложения. Если мы соединим это с нашим опытом наблюдения за свечением в разлагающихся овощах, испорченном мясе и больных людях, то будем готовы поверить, что даже так называемые истории о привидениях, в которых заметную роль играют таинственные огни, отнюдь не обязательно имеют под собой основание.

Случаи, когда умершие люди давали о себе знать оставшимся в живых или каким-то необъяснимым пока образом производили на них впечатление с помощью других органов чувств, кроме зрения, очень редки. Однако иногда слух подвергается такому воздействию, и слышится приятная музыка, свидетельствующая о продолжающемся общении между мертвыми и живыми. В качестве иллюстрации можно привести один случай.

Графиня А. всю жизнь отличалась странной любовью к часам; в ее замке не было ни одной комнаты, где бы не было больших или маленьких часов, и все их она настаивала на том, чтобы заводить в нужное время. Но больше всего ей нравились очень любопытные и дорогие часы в гостиной, которые имели форму готической церкви и показывали на шпильке небольшой циферблат, за которым были скрыты механизмы; в полный час звучал гимн, который исполняла музыкальная шкатулка, прикрепленная к механизму. Она никому не позволяла прикасаться к этим часам и сидела перед ними, когда стрелка приближалась к часу, ожидая, когда зазвучит гимн. В конце концов она заболела и провела в заточении семь недель, в течение которых часы нельзя было заводить, а затем умерла. По особым причинам погребение должно было состояться вечером следующего дня, и, поскольку замок находился далеко от города, приготовления заняли столько времени, что тело перенесли из спальни в гостиную, где и были проведены обычные церемонии, почти в полночь. Перенос осуществлялся под руководством мужа, который шел за гробом, и в присутствии большого числа друзей и родственников, а священник возглавлял печальный кортеж. В тот момент, когда гроб приблизился к любимым часам, они вдруг начали бить, но вместо двенадцати выдали тринадцать ударов, а затем последовала мелодия известного гимна:

"С дерзновением пойдем мы теперь
По темному пути к новой жизни".

Священник, который за некоторое время до этого сидел рядом с графом, прямо под часами, и скорбно заметил их молчание после стольких лет, был поражен, и некоторое время не мог прийти в себя. Граф, напротив, увидел в этом происшествии торжественное предупреждение свыше и отныне отбросил легкомыслие, которое до сих пор проявлял как в своей жизни, так и в своих принципах ("Evening Post" [Germ.], 1840. No. 187).

Наконец, есть некоторые явления, относящиеся к этой части магии, которые, как правило, приписываются агентству, в котором природные силы и сверхъестественные существа имеют почти равную долю. Они предполагают интересный, но трудный вопрос: могут ли видения и экстазы распространяться на большое количество людей одновременно? И все же без такого предположения невозможно объяснить появление армий в облаках, диких охотников в Арденнах и тому подобных явлений. Не меньшее значение здесь имеют и древние суеверия, ставшие как бы частью веры народа. Так, вся Северная Германия с древнейших времен была знакома с идеей о великом Водене, который бродит по ее темным лесам во главе валькирий и павших в бою героев, а его волки и вороны следуют за ним по ночам. Когда христианство сменило старых богов германской расы на дьяволов и демонов, Воден очень естественно превратился в дикого охотника, которого теперь сопровождали люди насилия, кровавые тираны и преступники, часто сильно искалеченные или вовсе безголовые. Не приходится сомневаться, что эти видения также опирались на какую-то

природную основу: исключительные атмосферные возмущения, ураганы, приходящие издалека и обрушивающиеся на могучие леса, или даже скромный топот группы браконьеров, слышимый вдалеке при благоприятных обстоятельствах робким ухом. В пользу этого предположения говорит сам факт, что излюбленным временем для подобных явлений является зимнее солнцестояние. Однако они отнюдь не ограничиваются временами года и днями: в 1842 году несколько косарей пшеницы в панике покинули поле, на котором работали, потому что им показалось, что они слышат фрау Холле с ее адской компанией и видят верного Экхарда, который уверенно шел перед процессией, предупреждая всех встречных, чтобы они отошли в сторону и укрылись от рокового зрелища. Подобный случай, произошедший в 1857 году, был, к счастью, полностью объяснен внимательными наблюдателями: причиной стала огромная стая диких гусей, чьи странные крики удивительным образом напоминали лай стаи гончих во время охоты. Еще одно происшествие, случившееся ночью 30 января 1849 года, повергло в болезненное смятение все окрестности Базеля в Швейцарии. Воздух внезапно наполнился множеством ноющих голосов, чья агония пронзила сердца всех, кто их слышал; люди и звери, казалось, испытывали невыносимые муки и с бешеной скоростью срывались со склона горы в долину близ Магдена; здесь все закончилось в одно мгновение под раскаты грома и страшные вспышки молний. По-видимому, здесь решающую роль сыграла яростная буря, зародившаяся в далеких расщелинах и трещинах и принесшая с собой, возможно, обломки скал, льда и морены.

Другой класс явлений такого рода связан с великими битвами, которые порой решали судьбу мира. Так, уже Павсаний ("Атика", 32) и другие историки Греции рассказывают, как на протяжении почти четырех столетий Марафонская равнина ежегодно оглашалась лязгом оружия и криками солдат. Очевидно, это было глубокое и неизгладимое впечатление, произведенное на очень чувствительный народ, которое здесь передавалось из поколения в поколение, а в день битвы, когда все было возбуждено, привело к восприятию звуков, не имевших реального существования. События такого колоссального масштаба, определяющие в считанные часы судьбу великих народов, естественным образом накладывают мощный отпечаток не только на современников, но и на детей этой расы. Такой была, в частности, страшная битва на Каталаунских полях, в которой вестготы и Аэций победили Аттилу, а сто шестьдесят две тысячи воинов были убиты. В то время сообщалось, что ожесточение и отчаяние армий продолжалось и после битвы, и что в течение трех дней духи павших с неослабевающей яростью боролись друг с другом. Сообщение об этом переросло в легенду, пока не утвердилось мнение, что битва происходит из года в год в тот памятный день и что любой посетитель может увидеть страстных духов, восставших из могил, вооруженных древним оружием и исполненных неугасающей ярости. Говорят, что один за другим солдаты двух армий покидают свои скромные могилы, поднимаются в воздух и вступают в смертельную, но безмолвную схватку, пока не исчезают в облаках. Хорошо известно, как удачно великий немецкий художник Каульбах воспроизвел это видение в своей великолепной фреске "Гуннская битва". В других странах эти призрачные видения принимают различные формы. Так, окрестности Керопе в Ливонии известны длинной чередой страшных убийств во время войн между немецкими рыцарями и московитами. Там также ночь за ночью снова и снова происходят теневые сражения, но лязг оружия и хриплые военные крики отчетливо слышны, и благочестивый путник спешит прочь с залитых кровью равнин, произнося молитвы за души убитых. В Шотландском нагорье и на прилегающих островах молодые и старые во все времена наблюдали самые странные и жуткие зрелища. Мрачная, угрюмая атмосфера этих мест, густые туманы и непроницаемые дымки, то поднимающиеся с моря, то спускающиеся с гор, а также жестокий, ненастный климат - все это испокон веков настраивало разум на восприятие таких странных и загадочных явлений.

Почти у каждого клана и каждой семьи есть свой особый призрак, и, кроме того, весь народ утверждает, что есть несколько общих видений и пророческих духов, чьи арфы и дикие песни слабо и грозно звучат в вышине. Друг мистера Мартина, автор работы "Второе зрение", рассказывал несколько строф из такой пророческой песни, которую он сам слышал в печальный ноябрьский день, когда она доносилась до него сквозь опускающиеся облака и клубящийся туман с вершины одинокой горы. На похоронах также слышались чудесные голоса, которые звучали высоко в воздухе, сопровождая песнопения людей внизу, с музыкой, не рожденной на земле, и наполняя сердце странной, но сладкой печалью. Почти такие же видения и такие же песни можно увидеть в Швеции и Норвегии, что убедительно доказывает, что подобные климатические влияния вызывают подобную магическую жизнь не только у отдельных людей, но и у целых народов. Ибо даже если мы склонны рассматривать эти явления как просто странное появление облаков и туманов, сопровождаемое воем и свистом ветра, а также падением камней и гравия, остается однообразие, с которым тысячи людей каждого поколения интерпретируют эти виды и звуки в странные видения и торжественные песнопения.

Однако не совсем очевидно, почему особый класс видений, который часто ошибочно называют вторым зрением - созерцание "двойника" - должен быть почти полностью ограничен этими же северными регионами. Разумеется, он небезызвестен и в других странах, и даже Священное писание, похоже, оправдывает предположение, что идея "двойника" была знакома жителям Палестины. Ведь бедную девицу Роду, которая "от радости" не открыла дверь, в которую постучал Петр после чудесного освобождения, а побежала возвестить о его присутствии друзьям, собравшимся в доме брата Марка, сначала называли сумасшедшей, а потом сказали: "Это ангел его" (Деян. xii. 13). Очевидно, они имели в виду не дух умершего друга, так как в этом случае им стало бы известно о его смерти, а фантом, представляющий его живое тело. Но число достоверных случаев, когда люди видели свой собственный облик, на Севере значительно больше, чем где-либо еще. Кельтское суеверие о "фетче", как там называют появление "двойника" человека, слишком хорошо известно, чтобы его объяснять. Но само видение - одно из самых интересных в изучении магии, поскольку оно наиболее ярко демонстрирует ту огромную власть, которую человеческая душа может при особых обстоятельствах обрести и осуществлять над самой собой, доводя себя до полного самообмана.

Доктор Майо упоминает случай, когда этот странный отказ от самоконтроля привел к самым приятным последствиям. Молодой человек, недавно приехавший из Оксфорда, однажды увидел, как его друг вошел в комнату, где он ужинал с несколькими спутниками. Новый посетитель, только что вернувшийся с охоты, показался им необычайно бледным и явно находился в состоянии сильного волнения. После долгих уговоров он наконец признался, что его серьезно встревожил некий человек, который составил ему компанию на всем пути домой. Этот незнакомец, сидевший на лошади, как и он сам, был его точной копией, вплоть до новой уздечки, его собственного изобретения, которую он впервые опробовал в тот день. Ему казалось, что этот "двойник" - его собственный призрак и предзнаменование приближающейся смерти. Друзья посоветовали ему посоветоваться с главой колледжа, что и было сделано, и тот дал ему много хороших советов, добавив надежду, что предупреждение не останется без последствий. Несомненно, что явление произвело на молодого человека столь сильное впечатление, что привело к его полному исправлению, по крайней мере, на некоторое время.

Многие авторы утверждают, что есть люди, у которых постоянно бывают видения, потому что они живут в постоянном общении с духами, хотя во всех случаях им приходится платить

страшное наказание за эту печальную привилегию. Это неизменно больные люди, в основном женщины, которые впадают в трансы, испытывают каталептические приступы или страдают от еще более болезненных недугов, и во время своего недуга видят и общаются с обитателями другого мира. Самой известной из таких провидиц была миссис Хауффе, которая стала хорошо известна читающему миру благодаря знаменитой работе доктора Дж. Кернера "Провидица из Преворста". Особенностью ее случая было то, что о своих видениях она неизменно оповещала посторонних людей особыми звуками, которые слышали все присутствующие. Формы, которые принимали ее таинственные посетители, менялись почти бесконечно: то это был мужчина в коричневом платье, то женщина в белом. Часто, когда духи появлялись под открытым небом и она пыталась убежать от них, ее поднимали на ноги и торопили так быстро, что ее спутники не могли за ней угнаться. Лишь позднее она попала в качестве пациентки в руки доктора Кернера, который был выдающимся поэтом и пользовался большой известностью как врач для душевнобольных особого класса. Его дом в Вайнсберге, в Вюртемберге, был переполнен людьми из всех слоев общества, от высших до низших, и у всех были видения. Не исключение и сам доктор; он также был провидцем и в вышеупомянутой книге дал полный и интереснейший отчет о болезнях, в связи с которыми чаще всего наблюдаются магические явления. С помощью тщательного наблюдения за реальными фактами и используя такие откровения, которые были даны ему и другим, и которые он считал полностью достоверными, он сформировал регулярную теорию видений. Прежде всего он признает, что привилегия общаться с духами - это тяжелое испытание, и все его более вдумчивые пациенты постоянно молились об избавлении от этого бремени. Из всего сказанного им очевидно, что не только тело, но и разум страдает - во многих случаях вплоть до разрушения - под воздействием таких исключительных способностей; что фактически линии разделения между этой и другой жизнью никогда не могут быть пересечены безнаказанно. Его самая интересная пациентка, миссис Гауф, представляет собой обычную смесь причудливых образов с эпизодическими вспышками истины; ее подлинные откровения были чудесны и могут быть объяснены только на основе настоящей магии; но с ними смешались самые абсурдные теории и самые поразительные противоречия. Однако она настаивала на том, что только те духи могут общаться со смертными, которые находятся в срединном царстве - между небом и адом, - духи людей, которые в этой жизни не могут, но и не хотят верить, что "Бог может простить их грехи ради смерти Христа". Д-р Кернер и другие часто пытались допросить ее; ей говорили, что некоторые еще живые люди умерли, и просили вызвать их духов, но она никогда не была введена в заблуждение. Нет сомнений, что бедная женщина была искренна в своих утверждениях, но она, очевидно, не могла отличить реальные видения в трансе от плода своего воображения. То, что ее особенности были тесно связаны с ее телесным состоянием, доказывается, кроме того, тем фактом, что вся ее семья страдала подобным образом и обладала подобными способностями; брат и сестра, а также ее маленький сын, все имели видения и слышали таинственные звуки. Последние, по сути, были ощутимы для всех обитателей странного дома; даже великий скептик доктор Страуш, однажды посетивший его, услышал "долгие, страшные стоны" рядом со своей приветливой хозяйкой, заснувшей на диване. Призраки не ограничивались тем, что беспокоили пациентов и их прекрасного врача; они давали о себе знать и их друзьям и соседям, и даже доброму священнику в маленьком городке пришлось немало пострадать от ночных стуков и странных изречений.

Сам доктор Кернер слышал множество духов, но видел только одного, да и то в виде "сероватого столба"; с другой стороны, он был свидетелем бесчисленных таинственных явлений, происходивших в спальнях его пациентов. То он видел, как невидимые руки снимали сапоги с миссис Гауф, в то время как она сама лежала на кровати почти неживая, в трансе, то слышал, как она раскрывала секреты, которые, будучи написанными совершенно

незнакомым людям на большом расстоянии, оказывались правильно изложенными. Тщательное исследование всех этих явлений особенно затруднено тем, что дом доктора Кернера стал приютом для сомнамбул, а также для настоящих пациентов, и это смешение серьезно снижает научную ценность его наблюдений в том, что касается их психологического интереса. Сам он искренне верил в магические явления; почти все его друзья и соседи, от самого скромного крестьянина до самых культурных ученых, верили ему и его утверждениям, и не может быть никаких сомнений в том, что в его доме происходили удивительные откровения и проявлялись необыкновенные силы. Но и здесь трудность отделения нескольких зерен истины от огромной массы сознательных, а также бессознательных заблуждений почти непреодолима, и наше окончательное суждение должно оставаться в подвешенном состоянии, пока на этот вопрос не будет брошено больше света. Сын доктора Кернера, сменивший отца после его смерти в 1862 году, до сих пор сохраняет замечательное заведение в Вайнсберге, но исключительно для лечения определенных болезней с помощью магнетизма.

VI.

ДИВИНАЦИЯ.

"Не должно быть среди вас никого, кто бы занимался гаданием" - Втор. xviii. 9.

Обычная деятельность нашего разума ограничивается восприятием окружающего нас мира и его жизни, насколько хватает сил наших органов чувств; поэтому она неизбежно должна быть ограничена рамками пространства и времени. Однако среди нас есть особо одаренные люди, которые исповедуют дополнительную силу, и даже обычные люди могут быть наделены ею при особых обстоятельствах, например, когда они находятся под влиянием нервных аффектов, трансов или даже просто в необычном состоянии возбуждения. Тогда они больше не подчиняются обычным законам расстояния в пространстве или удаленности во времени; они воспринимают как непосредственное присутствие то, что находится за пределами досягаемости других, и магическая сила, с помощью которой это достигается, называется гаданием. Это видение никогда не бывает совершенно ясным, не всегда полным и правильным, поскольку даже такие исключительные способности во всех случаях в большей или меньшей степени подвержены несовершенству нашей природы; привычные представления, плохо реализованное воображение, а зачастую и неупорядоченное состояние системы - все это препятствует их совершенному успеху. Эти несовершенства, кроме того, не только влияют на ценность таких магических представлений, но и затемняют подлинные черты множеством ложных утверждений и ошибочных впечатлений, которые вполне обоснованно возбуждают сильное предубеждение против всего предмета. Отсюда, в частности, строгость Церкви по отношению к гаданиям в любой форме; она всегда приписывала ошибки, смешанные с истинными частями таких откровений, прямому влиянию лукавого. Сложность, однако, заключается в том, что подобные магические способности не имеют никакого отношения к вопросу морали; ими одинаково могут обладать и святой, и преступник, поскольку они являются элементами нашей общей природы, в подавляющем большинстве случаев скрытыми и проявляющимися в жизни лишь в редких исключительных случаях.

Гадание, освобожденное от обычных границ нашего восприятия, проявляется либо как ясновидение, когда видны вещи, находящиеся за пределами естественного зрения, либо как пророчество, когда переступаются границы времени. Последнее проявляется в самой

слабой форме как простое предвидение грядущих событий или достигает совершенства в реальном предсказании будущих событий. Печально узнать из опыта всех народов, что предвиденные таким образом события почти неизменно оборачиваются большими несчастьями, но наше удивление прекратится, если мы вспомним, что трагическое в жизни оказывает на наш разум самое большое влияние и возбуждает его гораздо сильнее, чем все остальные события. Мы также не должны упускать из виду то удивительное единодушие, с которым все народы Земли признают существование в человеке таких магических способностей. Объяснение также неизменно одно и то же, а именно: человек изначально обладал властью над пространством и временем не хуже самого Бога, но когда в мир пришел грех и поразил его земное тело, эта сила была утрачена и сохранилась лишь в исключительных и неизменно самых болезненных случаях. Так думали древние еще задолго до появления откровения. Они верили, что до появления на земле у человека было предыдущее богоподобное существование, где он был осужден на искупление грехов своей прежней жизни, а его бессмертная и божественная душа была прикована к бренному земному телу. Платон, Плутарх и Пифагор, Цицерон (в своей книге *De Divinatione*) и даже Порфирий без колебаний признают силу гадания и говорят о его особой силе в моменты, предшествующие смерти. Меланхтон приписывал предупреждающие сны пророческой силе человеческой души. Бриер де Буамон также вынужден признать, что не все случаи ясновидения и пророчества являются результатом галлюцинаций у больных людей; напротив, несмотря на свой горький скептицизм, он говорит о случаях, когда повышенная сила восприятия является следствием "сверхъестественной интуиции".

Одним из самых распространенных источников ошибок в гадании всегда было разнообразие средств, используемых для вызывания подготовительного состояния транса. В наши дни хорошо известно, что на разум можно оказать самое странное воздействие с помощью бесчисленных средств, которые на первый взгляд являются чисто механическими, а зачастую и совершенно абсурдными. Таковы, например, намерение смотреть на отполированные поверхности металла, или на яркую внутренность золотой чашки, на сияющие грани кристалла, или на меняющиеся оттенки стеклянного шара; теперь сосуды, наполненные чистой водой, или чернила, налитые в руку ребенка, отвечают той же цели. Гадания по линиям руки или случайным комбинациям игральных карт в этом аспекте стоят в одном ряду с предсказаниями астрологов по созвездиям на небе. Нет нужды добавлять, что это почти бесконечное разнообразие более или менее абсурдных мер не имеет никакого отношения к пробуждению магической силы и продолжает использоваться только благодаря престижу, который некоторые из средств, такие как чаша Иосифа и зеркало Варро, черпают из своей древности. Их единственная цель - отвлечь внимание провидца от всех внешних объектов и заставить его, неотрывно глядя на один и тот же предмет, сосредоточить свои мысли и чувства исключительно на самом себе. Опыт учит, что такие усилия, продолжающиеся долго, приводят в конце концов к полной потере чувств, к бессознательному состоянию, а часто даже к каталепсии. Как правило, только при таких специфически болезненных обстоятельствах необычные силы нашего существа могут стать видимыми и начать действовать. Хотя эти результаты, как доказали недавние эксперименты, могут быть получены даже путем простого постоянного прищуривания, варварские народы используют самые жестокие средства для той же цели - кружение дервишей, барабанный бой и танцы северных шаманов, оглушительная музыка мавров - все это средства одного и того же рода для возбуждения грубой и свирепой натуры дикарей до состояния чрезмерного возбуждения. Во всех случаях, однако, мы должны заметить сравнительную бесплодность такого гадания и ту цену, которую приходится платить за самые скудные результаты травмами, наносимыми телу, и неприятностями, вызываемыми в уме, которые, если и не становятся роковыми для жизни, то неизменно мешают счастью и миру. О том, что за

печальную привилегию приходится платить самой жизнью, мы узнаем уже из рассказа Плутарха о жрице, которая во время пророчества пришла в такую ярость, что не только чужестранцы, но и сами жрецы в ужасе разбежались, а сама она через несколько часов скончалась (II. р. 438).

Состояние, в котором наиболее склонны проявляться все формы гадания, богословы называют *экстазом*, когда оно вызывается специально используемыми для этого средствами и проявляется буквально как "пребывание вне себя"; в противоположность ему говорят о *восторге*, когда аномальное состояние внезапно наступает во время обычного действия, такого как ходьба, работа или даже молитва. Это различие не имеет никакого значения для природы самих магических способностей, которые во всех случаях одинаковы; оно относится исключительно к внешней форме.

Один из самых простых методов - хождение по Деасилю у шотландских горцев: провидец трижды быстро проходит вместе с солнцем вокруг человека, чье будущее должен предсказать, и таким образом вводит его в транс, в котором становятся доступны его магические способности. В "Хрониках Канонгейта" Вальтера Скотта приводится полный рассказ об этом злаке. Тетушка Робина Ойга совершает обряд, а затем в ужасе предупреждает его, что видела в его руке окровавленный кинжал, испачканный кровью англичан, и умоляет его оставаться дома. Он пренебрегает этим предзнаменованием, в ту же ночь убивает англичанина, торговца скотом, и расплачивается за преступление жизнью.

На Востоке же, напротив, принято нанимать мальчика, взятого случайно на улице, и заставлять его пристально смотреть на индийские чернила, налитые в углубление руки, на расплавленный свинец, воск, налитый в холодную воду, на патен священника или на сверкающий меч, которым было убито несколько человек. Читатели помнят знаменитого мальчика из Каира, который увидел в темной, сверкающей поверхности чернил великого Нельсона - довольно любопытно, как в зеркале, потому что он сообщил, что изображение было без левой руки и носило левый рукав через грудь, в то время как великий адмирал потерял правую руку и носил правый рукав подвешенным. Берк в своих забавных "Анекдотах об аристократии" и т. д. (I. р. 124) рассказывает, как "волшебник" Маграубин в Александрии появился с десятилетним коптским мальчиком перед офицерами корабля Его Величества "Авангард". Сжег много благовоний и произнес множество непонятных формул, свернул бумагу в форме рогатого дерева, наполнил ее чернилами и велел мальчику рассказать, что он видит. Как обычно, сначала он увидел метлу, которой подметают, и был основательно напуган. Когда молодой мичман попросил его поинтересоваться, какова будет его судьба, он тут же описал моряка с золотом на плечах, сражающегося с индейцами, пока не упал замертво; затем пришли друзья и похоронили его под деревом на холме. Мичман Крокер вернулся домой, бросил море и стал землевладельцем в одном из графств средней полосы Англии, где часто смеялся над нелепым предсказанием. Однако много лет спустя, когда внезапно возникла потребность в моряках, его вернули на службу и отправили в длительное плавание. Он дослужился до капитана и, командуя фрегатом, пал на острове Тонгатабу в стычке с туземцами, после чего его похоронили под высокой пальмой, стоявшей на возвышенности. Тот же автор повторяет (I. р. 357) известную историю леди Элеоноры Кэмпбелл, суть которой сводится к следующему:

Бедная леди Примроуз, дочь второго графа Лаудуна, долгие годы терпела самую печальную участь, какая только может постигнуть благородную женщину: она была связана узами брака с мужем, чьи распутные привычки и необузданные страсти внушали ей страх, а его недолгая любовь к ней давно превратилась в лютую ненависть. Наконец он решил навсегда избавиться от жены, чья набожность и мягкость служили укором его злодеяниям. По

счастливой случайности она проснулась, когда он вышел из глубокого запоя с обнаженной шпагой в руке и готов был убить ее; она увидела его в зеркале, перед которым сидела, и спаслась, выпрыгнув из окна и поспешив к родной матери мужа. После этого покушения на ее жизнь он исчез, никто не знал куда, но бедная женщина, покинутая, но еще не вдова, не могла помешать своим мыслям день и ночь, год за годом, думать об образе своего несчастного мужа и его возможной судьбе в чужих краях. Поэтому она не без извинительного интереса услышала однажды зимой разговоры людей об иностранце, который внезапно появился в Кэнонгейте и произвел большой фурор во всем Эдинбурге тем, что сумел показать любознательным посетителям, чем занимаются их отсутствующие друзья. Сильная тревога за мужа и естественное желание выяснить, является ли она все еще женой или уже вдовой, объединились, чтобы склонить ее обратиться к фокуснику; поэтому она отправилась вместе с подругой, обе переоделись в тартаны и пледы своих служанок. Не успели они дойти до туманного переулочка, куда их направили, как сбились с пути и стояли беспомощные на холоде и непогоде, как вдруг глубокий голос сказал им: "Вы ошиблись, леди, это не ваш путь!" "Как это?" - спросила леди Примроуз, обращаясь к высокому джентльмену с суровым лицом глубокого оливкового цвета, на котором, как звезды, сияла пара черных глаз, одетому в элегантный, но похожий на иностранный костюм. Ответ последовал незамедлительно: "Вы ошибаетесь в своем пути, потому что он лежит туда, и в своей маскировке, потому что она не скрывает вас от того, кто может приподнять завесу Будущего!" Затем последовал короткий разговор, в ходе которого незнакомец представился магом, которого они собирались посетить, и, прошептав несколько слов на ухо леди, человеком, который не только узнал в ней леди Примроуз, но и был прекрасно знаком со всеми интимными подробностями ее истории. Изумленные и немного испуганные, обе дамы приняли его вежливое приглашение следовать за ним, вошли в дом и попали в просто обставленную комнату, где незнакомец попросил их подождать его, пока все не будет готово к церемонии, с помощью которой он мог удовлетворить их любопытство. После небольшой паузы он вновь появился в традиционном костюме фокусника - длинной тунике из черного бархата, оставлявшей свободными грудь, руки и кисти, - и попросил леди Примроуз проследовать за ним в смежную комнату. После некоторого колебания она оставила своего спутника и вошла в комнату, которая была совершенно простой и не привлекала внимания ничем, кроме темных занавесок на окнах, старомодного кресла и своеобразного алтаря из черного мрамора, над которым висело большое и красивое зеркало. Перед ним стояла небольшая печь, в которой горело какое-то неизвестное вещество, слабо освещавшее комнату голубым светом. Посетительнице было предложено сесть, призвать помощь свыше и не произносить ни звука, если она дорожит своей жизнью и жизнью мага. После нескольких простых, но, по-видимому, очень важных церемоний маг бросил щепотку красного порошка в пламя, которое мгновенно стало ярко-малиновым, раздались несколько жалобных звуков, и перед зеркалом, казалось, поднялись красные облака, через короткие промежутки времени разрывавшиеся яркими вспышками молний. Когда туман рассеялся, стекло явило изумленному взору дамы внутреннее убранство церкви, сначала в неясных очертаниях, волнистых, как казалось, от проплывающих облаков, но вскоре отчетливых и ясных в мельчайших деталях. Затем появился священник с прихожанами у алтаря, а перед ним - венчающиеся, среди которых леди Примроуз вскоре узнала своего неверного мужа. Не успела она оправиться от болезненного удивления, как в церковь поспешно вошел незнакомец, закутанный в плащ; в тот момент, когда священник, совершавший обычную церемонию, уже собирался соединить руки стоящих перед ним супругов, неизвестный сбросил плащ и бросился вперед. Леди Примроуз увидела, что это ее родной брат, который выхватил меч и набросился на ее мужа; внезапно тот сделал выпад, грозивший стать смертельным, и бедная леди вскрикнула: "Великий Боже, они убьют моего брата!" Не успела она произнести эти слова, как вся сцена в

зеркале потускнела и расплылась, облака снова поднялись и образовали плотную массу, и вскоре стекло вновь обрело свой обычный блеск, а пламя - тускло-голубой цвет. Фокусник, видимо, сильно взволнованный, сообщил даме, что все закончилось и что они избежали страшной опасности, возникшей из-за ее неосторожности в разговоре. Он не принял никакого вознаграждения, заявив, что просто хотел оказать ей услугу, но не осмелился бы это сделать, если бы предвидел опасность, которой они оба подверглись. Леди Примроуз в сопровождении подруги добралась до дома в состоянии крайнего возбуждения, но тут же записала час и день своего странного приключения, а также полный отчет обо всем, что она видела в волшебном зеркале. Составленную таким образом бумагу она запечатала в присутствии своей спутницы и спрятала в потайной ящик. Вскоре после этого ее брат вернулся с континента, но некоторое время вообще отказывался говорить о ее муже; только после долгих и настоятельных уговоров бедной леди он согласился рассказать ей, как услышал о намерении лорда Примроуза жениться на одной очень богатой даме в Амстердаме, как совершенно случайно зашел в церковь, где должен был состояться обряд венчания, и как вовремя вышел, чтобы не дать своему шурину совершить двоеженство. Они боролись несколько минут, не причинив друг другу никакого вреда, и после разлуки он остался, а лорд Примроуз исчез, и никто не знал, куда. Если сопоставить даты и обстоятельства, то окажется, что зеркало точно отобразило сцену во всех деталях; но церемония произошла утром, а визит к магу - ночью, так что последний, в конце концов, лишь показал уже свершившееся событие. Остается, однако, трудность в объяснении того, как в те дни - около 1700 года - событие в Амстердаме могло стать известным в Эдинбурге, в ночь того же дня, когда оно произошло.

Во Франции при Людовике XIV стакан с водой чаще всего использовался в качестве зеркала, в котором можно было прочесть будущее. Герцог Сен-Симон сообщает, что герцогу Орлеанскому таким образом сообщили, что однажды он станет регентом Франции. Аббат Шуази рассказывает о примечательном случае, который произошел в доме графини Суассонской, племянницы великого кардинала Мазарина. Ее муж лежал больной в провинции Шампань, и она хотела знать, стоит ли ей предпринимать долгое и опасное путешествие к нему или нет; в этой дилемме друг предложил послать за прорицателем, который должен был рассказать ей о болезни ее мужа. Он привел девочку лет пяти, которая в присутствии нескольких знатных особ обоего пола начала, под руководством дворянина, рассказывать, что она видит в стакане с водой. Когда она начала говорить, что вода выглядит так, будто она мутная, бедная дама так испугалась, что ее друг предложил попросить духа показать ребенку не самого ее мужа, а белую лошадь, если граф мертв, и тигра, если он жив. Затем он спросил девочку, что она видит сейчас? "Ах!" - воскликнула она, - "какая красивая белая лошадь!". Однако компания отказалась довольствоваться одним испытанием; пять раз подряд тест менялся, причем таким образом, что маленький ребенок не мог знать о выборе, но в каждом случае ответ был неблагоприятным для отсутствующего графа. Впоследствии выяснилось, что он действительно умер за день или два до консультации. Одним из самых ярких случаев такой исключительной одаренности был француз Каанье, который в своей работе *"Люмьер умерших"* (Париж, 1851) утверждал, что видит удаленные предметы и людей. Он делал мысленное усилие, после которого его глаза фиксировались, и он видел предметы на большом расстоянии, читал название и различал точную форму книг в публичных библиотеках или наблюдал за отсутствующими друзьями, занятыми необычными делами! Однако это состояние ясновидения никогда не длилось более шестидесяти секунд, и он никогда не мог увидеть один и тот же объект дважды - ограничения его дара, которые обеспечили ему большой кредит доверия, чем тот, которым он мог бы обладать в противном случае. Время от времени он помогал себе усилием воли, пристально вглядываясь в какой-нибудь блестящий предмет, например, в небольшой изъём на зеркале или стекле. Еще одно

ограничение, под которым он работал и которое, тем не менее, усиливало веру других, заключалось в том, что те видения, которые представлялись ему спонтанно, неизменно оказывались истинными, в то время как видения, которые он намеренно вызывал, нередко оказывались беспочвенными.

Среди недавних фокусников этого класса, пожалуй, наиболее известен парижанин Эдмон. Это человек без образования, ведущий аскетический образ жизни, который, как говорят, не уступает знаменитому Леннорману в умении угадывать будущее, пристально глядя на определенные карты. Последняя, хотя и не свободна от обвинений в шарлатанстве, несомненно, обладала необычайным талантом прорицания мыслей тех, кто приходил к ней на консультацию, и почти удивительным тактом в соединении полученных знаний с событиями дня. Она начала свою карьеру еще маленькой девочкой в монастырской школе, где ее товарищи по играм спросили ее, смеясь, кто будет следующей настоятельницей, и она назвала совершенно неизвестную даму из Пикардии той, кого назначит король. Вопреки всем ожиданиям, любимые кандидатуры были отброшены, и неизвестная дама была назначена, хотя прошло восемнадцать месяцев, прежде чем ее пророчество исполнилось. Еще в 1789 году она предсказала свержение французского правительства, а во время революции ее репутация была такова, что первые лица страны приходили к ней за советом. Несчастливая принцесса Ламбалль и Мирабо, мадам де Сталь и сам король - все они появлялись в ее величественных апартаментах. Ее попытки спасти королеву, в тюрьму которой ей удалось попасть, не увенчались успехом, но когда из-за ее аристократических связей она сама оказалась в заточении, даже благородная и добродетельная мадам Талльен искала ее общества. Новая династия, члены которой почти без исключения были более или менее суеверны, как это свойственно всем корсиканцам, часто советовалась с ней; великий Наполеон приезжал к ней в 1793 году, когда испытывал отвращение к Франции и собирался покинуть страну; он послал за ней во второй раз в 1801 году, чтобы посоветоваться с ней в Мальмезоне, и прекрасная Жозефина действительно зародила к ней глубокую и прочную привязанность. Однако впоследствии она стала столь же несносной для императора, как и его закоренелый враг, госпожа де Сталь; ее неоднократно отправляли в тюрьму за то, что она предсказывала неудачи, как в случае с предполагаемым вторжением в Англию, или за то, что она раскрывала тайные планы Наполеона. Император России Александр также консультировался с ней в 1818 году, а о прусском короле Фридрихе Вильгельме III, по крайней мере, сообщается, что он посещал ее инкогнито. После 1830 года она редко появлялась в качестве прорицательницы; она стала старой и богатой и, возможно, не хотела рисковать своей всемирной репутацией из-за слишком частых откровений. Однако до конца жизни она поддерживала самые близкие отношения со многими выдающимися людьми Франции, и когда она умерла в 1843 году в возрасте семидесяти одного года, оставив своему племяннику очень большое состояние, на ее пышных похоронах присутствовало множество выдающихся личностей, включая даже таких известных людей, как Гизо. И при этом она не гнушалась использовать самые абсурдные и, казалось бы, детские средства для того, чтобы вызвать состояние экстаза, в котором только она могла бодрствовать: причудливо разложенные игральные карты, белок яйца, осадок кофе или линии в руках ее посетителей. В то же время она использовала информацию, которую случайно или намеренно получала от своих великих друзей, с бесконечной хитростью и непревзойденным тактом, так что более осведомленные люди часто спрашивали ее со смехом, не был ли ее знакомый дух Ариэль также известен как Талейран, Давид или Жоффруа? Шарлатанство, которое часто и справедливо вызывало подозрение у трезвомыслящих людей, было частью ее системы; она прекрасно знала старую доктрину, *mundus vult decipi*, и не стеснялась льстить любви всех французов к театральным мизансценам.

Знаменитый гороскоп Драйдена для его младшего сына Чарльза был, вероятно, не более чем одним из тех редких, но поразительных совпадений, точное значение которых дают нам законы вероятности. Он любил изучать астрологию и никогда не забывал вычислять дату рождения своих детей, как только они появлялись на свет. В случае с Карлом он обнаружил, что большие опасности будут угрожать ему на восьмом, двадцать третьем и тридцать третьем или сорок третьем году жизни; и, конечно, эти годы принесли серьезные неприятности. На восьмой день рождения он был погребен под обвалившейся стеной, на двадцать третий - упал в Риме со старой башни, а на тридцать третий - утонул в Темзе.

Гадание с помощью костей - как правило, плечевых костей баранов - весьма распространено среди монголов и тонгузов, и этот обычай, похоже, не менялся на протяжении веков. Уже в 1255 году Перчас цитирует из "Журнала" миноритского монаха Гийома де Рубруги описание того, как Великий хан Монголии пытался узнать результат любого великого предприятия, которое он мог задумать. Ему принесли три плечевые кости баранов, которые он некоторое время держал в руках, глубоко размышляя над этим вопросом; затем он бросил их в огонь. После того как они сгорели до черноты, их снова положили перед ним и осмотрели; если они раскололись в длину, то предзнаменование было благоприятным, если в поперечном направлении, то от предприятия отказывались. Почти точно такой же процесс описывает великий путешественник Паллас, который неоднократно был его свидетелем и получил от монгольских жрецов весьма поразительные сведения. Но и здесь бурные танцы, наркотические духи и дикие крики должны были помочь в наведении транса. Лапландцы обладают, пожалуй, самыми поразительными магическими способностями, которые, кажется, не вызывают подозрений. По крайней мере, каждый путешественник, прошедший среди них некоторое время, начиная с Каспара Пейсера ("Комментарии" и др., Виттеберги, 1580, с. 132) и заканчивая туристами наших дней ("Шесть месяцев в Лапландии", 1870), уверяет нас, что они не только видят людей на самом большом расстоянии, но и сообщают мельчайшие подробности об их занятиях и окружении. Призвав на помощь своих богов, маг падает как мертвый и остается в состоянии транса в течение двадцати четырех часов, в течение которых иностранцев всегда предупреждают, чтобы они тщательно охраняли его, "чтобы демоны не унесли его". В это время провидец утверждает, что его "душа открывает врата тела и свободно перемещается, куда пожелает". Когда он возвращается в сознание, он точно и подробно описывает людей, о которых обещал дать информацию. В Ост-Индии хорошо известно, что ясновидение существовало с незапамятных времен, а вид транса, который заключается в полном забвении реальной жизни и совершенном абстрагировании мыслей от этого мира, там доведен до совершенства. Верующий садится или ложится в любую удобную для него позу, пристально смотрит на острие носа, бормочет слово "Один" и в конце концов внутренним чувством видит Бога в виде белого сияющего света невыразимого великолепия. Некоторые из этих аскетов переходят от простого транса к состоянию каталепсии, в котором их тело становится нечувствительным к боли - но этот вид *экстаза* не сопровождается гаданием.

Другая ветвь гадания преодолевает трудности, с которыми сталкиваются наши обычные представления о расстоянии в пространстве. Во всех этих случаях, конечно, не наш слух или обоняние внезапно становятся чудесно сильными, а другая магическая сила, которая вызывает впечатления на ум, подобные тем, что производят глаз и ухо. Самым древним подтвержденным случаем магического слуха, вероятно, является случай с Гирканом, иудейским первосвященником, который, возжигая фимиам в храме, услышал голос, произнесший: "Теперь Антиох убит сыновьями твоими". Весть об этом была немедленно оглашена народу, и через некоторое время пришли гонцы с сообщением, что Антиох погиб, приближаясь к Самарии, которую он хотел освободить от осаждающей армии под

командованием сыновей Гиркана (Josephus, "Antiq." lxiii. ch. 19). Еще более поразительный случай сообщает заслуживающий доверия автор (Theophylactos Simocata, l. viii. ch. 13). Один человек в Александрии (Египет), возвращаясь домой около полуночи, увидел, как статуи перед большим храмом сдвинулись со своих мест, и услышал, как они возвестили ему, что император был убит Фокой (602). Сильно испугавшись, он поспешил к властям, сообщив о своем приключении; его доставили к Петру, наместнику Египта, и приказали молчать. Однако через девять дней пришло официальное известие, что император был убит. Очевидно, что знание об этом событии пришло к нему каким-то таинственным образом и с неизвестной целью; но то, что он видел и слышал, было исключительно работой его воображения, которое стало проводником откровения.

На протяжении всей современной истории существует длинный, почти непрерывный ряд подобных явлений, о которых здесь можно рассказать лишь вкратце. Ришелье рассказывает в своих *Mémoires* ("Coll. Michaud-Poryoulat", 2-я серия, vii. p. 23), что *прево де Марешо* из города Питивьер однажды вечером играл в карты в своем доме, как вдруг замешкался, впал в глубокую задумчивость, а затем, повернувшись к своим спутникам, торжественно произнес: "Король только что был убит!" Эти слова произвели на всех членов собрания глубокое впечатление, которое впоследствии сменилось неподдельным ужасом, когда стало известно, что в тот же вечер, в тот же час, в четыре часа пополудни, Генрих IV действительно был убит. Это был не единичный случай, поскольку в тот же день четырнадцатилетняя девочка, жившая неподалеку от Орлеана, спросила своего отца Симонна, что такое король? Когда он ответил, что это человек, который командует всеми французами, она воскликнула: "Боже правый, я только что слышала, как кто-то сказал мне, что он был убит!" Похоже, что в то время умы людей повсеместно были глубоко заинтересованы в судьбе короля, и отсюда их готовность предвидеть событие, которое, несомненно, было очень ожидаемым; даже из-за границы было получено множество писем, сообщавших о его смерти заранее. В двух упомянутых случаях это волнение доходило до гаданий. Автор знаменитой "*Зауберской библиотеки*" Хорст упоминает (i. p. 285), что его отец, известный миссионер, однажды путешествовал в компании с известным ученым-евреем Видеманном, в то время как третий компаньон, обычно занимавшийся вместе с ними обращением евреев, был в море. Был прекрасный, яркий день; ни дождя, ни ветра не было видно даже на расстоянии. Видеманн шел некоторое время в глубоком молчании, по-видимому, занимаясь молитвой, как вдруг остановился и сказал: "Месье Хорст, возьмите свой дневник и запишите, что наш спутник в данный момент подвергается большой опасности со стороны воды. Шторм продлится до ночи, и опасность будет страшной; но Господь милостиво сохранит его и судно, и никто не погибнет. Запиши это внимательно, чтобы, когда наш друг вернется, мы могли вместе поблагодарить Бога за Его великую милость". Миссионер так и сделал, и когда трое друзей вновь объединились, их дневники сравнили, и оказалось, что все сказанное было точным во всех деталях.

Ясновидение, в той мере, в какой оно подразумевает видение людей или свидетельство событий на большом расстоянии, причисляется к наиболее частым дарам ранних святых, и святой Августин упоминает о ряде замечательных случаев. Привилегированные христиане могли видеть не только отсутствующих друзей и их судьбу, но даже души ушедших святых, которых ангельские сонмы уносили на небо. Такими же исключительными дарами были наделены, по-видимому, и первые отцы-иезуиты; так, однажды Ксавье отчетливо увидел целую военно-морскую экспедицию, отправившуюся против пиратов Малакки и победившую их в великом морском сражении. Он сам приказал отправить флот с Суматры и все это время находился в трансе. Он упал без сознания у подножия алтаря, где долгое время горячо молился, и в бессознательном состоянии видел

не только общую картину происходящего на расстоянии 200 португальских лиг, но и все детали, так что, выйдя из транса, он смог сообщить своим братьям радостную весть о великой победе, о том, что погибло всего три человека, и о том, в какой день и час будет получен официальный отчет (Orlandini, l. vii. ch. 84). Королева Маргарита, не всегда достоверная, все же, похоже, излагает только общеизвестные факты, когда в своих знаменитых *Mémoires* (Париж, 1658) рассказывает о видениях своей матери, великой королевы Екатерины де Медичи. Последняя тяжело болела в Меце, и король Карл, сестра и брат Маргариты Валуа, герцог Лотарингский и множество выдающихся особ обоего пола собрались вокруг ее смертного ложа. Она была в бреду и вдруг воскликнула: "Посмотрите, как они бегут! Мой сын победил. Великий Боже! Поднимите его, он упал! Видите ли вы там принца Конде? Он мертв". Все решили, что она бредит, но на следующий вечер прибыл гонец с известием о битве при Жарнаке, и когда он рассказал о главных событиях, она спокойно повернулась к своим детям, сказав: "Ах! Я знала; я видела все это вчера!" Похоже, что во времена великих и всеобщих ожиданий, когда происходят кровавые сражения и на весах висит судьба империй, умы масс так болезненно возбуждаются, что наиболее чувствительные из них впадают в своего рода транс, а затем с помощью магических способностей прорицания воспринимают происходящее на большом расстоянии. Подобное перевозбуждение, к тому же, неизвестно людям с самым высоким характером и самой большой эрудицией. Кальвин, чей суровый и проницательный взгляд на вещи отвергал все суеверия, тем не менее однажды увидел битву между католиками и протестантами со всеми ее подробностями. Сведенборг, чей религиозный энтузиазм никогда не мешал его скрупулезной откровенности, не раз мысленным взором видел события, происходившие на расстоянии сотен миль. Его видение великого пожара в Стокгольме слишком хорошо подтверждено, чтобы можно было сомневаться. Не менее достоверны рассказы о другом видении, которое он пережил в Амстердаме в присутствии большой компании. Во время оживленной беседы он внезапно изменил выражение лица и замолчал; присутствующие увидели, что он находится под воздействием какого-то сильного впечатления. Через несколько мгновений он, казалось, пришел в себя и, одолеваемый вопросами, наконец неохотно произнес: "В этот час император Петр IV в своей тюрьме претерпел смерть!" Впоследствии было установлено, что несчастный государь умер именно в этот день и указанным способом.

Среди современных провидцев самым выдающимся был, пожалуй, известный поэт Эмиль Дешам, опубликовавший в 1838 году интересные рассказы о своих собственных переживаниях. Когда ему было всего восемь лет, было решено, что он должен покинуть Париж и быть отправленным в Орлеан; это сильно беспокоило его, и в своем огромном горе он нашел небольшое утешение в том, что заставил свою живую фантазию работать и представлять, каким будет новый город. Когда он добрался до Орлеана, то был крайне удивлен, узнав улицы, магазины и даже названия на вывесках - все было именно таким, каким он видел его в своих дневных мечтах. Когда он еще находился там, то увидел во сне свою мать, которую оставил в Париже, поднимающуюся в небо с пальмовой ветвью в руке, и услышал ее голос, очень слабый, но серебристый, который звал его: "Эмиль, Эмиль, сын мой!" Она умерла в ту же ночь, произнеся эти слова с замиранием сердца. Позже в жизни он часто слышал странную, но чарующую музыку, находясь в состоянии частичного экстаза; он видел далекие события и, среди прочего, отчетливо описал баррикаду, защитников соседнего дома и некоторые события, связанные с боем на этом месте, как они произошли в Париже в тот же день (*Le Concile de la libre pensée*, i. p. 183).

Еще более высокая способность к гаданию позволяет людям читать в лицах и формах других, даже совершенно незнакомых людей, не только основные черты их характера, но даже

характер их прежней жизни. Нет сомнений, что каждое важное событие в нашей жизни оставляет после себя более или менее заметный след, который опытный наблюдатель может научиться читать с достаточной отчетливостью и точностью. Хорошо известно, как изучение человеческого лица позволяет нам разглядеть одну тайну за другой, и как действительно великие люди обладали способностью судить о способности генералов или государственных деятелей служить им, по природному инстинкту и без всяких усилий. Об особо одаренных людях этого класса мы говорим, что они "умеют читать души людей", и что самое интересное - это хорошо известный факт: чем чище ум и чем свободнее от эгоизма и тщеславия, тем больше эта способность чувствовать, так сказать, характер других людей. Отсюда превосходство женщин в этом отношении; отсюда же, в частности, неизменный инстинкт детей, который позволяет им мгновенно отличать любовь напускную от настоящей и заставляет их часто болезненно сторониться общения с дурными людьми.

Когда эта сила достигает у пожилых людей высокой степени совершенства, она входит в пределы магии, и в таком виде была хорошо известна древним. Неоплатоник Плотин, по словам Порфирия, был почти чудесно наделен такой прорицательной силой; он открывал своим ученикам прошлые и будущие события их жизни в равной степени, а однажды обвинил самого автора в том, что тот лелеял мысли о самоубийстве, когда никто другой не подозревал о такой цели. Подобным образом, как нам рассказывают, Анкус Невий, знаменитый авгур первых Тарквинов, мог читать по лицам других людей все, что хотел узнать. Святые церкви, естественно, были столь же богато одарены, и от Филипо Нери до Ксаверия почти все обладали этим особым даром прорицания. Но и другие люди, причем далеко не всегда те, кто в наибольшей степени наделен умственным превосходством, часто обладают подобным талантом. Так, известный писатель Цшокке, автор замечательной работы "Часы преданности", в своем автобиографическом труде *Selbstschau* дает полный отчет о своих особых дарах провидца, который содержит следующие основные факты: В тот момент, когда ему впервые представили совершенно незнакомого человека, он увидел, как перед его мысленным взором постепенно встает картина всей его предыдущей жизни, напоминающая длинный сон, но ясный и тесно связанный. В это время он, вопреки своему обыкновению, терял из виду лицо посетителя и переставал слышать его голос. Поначалу он относился к этим невольным откровениям как к пустым фантазиям, пока однажды спортивный порыв не заставил его рассказать своей семье тайную историю швеи, которая только что вышла из комнаты и которую он никогда раньше не видел. Вскоре выяснилось, что все, что он рассказал, - чистая правда, хотя и известная лишь очень немногим людям. С тех пор он стал относиться к этим видениям более серьезно, повторяя их в ряде случаев тем, кого они касались, и, к его собственному изумлению, во всех случаях они оказывались совершенно точными. Автор добавляет один случай, особенно поразительный по своей природе: "Однажды, - рассказывает он, - я добрался до города Вальдсхут в сопровождении двух молодых лесников, которые до сих пор живы. Наступили сумерки, и мы, уставшие от прогулки, зашли в трактир под названием "Виноградная лоза". Мы поужинали за общественным столом в компании многочисленных гостей, которые, как оказалось, смеялись над странностями и простодушием швейцарцев, их верой в Месмера, в "Систему физиогномики" Лаватера и т. д. Один из моих спутников, уязвленный в своей национальной гордости, попросил меня дать ответ, особенно в отношении сидевшего напротив нас молодого человека, чьи претенциозные манеры и безжалостный смех были особенно оскорбительны. Так случилось, что за несколько минут до этого перед моим мысленным взором пронеслись основные события из жизни этого человека. Я повернулся к нему и спросил, готов ли он ответить мне откровенно на вопрос, расскажет ли он о самых сокровенных подробностях своей жизни человеку, который был ему совершенно незнаком, как я? Это, добавил я, конечно, выходило бы даже за рамки способности Лаватера читать по

лицам. Он обещал открыто признаться в этом, если я изложу факты. Тогда я рассказал все, что видел в своем воображении, и сообщил всей компании за столом историю молодого человека, события его школьной жизни, его мелкие грешки и, наконец, ограбление, которое он совершил, украв ящик своего работодателя. Я описал пустую комнату с побеленными стенами и коричневой дверью, возле которой справа на столе стоял маленький черный ящик для денег, и другие подробности. Пока я говорил, в комнате царил гробовое молчание, которое прерывалось лишь тем, что я время от времени спрашивал молодого человека, не правда ли все, что я сказал. Он признал все, хотя, очевидно, находился в состоянии крайнего замешательства, и наконец, глубоко тронутый его откровенностью, я подал ему руку через стол и закончил свой рассказ".

Этот популярный писатель, человек с безупречным характером, умерший в 1850 году, о котором сожалела вся нация, делает этот рассказ о своей пророческой силе еще более интересным, добавляя, что он, по крайней мере, один раз в жизни встречал другого человека, наделенного подобными способностями. "Однажды, путешествуя с двумя моими сыновьями, я встретил старого тирольца, торговца апельсинами и лимонами, в маленьком трактире, наполовину скрытом в одном из узких проходов гор Юра. Некоторое время он не сводил глаз с моего лица, а затем вступил со мной в разговор, заявив, что знает меня, хотя я его не знаю, а затем, к большому удовольствию сидевших вокруг нас крестьян и моих детей, начал рассказывать о себе и своей прошлой жизни. Как старик приобрел свое странное знание, он не мог объяснить ни себе, ни другим, но, очевидно, высоко ценил его, а мои сыновья были несказанно удивлены, обнаружив, что и другие мужчины обладают тем же даром, о котором они знали только по своему отцу".

Не стоит забывать, что человеческий глаз, вне всякого сомнения, часто обладает силой, которая далеко выходит за рамки обычных целей зрения и приближается к границам магии. Наверное, нет человека, который не помнил бы сцен, в которых успокаивающее и ободряющее выражение нежных глаз действовало как целебный бальзам на израненные сердца; или других, в которых взгляды ярости и ненависти вызвали неподдельный ужас и пугали совесть. История знает множество примеров - от взгляда Спасителя, заставившего Петра выйти и горько заплакать, до пронзительного взгляда известного английского судьи, который заставлял преступников любого положения в обществе чувствовать себя так, словно их сердца были открыты для пронизательного глаза хозяина. Эта особая и почти непреодолимая сила взгляда не случайно восходит к античной голове горгоны - страшному образу из Аида с ужасным взглядом глаз, как его называет Гомер (Il. viii. 349; Odyss. xi. 633). То же самое страшное выражение, леденящее кровь и почти останавливающее биение сердца, часто упоминается в современных рассказах о видениях. Так, демон Тедворта, записанный Гланвилем ("Садд. Триумф.", 4-е изд., стр. 270), состоял из смутных очертаний человеческого лица, в котором можно было различить только два ярких, пронзительных глаза. В других случаях перед зрителем возникает слабый пар, едва напоминающий человеческую фигуру, а над ним видны те же ужасные глаза

"Прислано из дворца Аиса страшной Персефонеей".

Магическое гадание по времени включает в себя класс, как правило, очень смутных и неопределенных восприятий, которые мы называем предчувствиями. К сожалению, они так часто смешиваются с впечатлениями, произведенными после происшествия - *vaticinium post eventum*, - что их ценность как интересных явлений магии серьезно снижается. Тем не

менее, в ряде случаев остается достаточно свободных от всякой надуманной примеси явлений, чтобы их можно было серьезно исследовать. Древние не только верили в этот вид предвидения, но и приписывали его вместе с Пифагором откровениям, сделанным дружественными духами; в Священном Писании он почти неизменно поднимается, под прямым вдохновением свыше, до подлинного пророчества. Оно открывает не только судьбу провидца, но и других людей, и даже целых народов; детали, конечно, варьируются в зависимости от преобладающего духа времени.

Когда Нарсес правил Италией, молодой пастух, служивший у юриста Валериана, заболел чумой и впал в обморок. Некоторое время он приходил в себя, а затем заявил, что его перенесли на небо, где он услышал имена всех, кто в доме его хозяина должен умереть от чумы, добавив, что сам Валериан спасется. После его смерти все произошло так, как он и предсказывал. Один английский священник, мистер Додд, однажды ночью почувствовал непреодолимое желание навестить своего друга, жившего на некотором расстоянии. Он подошел к его дому, обнаружил, что семья спит, а отец еще бодрствует и готов открыть дверь своему позднему гостю. Тот, сильно смутившись, счел за лучшее откровенно рассказать обо всем и признался, что пришел без всякой видимой цели и сам не знает, что его заставило это сделать. "Но Бог знал это, - был ответ, - потому что вот веревка, на которой я как раз собирался повеситься". Можно предположить, что преподобный мистер Додд догадывался о душевном состоянии своего друга; но то, что он решил обратиться к нему именно в этот час, конечно, не было простой случайностью.

Семья великого Гете была необычайно наделена этой способностью предчувствия. Дед поэта предсказал и великий пожар, и неожиданный приезд германского императора, а сон заранее сообщил ему о его избрании орденом, а затем мэром родного города. Сестра его матери видела во сне скрытые вещи. Однажды его бабушка вошла в комнату дочери далеко за полночь в состоянии сильного и болезненного волнения; в своей комнате она услышала шум, похожий на шелест бумаг, затем глубокие вздохи, а через некоторое время на нее повеяло холодным дыханием. Через некоторое время после этого события к ней явился незнакомец, и когда он предстал перед ней, держа в руке скомканную бумагу, у нее едва хватило сил удержаться от обморока. Когда она пришла в себя, посетитель рассказал, что в ночь видения ее близкий друг, лежавший на смертном одре, попросил бумагу, чтобы передать ей важную тайну; однако прежде чем он успел написать, его охватила предсмертная борьба, и, скомкав бумагу и произнеся два глубоких вздоха, он скончался. Невнятные каракули - это все, что можно было разглядеть; тем не менее незнакомец счел за лучшее взять бумагу с собой. Тайна касалась его осиротевшего ребенка, девочки, которую дедушка и бабушка Гёте взяли к себе и заботливо опекали (*Краткие сообщения Гёте*, 3-е изд., II. с. 268).

Бурриенн в своих *"Записках"* рассказывает о нескольких случаях удивительных предчувствий первой жены Наполеона, Жозефины. Ее ум, вероятно, благодаря ее воспитанию и своеобразному окружению, в котором прошло ее детство, был предрасположен к получению ярких впечатлений такого рода и наблюдению за ними с большим вниманием и глубоким интересом. Поэтому она почти всегда предсказывала провал тех предприятий своего мужа, которые оказывались неудачными. После того как 18 брюмера Бонапарт переехал в Тюильри, она, сидя в комнате бедной Марии-Антуанетты, увидела, как тень несчастной королевы поднялась с пола, мягко прошла по квартире и исчезла в окне. Она упала в обморок и с того дня предсказала свою печальную судьбу. В другой раз дух ее первого мужа, Богарне, появился перед ней с жестом торжественного предупреждения; она тут же обратилась к Наполеону, воскликнув: "Проснитесь, проснитесь, вам угрожает великая

опасность!" В течение нескольких дней, казалось, не было никаких оснований для опасений, но страхи ее были так сильны, что она тайно послала за министром полиции и просила его принять особые меры для безопасности первого консула. В восемь часов вечера того же дня последний покинул Тюильри, направляясь в оперу; на улице Сен-Никез раздался страшный взрыв, где заговорщики пытались взорвать диктатора, и он едва спасся. Жозефина сразу же поспешила к нему и, нежно позаботившись о раненых, прилюдно обняла Наполеона со слезами на глазах и умоляла его впредь внимательнее прислушиваться к ее предостережениям. Однако Наполеон, хотя и был достаточно суеверен, чтобы верить в то, что он называл своей "звездой", и даже видеть ее сияние на небе, когда никто другой ее не видел, никогда не признавал ценности предчувствий своей жены.

Предчувствия такого рода чаще всего возникают перед смертью, и сейчас почти повсеместно считается, что предстоящее распадение тела во многих случаях достаточно полно освобождает дух от его рабства, чтобы наделить его ясным и отчетливым предвидением грядущего события. Многие исторические личности смогли предсказать день, а многие даже час своей смерти. Коннетабль де Бурбон, осаждавший Рим, обратился, по словам Брантома (*Vies des gr. capitaines*, ch. 28), в день последнего штурма к своим войскам и сказал им, что он непременно падет перед Вечным городом, но без сожаления, если они окажутся победителями. Генрих IV Французский, по единодушному свидетельству Сюлли, Л'Этуаля и Бассомпьера, чувствовал приближение своей смерти и, прежде чем войти в свою карету в роковой день, сказал: "Друг мой, я бы предпочел не выходить сегодня на улицу; я знаю, что меня ждет несчастье". 16 мая 1813 года, за четыре дня до битвы при Бауцене, два великих наполеоновских офицера, герцог Виченца и маршал Дюрок, находились в Дрездене во время затянувшейся конференции императора с австрийским послом. Часы били полночь, как вдруг Дюрок схватил своего собеседника за руку и с страшно изменившимися чертами лица, пристально глядя на него, дрожащим тоном произнес: "Друг мой, это продолжается слишком долго; мы все погибнем, и он в первую очередь. Тайный голос говорит мне, что я никогда больше не увижу Францию". Известно, что в день сражения пушечное ядро, уже убившее генерала Кирхнера, смертельно ранило и Дюрока, и когда он лежал на смертном одре, то вновь обратился к герцогу Виченцскому и напомнил ему слова, сказанные в Дрездене.

Достоверный автор книги "Восемь месяцев в Японии" Н. Людорф рассказывает нам (стр. 158) о замечательном случае неосознанного предчувствия со стороны простого моряка. В 1855 году американский барк "*Грета*" был зафрахтован для перевозки большого количества русских, потерпевших крушение на фрегате "*Диана*" во время землетрясения в Симодэ, в российский порт Аян. Находившийся на борту моряк был очень болен и незадолго до смерти сказал своим товарищам, что скоро умрет, но что он очень рад этому, так как все они будут захвачены англичанами, с которыми Россия тогда находилась в состоянии войны. Сообщение о его предсказании дошло до капитанской рубки, но все офицеры согласились, что такое событие практически невозможно: густой туман делал корабль совершенно невидимым, а в Охотском море, где у русских не было ни судов, ни крепостей, чтобы искушать англичан, еще не появился английский флот. Все силы Англии в этих водах в тот момент были заняты блокадой русского флота в бухте Кастрис в Тартарском заливе. Тем не менее так случилось, что 1 августа британский пароход, корвет "*Барракута*", вошел в зону видимости и захватил судно, сделав русских военнопленными.

ВТОРОЕ ВИДЕНИЕ.

Особый вид гадания, который иногда демонстрировался в некоторых частях Европы и неизвестен нашим северо-западным индейцам, заключается в восприятии современных

или будущих событий во время короткого транса. Как правило, провидец смотрит с болезненно поднятыми веками, неподвижно в пространство, очевидно, совершенно не осознавая всего, что его окружает, и занятый наблюдением за каким-то далеким событием. Особенностью этого явления, знакомого всем читателям как второе зрение, является исключение религиозных или сверхъестественных вопросов; видения всегда строго ограничены событиями повседневной жизни: смерти и рождения, сражения и стычки, крещения и свадьбы. Действующие лица в этих сценах часто лично неизвестны провидцу, а сами действия так же часто происходят в символах, как и в реальности. Человека, которому предстоит насильственная смерть, можно увидеть с веревкой на шее или без головы, с кинжалом, вонзенным в грудь, или погружающимся в воду по шею; больной, который должен умереть в своей постели, появится завернутым в свою простыню, и в этом случае его лицо будет более или менее полностью скрыто по мере приближения или отдаления его смерти. Друг или гонец, пришедший с большого расстояния, видится как слабая тень, а убийца или вор - как волк или лиса. Еще одной особенностью второго зрения является тот факт, что одни и те же видения очень часто видят несколько человек, хотя последние могут жить далеко друг от друга и не иметь между собой ничего общего. Эти явления единичны в Германии и Швейцарии, в Дофине и Севеннах; они встречаются в большем количестве и часто передаются по наследству в определенных семьях, в Дании, на Шотландском нагорье и Фарерских островах. На гэльском языке одаренных таким образом людей называют тайшатрим, провидцами теней, или фисихин, обладающими знанием наперед. Поэтому они были наиболее тщательно изучены в этих странах, а мистер Мартин собрал все, что можно было узнать о втором зрении на Шетландских островах, в работе, представляющей большой интерес. Здесь феномены нередко сопровождаются еще и магическим слухом, как, например, когда похороны видят в видениях, и в то же время отчетливо слышат песнопения прохожих и даже слова проповедника. Наиболее яркой формой этой особенности является тайск или фантик - крик, произнесенный человеком, который скоро умрет, и услышанный провидцем. Жители этих отдаленных островов также имеют привычку ощущать запах рыбы, причем часто за несколько недель и месяцев до того, как она появляется в их водах. Особый вид гадания существует в Уэльсе и на острове Мэн, где о приближении смерти друзей сообщают так называемые телесные огни, *caulawillan cyrth*.

Не следует упускать из виду совершенно бескорыстный характер второго зрения, поскольку оно в значительной степени повышает ценность подобных явлений и придает им достоверность. В подавляющем большинстве случаев люди и события, увиденные при таких обстоятельствах, не представляют для провидца никакого интереса; они часто совершенно чужды и неизвестны ему, а значит, не находят сочувствия в его сердце. Создается впечатление, что в результате какого-то неизвестного и, следовательно, магического процесса в душе открывается окно, через которое можно выглянуть и увидеть все, что может предстать перед внутренним зрением; затем этот образ переносится на внешний глаз, и воображение провидца заставляет его поверить, что он видит на самом деле то, что открывается ему в результате этого таинственного процесса. Отсюда также следует, что люди, одаренные вторым зрением, далеко не страдают от болезней любого рода, почти без исключения являются простыми, бережливыми людьми, свободными от хронических заболеваний, и совершенно незнакомы с истериками, спазмами или нервными страданиями. Безумие и самоубийство для них так же неизвестны, как и пьянство, и ни одного случая корыстного интереса или умышленного мошенничества в связи со вторым зрением никогда не было зафиксировано. Это, однако, не означает, что другие не пытались извлечь выгоду из странных даров таких людей; но даже карьера знаменитого Дункана Кэмпбелла, глухонемого шотландца, который в начале прошлого века произвел огромную сенсацию в Лондоне, лишь заново подтвердила известное бескорыстие этих провидцев. Во

многих случаях к дару второго зрения относятся равнодушно и почти не замечают его. Так было с лордом Нельсоном, который, как сообщается, проявил дар второго зрения, по крайней мере, в двух хорошо подтвержденных случаях, рассказанных сэром Томасом Харди адмиралу Дандасу и процитированных доктором Майо, поскольку он получил рассказ от последнего. Капитан Харди слышал, как Нельсон приказал командиру фрегата распустить все паруса и плыть к определенному месту, где он, по всей вероятности, встретит французский флот, и, как только тот выйдет, зайти в определенный порт и там дожидаться прибытия Нельсона. Когда офицер покинул каюту, Нельсон обратился к Харди, сказав: "Он пойдет в Вест-Индию; он увидит французов; он сделает порт, который я ему велел сделать, но он не будет ждать меня - он отплывет в Англию". Командир так и поступил. Однако в этом случае Нельсон, возможно, лишь дал яркое подтверждение своей способности читать характер людей и делать выводы об их возможных действиях. В следующем случае его знание, напротив, проявилось как магическое явление. Это было незадолго до Трафальгарского сражения, когда английский фрегат находился на таком расстоянии, что его положение нельзя было точно определить. Внезапно Нельсон обратился к Харди, стоявшему рядом с ним, и сказал: "Фрегат заметил французов". Харди нечего было сказать в ответ. "Она видит французов; сейчас она выстрелит". Через мгновение вдали раздался низкий звук сигнального выстрела!

В других случаях этот диковинный дар переносится с большим нетерпением и становится источником сильных страданий. Это, конечно, очень простительно для людей, которые читают приближающуюся смерть в чертах других людей и поэтому постоянно подвергаются душераздирающим впечатлениям. Иногда больной выглядит так, словно он уже несколько дней лежит в могиле, иногда его видят завернутым в саван или в момент смерти. В некоторых районах Германии о приближающейся смерти соседа возвещает появление самой Смерти, но не в привычном мифологическом облике, а в виде белого светящегося образа, который либо останавливается перед домом человека, который должен вскоре умереть, либо входит в него и располагается рядом с ним. Иногда можно увидеть, как образ заполняет кресло или идет в процессии вместо человека, еще находящегося в прекрасном здоровье, который, тем не менее, вскоре становится жертвой какой-либо болезни или внезапного приступа.

Второе зрение, как и все подобные магические явления, часто упоминается в трудах древних. Гомер упоминает об одном случае в своей "Одиссее" (xx. v. 351). Аполлоний Тианский произносил речь в Эфесе, когда внезапно остановился на середине предложения и увидел в видении императора Домициана в Риме, который пал жертвой своих убийц. Он впал в некое подобие транса, его глаза стали неподвижными, и он воскликнул неестественным голосом: "Долой тирана!" (*Vita Apoll. Zenobis Anolo interprete*. Paris, 1555, l. viii. p. 562.) Генрих IV, будучи еще принцем Наваррским, увидел накануне дня святого Варфоломея несколько капель крови, упавших на зеленое сукно карточного стола, за которым он сидел в компании нескольких придворных; последние видели это страшное и зловещее зрелище так же, как и он сам. Немецкие писания изобилуют случаями, когда люди видели свои собственные похороны за несколько дней до смерти, и во многих случаях это предупреждение имело самый благотворный эффект, заставив их раскаяться в своих грехах и подготовиться к предстоящему вызову. Один из самых примечательных случаев - случай с выдающимся профессором богословия, доктором Лизиусом, в Кенигсберге. Он унаследовал особые магические способности через много поколений от раннего предка, который увидел похороны весьма своеобразного характера со всеми сопутствующими обстоятельствами задолго до того, как они состоялись на самом деле. Сам он получил первое откровение, когда, лежа в постели без сна, вдруг увидел, что в его комнате стало светло, и что-то похожее на тень человека прошло мимо него, в то время как на его разум, а не на его слух, упали

слова: *Umbra matris tuæ*. Хотя его мать только что написала ему, что находится в необычайно хорошем состоянии здоровья и духа, она умерла той же ночью. В другой раз он поразил своих друзей, рассказав им, какое великолепное новое здание он видел возведенным в Кенигсберге, и рассказал все подробности о церкви и школьном помещении маленьким воротам в узком переулке. Спустя много лет такое здание действительно было возведено, и он сам позвал себя занять его часть, когда эти маленькие ворота стали его любимым входом. Хотя у него было много подобных видений, а его жена, поддавшись заразительному влиянию магических сил, также предвидела не одно важное событие, он решительно отказывался придавать какое-либо значение своим предчувствиям или предчувствиям других людей. Так, одна бедная женщина, обладавшая даром второго зрения, однажды пришла к некоторым членам его семьи и рассказала, что видела, как семь похорон покинули его дом; когда ему сообщили об этом, он осудил это суеверие как нехристианское и запретил упоминать о нем в своем присутствии. Но, хотя в доме в то время не было ни одного больного, и даже старшие члены семьи были необычайно бодры и веселы, через несколько недель все в доме опасно заболели, за исключением одного только главы семьи, и так как спастись удалось только троим, семь смертей, которые были предсказаны, действительно произошли.

В анналах шведской истории (Arndt, *Schwed. Gesch.* p. 317) записан примечательный случай такого рода. Местом действия был старый замок Грипсхольм, расположенный недалеко от Стокгольма, место, полное ужасных воспоминаний и не раз прославившееся странными тайнами. Только что закончился большой государственный обед в честь баденского принца, как один из гостей, граф Фрелих, вдруг устремил неподвижный взгляд на огромную дверь обеденного зала, а когда пришел в себя, заявил, что только что видел, как вошел их княжеский гость, одетый не в ту форму, в которую он был одет на самом деле, когда сидел на почетном месте. Однако у принца был обычай носить один костюм в один день, а на следующий - другой, и таким образом регулярно меняться; граф Фрелих видел его в том, что он, соответственно, наденет на следующий день. Впечатление уже начало выветриваться, и происшествие почти забылось, как вдруг снаружи послышался сильный переполох, вбежали слуги, послышался женский плач, и даже караульные офицеры были серьезно встревожены. Поговаривали, что видели "призрак короля Эрика". На следующий день принц Баденский был выброшен из кареты и мгновенно погиб; его тело привезли в Грипсхольм.

Здесь же мы вновь сталкиваемся с исключительными способностями, дарованными Гете. Он только что расстался с одной из своих многочисленных любовей, прекрасной дочерью министра Друзенхайма Фридерике, и ехал в глубокой задумчивости по тропинке, как вдруг увидел, "не телесными, а духовными глазами", свое собственное "я" в новом светло-сером плаще, обшитом золотом, едущее ему навстречу. Когда он сделал усилие, чтобы избавиться от этого впечатления, видение исчезло. "Странно, однако, - рассказывает он сам, - что восемь лет спустя я обнаружил себя едущим по той же дороге, чтобы снова увидеть Фридерiku, и был одет, случайно, а не по собственному желанию, в костюм, который мне приснился" (*Aus Meinem Leben*, iii. p. 84). Родственник по духу, сэр Хамфри Дэви, однажды пережил видение, которое, как ни странно, исполнилось не один раз. В своей привлекательной работе ("Утешения в путешествиях", с. 63) он рассказывает, как, страдая от тюремной лихорадки, увидел образ прекрасной женщины, с которой вскоре вступил в интереснейшую беседу. В то время он был горячо привязан к одной даме, но видение представляло девушку с каштановыми волосами, голубыми глазами и цветущим лицом, в то время как его возлюбленная была бледной, с темными глазами и темными волосами. Таинственная посетительница приходила часто, пока он был болен, но по мере восстановления сил ее визиты становились все реже, а в конце концов и вовсе прекратились. Он совсем забыл о ней; но через десять лет он вдруг встретил в Иллирии

девочку лет четырнадцати-пятнадцати, которая поразительно напоминала тот образ, который он видел, а теперь вспоминал во всех подробностях. Прошло еще десять лет, и великий химик снова встретил в путешествии человека, который так же поразительно напоминал его первое видение, и стал обязан ее нежной заботе и доброте за сохранение своей жизни.

В некоторых частях света этот дар второго зрения принимает весьма своеобразные формы. Например, в Африке, особенно в странах, прилегающих к Сахаре, встречаются мужчины и женщины, обладающие способностью заранее предвидеть грядущие события. Не раз европейские путешественники были радушно приняты туземцами, предупрежденными об их приходе. Ричардсон рассказывает в своем графическом отчете о своей "Миссии в Центральной Африке", что о его прибытии вождю и жителям Тинталуса было объявлено такими словами: "Караван англичан направляется из Триполи, чтобы прийти к вам". Провидицей была старая негритянка, известная ведьма, которая имела большую репутацию в предвидении событий. На острове Франция, как мы узнаем из книги Джеймса Приора "Путешествие по Индийскому морю", есть много людей, которые могут видеть корабли на расстоянии нескольких сотен миль. Один из них точно и подробно описал крушение корабля у берегов Мадагаскара, откуда он должен был привезти провизию. Женщина, ожидавшая своего возлюбленного на борту другого корабля, спросила одного из этих провидцев, может ли он ее чем-нибудь утешить: он быстро ответил, что судно находится всего в трех днях плавания от острова и что ее друг в это время занимается стиркой белья. Корабль прибыл в назначенное время, и мужчина подтвердил слова провидца. Великий мореплаватель рассказывает о еще более удивительных подвигах, совершенных начальником сигналов Файлафе, который отчетливо видел корабли на расстоянии от шестидесяти до ста морских миль. Их изображение появлялось перед ним на горизонте в виде светло-коричневого облака с неяркими очертаниями, но достаточно отчетливыми, чтобы он мог различить размеры судна, характер его оснастки и направление, в котором оно плыло.

Похоже, что второй слух распространен только в восточной части Шотландии, где он иногда встречается в целых семьях. Миссис Кроу упоминает, например, о мужчине и его жене в Бервикшире, которые были разбужены ночью громким криком, который они сразу же распознали как свойственный их сыну. Впоследствии выяснилось, что он погиб в море в ту же ночь и в тот же час, когда раздался крик (I. p. 161). В другом случае мужчину в Пертшире разбудила жена, которая сказала ему, что, несомненно, их сын утонул, поскольку она отчетливо слышала всплеск, когда он упал в воду, и была разбужена шумом. И здесь предчувствие оправдалось: мужчина упал с верфи и исчез, прежде чем удалось спустить лодку, хотя его падение слышали все на борту.

Наконец, следует отметить, что второе зрение было замечено не только у людей, но и у животных. Лошади особенно чувствительны к любому магическому воздействию, и рассказы об их особом поведении в сложных обстоятельствах многочисленны и прекрасно подтверждены. Так, священник из Линдхольма, преподобный мистер Хансен, владел совершенно кроткой и добродушной лошадью, которая вдруг отказалась стоять на месте в его конюшне, начала дрожать и подавать все признаки сильного страха, и, наконец, ляглась и вздымалась так дико, что ее пришлось убрать. Как только его поместили в другой хлев, он успокоился и стал совершенно тихим. В конце концов выяснилось, что человек, наделенный вторым зрением, объяснил странное поведение лошади тем, что перед ее открытой конюшней готовили гроб, и лошадь не могла вынести этого зрелища. Над этим человеком посмеялись, но вскоре после этого умерла жена священника, и по каким-то

особым причинам гроб действительно был сделан на виду у бывшей конюшни лошади (Kies. Arch. viii. p. 111). Сообщалось также, что собаки в почти бесчисленных случаях издавали мучительный вой перед приближающейся смертью обитателей дома, где они содержались.

В Англии и особенно в Германии считается, что собаки способны видеть сверхъестественные существа. Когда их видят внезапно прижавшимися к ногам своих хозяев, дрожащими всеми конечностями и жалобно взирающими вверх, как бы ища помощи, народное поверье гласит: "С собакой не все в порядке" или "Она видит больше, чем могут видеть люди". Память об ослице Валаама инстинктивно поднимается в нашем сознании, и мы чувствуем, что эта часть творения, которая вместе с нами стонет о спасении и была включена в число тех, ради кого Господь пощадил Ниневию, может видеть то, что скрыто от наших глаз. Сэмюэл Уэсли рассказывает, как собака, специально купленная для отпугивания злонамеренных людей, которых на сайте сначала заподозрили в ночных беспорядках в пасторском доме, в первую ночь лаяла всего один раз, а после, при повторении этих звуков, проявляла не меньший ужас, чем дети.

Считается, что собаки и лошади - не единственные животные, способные особым инстинктом улавливать действие сверхъестественных сил. Во время серии таинственных волнений в одной немецкой деревне куры в ужасе убегали из сада, а скот отказывался заходить в загон, когда там появлялись явления. Швейцарские пастухи рассказывают множество историй о "феерических" местах в Альпах, куда ни ласка, ни принуждение не могут побудить их стада пойти, даже когда пастбища везде редки, а богатая трава, кажется, манит их прийти на отвратительные луга. Известны случаи, когда аисты покидали крышу, на которой годами строили гнездо, и в каждом случае оставленный дом сгорал в течение лета. Эта и другие особенности прозорливых животных были особенно замечены в Дании, где всех животных называют *synsk*, провидцами, считая, что они обладают даром второго зрения.

ОРАКУЛЫ И ПРОРОЧЕСТВА.

Высшей степенью гадания является фактическое предсказание событий, которые еще только должны произойти. Непосредственные причины, пробуждающие этот дар, носят самый разнообразный характер и зачастую весьма любопытны. Так, молодой флорентиец Гаспаро, раненный стрелой и не получавший облегчения, в страшных страданиях начал непрестанно молиться днем и ночью; это так возбудило его, что в конце концов он предсказал не только имя своих посетителей, но и час, в который они придут, и, наконец, день своего полного выздоровления; тем же чутьем он узнал, что в конце жизни отправится в Рим и там умрет. Когда из его раны наконец извлекли железное острие, его здоровье пошло на поправку, и тут же пророческий дар покинул его и больше не возвращался. Однако он отправился в Рим и действительно умер в Вечном городе (Colquhoun, p. 333). Жрецы Аполлона в Колофоне одурманивали себя водой из его фонтана, который был так же знаменит тем, что даровал дар пророчества, как колодец Эскулапия в Пергаме и источники возле его храма в Пеллене. В других храмах жрецы-пророки вдыхали пары. В пророческих школах израильтян музыка, по-видимому, играла важную роль, поскольку Самуил сказал Саулу, что тот встретит на холме Гад "компанию пророков, спускающихся с высокого места с псалтирью, табреткой и трубой перед ними". Однако у евреев были и другие средства, помогающие в гадании: У Иосифа была своя чаша - обычай, до сих пор распространенный на Востоке; а первосвященник, прежде чем войти в Святое, надевал Туммим с шестью темными драгоценными камнями и Урим с шестью светлыми, после чего сверкание драгоценных камней и насыщенный аромат благовоний в сочетании с ужасным ощущением присутствия Иеговы предрасполагали его разум к получению откровений свыше. Лжепророки Ваала, напротив, пытались добиться подобного эффекта кровавыми методами: "Они резали себя

ножами и копьями, пока кровь не хлынула на них", а затем пророчествовали. Уже упоминалось, что в Индии взгляд фиксировался на пупке, пока божественный свет не начинал сиять перед глазами разума - другими словами, пока не наступал транс и не появлялись видения. Изменения, которые непосредственно предшествуют растворению, в конечном итоге кажутся наиболее благоприятными для развития пророческих способностей. Уже Аретей Каппадокийский говорит, что разум многих умирающих был совершенно ясным, пронизательным и пророческим, и упоминает ряд случаев, когда умирающие начинали беседовать с мертвыми или предсказывали судьбу тех, кто стоял у их постели. Так, Гомер заставляет умирающего Гектора предупредить Ахилла о приближающемся конце, а Калан, взойдя на погребальную кучу, отвечает на вопрос Александра, не хочет ли он обратиться к нему с какой-нибудь просьбой: "Нет, мне нечего просить, ибо я увижу тебя послезавтра!". И в этот день молодой завоеватель умер.

Суетоний сообщает, что император Август почти незаметно уходил из жизни, как вдруг вздрогнул и сказал, что его уносят сорок юношей. Так и случилось: когда наступил конец, сорока мужчинам из его телохранителей было приказано поднять и перенести тело в другую комнату дворца. Известно несколько случаев, когда умирающие люди после произнесения подобных пророчеств обретали и сохраняли исключительный дар до конца жизни, но эти случаи редки и требуют подтверждения.

Как все магические явления могут быть смешаны с заблуждением и самозванством, так и гадания такого рода часто имитировались в личных или политических целях. Уже древние оракулы часто давали ответы, полные иронии и лукавого юмора. Хорошо известна история эпирского царя Александра, которого оракул в Додоне предупредил держаться подальше от ахерских вод, после чего он погиб в реке Ахерос, в Италии. Так, Генриху IV Английскому было сказано, что он умрет в Иерусалиме; он думал только о Палестине, но встретил свою смерть бессознательно в комнате, принадлежащей Вестминстерскому аббатству, которое носило имя святого города. В Испании Фердинанд Католик получил предупреждение, что умрет в Мадригале, и поэтому тщательно избегал города с таким названием; но когда последняя болезнь настигла его в маленьком безвестном городке, он обнаружил, что тот называется Мадригаола, или Малый Мадригал. Историк Мариана (*Hist. de rebus Hisp.*, l. xxii. chap. 66) также упоминает об отчаянии знаменитого фаворита дона Альвареса де Луны, которого астролог предостерег от Кадагальсо, деревни близ Толедо; несчастный умер на эшафоте, который также называется Кадагальсо. Во Франции подобная участь постигла суеверную королеву Екатерину Медичи: знаменитый Нострадамус предсказал, что она умрет в Сен-Жермене, и она тщательно избегала этого дворца; но когда пришел ее последний конец, она обнаружила, что беспомощно погрузилась в объятия придворного по имени Сен-Жермен.

Нет недостатка и в ложных пророчествах, начиная с того времени, когда Иеремия жаловался, что "удивительное и ужасное совершается в земле; народ пророчествует ложно" (Иер. ст. 30), и заканчивая великим денежным кризисом 1857 года, который наполнил страну предсказаниями о приближающемся конце. Периоды сильных политических или религиозных волнений неизменно порождают несколько подлинных и множество поддельных пророков, которые изображают печальные предчувствия, наполняющие разум страдающего народа, и пользуются доверчивостью всех великих страдальцев. Некоторые из самых абсурдных пророчеств, тем не менее, вызвали совершенную панику, распространившуюся в некоторых случаях на целые страны. Так, в 1578 году знаменитый астролог, отец всех погодных пророчеств в наших альманахах, предсказал, что в феврале 1524 года, когда три планеты одновременно войдут в созвездие Рыб, второй потоп уничтожит землю. Сообщение об этом дошло до императора Карла V, который передал этот вопрос

своим испанским теологам и астрологам. Те с торжественной серьезностью исследовали его и нашли очень грозным; из Испании паника распространилась по всей Европе. Когда наступил февраль, тысячи людей покинули свои дома и искали убежища на горах и вершинах холмов; другие надеялись спастись на кораблях, а один богатый президент в Тулузе и вовсе построил себе второй ковчег. Когда потоп не состоялся, прорицатели и прорицательницы ничуть не смутились; они заявили, что Бог и на этот раз сжалился над грешными людьми в ответ на горячие молитвы верующих, как он уже сделал это в случае с Ниневией. Страх перед последним судом во все времена настолько заполнял умы людей, что они с готовностью верили предсказаниям о приближении конца света - события, которое, как хорошо известно, апостолы, Мартин Лютер и некоторые современные богословы упорно считали неотвратимо приближающимся. В разные эпохи возникали секты, которые ожидали второго пришествия с искренней убежденностью, о которой они давали поразительные и даже страшные свидетельства. Миллериты из Союза не раз предсказывали пришествие Христа и в преддверии скорого пришествия избавлялись от своего имущества, принимали белые одежды, в которых они должны были вознестись на небо, и даже забирались на самые верхние ветви деревьев, чтобы сократить путь. В Швейцарии молодая женщина из Берна была настолько взволнована предстоящим судом, который она назначила на следующий день Пасхи, что ежедневно пророчествовала, собрала вокруг себя множество последователей и фактически задушила своего собственного деда, чтобы спасти его душу перед приближающимся наступлением. (Stilling, "Jenseits", p. 117.)

Нередко пророчества передаются промежуточными агентами, ангелами, демонами или особо отмеченными людьми. Несомненно, в результате сильного и продолжительного волнения, которое испытывал Каий Кассий, его разум был наполнен образом убитого Цезаря, и поэтому он мог легко вообразить, что видит свою жертву в пурпурном плаще, коня и всадника гигантских размеров, внезапно появившихся в грохоте битвы при Филиппах и набросившихся на него с дикой страстью. Известно, что впечатление было достаточно сильным, чтобы заставить его, который еще никогда не поворачивался спиной к врагу, спастись бегством и воскликнуть: "Чего ты еще хочешь, если убийство тебя не прикончит?" (Valer. Max. l. 8.)

Наконец, следует иметь в виду, что пророчества не остались столь же бесплодными, как другие магические явления. Уже Гердер упоминает о преимуществах древних оракулов. Он говорит (*Ideen zur Phil. d. Geschichte*, iii. p. 211): "Многие тираны и преступники были публично отмечены божественным голосом (оракулов), когда он предсказывал их судьбу; таким же образом он спас многих невинных людей, дал добрый совет беспомощным, придал божественный авторитет благородным учреждениям, сделал известными произведения искусства и санкционировал великие моральные истины, а также полезные максимы государственной политики". Нет нужды добавлять, что пророки Израиля были главными хранителями религиозной жизни и морали избранного народа; в то время как священники оставались неподвижными в своих взглядах и довольствовались выполнением церемониальных служб в храме, пророки сохраняли истинную веру и способствовали ее постепенно расширяющемуся откровению. В их случае, однако, гадание было настолько явным результатом божественного вдохновения, что их пророчества вряд ли можно отнести к магическим явлениям. Основанием, объединяющим их с простыми человеческими предчувствиями и прорицаниями, является состояние транса, в котором одни пророки, похоже, предсказывали будущее, независимо от того, считаем ли мы, что это экстатическое состояние было вызвано музыкой, продолжительной молитвой или непосредственным воздействием Святого Духа.

Почти во всех древних оракулах экстаз вызывался вдыханием определенных газов, поднимавшихся из почвы и вызывавших зачастую самые страшные симптомы у несчастных, нанятых для этой цели. В то же время они редко были свободны от добавочной хитрости, поскольку жрецы не только заранее наполняли разум питонессы мыслями, подсказанными им их собственной мудростью и политическим опытом, но та также часто использовала свое мастерство чревовещателя, чтобы увеличить силу своих откровений. Отсюда тот факт, что почти все греческие оракулы исходили из глубоких пещер, в которых, как в Додоне и Дельфах, в изобилии вырабатывался углекислый газ; отсюда же и название *ventriloqua vates*, которое обычно давали дельфийской пифии. Древнейший из этих оракулов, оракул в Додоне, предсказывал события в течение почти двух тысяч лет и даже пережил почти повсеместное разрушение подобных учреждений во времена Христа; он фактически прекратился только в третьем веке, когда иллирийский разбойник срубил священное дерево. Оракул Зевса Трофония в Беотии говорил через пациентов, которых приводили в пещеры, где они становились сомнамбулами, имели видения и отвечали на вопросы жрецов, находясь в таком состоянии. Римляне также с ранних времен имели своих пророков-сомнамбул, и в случае опасности для государства обращались к сивиллиным книгам. Христианство положило конец всем подобным гаданиям в Италии, как и в Греции. Странно, что в обширной системе египетских суеверий мы не находим ни одного оракула; но среди германцев пророки были тем более многочисленны. Они предсказывали войну или мир, успех или неудачу и оказывали мощное влияние на все дела. Одна из древних пророчиц, Веледа, жившая в уединенной башне и позволявшая себе лишь редкие советы, пользовалась большим уважением даже у римлян. У кельтов были такие же пророки-друиды, некоторые из которых стали хорошо известны римлянам и, как сообщается, предсказали судьбу императоров Аврелиана, Диоклетиана и Севера.

У нас есть авторитетное свидетельство Иосифа о сохранении пророческой силы в Израиле даже после пришествия Христа. Он рассказывает об Иисусе, сыне Анана, который семь лет и пять месяцев бегал по улицам Иерусалима, возвещая о грядущем разорении, и, восклицая "Горе мне!", был поражен и мгновенно убит камнем из одной из осадных машин римлян. (Jos., l. vi. c. 31.) Сам Иосиф выдает себя за пророка, предсказав падение города Йотапата за сорок семь дней, свой собственный плен и императорское достоинство Веспасиана, а также Тита. Из северных пророков, пожалуй, наиболее известен Мерлин; он был кельтским бардом по имени Мирдин, и его поэмы, написанные в седьмом веке, считались точными описаниями многих последующих событий, например, подвигов Жанны д'Арк. В XVI веке его место занял Нострадамус, чьи пророческие стихи "*Времена и пророчества*" по сей день актуальны в народе и то и дело появляются на страницах ведущих журналов. Он был профессором медицины в университете Монпелье и умер в 1566 году, пользуясь всемирной славой астролога. Его краткие и зачастую загадочные стихи никогда не теряли своей силы, а несколько поразительных случаев даже в нашем веке в значительной степени возродили его авторитет. Такова, например, строфа (№ 10):

*Un empereur naître près d'Italie,
Qui à l'empire sera vendu très cher;
Diront avec quels gens il se ralliè,
Qu'on trouvera moins prince que boucher,*

которая, естественно, была применена к великому Наполеону и его маршалам.

Другим северным пророком, чьи предсказания до сих пор цитируются, был архиепископ Армага Малахия, который в 1130 году предсказал судьбу всех грядущих пап; как и почти во

всех подобных случаях, здесь также случайные совпадения были тщательно отмечены и с помпой провозглашены, в то время как множество несбывшихся пророчеств так же тщательно скрывались. Любопытно, однако, что он четко предсказал судьбу Пия VI, о котором говорил как о "*Vir apostolicus moriens in exilo*" (он умер в 1799 году в изгнании в Валансе), и что он охарактеризовал Пия IX как "*Cruce de Cruce*". Святая Бриджит Шведская имела счастье видеть, как ее пророчества были одобрены Базельским собором; впоследствии они были переведены почти на все живые языки и до сих пор пользуются большим уважением тысяч людей во всех частях Европы. Самым известным среди английских пророков, вероятно, является имя архиепископа Ашера, предсказавшего судьбу Кромвеля и многие события в Англии и Ирландии, что, несомненно, было результатом большой проницательности и удивительной способности к комбинированию, но во многих случаях превосходило обычную меру человеческой мудрости. Совершенно другим пророком был Райс Эванс (Jortin, "Rem. on Eccles. Hist.", p. 377), который, устремив взгляд на впадину своей руки, увидел там изображения лорда Фэрфакса, Кромвеля и четырех других коронованных особ, появлявшихся одна за другой; таким образом, как говорят, он предсказал Протекторат и правление четырех государей дома Стюартов. Джейн Лид, необыкновенная и загадочная личность, основала в 1697 году, когда ей исполнилось семьдесят четыре года, так называемое Филадельфийское общество, видным членом которого был знаменитый Пордэдж, в прошлом священник, а затем врач. Эта очень тщеславная женщина утверждала, что она была вдохновлена так же, как святой Иоанн на Патмосе, и что она была вынуждена силой Святого Духа предсказывать будущее. Несмотря на то, что она ошибочно предсказала скорое наступление тысячелетия, она с большой точностью предсказала множество мелких событий и была высоко оценена как пророк. Доктор Пордаж имел в основном видения будущего мира, которые отличались большой чистотой сердца и необузданностью воображения. У Сведенборга также было много пророческих видений, но их исполнение относится исключительно к будущей жизни, и их подлинность, в которую твердо верят многочисленные и просвещенные члены Новой Церкви, не может быть доказана другим в этом мире.

Один из самых примечательных случаев современных пророчеств, который был официально зафиксирован, связан со смертью Папы Ганганелли. Последний услышал, что несколько человек в разных частях Италии предсказали, что он скоро закончит свою жизнь насильственной смертью. Он придал этим сообщениям достаточное значение, чтобы передать дело специальной комиссии, назначенной ранее для рассмотрения серьезных обвинений, выдвинутых против иезуитов, возможно, подозревая, что Орден Иисуса небезразличен к этим предсказаниям. Среди арестованных была простая, невежественная крестьянка Беатриче Ренси, которая очень спокойно сказала жандарму: "Ганганелли арестовал меня, Браски освободит меня", подразумевая, что последний будет следующим папой. Священник из Валентано, арестованный в тот же день (12 мая 1774 года), радостно воскликнул: "То, что происходит со мной сейчас, было предсказано уже трижды; возьмите эти бумаги и посмотрите, что предсказала моя дочь (Rensi)". При ближайшем рассмотрении оказалось, что девушка назначила день Папы на день равноденствий в сентябре; она объявила, что он провозгласит год отпущения грехов, но не доживет до него; что никто из верующих не поцелует ему ноги и не отведет его, как обычно, в церковь Святого Петра. В то же время она говорила о жестокой внутренней борьбе, через которую Святой Отец должен будет пройти перед смертью. Вскоре после того, как эти предсказания стали официально известны папе, перед ним предстала булла против ордена иезуитов; огромное значение такого указа и очевидные опасности, которыми он был чреват, вызвали у него сильное беспокойство, и когда однажды ночью он поднялся с постели, чтобы поставить свою подпись, и, испугавшись каких-то соображений, отбросил перо, только чтобы наконец взять

его и подписать бумагу, он вдруг вспомнил о пророчестве крестьянки. Он сразу же поехал к одному из крупных прелатов Рима, который раньше был духовником девушки, и расспросил его о ее характере; священник засвидетельствовал ее чистоту, неподкупную честность и простоту, добавив, что, по его мнению, небо явно наделило ее особыми и весьма необычными способностями. Это предложение привело Ганганелли в ярость, и он настоял на том, чтобы его комиссия объявила все эти предсказания злобной ложью, внушениями дьявола и приговорила шестьдесят два арестованных к высшей мере наказания в замке Сант-Анджело 1 октября. Тем временем, однако, его здоровье начало страдать, а ум - все больше и больше. Беатриче Ренси была заключена в монастырь в Монтефиасконе; 22 сентября она сказала настоятельнице, что можно помолиться за душу святого отца; та сообщила об этом епископу, и вскоре весь город был охвачен волнениями. Поздно вечером курьеры принесли весть о том, что Ганганелли внезапно скончался в восемь часов утра; тело начало разлагаться так быстро, что обычные церемонии целования ног Папы и переноса в собор Святого Петра стали невозможны! Однако самые любопытные последствия предсказаний девушки проявились, когда состоялся конклав для избрания преемника. Многие кардиналы очень хотели, чтобы Браски не был избран, чтобы это не было истолковано как подтверждение предсказания, а значит, как дело рук лукавого; другие же снова восприняли слова девушки как указание свыше; они и победили. Браски был действительно избран и взшел на престол как Пий VI. Комиссия, однако, продолжила расследование и в конце концов оправдала иезуитов по обвинению в сговоре; предсказания Беатриче Ренси были объявлены сверхъестественными, но внушенными Отцом лжи, а все обвиняемые были отпущены свободу. Епископ Монтефиасконе, Мори, официально сообщил в 1804 году, что девушка получала пенсию от Рима до французского вторжения, затем она покинула монастырь, в котором так долго жила мирно и спокойно, и больше о ней не слышали.

Знаменитые предсказания Жака Казотта, человека с большой литературной известностью и величайшей респектабельностью, были засвидетельствованы людьми с безупречным характером и неоднократно упоминались выдающимися писателями как подлинные. Лахарп - не воспитатель российского императора Александра - полностью сообщает о них в своих *"Избранных произведениях"* и т. д. (i. p. 62); то же самое делают Булар в своей *"Энциклопедии народов мира"* и Уильям Берт, который присутствовал при их создании, в своих *"Наблюдениях над диковинками природы"*. Хорошо известно, что Казотт вступил в секту мартинистов, и среди этих энтузиастов усилилась его природная чувствительность и религиозный пыл. С таким умом, предрасположенным к сильным впечатлениям извне и наполненным страшными предчувствиями будущего, неудивительно, что он внезапно впал в транс и таким образом получил возможность с помощью необычных магических воздействий предсказать ужасы Революции, печальную судьбу короля и королевы, а также свой собственный трагический конец.

Жан де Лахарп, который умер только в 1823 году и, обладая устоявшимся характером и высоким общественным положением, ручался за подлинность своих предсказаний, рассказал о них в общих чертах следующее: В 1788 году он был приглашен во дворец герцогини де Грамон на , где собрались самые выдающиеся личности того времени, и оказался за столом рядом с Малешербом. Он заметил в углу стола Казотта, который, по-видимому, пребывал в глубокой задумчивости, из которой его вывели только частые тосты, к которым он был вынужден присоединиться. Когда, наконец, гости, казалось, переполнились горячими похвалами современной философии и ее блестящей победе над старыми религиозными суевериями, Казотт вдруг поднялся и торжественным тоном, с чертами лица, взволнованными глубоким волнением, сказал им: "Господа, вы можете радоваться, ибо вы

все увидите ту великую и грандиозную революцию, которой вы так желаете. Вы, мсье Кондорсе, скончаетесь, лежа на полу подземной тюрьмы. Вы, М. Н., умрете от яда; вы, М. Н., погибнете от руки палача на эшафоте". Они воскликнули: "Кто заставил вас думать о тюрьмах, яде и палаче? Какое отношение они имеют к философии и господству разума, которые мы предвосхищаем и с которыми вы только что нас поздравляли?" "Именно это я и говорю, - ответил Казот, - во имя философии, разума, гуманности и свободы будут совершены все эти вещи, которые я предсказал, и они произойдут именно тогда, когда один только разум будет царствовать и иметь свои храмы". "Конечно, - ответил Шамфор, - вы не будете одним из священников". "Не я, - ответил тот, - а вы, господин де Шамфор, станете одним из них и заслужите это; вы перережете себе вены в двадцати двух местах своей бритвой и умрете лишь через несколько месяцев после этой отчаянной операции. Вы, мсье Вик д'Азир, не вскроете себе вены, потому что подагра в ваших руках помешает этому, но вы попросите другого человека вскрыть их вам шесть раз в один и тот же день, и вы умрете в последующую ночь. Вы, месье Николай, умрете на эшафоте, и вы, месье Бейли, и вы, месье Малешерб". "Слава Богу, - воскликнул мсье Рише, - похоже, мсье Казотт имеет дело только с членами Академии". Но Казотт мгновенно ответил: "Вы тоже, месье Рише, умрете на эшафоте, и те, кто вынесет вам приговор, и другие, подобные вам, будут, тем не менее, философами". "И когда же все это произойдет?" - спросили несколько гостей. "Самое большее через шесть лет после сегодняшнего дня", - был ответ. Теперь Лахарп спросил: "А обо мне вы ничего не говорите, Казотте?". Тот ответил: "С вами, сударь, произойдет великое чудо; вы обратитесь и станете добрым христианином". Эти слова развеселили компанию, и все разразились веселым смехом. Теперь и герцогиня де Грамон набралась смелости и сказала: "Нам, женщинам, к счастью, живется лучше, чем мужчинам, революции нам не страшны". "Ваш пол, дамы, - ответил Казот, - не защитит вас на этот раз, и как бы вы ни старались не связываться с политикой, с вами будут обращаться точно так же, как с мужчинами. Вам, герцогиня, как и многим другим дамам до и после вас, придется взойти на эшафот, и более того, вас повезут туда на телеге палача со связанными за спиной руками". Герцогиня, возможно, расценив все это как шутку, сказала, улыбаясь: "Ну что ж, думаю, я, по крайней мере, получу карету с черной обивкой". "Нет, нет, - ответил Казотт, - повозка палача будет вашей последней каретой, и в ней придется ехать даже более великим дамам, чем вы". "Конечно, не принцессы королевской крови?" - спросила герцогиня. "Еще более великие", - ответил Казот. "Но они не откажут нам в духовнике?" - продолжала она. "Да, - ответил тот, - только величайшие из тех, кто будет казнен, получают его". "Но что же будет с вами, месье Казотт?" - спросили гости, которые, наконец, начали чувствовать себя неловко. "Моя судьба, - был ответ, - будет судьбой человека, который перед последней осадой возгласил: "Горе!" над Иерусалимом и "Горе!" над собой, когда камень, брошенный врагом, оборвал его жизнь". С этими словами Казотт поклонился и вышел из комнаты. Сколько бы деталей ни было добавлено к предсказанию впоследствии, факт такого пророчества никогда не подвергался сомнению, и Уильям Берт, который был свидетелем этой сцены, решительно подтверждает этот рассказ.

Даже у суровых кальвинистов были свои религиозные пророки, среди которых Дю Серр, пожалуй, самый интересный. Он обосновался в 1686 году в Дофине, но вскоре распространил свою деятельность на Севенны и таким образом подготовил великое восстание протестантов в 1688 году, которое привело к страшной войне и всеобщему опустошению. Особыми пророческими дарами были наделены немногие необразованные люди; но в они проявлялись очень ярко, так что, например, многие молодые девушки, принадлежавшие к самым низким слоям общества и совершенно не имевшие образования, были способны не только предсказывать грядущие события, но и проповедовать с большим красноречием и толковать Священное писание. Эти явления стали достаточно

многочисленными, чтобы побудить *камисаров*, как называли мятежных протестантов в Севеннах, в конце концов сформировать регулярную систему вдохновения. Они говорили о четырех степенях экстаза: первый признак, вдохновляющее дыхание, предсказание и дары; последний был наивысшим. Дух пророчества мог передаваться вдохновленным человеком другим людям; обычно это делалось через поцелуй. Даже дети трех и четырех лет могли предсказывать будущее и продолжали это делать, хотя часто подвергались суровому наказанию со стороны родителей, которых власти считали ответственными за их проступки, как это называлось. (*Theâtre Sacré des Cevennes*, p. 66.)

Этот дар пророчества был замечен не только у людей нашей веры и нашей расы.

Джонс Форбс, автор, чья благонадежность не вызывает ни малейших сомнений, приводит в своих "Восточных мемуарах" (Лондон, 1803) пример пророческой силы магов Восточной Индии, который столь же достоверен, сколь и примечателен. Некий мистер Ходжес случайно познакомился с молодым брамином, который, хотя и был неизвестен английским жителям, славился среди туземцев своими великими дарами. Они быстро подружились, и индеец не переставал призывать Ходжеса строго придерживаться долга, поскольку так он непременно достигнет самых высоких почестей. В подтверждение своих советов он предсказал, что с должности резидента в Бомбее он будет подниматься все выше и выше, пока, наконец, не будет назначен губернатором. Это предсказание часто обсуждалось среди друзей Ходжеса, и когда фортуна благоволила ему и он действительно получил необычайно быстрое предпочтение, он стал больше, чем когда-либо, полагаться на предсказание индийца. Но внезапно сильный удар разрушил все его надежды. Его соперник, Спенсер, был назначен губернатором, и Ходжес, крайне возмущенный тем, что он считал актом невыносимой несправедливости, написал резкое и неуважительное письмо губернатору и совету Компании. Результатом стало его увольнение со службы и приказ вернуться в Европу. Перед отплытием он еще раз послал за своим другом, который в то время жил в одном из священных мест, и, когда тот пришел, сообщил ему о печальном повороте в его делах и упрекнул его в ложных предсказаниях. Индеец, однако, ничуть не смутился, а заверил Ходжеса, что, хотя его противник и поставил ногу на порог, во дворец он никогда не войдет, но что он, Ходжес, несмотря на видимость, обязательно достигнет высокого поста, который обещал ему много лет назад. Эти заверения не произвели особого эффекта, и Ходжес уже собирался взойти на борт корабля, который должен был доставить его в Европу, когда в гавань вошло другое судно, совершившее рейс за очень короткое время, и привезло новые заказы из Англии. Суд директоров не одобрил поведение Спенсера на посту губернатора Бенгалии, отменил его назначение, уволил со службы и приказал назначить Ходжеса губернатором Бомбея! С этого дня брамин с каждым днем все больше влиял на ум своего английского друга, и тот ничего не предпринимал, предварительно не посоветовавшись с необычайно одаренным туземцем. Однако вскоре стало общеизвестным, что брамина никогда не удавалось убедить ссылаться в своих предсказаниях на время после 1771 года, поскольку он никогда не обещал Ходжесу другого почетного поста, кроме того, который он занимал сейчас. Объяснение его молчания пришло слишком скоро, так как в ночь на 22 февраля 1772 года Ходжес внезапно умер, и таким образом закончилась его блестящая карьера, подтвердив пророчество друга во всех деталях.

ГАДАТЕЛЬНЫЙ ЖЕЗЛ.

Отношения, в которых некоторые люди находятся с природой, иногда настолько близки, что позволяют им совершать открытия, невозможные для других. Так, например, обстоит дело с людьми, которые чувствуют присутствие воды или металлов. Первые с незапамятных времен обычно пользовались палочкой, так называемым жезлом для гадания, который, по словам

Плиния, был известен еще древним этрускам как средство для обнаружения скрытых источников. Итальянский автор Аморетти, уделивший этому вопросу особое внимание, утверждает, что, по крайней мере, каждый пятый человек подвержен влиянию воды и металлов, но это явно завышенная оценка. В последнее время известно много людей, обладающих этим даром - обнаруживать скрытые источники или подземные массы воды, но они редко прибегали к помощи приборов. Катарина Бойтлер из Тургови и Анна Мария Брюггер из того же города так сильно страдали от присутствия воды, что впадали в сильное нервное возбуждение, когда им случалось пересекать места, под которыми скрывались большие объемы, и становились совершенно истощенными. Во Франции люди, называемые *сюрсьерами*, издавна обладали этой инстинктивной способностью чувствовать присутствие воды, а другие, как знаменитый аббат Парамель, культивировали этот природный дар, пока, наконец, не получили возможность при беглом осмотре ландшафта установить, не скрыты ли где-нибудь большие массы воды, и указать точные места, где они могут быть найдены.

Почему вода и металлы должны почти всегда идти рука об руку в связи с этим особым даром, не совсем понятно; но посох Гермеса, имевший, вероятно, форму прорицательного жезла, всегда представлялся как дающий власть над сокровищами земли, и Орфический гимн (v. 527) называет его, следовательно, золотым жезлом, приносящим богатство и счастье. С другой стороны, *Aquæ Virgo*, нимфа источников, также держала в руке жезл для прорицания, а Нума, вдохновленный водной нимфой, установил поклонение водам в связи с поклонением мертвым. Ибо здесь богатство и смерть, похоже, вступили в странный союз. Дель Рио в своих *Disquisitiones magicæ* упоминает испанских захуров, рысьеглазых, как он переводит это название, которые могли по средам и субботам обнаруживать все жилы металлов или воды под поверхностью земли, все спрятанные сокровища, а также трупы в гробах. Зафиксирован как минимум один случай, когда человек обладал способностью видеть даже больше, чем Захуры. Это была португальская женщина Педегаш, которая впервые привлекла к себе внимание тем, что смогла обнаружить подземные источники и их соединения. Этот дар принес ей большие почести после того, как она сообщила королю о различных источниках воды, которые были спрятаны рядом с дворцом, который он собирался построить. В соответствии с ее указаниями были проложены шахты, и была найдена не только вода, но и различные почвы и камни, которые, как она предсказывала, придется пробивать. Похоже, она также развила свой талант, поскольку мы слышим, как она в следующий раз смогла обнаружить сокровища, даже ценные античные статуи, в интерьере домов, и, наконец, она достигла такой степени интуиции, что видела внутренние части человеческого тела и указывала на их болезни и дефекты.

Савойя кажется особенно благоприятным регионом для развития этого своеобразного дара, ведь если в Корнуолле считается, что им обладает каждый сороковой мужчина, то в Савойе жезл для гадания есть почти у каждого. Но что отличает талант в данном случае как *resu liar*, так это то, что он ни в коем случае не ограничивается обнаружением воды, а распространяется и на другие вещи. Одна очень богатая семья под названием Колломб, проживающая в Сессене, могла похвастаться тем, что не один ее член с помощью жезла и с забинтованными глазами обнаруживал не только денежные купюры, но даже иголки - очевидно, речь идет о случаях личной восприимчивости к присутствию металлов, чему способствовали электрические токи. Однажды, по крайней мере, дар оказался полезным. Из соседнего дома украли несколько мешков, наполненных пшеницей, и полиция не смогла обнаружить тайник. По просьбе друзей один из Колломбов взялся за поиски с помощью гадательной палочки; вскоре он нашел окно, через которое были вынесены мешки; затем он проследил за следом вдоль берега реки Черан и утверждал, что вор перебрался на другой

берег. В то время больше ничего не было обнаружено, но вскоре под подозрение попал мельник, живущий за рекой, сумки были найдены, а преступник отправлен на галеры". (*Revue Savoisienne*, 15 апреля 1852 г.) Доктор Майо, опираясь в основном на авторитет Джорджа Фэрхольма, упоминает ряд случаев, когда люди, принадлежащие ко всем слоям общества, проявляли тот же дар, но приписывает его эффективность присутствию токов Ода.

Жезл для гадания, первоначально представлявший собой веточку ивы или орешника, часто делают из металла, и складывается впечатление, что в таких случаях электрический ток, возникающий из подземных вод или металлов, входит в тело гадателя ноги, проходит через него и, наконец, воздействует на две ветви жезла, которые представляют собой противоположные полюса. Несомненно, что когда электрический ток прерывается, сила жезла приостанавливается. Доктор Майо рассказывает о своей знакомой в Саутгемптоне, которая по его просьбе использовала жезл для гадания из медной и железной проволоки, сделанный по подобию обычного орешника; он полностью отвечал цели, но когда концы, которых касались ее руки, были покрыты сургучом, он стал бесполезен; как только она приложила пальцы к незащищенному проводу, сила мгновенно вернулась. Это, безусловно, казалось убедительным доказательством существования электрического тока. Тем не менее многие считают, что во всех случаях жезл для гадания действует просто как продолжение рук и таким образом служит для того, чтобы сделать вибрации мышц более отчетливыми. Именно этой теорией они объясняют тот факт, который вызвал серьезные затруднения у таких осторожных исследователей, как граф Тристан и доктор Майо, что дар пользоваться гадательным жезлом зависит от состояния здоровья людей, у которых он был обнаружен.

VII.

ОВЛАДЕНИЕ.

"После этого святой Теофил заключил договор с дьяволом" - Acta, S. S., 4 февраля.

Многие формы безумия, как известно, сопровождаются устойчивой идеей, что страдалец постоянно связан с другим существом, другом или врагом, человеком, животным или просто тенью. Сомнамбулы также нередко воображают, что получают свои исключительные знания о скрытых вещах не благодаря интуиции или инстинкту, а через посредничество медиума, которого они воспринимают как ангела или демона. Существует, однако, третий класс случаев, гораздо более грозный, чем любой из упомянутых, в которых разум нарушен, а магические явления производятся агентством, по-видимому, полностью независимым от самого пациента. Это одержимость, вампиризм и зооантропия - три ужасные формы человеческих страданий, которые, к счастью, очень редки, ограничены определенными местами в пространстве, несколькими короткими периодами времени и только людьми самого низкого сорта.

Одержимость - это то ужасающее состояние сознания, которое заставляет пациента поверить, что он находится во власти чужого злого существа, которое на время получает полный контроль над его телом. Этой властью он злоупотребляет, изводя тело всеми мыслимыми способами, искажая черты лица до презрительного, дьявольского выражения, и, прежде всего, заставляя страдальца произносить циничные замечания и ужасные богохульства. Все эти явления основаны на разделении индивидуальности пациента, которое не может быть устранено никакими его усилиями и которое заставляет его смотреть

на злой принцип в его природе как на нечто вне себя и больше не подвластное ему. Явления, сопровождающие одержимость, слишком страшны по своей природе и в то же время слишком исключительны, чтобы мы не могли полностью и легко поверить, как думали многие благоразумные и даже благочестивые люди, что в этих случаях страждущим овладевает настоящий демон. Жестокая ненависть к религии, которая всегда является симптомом одержимости, естественно, будет способствовать такому предположению. Одержимые знают не только свои собственные грехи, но и грехи посторонних людей, и используют это знание с нескрываемой горечью и жестоким презрением; в то же время они чувствуют превосходство над другими людьми, с которыми могут вступать в контакт, как библейские бесноватые не переставали признавать во Христе Сына Божьего. Из многочисленных случаев современной одержимости, которые были исследованы, мы извлекли следующую информацию о ее реальной природе. Одержимость неизменно является разновидностью безумия, которое сопровождается исключительными способностями, вызывающими магические явления; ей также неизменно предшествует какое-либо серьезное расстройство или опасная болезнь. Первое может иметь чисто мужскую природу, так как насильственное принуждение воли, внезапные и подрывные нервные потрясения или длительное соблюдение ненавистного образа жизни могут привести к печальным последствиям. Отсюда частая встречаемость в монастырях, сиротских приютах и подобных учреждениях, где этот вид безумия, кроме того, может стать эпидемией. В других случаях причина бывает пустяковой, и тогда следует предположить наличие особой предрасположенности, которой нужен лишь решающий акт, чтобы довести взбудораженный разум до крайности. Но одержимость - это не просто поражение разума, это всегда болезнь тела, которая в смятенном и расстроеном воображении пациента персонифицируется в форме демона; поэтому чем серьезнее болезнь, тем сильнее демон. Как болезнь беспокоит пациента, лишает его аппетита и делает неприятным все, что ему раньше нравилось, так и демон не терпит никаких удовольствий, мешает любому наслаждению и постоянно бушует, особенно против религии, которая одна может дать утешение в таких случаях. Вспышки ярости у демонических существ, когда предпринимаются попытки изгнать или обратить их, хотя ничего, кроме молитв, предпринять нельзя, объясняются инстинктивным отвращением страдальцев к средствам, которые, по их мнению, совершенно не подходят к их случаю - примерно так же, как если бы обезумевших от голода людей кормили моральными аксиомами. Одержимость, наконец, иногда ограничивается частями тела, как, например, когда говорят о бесноватом, который был немым (Матф. ix. 32), и о другом, который был слепым и немым (Матф. xii. 22). В других случаях тело наделяется сверхъестественной силой, и известно, что четыре или пять сильных мужчин едва могли удержать хрупкую пятнадцатилетнюю девочку.

Особенность одержимости заключается в том, что во время самых сильных приступов ярости, сопровождающихся отвратительными криками и страшными искажениями, пульс не учащается, а физическая сила пациента не кажется ничуть уменьшенной. Однако болезнь, естественно, поражает всю его систему и со временем истощает ее. Одержимый, который, в отличие от сомнамбул, сохраняет во время пароксизмов полный контроль над всеми своими чувствами, никогда не говорит о демоне, который им владеет, но демон говорит о нем как о третьем лице, и в то же время о себе, что очень способствует распространенному мнению о реальном обитании демонов в этих несчастных людях. И все же после окончания пароксизма несчастный страдалец ничего не знает о том, какие ужасные вещи он совершил и какие страшные слова произнес; если ему рассказывают о случившемся, он ужасно шокирован и горько раскаивается в своих проступках.

Пароксизмы бывают двойными: в теле они проявляются как сильные конвульсии, сопровождающиеся сжатием горла и *глобулус истерикус*; слюна образуется в избытке, извергаются черные, похожие на уголь комки, а дыхание горячее и дурно пахнущее. В этой психической форме они выглядят как ярость демона против одержимого и против религии - фактически борьба пациента с самим собой и своими прежними убеждениями. Ос случае добрый принцип внутри него принимает, в отличие от демона, который олицетворяет злой принцип, форму ангела-хранителя, который утешает несчастного страдальца, когда его бросает из стороны в сторону, как корабль в бурю, и обещает ему помощь. Демон не всегда один; их может быть, как учит Священное Писание, семь, тысячи, или их имя может быть "Легионы", ибо эти видящие существа - лишь многочисленные представители определенных злых принципов, действующих в душе одержимого. Некоторым пациентам удалось проследить эту связь и обнаружить, что каждый симптом их болезни был олицетворен отдельным демоном, которому в пароксизмах они приписывали его причинение: Люцифер вызывал колющие и жгучие боли, Анциан - разрывающие и царапающие, Юниан - судороги конечностей и т.д. Страшные страдания, которым подвергаются демониаки, и еще более изнурительные конфликты в их душе часто доводят их до отчаяния и порождают мысли о самоубийстве. Во время этих пароксизмов борьба между светом и тьмой, небом и адом, вечным блаженством и проклятием, ангелом и дьяволом ведется с такой энергией и драматической правдивостью, что те, кто наблюдает за этим, склонны глубоко волноваться и часто страдают от резких переходов от сочувствия к ужасу и от искренней жалости к невыразимому отвращению. Как только дуализм в душе ослабевает, а вместе с ним и болезнь становится мягче, демон также становится спокойнее; наступает счастливый момент отдыха, который экзорцист называет периодом конверсии; и когда это однажды произошло, пациент уже не в состоянии отличить демона от себя, противоречия больше не существует, и он примиряется со своим истинным "я".

Не известно ни одного случая, когда бы одержимым стал интеллигентный, образованный человек; это ужасное несчастье выпадает исключительно на долю грубых и грубых натур, что объясняет грубость и грубость так называемых демонов. Лекарственные средства редко приносят пользу, поскольку болезнь уже достигла той стадии, когда разум поражен не меньше, чем тело. Изгнание бесов часто бывает успешным, но только косвенно, через твердую веру, которую страдалец все еще хранит в своем сердце. Великая догма о том, что Христос пришел в этот мир, чтобы разрушить дела лукавого, вероятно, прививалась ему с детства, и теперь, после долгого помрачения, может вновь начать проявлять свою высшую силу. Исцеление, однако, зависит не только от наличия такой веры, но и от превосходства, которое идея силы Христа приобретает над идеей силы дьявола. Поэтому симптомы одержимости нередко прекращаются при горячем призыве Спасителя, если экзорцист способен своей превосходящей силой воли создать в пациенте твердую веру в силу святого имени. Это изгнание демона, конечно, не что иное, как отказ от борьбы со злым принципом в душе страдальца, благодаря чему добрые импульсы становятся раз более доминирующими, и восстанавливается здоровое, естественное состояние души и тела.

Однако не следует упускать из виду, что взгляды на одержимость существенно менялись в разных народах и эпохах. Во времена пришествия Христа вера в реальную одержимость, обитание настоящих демонов в человеческих телах, была всеобщей, и к этой вере язык Священного Писания естественно приспособливает свои записи о чудесах.

Каббала и Талмуд содержат полные описания адского царства, противоположного небесному, с Смаалом как главой всех сатанистов или злых духов, бросающих вызов Иегове. Последним позволено обитать на земле бок о бок с сыновьями Адама, а иногда овладевать

ими и жить в их душах, как в собственном доме. В других случаях это был дух умершего человека, который, осужденный за грехи, совершенные при жизни, на скитания в виде демона, получал разрешение войти в душу живого существа. В Новом Завете упоминается как минимум семь случаев одержимости, начиная с женщины, чьи страдания приписывались просто дьявольским проискам, и заканчивая Марией Магдалиной, избавившейся от семи бесов, и Гадаринкой, у которой был "легион" бесов. Католическая церковь также всегда учила о существовании злых духов; в доктринальных трудах, однако, упоминается только один, Diabolus или Satanas. Хотя церковь последовательно придерживается теории фактической одержимости, она учит, что демоны не могут полностью завладеть человеческой душой, но только принудить ее к послушанию или принять добровольное подчинение. Поэтому их власть над телом также никогда не становится абсолютной, а всегда разделяется с душой страдальца. Среди протестантов многие ортодоксальные верующие считают одержимость простым заблуждением, практикуемым лукавым; другие признают ее существование, но приписывают ее душам умерших людей, а не демонам. Такова была доктрина древних греков, которым, как и римлянам, было известно лишь несколько редких случаев одержимости, которые они приписывали ушедшим духам. Так, Филострат в своей жизни Аполлония (l. iii. ch. 38) упоминает молодого человека, который в течение двух лет был одержим демоном, выдававшим себя за дух солдата, убитого в бою. Почти у всех народов мира есть записи об одержимости. Так, случаи, произошедшие в Китае и Японии, а также в Индийском архипелаге, объясняются влиянием определенных божеств, поскольку индусы не знают ни ада, ни дьявола. Ранние путешественники, такие как Блом и Рошфор, сообщают, что на некоторых островах Карибского моря злые духи, как считается, иногда овладевают женщинами, а затем позволяют им предсказывать будущее. По словам Эллиса, жители Сандвичевых островов сильно страдали от злых духов, обитавших в некоторых из их собратьев.

Только во второй половине прошлого века было установлено, что одержимость - это не что иное, как особая болезнь, возникающая в результате сочетания неуравновешенного ума с неуравновешенным телом. Это открытие впервые было сделано Фармером в Англии и Землером в Германии; с тех пор симптомы и характер этого заболевания были очень широко изучены и тщательно исследованы.

Так, было обнаружено, что подобные явления иногда наблюдаются при тифе и нервных лихорадках. Сначала пациентам кажется, что они чувствуют чье-то дыхание рядом с собой или дуновение холодного воздуха на голову; после долгой бессознательности они склонны воображать, что их удваивают, и, как известно, колеблются, куда нести ложку с лекарством. В еще более заметных случаях люди, страдавшие от последствий какого-то большого несчастья и оказавшиеся на краю могилы, даже изображали две разные личности, одна из которых была благочестивой, а другая - нечестивой, или одна говорила на родном языке пациента, а другая - на иностранном. По мере выздоровления и возвращения телесных и душевных сил этот дуализм также переставал проявляться во время пароксизма и, наконец, исчезал совсем.

Одержимость, как правило, проявляется за некоторое время до начала пароксизма благодаря предвестникам, но первую причину не всегда легко установить. Когда нам говорят, что причиной некоторых случаев стало поспешно сказанное слово, яростное проклятие или вспышка страсти, мы узнаем только, что было первым поводом, по которому было замечено заболевание, но не то, что было первой причиной. Почти всегда причина кроется в нравственном разложении; похоть плоти, похоть очей и гордость сердца - вот

наиболее частые источники этой страшной болезни. Иногда очень сильное и внезапное горе, например неожиданная смерть любимого человека, или слишком сильное знакомство с дурными мыслями в книгах или в разговоре приводят к тому же эффекту - фактически все различные причины, которые приводят к безумию, могут вызвать и одержимость. Не следует забывать и о серьезных телесных повреждениях. Один студент университета Галле считал себя одержимым, и этот случай некоторое время озадачивал опытных врачей, пока не выяснилось, что он получил сильный удар по голове, который потребовал трепанации. Однако прежде чем операция была предпринята, из уха начала сочиться материя, и он внезапно избавился от пароксизмов и всех мыслей об одержимости. Монастыри, естественно, очень часто становятся ареной одержимости - их обитателей либо мучают горькие угрызения совести за грехи, которые заставили их искать убежища в святом месте, где они не могут найти покоя, либо они поддаются строгости суровой дисциплины и не могут вынести постоянного лишения пищи и сна. Грех против Святого Духа, который несчастные вменяют себе в вину, привел ко многим случаям одержимости. Когда разум предрасположен к этому в результате сильных душевных мук или длительной внутренней борьбы, для определения начала болезни достаточно самого незначительного происшествия. Один пациент стал одержимым, потому что жена посоветовала ему обратиться к дьяволу, а другой, потому что в шутку изгнал демона из товарища по играм; то человек проклинает себя в момент страсти, то мальчик поспешно выпивает стакан холодной воды при перегреве, и оба становятся жертвами болезни.

Магические явления, сопровождающие одержимость, являются, безусловно, наиболее примечательными во всем диапазоне современной магии, но ряд наиболее поразительных из них часто идентичен тем, что наблюдаются в религиозном экстазе. Демониаки также демонстрируют следы повреждений, нанесенных демонами, как святые демонстрируют стигматы, и их раны заживают так же мало, как и у заклеянных. Они разделяют с религиозными энтузиастами пароксизмы, во время которых остаются подвешенными в воздухе, взлетают к потолку или переносятся на большие расстояния, не касаясь земли. Сила одержимых поражает. Монаха, известного в церковной истории как брат Рафаэль из Римини, невозможно было связать никакими веревками или цепями; как только его оставляли одного, он разрывал самые крепкие путы, взбегал на крышу церкви, бегал по самому верхнему гребню и часто оказывался сидящим на большом колоколе, к которому никто никогда не мог получить доступ. Наконец демоны привели его на самый верх шпиля и уже собирались, по его словам, сбросить вниз; внизу собрались настоятель, его монахи и огромная толпа людей, которые умоляли его призвать на помощь своего святого покровителя, чтобы спасти тело и душу. Неизвестно, каким чудесным образом в бедняге произошла перемена, но он возвысил голос, которого не слышал много лет, обращаясь к святому, и мгновенно к нему вернулся разум, он нашел дорогу в церковь и исцелился.

Наиболее частым симптомом одержимости является сильная антипатия ко всему, что связано с религией; святые имена Бога и Христа, присутствие священников, пение гимнов и чтение молитв вызывают сильную боль, провоцируют вспышки ярости. Даже маленькие дети проявляют такое отвращение, особенно если их ранее заставляли посещать церковь и заниматься богослужением против их склонности. Поэтому пароксизмы чаще всего случаются в часы богослужения или внезапно вспыхивают при виде процессии или звона колоколов. Сам симптом возникает, естественно, из-за воображаемого конфликта между добрым и злым началами, причем последнее постоянно вооружается против всего, что угрожает сокрушить его собственную силу. Все остальные симптомы этой страшной болезни проявляются и в танце святого Витта, и в каталепсии, и даже в обычных трансах; только они более заметны и производят большее впечатление на посторонних, потому что вызваны, по-

видимому, не самим пациентом, а посторонним агентом, демоном-собственником. Поскольку органы пищеварения во всех таких случаях возбуждаются симпатически и серьезно страдают, желание неестественной пищи возникает очень часто; предпочтение отдается самым грубым продуктам; нездоровые и даже вредные вещества с жадностью поглощаются; лекарства, как и укрепляющая пища, с яростью отвергаются. Страдающий склонен интерпретировать это как новую чуму: его демон отказывает ему в законном пропитании и заставляет питаться как животное.

Одним из самых примечательных исторических случаев явной одержимости, сопровождавшейся магическими явлениями, был случай с бабушкой Мирабо. Выйдя замуж совсем юной за старого маркиза, она после его смерти пыталась защитить себя от соблазнов мира и собственного сердца аскетической набожностью. На восемьдесят третьем году жизни на нее напала подагра, поразившая мозг, и она стала безумной, что по представлениям того времени называлось одержимостью. Пришлось закрыть ее в голой комнате с соломенным поддоном, куда не смел входить никто, кроме ее камердинера, семидесятилетнего мужчины, в которого она влюбилась! И, как ни странно, страшный недуг вернул ей прелести молодости; она, превратившаяся в скелет от старости и неустанной преданности, вдруг вновь обрела пухлость юных лет, цвет лица стал светлым и румяным, глаза яркими и ровными, волосы снова начали отрастать. Но, увы, изменился и ее язык: раньше она боялась произнести хоть слово, которое могло быть истолковано превратно, теперь же ее непокорный член произносил речи невероятной разнузданности и осыпал старого слугу ласковыми и грубыми намеками. В то же время отставной аскет стал яростным богохульником и не позволял входить в свои покои никому, кто не отрекся от Бога, угрожая убить его собственными руками, если он откажется. Четыре долгих года несчастная дама терпела свои страшные муки, пока смерть не избавила ее от страданий, но знаток истории проследит за ней не одну из поразительных черт в характере ее внука, Мирабо времен революции. (Bülau, *Geh. Gesch.*, xii.)

Облегчение, как правило, возможно только тогда, когда удастся овладеть разумом пациента; после этого можно применить соответствующие средства, и тело вернется к своему естественному здоровому состоянию. В некоторых случаях к излечению приводили удивительные происшествия, такие как внезапное звяканье цепей или особенно горячая и впечатляющая молитва. Даже ночной крепкий сон, вызванный полным изнеможением, имел самый счастливый эффект.

Создается впечатление, что, когда ход мыслей насильственно прерван, возвращение к разуму и отказ от застывших идей становятся возможными. Даже особенно сильный пароксизм может быть полезен; вероятно, благодаря жестокой борьбе и крайнему возбуждению, которые он вызывает. Многие пациенты при таких обстоятельствах падают на землю, теряя сознание, и через некоторое время просыпаются, как после сна, не в состоянии вспомнить, что произошло. В других случаях галлюцинации продолжаются до последнего момента и приводят к тому, что пациент воображает, будто демон покидает его в виде черной тени, птицы или насекомого. Такие выздоровления почти всегда сопровождаются энергичными попытками избавиться от посторонних предметов, которые засели в организме и во многом способствовали возникновению болезни. Экзорцизм, конечно, не имеет прямого действия: даже когда дается власть "изгонять бесов" (Мк. xvi. 17), не говорится, какими средствами должно осуществляться изгнание, кроме того, что это должно быть сделано во имя Спасителя. Формальности, тщательно регламентированные и предписанные многими постановлениями Церкви, начиная с третьего века, не приносят никакой пользы, кроме той, что пробуждают веру, вселяют надежду и освобождают разум от

мучительных сомнений. Игнатий Лойола никогда не исцелял одержимых иначе, чем молитвой. Уже в XVI веке был зафиксирован случай, наглядно иллюстрирующий истинную природу экзорцизма. После многих бесплодных попыток бес был изгнан частицей креста Спасителя, но, уходя, он громким голосом заявил, что прекрасно знает природу куса дерева; он был срезан с виселицы, а не с настоящего креста, тем не менее он был вынужден уйти, потому что так захотел экзорцист, и пациент верил в его силу. То же правило действует и в отношении исцелений, достигнутых с помощью реликвий; дело не в том, что они имели какой-то эффект, а в давно лелеемой одержимыми вере в то, что они могут и способны обладать такой силой над злыми духами.

Главное здесь - энергия воли изгоняющего, а то, что этот особый дар присущ отнюдь не только мужчинам, ярко продемонстрировала одна знаменитая дама, жена маркиза де ла Круа, который был испанским генералом и вице-королем Галисии. В молодости несравненная красавица с почти идеальными классическими чертами лица, она сохранила внушительную осанку и завораживающую грацию на протяжении всей долгой жизни и даже в старости вызывала восхищение всех, кто с ней соприкасался, не только превосходством ума, но и красотой глаз и очаровательным выражением черт. После смерти мужа ей пришлось многое пережить от пренебрежения большого мира, от болезней и нищеты, которые было вдвойне тяжело переносить, поскольку они составляли болезненный контраст с великолепием ее прежней жизни. Последствия сильного приступа болезни привели, наконец, к частичному расстройству ее разума, которое проявилось в видениях и способности изгонять демонов из одержимых. Ее теория заключалась в том, что, поскольку грехи людей вызывают их болезни, а причиной всех грехов является дьявол, болезни неизменно вызываются демоническим воздействием; однако она различала страдальцев, добровольно предавшихся греху, а значит, и служению дьяволу, и тех, кто по неосторожности попал в его руки. Ее практика была простой и безопасной: она не использовала ничего, кроме горячей молитвы и наложения рук, которые смачивала святой водой или маслом. Со временем она попала в Париж и там, среди множества скептиков, встретила с бесчисленным количеством верующих, некоторые из которых принадлежали не только к высшим слоям общества, но даже к секте вольнодумцев, занимавшей в то время видное место в столице Франции. Среди них были маршал Ришелье, граф Шомберг, участник знаменитого кружка в доме барона Хольбаха, и даже прославленный Бюффон. Когда она занималась экзорцизмом, ее внушительный рост, властный взгляд и повелительный голос помогали ей не меньше, чем ее совершенная вера и поразительное смирение, так что пациенты после недолгих колебаний охотно смотрели на нее как на святую, которая может, если только захочет, совершить чудо. С таким настроением послушание уже не составляло труда, и замечательная дама исцеляла всевозможные болезни, от скромной зубной боли до бешеного безумия. Даже когда ей не удавалось добиться успеха, как это часто случалось, она покоряла все сердца своей удивительной мягкостью и смиренным благочестием. Так, когда к ней привели одержимого в присутствии знаменитой компании, а все ее усилия и молитвы были бесплодны, она смело встала между разъяренным человеком и его друзьями, на которых он грозился напасть. У него пошла пена изо рта, и он в страшных конвульсиях и грозных проклятиях разразился длинной серией ужасных обвинений против бедной леди, обвиняя ее во всех реальных и множестве воображаемых грехов, пока она не смогла больше стоять на ногах. Однако она слушала, сложив руки на груди и возведя глаза к небу, а когда безумец наконец обессиленно опустился на землю, она упала на колени и сказала присутствующим: "Господа, вы видите здесь наказание, назначенное Богом за грехи моей юности. Я заслужила это унижение в вашем присутствии и готова терпеть его перед всем Парижем, если бы могла таким образом искупить свои проступки". (*Mém. du Baron de Gleichen*, p. 149.)

Одна из самых страшных особенностей одержимости - ее тенденция распространяться, как зараза, на целые сообщества. В истории зафиксировано множество подобных случаев. Монахи монастыря Кверси подверглись такому нападению в 1491 году и в течение четырех месяцев страдали от старшего до младшего, испытывая невероятные страдания. Они бегали по полям, как собаки, лазали по деревьям, подражали вою диких зверей, говорили на неизвестных языках и одновременно предсказывали будущие события. (Goerres, iv. II.) В 1566 году подобный недуг разразился в сиротском доме в Амстердаме, и семьдесят бедных детей стали одержимыми. Они также лазили по стенам и крышам, глотали волосы, иглы, куски стекла и железа, страшно искажали черты лица и конечности. Однако наибольшее впечатление на добрых жителей города произвели магические явления, связанные с их болезнью. Они рассказывали надзирателю и даже главному магистрату о своих тайных делах, раскрывали заговоры против протестантов и предсказывали события, которые вскоре произошли. В монастыре монахинь в Йсселе (Нидерланды) одна монахиня, Мария де Сайнс, стала причиной одного из самых страшных бедствий среди своих сестер, которые когда-либо были известны. От природы женщина превосходного ума, но увлеченная дурными страстями, она в конце концов поддалась борьбе между ними и строгими правилами своего затворничества; она начала обвинять себя в ужасных преступлениях и излишествах. Вся страна была поражена, ведь она считалась великой святой, а теперь вдруг призналась, что убила множество маленьких детей, выкапывала трупы и таскала бедных девушек на сходки ведьм. Все эти злодеяния, существовавшие лишь в ее расстроенном воображении, она приписала действию демона, которым была одержима, и не прошло и нескольких недель, как все монахини и сестры-мирянки в злополучном монастыре были одержимы точно таким же образом!

Об одном из самых недавних случаев одержимости сообщает епископ Люксембургский Лоран в своей брошюре на эту тему. В 1843 году к нему привели женщину тридцати четырех лет, которая была одержима с пятнадцати лет и демонстрировала удивительное явление: в спокойные минуты она не говорила ни на каком другом языке, кроме родного, а в пароксизмах по желанию использовала латынь, французский и немецкий. Когда добрый епископ пригрозил демону, тот в ответ набросился на него, беспокоя ночными визитами и внушая ему греховные сомнения в существовании Бога и действительности жертвы Христа. Этот факт показывает, как легко подобные душевные расстройства могут передаваться другим людям, если болезнь или душевная борьба подготовили для этого почву. К счастью, епископ сначала справился со своими собственными сомнениями и, укрепившись таким образом, овладел одержимой женщиной. Он приказал демону выйти из нее, после чего она впала в конвульсии и заговорила срывающимся голосом, но через некоторое время пришла в себя, и теперь ее лицо снова было свободно от мучений и "ангелоподобно". Другой епископ, которого попросили изгнать одержимых в Морзине, в Шабле, не добился такого успеха. В этом месте в 1837 году девочка девяти лет от сильного испуга впала в сон, похожий на смерть, который возвращался ежедневно и длился около пятнадцати минут. Через месяц еще одна девочка, одиннадцати лет, подверглась такому же приступу, и вскоре число страдальцев возросло до двадцати, все девушки моложе двадцати лет. Через некоторое время они заявили, что одержимы бесами, и стали бегать по полям, забираться на верхушки высоких деревьев и впадать в жестокие конвульсии. Местный священник и его викарий тщетно пытались остановить зло; девушки смеялись над ними. Когда в дело вмешались гражданские власти, их встретили оскорблениями и ударами; виновных оштрафовали, но их число неуклонно росло, и теперь в толпе встречались и взрослые женщины. Наконец официальные сообщения достигли Парижа, и министр отправил в деревню главного суперинтенданта приютов для умалишенных. Тот немедленно распределил всех пострадавших по прилегающим городкам и деревушкам, чтобы разорвать связь, а

священника и его vikария отправил к их начальнику, епископу Анси. Лишь несколько женщин выздоровели, несколько умерли, а один мужчина и вовсе скончался; другие, вернувшись в Морзин, рецидивировали, а в 1864 году болезнь начала распространяться еще более страшно, так что епископ Анси сам приехал изгонять одержимых. Семьдесят из них были доставлены в церковь, где разыгрались самые страшные сцены; вой и крики заполнили священное здание, семи или восьми сильным мужчинам с трудом удалось довести одного одержимого ребенка до алтаря, а когда он там оказался, бесноватые разразились ужасными богохульствами. Епископ, измученный сильным волнением и страдающий от серьезных ушибов, нанесенных ему несчастными женщинами, был вынужден покинуть это место, так и не добившись никаких результатов. Еще в 1869 году по приказу епископа Страсбурга и с согласия префекта департамента было проведено торжественное изгнание двух бесов. Церемония проходила в часовне Святого Георгия, в присутствии фрейлин-аббатис, под руководством генерального vikария епархии, при содействии других высокопоставленных лиц и настоятеля иезуитов. Два мальчика, которым предстояло получить облегчение, долгое время страдали от страшных видений и публично давали показания об одержимости, поскольку "двадцать или тридцать раз их выводили на общественную площадь в присутствии большой толпы и там они вырывали перья из ужасного чудовища, которое они видели над собой в угрожающей позе; эти перья они отдавали прохожим, которые обнаружили, что, когда их сжигали, от них не оставалось пепла". Когда двух детей привезли в дом сестер милосердия, они стали ясновидящими и открыли добрым дамам, хотя те никогда не видели их раньше, свои семейные отношения, свое происхождение и многие тайны. Они также говорили на неизвестных языках и демонстрировали все обычные явления одержимости. Официальный отчет, содержащий эти заявления и заканчивающийся восстановлением здоровья и рассудка, заслуживает доверия, поскольку его подписали несколько сотен человек, среди которых не обошлось без представителей власти, офицеров, профессоров и преподавателей.

Не приходится сомневаться в том, что танцевальная мания, неоднократно вспыхивавшая в разных частях европейского континента, была своего рода одержимостью. Факты зафиксированы в истории, а объяснение остается лишь предметом дискуссии. В 1374 году, когда в Льеже должны были освятить новую великолепную церковь, из Северной Германии прибыло множество людей; "мужчины и женщины, одержимые бесами, полуголые, с венками на голове и держа друг друга за руки, исполняли бесстыдные танцы на улицах, в церквях и домах". Когда они падали в изнеможении, у них случались спазмы и конвульсии; по их собственной просьбе приходили друзья и с силой давили им на грудь, пока им не становилось лучше. Вскоре их число достигло тысячи, и другие тысячи присоединились к ним в Голландии и Брабанте, хотя священникам часто удавалось изгнать их, когда их разум был еще достаточно здравым, чтобы вспомнить их раннее благоговение перед святыми людьми и веру в святые вещи. Некоторое время назад добрые жители Перуджи вбили себе в голову, что их грехи требуют искупления, и начали публично бичевать себя самым жестоким образом. Вскоре римляне заразились и последовали их примеру, после чего зараза распространилась, и вскоре по всей Италии мужчины, женщины и дети подвергали себя страшным наказаниям, чтобы изгнать злых духов, которыми они считали себя одержимыми. Знатные и скромные, богатые и бедные, старые и молодые - все присоединялись к толпам, которые днем заполняли площади и улицы, а ночью, под руководством священников, шли с развевающимися знаменами и пылающими факелами огромными армиями по всей стране. Мы также не можем закрыть глаза на то, что прыгуны и джеркеры методистской церкви представляют нам примеры того же психического расстройства, вызванного чрезмерным возбуждением, которое в прежние времена называлось одержимостью, и что, следовательно, эти отклонения, также бесконечно разнообразные, в зависимости от нравов

людей и привычек местности, в которой они происходят, должны быть причислены к явлениям современной магии.

ВАМПИРИЗМ.

Иногда одержимость приписывают не демонам, а умершим людям, которые по ночам выходят из могил и высасывают кровь своих жертв, после чего последние начинают чахнуть и в конце концов умирают жалкой смертью, а похороненный человек живет и процветает на своей злосчастной пище. Это и есть вампиризм, название которого происходит от некогда распространенной веры в существование вампиров, огромных летучих мышей, которые, обмахивая спящих людей своими мягкими крыльями, питались их кровью и покидали их только тогда, когда они превращались в трупы. Народное легкоеверие добавило к общей картине ряд ужасных деталей и поверило, что несчастные жертвы вампиризма сами становились после смерти вампирами и таким образом навсегда сохраняли страшное проклятие. Долгое время считалось, что вампиризм известен только народам славянской расы, но недавние исследования обнаружили его следы в Ост-Индии, а в Европе - у мадьяр. Даже в санскрите, по-видимому, уже был свой термин для обозначения вампиров - Писахас, "враждебные существа, жаждущие плоти и крови живых людей, которые удовлетворяют свою жестокую похоть в основном за счет женщин, когда те спят, пьяны или безумны".

Внимательные авторы, такие как Кальмет и другие, правда, всегда утверждали, что, хотя существование вампиризма нельзя отрицать, сопутствующие ему явления во всех случаях являются порождениями лишь больного разума. С другой стороны, хорошо известен тот факт, что тела так называемых вампиров при эксгумации были найдены свободными от тления, в то время как во всех окружающих их трупах разложение уже давно началось. Перед лицом таких фактов вампиризм нельзя сбрасывать со счетов как плод горячего и перевозбужденного воображения, хотя следует признать, что его истинная природа до сих пор остается глубокой тайной. Согласно распространенному мнению, необычная сохранность трупов свидетельствует о том, что смерть еще не получила полного господства над телом, а значит, душа еще не отошла в вечный дом. Говорят, что продолжается некая низшая органическая жизнь, и пока она длится, душа, как во сне, бродит среди знакомых сцен своей земной жизни и дает о себе знать друзьям своего прежнего существования. Продленная таким образом жизнь требует крови, чтобы поддерживать себя, и поэтому умы тех, кто вступает в магический контакт с душой вампира, наполняются кровожадными мыслями, которые представляются их воображению как желание сосать кровь и таким образом приводят к реальному исполнению. Тот факт, что вампиризм, как и многие другие подобные психические заболевания, носит эпидемический характер, привел к убеждению, что живые люди вступают в тесную связь с мертвыми и заражаются от них, в то время как на самом деле между ними нет никакой связи, кроме общего несчастья. Нельзя забывать и о том, что при этой болезни, как и при чуме, одной мысли о том, что тебя схватят, часто бывает достаточно, чтобы наступила смерть без каких-либо предупреждающих симптомов, отсюда и огромное количество смертей в тех местах, где, как считается, преобладает вампиризм. Ведь очень немногим из тех, кто подвергается нападению, удается спастись, а если они выживают, то на всю жизнь сохраняют следы от ран. Кроме того, наказание не всегда бывает незаслуженным: вампиризм редко нападает на людей с чистым сердцем и трезвым умом; напротив, он встречается исключительно среди полуварварских народов и только у людей грубых, диких и грешных.

Следы вампиризма были обнаружены в самых отдаленных уголках Земли, и часто без видимой связи. Греческие "брухолаки", настоящие вампиры, появление которых приписывалось прямому влиянию лукавого, возможно, были завезены многочисленными

переселенцами славянского происхождения (Huet, *Penseés Diverses*, Paris, 1722), но и в Финляндии, по словам Кастрена, существует почти всеобщее убеждение, что духи усопших обладают силой досаждать и мучить людей во сне, причинять им горе и болезни. На островах Сунда и Молуккских хорошо известен подлинный вампиризм, а даяки Борнео также верят в злого духа, который сосет кровь живых людей, пока те не умрут.

Однако Польша и Западная Россия на протяжении двух столетий были ареной, на которой происходило большинство этих ужасных трагедий. Сообщалось, что мужчин и женщин видели среди бела дня сосущими кровь людей и зверей, а в других случаях собак и даже волков подозревали в том, что они являются уфирами или вампирами, как называют кровососов в большинстве славянских диалектов. Ужас нарастал по мере того, как эти сообщения попадали в газеты и журналы, пока страх не заставил мужчин и женщин прибегнуть к привычному средству - смешать кровь с мукой, из которой готовили хлеб; они спаслись не благодаря каким-либо целебным свойствам, присущим этой ужасной смеси, а благодаря вере в действенность рецепта и моральному мужеству, проявленному при его применении. Чтобы предотвратить распространение эпидемии, тела вампиров выкапывали, а когда находили истекающими кровью, обезглавливали, закалывали или публично сжигали. В некоторых районах Венгрии болезнь проявлялась в виде белого призрака, который преследовал пациентов; они заметно худели и умирали через неделю или две недели. В основном именно в этой стране врачи, присутствовавшие при захоронении подозрительных тел, отмечали наличие более или менее значительного количества крови, которая была еще жидкой и придавала щекам красноватый оттенок. Некоторым свидетелям даже показалось, что они заметили попытку дышать, слабую пульсацию и легкое изменение черт лица; однако это, очевидно, было не более чем воздействие потоков воздуха, сопровождавших открытие гроба. Здесь же впервые возникло предположение, что животные подверглись нападению вампиров; коров находили рано утром истекающими кровью из раны на шее, а лошади стояли в стойлах, дрожали, покрытые белой пеной, и были так напуганы, что становились непригодными для использования.

Другой период волнения, связанный с рассказами о вампиризме, пришелся на середину прошлого века, когда вся Европа была сильно взволнована этим вопросом. Император Германии и другие монархи назначали комитеты ученых для исследования этого вопроса; богословы и скептики, философы и врачи принимали участие в дискуссии, и сотни томов были опубликованы по этому загадочному вопросу, но удовлетворительного результата так и не было получено. Многие объявляли все это басней или плодом больного воображения, другие считали это злокачественной и эпидемической болезнью, а некоторые - несомненной работой дьявола. Ученые люди исследовали труды древности и вскоре нашли больше следов страшной болезни, чем ожидали. Они обнаружили, что в Фессалии, Эпире и некоторых районах Пиерии, по сообщениям древних писателей, по ночам бродят люди и разрывают на куски всех, кого встречают. Ламийцы греков и стригои римлян, очевидно, принадлежали к одной категории, а поздние тимпаниты греков были людьми, умершими под запретом церкви и потому обреченными стать вампирами. Славянское население Моравии и Богемии в те времена было особенно богато случаями вампиризма, а в Венгрии их было так много, что император Карл IV поручил расследование этого вопроса принцу Вюртембергскому, перед которым предстало несколько случаев, полностью подтвержденных. Люди, умершие много лет назад, возвращались в свои дома, одни днем, другие ночью, а на следующее утро тех, кого они навещали, находили мертвыми и истекающими кровью. В одной деревне за три месяца таким образом умерло семнадцать человек, и во многих случаях, когда тела были выкопаны, их находили вполне живыми. В это время Сорбонна в Париже также занялась этим вопросом, но не пришла ни к какому выводу,

кроме того, что они не одобряют практику разворачивания тел, "потому что вампиры, как каталептики, могут быть возвращены к жизни кровопусканием или магнитным лечением", согласно мнению ученого доктора Пьерара. (*Revue Spirit.*, iv.)

Здесь мы, наконец, подходим к зерну истины, вокруг которого постепенно накапливалась масса народных суеверий, незнание которых привело к несчастной смерти сотен невинных человеческих существ. Нет никаких сомнений в том, что только случаи "приостановленной анимации" или кажущейся смерти породили целую серию страшных историй о вампиризме. Сами слова пересказа, относящиеся к тому времени и к тем районам, где был распространен вампиризм, доказывают правоту этого предположения. Эразм Франциск рассказывает, что в герцогстве Крайн был похоронен человек, которого подозревали в том, что он вампир. Когда его извлекли из могилы, то обнаружили, что его лицо покраснело, а черты лица двигались так, словно пытались улыбнуться; даже губы приоткрылись, словно задыхаясь. Перед его глазами было распятие, и священник громким голосом возгласил: "Мир! Это Иисус Христос, спасший душу твою от адских мук и претерпевший за тебя смерть!" Звук, казалось, проник в его ухо, и по щекам медленно потекли слезы. После короткой молитвы за его бедную душу ему приказали отрубить голову; послышался сдавленный крик, тело перевернулось, как будто еще живое, а когда голова была отрублена, в могилу вытекло много крови. Это был настолько явный случай, когда живого человека похоронили перед смертью, насколько это когда-либо было подтверждено. Подобные случаи также не так редки, как принято считать. Высокие авторитеты уверяют нас, что, например, после несовершенного отравления, при нескольких видах удушья, а также в случаях внезапного охлаждения новорожденных детей возникает состояние тела, которое представляет собой все симптомы полной остановки жизненных функций. Такая кажущаяся смерть, по мнению того же высокого медицинского авторитета, является периодом полного покоя, основанного на приостановке деятельности сердца, легких и всех спонтанных функций, часто распространяющихся на чувство осязания и даже на интеллект. В то же время естественное тепло тела снижается, пока, кажется, не исчезнет совсем. Продолжительность этого исключительного состояния неопределенна, иногда пациент внезапно просыпается и полностью владеет всеми своими способностями; в других случаях для восстановления жизни приходится прибегать к внешним средствам. Среди множества хорошо подтвержденных случаев такого рода доктор Майо упоминает два, представляющих особый интерес. Кардинал Эспиноса, министр Филиппа II Испанского, умер после короткого периода страданий. Его сан требовал, чтобы его забальзамировали, и для этой цели его тело было вскрыто. В тот момент, когда легкие и сердце были открыты для обозрения, хирург заметил, что последнее все еще бьется, и кардинал, очнувшись, нашел в себе достаточно сил, чтобы схватить рукой нож оператора. Другой случай произошел с известным французским писателем, аббатом Прево, который упал замертво в лесу Шантильи. Его безжизненное тело было найдено и отнесено в дом священника по соседству. Хирург приписал его смерть апоплексии, но власти распорядились провести своеобразное коронерское дознание, и тело было вскрыто. Во время операции аббат вдруг издал вопль страдания - но было уже поздно!

Если некоторое количество подобных случаев кажущейся смерти действительно породило веру в вампиризм, то можно предположить, что этот вид транса, к которому может существовать особая предрасположенность у той или иной расы, может временами приобретать характер эпидемии. Люди, отличающиеся особой нервозностью, будут готовы подвергнуться такому воздействию, а местность, в которой это произошло, вскоре может приобрести незавидную репутацию. Даже если эпидемия не проявляется в полную силу, расстроенная нервная система будет склонна к ночным снам и дневным сплетням на смертельно привлекательную тему, и пациенту вскоре приснится или он действительно

вообразит, что ночью к нему явился человек, умерший от этой болезни, и забрал у него силы, или, в его возбужденном воображении, высосал кровь его жизни. Таким образом, даже популярная манера говорить о ночных визитах "призрака вампира" оказывается не такой уж безосновательной, как может показаться на первый взгляд, и легко доказать, что суеверие не просто абсурдно, но и основано на небольшой доле истины.

Примечательно, однако, что германская раса никогда не приводила примеров вампиризма, хотя их древняя вера в Вальхаллу, где их ушедшие герои роскошно пируют, и их обычай класть еду в могилы своих друзей, казалось бы, должны были примирить их с мыслью, что люди продолжают жить в своих могилах.

Насколько, к сожалению, живучи подобные суеверия среди низших рас и в особо невежественных сообществах, можно судить по тому факту, что в 1861 году крестьяне одной из деревень Галисии выкопали два трупа и обезглавили их. Жители считали их вампирами, которые вызвали затянувшуюся непогоду!

ЗООАНТРОПИЙ.

Еще более страшной, чем вампиризм, является болезнь, очень распространенная уже во времена античности, которая заставляет людей думать, что они превратились в зверей, и действовать так же, согласно логике безумия. Петроний, вероятно, первым упоминает в своем "Пире Тримальхиона" случай ликантропии, когда Никерос рассказывает, как некто, путешествовавший вместе с ним, сбросил с себя одежду, превратился в волка и убежал в лес. Когда он вернулся домой, то обнаружил, что волк набросился на его стадо, но был ранен копьем в шею слугой. Тогда он отправляется навестить своего попутчика и находит его больным в постели с лекарем рядом, который перевязывает уродливую рану на его шее. Известный писатель позаимствовал этот эпизод у аркадян, грубого народа пастухов, на стада которых часто нападали волки, и среди которых были весьма распространены рассказы о превращении людей в диких зверей. Не стоит забывать и о дочери аргосского царя Прита, которая считала себя превращенной в корову, и о Навуходоносоре, который, согласно его собственному трогательному рассказу, "был изгнан от мяса, ел траву, как вола, и тело его было мокрым от росы небесной, пока волосы его не стали как орлиные перья, а ногти - как птичьи когти" (Даниил iv. 33). (Ранние времена христианства, естественно, полны подобных происшествий, но что примечательно, зооантропия уже тогда рассматривалась как простое заблуждение. Однажды святой Макарий увидел большую процессию, приближавшуюся к его скиту в Египте; ее возглавляли несколько человек, которые вели за уздечку большую и внушительного вида женщину, а за ними следовала толпа людей всех возрастов. Когда они приблизились, то сказали его ученикам, что женщину превратили в кобылу, и она три дня и ночи оставалась без еды - не мог бы святой помолиться над ней и вернуть ее в естественное состояние? Заблуждение оказалось настолько сильным, что ученики сразу же увидели кобылу, а не женщину, и отказались пускать животное к отшельнику! К счастью, тот сохранил самообладание; он упрекнул своих последователей, сказав: "Вы - настоящие звери, которые воображают, что видят то, чего не существует. Эта женщина не изменилась, но ваши глаза обмануты". Затем он облил ее святой водой, и все сразу же увидели ее в естественном облике. Он отпустил ее и ее сопровождающих со словами: "Ходите чаще в церковь и принимайте святыя причастия; тогда вы избежите столь страшного наказания".

В средние века подобная болезнь существовала во многих частях Европы; людей превращали в собак или волков, иногда в качестве божественного наказания за великие преступления, иногда в результате заблуждения, порожденного сатаной. Такие несчастные

ходили на четвереньках, нападали на людей и зверей, но особенно на детей, убивали и пожирали их. Они напугали многих людей, заставив их поверить в это заблуждение так же уверенно, как они сами в него верили! Ведь в том-то и состоит один из особо страшных магических феноменов зооантропии, что она склонна вызывать у здоровых людей те же заблуждения, что и у страдающих ею. Известно также множество случаев, когда люди, лежащие в глубоком сне наркотическими мазями, видели видения, и им казалось, что они действуют как волки. В 1598 году такая болезнь свирепствовала как эпидемия в горах Юра, пока французский парламент не решил покончить с ней, рассматривая всех страдающих либо как сумасшедших, либо как одержимых дьяволом и потому заслуживающих немедленной смерти. У славянских народов и мадьяр ликантропия настолько тесно связана с вампиризмом, что не всегда легко провести границу между этими двумя заболеваниями. Однако нет сомнений, что это всего лишь разновидность одержимости, возникающая из одного и того же несчастного состояния, когда в душе развивается дуализм, и две воли борются друг с другом за первенство, нанося тяжкие увечья духу и телу. Единственная отличительная особенность заключается в том, что при ликантропии нарушаются функции не только мозга, но и кожи, и поэтому создается впечатление, что она волосатая и лохматая, как у диких зверей.

Немецкий *Währwolf* (волк или человек-оборотень) - то же самое, что ликантроп у скифов и греков и *версипеллис* у римлян; в германской мифологии он был связан с Воденом. Отсюда, вероятно, и та готовность, с которой болезнь в Средние века овладела умами немцев; впрочем, в тот период почти все народы Европы твердо верили в реальность подобных изменений.

Еще в начале XVI века подобные случаи происходили во Франции, где одержимых называли *loups-garoux*. Так, молодой человек из Безансона предстал перед государственным советником *де л'Анкра* в Бордо и был обвинен в том, что бродит, как дикий зверь, по окрестным лесам. Он охотно признался, что был охотником на службе у своего невидимого хозяина, дьявола, который превратил его в волка и заставил бродить по стране рядом с другим, более сильным волком. Бедняга разделил обычную судьбу своих собратьев по несчастью, которых либо подвергали резкой процедуре экзорцизма, либо просто казнили как еретических преступников.

В наши дни ликантропия почти полностью ограничивается Сербией и Валахией, Волынью и Белой Русью. Там, однако, болезнь часто вспыхивает вновь, и народные поверья знают множество средств, с помощью которых человека можно превратить в волка; от настоящего волка животное отличается хвостом, обрезанным до колен, и заметным предпочтением крови маленьких детей.

В Абиссинии, по словам Пирса, существует вера в то, что люди иногда превращаются в гиен - волков этой страны, но эта печальная привилегия ограничивается рабочими по обработке глины и железа, называемыми у амхаров *боода*, которые носят золотую серьгу особой формы, чтобы отличаться от других низших каст.

Таким образом, становится ясно, что, как и все другие разновидности одержимости, зооантропия также является просто разновидностью безумия, и наше веселье по поводу чудесного поведения оборотней исчезнет, если мы вспомним, какие изменения происходят в человеке с потерей разума. В этом печальном состоянии он переносит усталость, холод или жару, голод так, как не научится ни один здоровый человек; ему не страшны самые жестокие наказания, ведь его тело почти бесчувственно, оно перестает быть восприимчивым к заразным болезням и требует в болезни двойных или тройных доз лекарств. Если мы

однажды узнаем точную природу галлюцинаций безумца, то его действия будут выглядеть вполне последовательными, так и ликантропия не только производит тонкую связь с превращением в волка, но и заставляет страдальца вести себя во всем подобно животному, которое он представляет.

VIII.

МАГНЕТИЗМ.

"Велика сила руки".

Святой Августин, соч., iv. 487.

Месмер, который был первым, кто сделал анестезирующие эффекты определенных пассов рукой над телом пациентов известными публике, первоначально пытался объяснить их действием электричества; но уже в 1773 году он приписал их магнетизму. С того дня он использовал магниты и, проводя ими по больным частям тела своих пациентов, в течение многих лет проводил замечательные сеансы лечения в городе Вене. Он считал магнит врачом, который лечит пациента тем же способом, каким он притягивает железо. Вскоре, однако, он познакомился со знаменитым отцом Гасснером из Ратисбона, который добился точно таких же результатов без магнита, простыми манипуляциями, и отныне он также лечил своих пациентов только рукой, но сохранил прежнее имя, рассматривая теперь себя и других, наделенных таким же образом, как обладающих силой сильного магнита. Тем временем один из его учеников, маркиз де Пюисегюр, совершенно случайно открыл особую природу сомнамбулизма, и с редкой прозорливостью воспользовался моментами ясного сознания, которые иногда прерывали транс, чтобы узнать у самих пациентов способы лечения их болезней. С этого момента он посвятил весь свой досуг изучению этих необычных, но самых полезных явлений, применяя лишь простейшие манипуляции вместо более возбуждающих средств, использовавшихся Месмером, и принося огромную пользу своими разумными лечениями.

Со временем Месмер перенял более совершенный метод своего бывшего ученика, и теперь его система была завершена. Он использовал магнетизм в чисто практических целях: лечил болезни, погружая хорошо подготовленных людей в особый сон, вызванный намагничиванием, и пользовался эффектами этого полусна на их разнообразные конституции в своих лечебных целях. В то же время, однако, он приписывал влияние, которое, как он утверждал, оказывал на людей, которых он таким образом намагничивал, очень тонкой, всепроникающей среде; она, по его утверждению, была единственной причиной движения, света, тепла и самой жизни во Вселенной, и это, как он заявлял, он передавал своим пациентам в достаточной степени, чтобы производить поразительные, но неизменно благотворные результаты. Хорошо известно, как его переезд из Вены, где он начал свою замечательную карьеру, в Париж увеличил почти в равных пропорциях число восторженных поклонников и злобных противников. Несмотря на неблагоприятное решение, вынесенное комитетом Академии в 1784 году, его новые доктрины быстро распространились по всем провинциям; почти в каждом городе были созданы так называемые Гармонические

общества, и возникло множество учреждений, основанных на новой системе магнетизации пациентов. Любопытно, что из девяти членов комитета, среди которых Франклин занимал не последнее место, только один, великий ученый Жюссье, отказался подписать доклад, "поскольку он был основан на нескольких отдельных фактах", и прислал отдельный мемуар, в котором описывал животное тепло как универсальный агент жизни. Не менее любопытные возражения были сделаны и другими; так, в другом докладе Академии королю предлагалось запретить практику магнетизма, поскольку она "опасна для нравов народа", а в большом госпитале Шарите лечение магнитом было запрещено, поскольку "новая система долгое время вызвала жаркие дискуссии между наиболее осведомленными учеными!" В 1825 году Академия назначила второй комитет для расследования вопроса, который в итоге пришел к твердому убеждению в подлинности и эффективности магнетизма и рекомендовал продолжить изучение этой важной отрасли психологии и естествознания. После этого было поручено создать постоянный комитет, который подтвердил большое количество важных фактов; но в 1840 году и впоследствии еще не раз перед августейшим органом выносились неблагоприятные отчеты, которые принимались незначительным большинством голосов.

В Англии магнетизм встретил яростную и ожесточенную оппозицию, факультет был не на шутку разгневан этим новым и неожиданным конкурентом за гонорары и репутацию. Доктор Эллиотсон, профессор Лондонского университета и директор крупной больницы, был вынужден отказаться от должности из-за враждебности, вызванной его отстаиванием новой доктрины. После этого споры, хотя и не менее ожесточенные, велись более вежливо, и в целом предмет получил все то внимание, которого он заслуживал. Только в Германии магнетизм был законодательно признан научным методом в рамках лечебного искусства, а ведущие державы, такие как Пруссия, Австрия и Саксония, допустили его применение в государственных больницах. К сожалению, наряду с многочисленными подлинными случаями с самого начала появилось много обмана и самозванства, что привело к тому, что многие выдающиеся люди стали скептиками. Российское правительство ограничило разрешение практиковать магнитное лечение "хорошо осведомленными" врачами; но Святая курия, папская власть, признав магнетизм сначала как доказанный факт, впоследствии запретила его декретом инквизиции (21 апреля 1841 года) как способствующий "неверности и безнравственности". Несмотря на все эти препятствия, магнетизм в его различных разновидностях - сомнамбулизме и ясновидении, месмеризме и гипнотизме - получил всеобщее признание как ценная доктрина и привел к изданию обширной литературы.

Магнетизеры утверждают - и не без некоторого основания, - что их искусство не было неизвестно в древности и особенно упоминается в Священном Писании. Свое утверждение они основывают на том значении, которое с незапамятных времен приписывалось действию руки как порождающему видения и наделяющему даром пророчества. Когда Елисея призвали предсказать исход войны с Моавом, он послал за менестрелем, "и когда менестрель играл, *рука Господня сошла на него*" (2 Цар. iii. 15). (Подобным образом "*рука Господня была на Иезекииле*" среди пленников у реки Хевер, и он пророчествовал (Иезекииль i. 3); спустя годы он снова говорит: "*Рука Господня была на мне вечером*" (xxxiii. 22), и еще раз: "*рука Господня была на мне*" (xl. 1). Очевидно, что в соответствии с библейским обычаем в этих случаях способ действия, приписываемый Богу, описывается в соответствии с обычаем, преобладающим среди людей, и что "*рука на людях*" представляла собой обычный метод введения их в транс. Но это возложение руки на человека отнюдь не ограничивалось случаями видений; оно использовалось также при благословениях и жертвоприношениях, при посвящениях и чудесных исцелениях. Данииел почувствовал прикосновение руки, которая "*поставила меня на колени мои и на ладони мои*" (Дан. x. 10), а

вскоре после этого та же рука "укрепила его" (17); и даже в Новом Завете эта высокая привилегия выражена словами: "Рука Господня была с ним" (Лк. i. 66). (В других случаях вместо руки подменяется палец, как, например, когда маги фараона сказали: "Это перст Божий" (Исход viii. 19), а две скрижали свидетельства, как говорят, были "написаны перстом Божиим" (Исход xxxi. 18); точно так же и Христос сказал: "Если Я перстом Божиим изгоняю бесов" (Лк. xi. 20). (Что делает эту ссылку на палец и руку в восточной магии и в библейском языке особенно интересной, так это тот факт, что ни греки, ни римляне никогда не ссылались подобным образом на этот орган. Очевидно, что только эти народы, обладавшие древней мудростью Востока и открытыми знаниями избранного народа, были полностью знакомы с силой, которую может проявить рука человека в особых обстоятельствах, и поэтому рассматривали ее и в Боге, как инструмент, с помощью которого вызывались видения и совершались чудеса. Отсюда, несомненно, и таинственная рука, которая с незапамятных времен использовалась как одна из эмблем верховной власти, часто называемая рукой правосудия, но, очевидно, символизирующая "руку Божью", которая покоится на монархе, правящем "по милости Божьей". Магнетизеры связывают все эти способы использования руки со своим собственным методом, который почти неизменно состоит в определенных пассажах, совершаемых всей рукой или одним или несколькими пальцами.

Что бы ни думали об этой связи между значением "рука" в библейском языке и магнетизмом наших дней, не может быть никаких сомнений в том, что древние уже были хорошо знакомы с явлениями, которые поразили наш век как нечто совершенно новое. Так называемый храмовый сон греков был почти идентичен современному сомнамбулизму, с той лишь существенной разницей, что тогда богов Олимпа видели и оказывали им помощь вместо святых средневековья и медиумов наших дней. Благовония, минеральные воды, наркотические травы, отвары стрихноса или халикакабума, по словам Плиния, использовались для наступления особого сна. ("Hist. Nat." l. xxi. ch. 31.) Пациенты засыпали, лежа на шкурах недавно убитых животных в храмах Эскулапия и других благодетельных божеств, и во сне видели сны с откровениями, предписывающими соответствующие средства. Жрецы также иногда видели сны для своих посетителей за определенную плату или, по крайней мере, толковали чужие сны. Даже магнетизм с помощью прикосновений был прекрасно знаком древним, как следует из слов Плавта: "*Quid, si ego illum tractim tangam, ut dormiat?*" (Что, если я буду прикасаться к нему через определенные промежутки времени, чтобы он заснул?) Плутарх даже говорит о магнетизме прикосновением ног, как это практиковал Пирр. Другие авторы обнаружили, что римские сивиллы, как и друиды кельтов, были не более чем хорошо обученными сомнамбулами, а вскоре отчетливые следы подобной практики были обнаружены и в летописях египтян.

Об одном из самых ранних случаев, который был тщательно исследован и за которым внимательно наблюдали, сообщает доктор Петен из Лиона в своем знаменитом "Мемуаре о каталепсии и сомнамбулизме". (Его пациенткой была дама, которая кормила своего ребенка с таким пренебрежением к собственному здоровью, что вся ее система была подорвана. После приступа жесточайших конвульсий, сопровождавшихся явным безумием, она вдруг начала смеяться, произносить ряд умных и остроумных изречений и, наконец, разразилась прекрасными песнями; но ужасный кашель с кровотечениями положил конец кризису. Подобные приступы случались все чаще, во время них она могла читать с закрытыми глазами то, что ей клали в руку, определять час и минуту на часах, просто прикасаясь к стеклу, и называть содержимое карманов прохожих. Она заявила, что видела все это с разной отчетливостью: некоторые вещи - ясно, другие - как сквозь туман, а третьи - только с большим усилием. Репортер выражает уверенность, что желудок в этом случае выполнял все функции органов чувств, а эпидермис с его сетью тонких нервов действовал вместо обычных

органов. Петен также первым вступил в прямые отношения со своей сомнамбулой; он мог по желанию вызывать у нее ясновидение и добиваться от нее понимания, когда направлял свой голос на единственную чувствительную часть. Постепенно, однако, выяснилось, что степень тесного общения (*rapport*) между двумя сторонами зависит в такой же степени от соответствия характеров, как и от энергии воли магнетизера и силы воображения пациента. Делёз, один из профессоров *Jardin des Plantes* в Париже, уделял много внимания этому вопросу и в своих многочисленных публикациях утверждал существование магнитного флюида наряду с высшей силой, которой наделены некоторые люди, и что оба они используются для воздействия на других. Он часто и яростно подвергался нападкам за свои убеждения, особенно после того, как стало известно о нескольких случаях хитроумного обмана. Ибо очень скоро врожденное стремление к известности заставило многих людей притворяться сомнамбулами и искусно имитировать явления ясновидения, проявляя, как это нередко бывает, в этих попытках мастерство и упорство, которые обеспечили бы им большой успех в любом законном предприятии. Появилось несколько томов, в основном в Германии, в которых утверждалось, что они содержат рассказы о чудесных исцелениях, достигнутых с помощью магнетизма, которые при проверке оказывались полностью вымышленными. Франция, однако, изобиловала самозванцами больше, чем любая другая страна, и в начале этого века там под маской месмеризма проводились все виды обмана и мошенничества. Молодые девушки, стимулируемые большим вознаграждением и хорошо обученные больничными хирургами, подвергались жестокому обращению и утверждали, что во время хорошо симулированных трансов открывают непогрешимые средства от тяжелых болезней. Последователи Месмера унизили его искусство, превратив его в веселое развлечение или прибыльную выставку, без учета правдивости и без почтения к науке. Даже политические интриганы и финансовые спекулянты воспользовались новым открытием; точно так же, как в наши дни используются спиритические обманы и родственные трюки. В Англии и в Союзе дела с месмеризмом обстояли не лучше; особенно у нас, он быстро попал в руки шарлатанов и шарлатанок, которые сделали его источником прибыли; в то же время он принял различные новые названия, такие как, электробиология, гипноз и другие.

Идея о том, что сомнамбулизм является следствием ангельского или демонического влияния, когда-то была широко распространена, но уже давно уступила место более научным взглядам. Однако нельзя сказать, что истинная природа действующего принципа до сих пор полностью выяснена, и пока результаты месмеризма следует отнести к магическим явлениям. Ясно только, что власть, которую сильная воля магнетизера, очевидно, осуществляет над пациентом, и тот факт, что эта энергия действует через руки как органы. Пациент, со своей стороны, подвергается при таком воздействии чужой воли полному изменению своей индивидуальности; действие его мозга изменяется, и он впадает в магнетический сон. Многие умные сомнамбулы однозначно заявляли, что они подчиняются воле своего хозяина, а не его рукам; что манипуляции, по сути, служат лишь для передачи этой воли внутреннему чувству. Установлена ли связь, которая, очевидно, существует между двумя сторонами, только моральными агентствами или бесконечно тонким флюидом, который, возможно, является Одом барона Рейхенбаха - этот вопрос остается пока нерешенным. Совершенно определено лишь то, что ни одной воли не достаточно, чтобы произвести магические явления магнетизма, ни тепла, ни электричества, как утверждал физик Паррот; так же мало может электромагнетизм, без посторонней помощи, быть причиной таких результатов, хотя великий Робиньо упорно утверждал его силу; человек представляет собой дуализм духа и тела, и оба должны быть подвержены влиянию в равной степени и вместе, чтобы достичь совершенного мастерства. Наиболее правдоподобное объяснение, предложенное учеными, заключается в том, что по воле магнетизера его собственная нервная и психическая система принимает определенное состояние, которое

меняет состояние субъекта на противоположное, парализует некоторые мозговые функции и заставляет его впасть в состояние, напоминающее сон. Более сильный и здоровый человек воздействует на нервную систему слабого и менее здорового в соответствии со своей собственной более или менее ярко выраженной индивидуальностью, и духовное влияние, естественно, развивается в тех же пропорциях, что и материальное. Таким образом, мысли и чувства, убеждения и вера магнетизера отражаются на разуме его подопечного. Даже сам Месмер еще не достиг этой точки зрения; до самой смерти он приписывал силу магнетизера волнам универсального флюида, приводимого в движение высшей энергией специально наделенных людей. Согласно его доктрине, мысли передавались с помощью этого таинственного флюида точно так же, как свет и звук распространяются по волнам окружающего нас воздуха. Они исходят из мозга и нервов одного человека и достигают мозга и нервов другого человека таким незаметным образом; чтобы отправить их на задание, требуется воля; чтобы принять их - готовность и определенная природная предрасположенность, поскольку есть люди, неспособные к такому контакту, как и те, кто лишен зрения или слуха. Поскольку проводящая жидкость гораздо тоньше тончайшего воздуха, пронизывает всю Вселенную и имеет близкое сходство с жидкостью, приводящей в движение наши нервы, то нет иного предела волевому воздействию со стороны так называемого магнетизера, кроме силы его воли. Если он обладает ею в достаточно высокой степени, то может воздействовать на тех, кто находится под его влиянием, даже на самом большом расстоянии. Более того, если его влияние достаточно эффективно, сомнамбула приобретает новые, доселе неизвестные способности; он видит внутренности собственного тела, распознает его дефекты и болезни и вновь пробудившимся инстинктом воспринимает то, что необходимо для восстановления его идеального порядка. Таковы были взгляды Месмера.

Кроме этой теории, время от времени публикуются и другие, причем учеными почти всех стран - даже современные философы, например немец Шопенгауэр, вступают в списки в защиту своих любимых идей. Наиболее яркая точка зрения, опубликованная в последнее время, содержится в работах графа Робиано, ученого аббата и блестяще успешного магнетизера. Он приписывает все явления сомнамбулизма чисто физической активности нервов и предлагает назвать свою новую физическую науку нейрургией. Он отождествляет нервный флюид с гальванизмом и вольтовым электричеством и утверждает, что с помощью гальванической батареи можно получить все те результаты, на которые претендует месмеризм. Он также утверждает, что гальванические кольца, браслеты, пояса и ожерелья немедленно вызывают сомнамбулизм у хорошо подготовленных людей, а уголь, поднесенный к ноздрям сомнамбула в глубоком сне, мгновенно пробуждает их и в то же время освобождает конечности, находящиеся в каталептической ригидности. Алебастр, сода и воск оказывают аналогичное действие, но менее быстро, а ветер от пары мехов обладает равной силой. Согласно его теории, токи того, что он называет гальвано-нейроргическим флюидом, способны вызывать все известные симптомы и явления мышления - от идиотизма до гениальности, от бессознательного сна до высочайшего возбуждения; процесс, посредством которого эти результаты могут быть получены, - это приостановка жизненного равновесия в результате болезни, опьянения, воздержания, длительного поста и молитвы и тому подобное. Если чудесная жидкость неравномерно распределяется по системе, наступает каталепсия. Новизна и сила доктрин Робиано привлекли большое внимание, но серия экспериментов, проведенных выдающимися людьми, вскоре доказала, что гальванизм сам по себе ни в коем случае не приводит к сомнамбулизму, а неизменно требует помощи воли, которую ученый итальянец в своей скромности, вероятно, недооценивал, а то и вовсе упускал из виду.

Скорее любопытно, чем действительно интересно, что китайцы вот уже почти одиннадцать сотен лет верят в присущую каждому человеку силу, называемую ю-ян, которая идентична универсальному ю-ян. Согласно этой точке зрения, каждый человек, наделенный соответствующими способностями, может распоряжаться своим собственным ю-ян и распространять его часть на других, чтобы излечить их недуги. Французский миссионер Амиот сообщил об этом Пюисегюру (*Du Magnétisme Animal*, Paris, 1807, p. 387) и рассматривал ю-ян как универсальную жизненную силу, которая порождает все.

Прежде чем с высокомерной улыбкой отбросить любую подобную теорию в Китае или на родине, стоит вспомнить, какой прием встретило первое откровение об электричестве в человеческом теле среди наших ученых. Доктрине пришлось пройти через обычные три стадии: презрение, споры и окончательное принятие. Джон Уэсли, более ста лет назад, сказал об этом: "С какой яростью ей противостояли! Иногда с пренебрежением, как будто от нее мало пользы, иногда с помощью таких аргументов, какие были, а иногда с помощью таких предостережений от ее дурных последствий, что тысячи людей боялись с ней связываться". Каждый учебник учит, что все созданные живые тела обладают электричеством, а некоторые люди, животные и растения - в очень высокой степени. Чтобы установить эту истину, бедной киске пришлось немало пострадать, чтобы испускать электрические искры, а чувствительному растению - показать, как его листья

"С быстрым ужасом отлетают от соседней руки".

и черпает из них электричество, которого в нем содержится больше, чем в других растениях. Врачи узнали, что больной оспой не может быть наэлектризован: его тело полностью заряжено и отказывается получать больше электричества, в то время как из тела больного, умирающего от холеры, можно извлечь искры. Теперь эта некогда презираемая сила, в виде вольтова электричества, украшает наши столы произведениями электропластинчатого искусства, разносит наши мысли по всему земному шару, взрывает скалы, стреляет из пушек и торпед и даже звонит в колокола наших домов. Теперь маленькие цепные батарейки, которые можно носить в жилетных карманах, производят мощные разряды и лечат тяжелые болезни, а крошечные ленты, которые еще могут разлагать воду в пробирке, носят тысячи людей в качестве защиты от сильных страданий и полной прострации. То, что в данном случае произошло с электричеством, вполне может стать судьбой и новой силы, которая является истинным агентом всего того, что мы небрежно называем магнетизмом.

Сомнамбулизм и ясновидение, какими бы средствами они ни были вызваны, отличаются от снов и лихорадочных фантазий тем, что внешние органы чувств становятся неактивными, а вместо них начинает действовать особая внутренняя жизнь, при этом субъект находится в полном сознании. Магические явления, естественно, бесконечно различаются в зависимости от натуры пациентов. В большинстве случаев сон является единственным результатом магнетизма; несколько человек становятся настоящими сомнамбулами и начинают говорить, сначала очень невнятно, потому что органы речи частично заблокированы, а сознание не полностью пробуждено. По мере того как спазмы прекращаются, речь становится более свободной, а по мере прояснения сознания мысли также проявляются более отчетливо. Эти симптомы обычно сопровождаются другими, различного характера, от простого жара в конечностях и болезненных всхлипываний до настоящего обморока. Однако почти во всех подобных случаях нервная система страдает от сильного потрясения, и это вызывает спазмы более или менее ужасающей силы. Нрав

страдальцев - а они все в той или иной степени таковы - варьируется от глубокого уныния до ликующего блаженства, но он так же изменчив, как у детей, и слишком часто напоминает капризное и непонятное психическое состояние умалишенных.

Те, кто впервые погружается в магнетический сон, обычно чувствуют после пробуждения, будто в них произошла большая перемена; они склонны оставаться серьезными и, по-видимому, погруженными в глубокие размышления в течение нескольких дней. Если их дело попадает в неумелые руки, нервных расстройств редко удастся избежать; возможны призрачные видения, судороги и более угрожающие симптомы. Молодость, естественно, более восприимчива к влиянию магнетизма, чем зрелые годы; по-настоящему старых людей еще никогда не усыпляли. Таким же образом женщины легче поддаются контролю, чем мужчины, и, следовательно, больше способны сами быть намагниченными, чем намагничивать других. Если в анналах этой новой ветви магии мужчины фигурируют чаще, чем женщины, то это объясняется лишь тем, что мужчины естественным и пока, по крайней мере, добровольным образом чаще появляются в публичных заявлениях, чем женщины. Последние, к тому же, очень редко оказываются способными магнетизировать мужчин, просто потому, что у них меньше привычки проявлять свою волю с целью воздействия на других; исключение составляют в основном так называемые мужественные женщины. Однако над своим собственным полом они легко добиваются полного контроля.

Среди любопытных симптомов, сопровождающих магические явления этого класса, стоит упомянуть следующие. Выдающийся врач, доктор Геллер, исследовал кровяные тельца человека в магнетическом сне и обнаружил, что их форма существенно изменилась; они были приподняты и заострены так, что напоминали тутовую ягоду; в то же время они демонстрировали вибрирующие движения. Другим симптомом, часто наблюдаемым при месмеризме, являются электрические разряды, которые иногда вызывают сильную дрожь во всем теле до начала магнетического сна и после его прекращения. В течение часа было насчитано до четырех тысяч таких ударов; они особенно часты у истеричных женщин и сопровождаются сильной болью, у мужчин они встречаются реже. Наконец, из ряда хорошо подтвержденных случаев следует, что магнетические конвульсии заразны и распространяются даже на животных. Люди, страдающие катаlepsией, не раз были вынуждены убивать домашних кошек, потому что последние страдали подобным образом всякий раз, когда наступали приступы, и то же самое было замечено у любимых собак, которых оставляли в комнате, когда проводилось магнитное лечение. Это тем чаще замечается, что многие магнетизеры рассматривают судороги как попытку природы вернуть систему в здоровое состояние и, следовательно, вызывают у своих пациентов судороги, не магнетизируя их полностью.

Новая доктрина, касающаяся магических явлений магнетизма, устанавливает наличие особой силы, присущей всем неорганическим веществам, и называет ее сидерианской. Эта теория является результатом наблюдения, что некоторые вещества, такие как вода и металл, обладают особой способностью вызывать сомнамбулизм, и в одно время был широко распространен особый аппарат, называемый *baquet*, с помощью которого несколько человек, соединенных друг с другом и с сосудом, наполненным водой и кусочками металла, становились ясновидящими. Этот вопрос еще не до конца изучен, поэтому выводы, сделанные на основе отдельных случаев, следует считать преждевременными. Однако, несомненно, установлено, что металлы имеют особую власть над чувствительными людьми, как в естественном сне, так и в магнетическом. На многих сомнамбулах болезненно действует золото, на других - железо; одна очень чувствительная пациентка после мгновенного прикосновения могла различить даже такие редкие металлы, как висмут и кобальт, по

ощущениям, которые они вызывали, когда ложились ей на сердце. У доктора Бруннера, профессора физики в Перу, была пациентка, которая не могла прикоснуться к железу, не впадая в конвульсии, и стала ясновидящей, просто взяв в руку перочинный нож своего врача.

Эта сидерическая или астральная сила, названная так в результате предварительного суммированного влияния, оказываемого небесными телами, а также всеми неорганическими веществами, не поддается изоляции, хотя ею в той или иной степени обладают некоторые металлы и минералы. Она не оказывает влияния даже на электромметр или магнитную иглу; ее сила излучается, совершенно не зависит от света, но значительно усиливается под воздействием тепла. Однако люди, намагниченные таинственной силой *баке*, обладают удивительной властью над магнитной иглой и могут заставить ее отклоняться движением, неподвижным взглядом или даже простым желанием. В *"Вестнике Галиньяни"* (25 октября 1851 года) упоминается случай с Пруденс Бернар из Парижа, которая заставила иглу следовать за движениями своей головы.

Что бы мы ни думали о ценности этой теории, нельзя отрицать, что эффект, который оказывают определенные физические процессы, происходящие в атмосфере, на наше тело и разум, очень поразителен и пока почти полностью неизвестен. Наука неторопливо собирает факты, которые, несомненно, в конце концов дадут нам ключ к разгадке многих явлений, которые мы сейчас называем магическими или даже сверхъестественными. Так, почти каждый час дня имеет свою особенность в связи с природой: в один час барометр, в другой - термометр достигают своего максимума; в иные периоды магнетизм находится на максимуме или воздух наиболее наполнен парами, и с этими различными влияниями болезни людей находятся в тесной связи. Когда авроры наблюдаются часто, атмосфера оказывается насыщенной электричеством; они тесно связаны с желудочными лихорадками, а по мнению некоторых врачей, даже с тифом и холерой. Также было установлено, что развитие холеры и чумы - возможно, и обычного гриппа - точно совпадает с изогонической линией; эти болезни исчезают, как только прекращается восточное склонение магнитной иглы. В последнее время также было замечено соответствие пятен на Солнце земному магнетизму. Таким же образом было установлено, что постоянное положительное электричество воздуха, производящее в изобилии озон, способно вызывать катары, воспаления и ревматизм, в то время как отрицательное электричество вызывает нервные лихорадки и холеру. Даже Луна вернула себе часть своего прежнего значения в отношении с человеческим телом, и хотя суеверия прошлых веков с их абсурдными преувеличениями уже давно отброшены, некоторые факты остаются свидетельствами связи между Луной и некоторыми болезнями. Так, пароксизмы лунатиков, эпилептиков и сомнамбул, несомненно, соответствуют фазам луны; безумцы неистовствуют, когда последняя полна, а ее фазы с поразительной регулярностью определяют особые привязанности женщин, что с триумфом доказал журнал, который с восхитительной верностью вел на протяжении всей своей долгой жизни доктор Константин Херинг из Филадельфии.

Другое название, данное этим явлениям, - гипноз англичан. (Эта теория основана на том, что чувствительные люди могут стать ясновидящими, если будут неподвижно смотреть на небольшой, но яркий предмет, поднесенный к их лицу, и продолжать в течение некоторого времени фиксировать взгляд на том же предмете после того, как веки закроются от усталости. Метод вызывания этого магнетического сна, а также некоторые симптомы, свойственные зачарованным людям, с тех пор часто менялись. Доддс заставляет пациента взять в руку диск из цинка, на котором лежит маленький диск из меди, и неподвижно смотреть на них; таким образом он производит то, что он называет электробиологией. Каттон

из Манчестера (Англия) предпочитает нежно почесывать лоб и этим простым способом вызывает магнитный сон. Эксперименты Брейда, в которых за чрезмерным возбуждением нервов неизменно следовали оцепенение, ригидность и бесчувственность, с тех пор повторялись выдающимися врачами с целью вызвать анестезию во время болезненных операций. Они прошли с большим успехом, а удаление светящегося предмета, свежий воздух и легкое трение достаточно для восстановления сознания. Такие же результаты были получены во Франции, где, согласно докладу, сделанному во Французской академии в 1859 году известным доктором Вельпо, люди, которых побуждали смотреть на светящийся предмет, удерживаемый между глаз, начинали яростно жмуриться, а через несколько мгновений впадали, совершенно бессознательно и неощутимо, в магнетический сон. Мори объясняет этот процесс как головокружение, которое само по себе опять же вызвано давлением крови на мозг, и добавляет, что любое сильное впечатление, произведенное на сетчатку глаза, может иметь тот же эффект. Отсюда, несомненно, и *mal occhio* итальянцев, унаследованный от дурного глаза древних; отсюда и часто почти чудесная сила, которую некоторые люди осуществляли простым взглядом. Неподвижный взгляд магнетизера, который притягивает взгляд пациента и держит его, как бы заколдованным, имеет очень похожий эффект, а если этот взгляд тщательно культивировать, то он может заставить других людей замереть на месте - так было с Урбеном Граудье, который мог в любой момент заставить свои руки впасть в транс, просто фиксируя на них свой взгляд в течение нескольких минут.

Из всех этих экспериментов еще раз следует, что люди могут с помощью различных средств, которые называют магнетизмом или месмеризмом, влиять на других, кто восприимчив, пока последние не впадают в магнетический сон, испытывают каталептические приступы или становятся ясновидящими. Менее вероятно, что, как утверждают многие, эти результаты достигаются с помощью тончайшей, пока неизвестной жидкости, которую магнетизер заставляет вибрировать в своем собственном сознании и которая переходит от него, посредством его рук, к пациенту, где она производит эффекты, соответствующие тем, которые ощущает принципал. Чтобы добиться даже этого, совершенно необходимо, чтобы магнетизер не только обладал более высокой энергией, чем его пациент, но и стоял к нему в отношении положительного полюса к отрицательному. Степень успеха измеряется силой воли, с одной стороны, и степенью восприимчивости - с другой; и то и другое может быть бесконечно разнообразным, от полного отсутствия до подавляющего изобилия. Практика, по крайней мере, помогает магнетизеру эффективно, и некоторые французские и итальянские мастера добились удивительных результатов. Самым поразительным из них является каталептическое состояние, которое они вызывают по своему желанию. Дыхание, пульсация и пищеварение продолжают непрерывно, но мышцы больше не подчиняются нашей воле; они перестают быть активными, и поэтому пациент остается неподвижным в любом положении, которое его заставляют принять.

Общие симптомы, возникающие при намагничивании, одинаковы: как только сделано достаточное количество пассов от головы вниз, пациент делает несколько глубоких вдохов, а затем следует усиление животного жара и потоотделения, что является следствием большей активности нервов, в то время как боль прекращается и бодрость сменяется унынием. Если пассы продолжают, эти симптомы усиливаются, приводят к своим естественным последствиям, и, когда функции становятся нормальными, происходит выздоровление. Магнитному сну часто предшествуют легкая лихорадка, судорожная дрожь и обмороки. Веки, наполовину или полностью закрытые, начинают дрожать, глазные яблоки поворачиваются вверх и внутрь, а зрачки становятся расширенными и нечувствительными к свету. Черты лица меняются поразительным образом, свойственным этому виду сна, и легко

узнаваемы. После нескольких экспериментов такого рода, проведенных на восприимчивых людях, внешний сон начинает сопровождаться внутренним пробуждением, сначала в полусонном состоянии, а постепенно все более полным, пока не удастся начать разговор.

Вопреки общему впечатлению, вера не является существенным элементом успеха, по крайней мере, со стороны пациента, поскольку младенцы и совсем маленькие дети становились ясновидящими так же, как и взрослые люди. С другой стороны, природная восприимчивость является обязательным условием, так как Делёз (*Déf. du Magnétisme*, p. 156) утверждает, что в ходе своей продолжительной практики он обнаружил только одного из двадцати человек, пригодных к магнетизму. Из тех, на кого он мог воздействовать, только один из двадцати мог разговаривать во сне, а из пяти человек этого класса не более одного становились полностью ясновидящими. Некоторые люди, хотя и хорошо одаренные, производят на своих пациентов неблагоприятное впечатление, вызывают в их организме ощущение холода, а не тепла, и вызывают чувство сильного отвращения. Однако самым примечательным во всех этих отношениях является тот факт, что пациент нередко влияет на магнетизера, причем самым необычным образом. Один врач взял в руку, которой он прикасался к умирающему человеку, двух зябликов; они сразу же заболели и через несколько дней умерли. Другой, физически сильный и совершенно здоровый человек, лечивший с помощью магнетизма пациента, страдающего *тиком Дулура*, через несколько дней стал плохо себя чувствовать, а на седьмой день и сам пал жертвой этой мучительной болезни, пока не был вынужден отказаться от лечения. Он передал своего пациента брату-врачу, который страдал точно так же и через некоторое время умер.

После того как постоянная практика укрепила магнетизера, его "пассы" часто становятся ненужными, и он может, наконец, при благоприятных обстоятельствах вызвать магнетический сон простым взглядом или даже простым произнесенным желанием. Некоторым врачам достаточно было сказать "Спи!", и их пациент засыпал; другие могли сдвинуть спящих с постели легким прикосновением кончика большого пальца. Один из них, вылечив бедного мальчика от каталепсии, сохранил над ним такой совершенный контроль, что ему достаточно было указать на него пальцем или дать ему прикоснуться к какому-нибудь металлу, который он намагнитил, чтобы тот упал, как громом пораженный. Великий немецкий писатель, известный как Жан Поль, рассказывает о себе, что он, "находясь в большой компании и просто неподвижно глядя на нее, дважды заставил одну госпожу К. почти заснуть и заставить ее сердце биться, а цвет кожи исчезнуть, пока С. не пришлось ей помочь". Аббат Фариа, который, похоже, был специально наделен такой силой, притягивал к себе совершенно незнакомых людей, внезапно протягивая руки и говоря властным тоном: Спите, я так хочу! Впоследствии у него появился грозный конкурент в лице Эбера, который почти по своему желанию играл с большим количеством зрителей в своем переполненном зале, заставляя их следовать за собой, куда бы он ни вел, или заставляя их засыпать, просто делая пассы над внутренней стороной их шляп. У молодых девушек он с легкостью вызывал ригидность членов, а затем заставлял их принимать любое положение по своему усмотрению; его пациентки были совершенно беспомощны и бессильны. Дюпотэ, о котором уже упоминалось, обладал подобным влиянием на других; однажды он приворожил атлетически сложенного мужчину зрелых лет, просто обойдя вокруг стула, на котором тот сидел, и заставил его поворачиваться вместе с ним рывками. В другой раз он сделал на полу белый след мелом и попросил джентльмена поставить обе ноги на это место, а сам остался спокойно стоять рядом со своими друзьями. Через несколько минут незнакомец начал закрывать глаза, а его тело дрожало и раскачивалось, пока не опустилось так низко, что голова свесилась до бедер - тогда Дюпотэ ослабил чары пассами вверх. Итальянец Рагаццони в 1859 году произвел немалую сенсацию своим замечательным успехом в

качестве магнетизера. В отличие от других врачей, он использовал множество жестов, сопровождавших активную игру его выразительных черт, и при этом простым дыханием на человека он мог остановить его дыхание и циркуляцию крови; таким же образом он вызывал вздутие грудной клетки и паралич отдельных конечностей или всего тела. Он втыкал иглы в руку или в кожу лба, не вызывая ни малейших признаков боли; он позволял своим пациентам угадывать его мысли и заставлял их ходить, бегать или танцевать, хотя они находились в одной комнате, а он - в другой. Когда он парализовал их чувства, горящая сера не влияла на их обоняние, а яркий свет - на открытый зрачок; звон большого колокола, расположенного близко к уху, и выстрел из пистолета оставались неслышными. В общем, он повторил все опыты, уже проведенные Пюисегюром со своим пациентом Виктором, но, как правило, без использования пассов". (Schopenhauer, *Ueber d. Willen in d. Natur*. 1867, p. 102.) Мори, давший интереснейший и достоверный отчет о подобных случаях (*Revue des Deux Mondes*, 1860, t. 25), говорит о генерале Ноизе, что тот заставил его заснуть, сказав: "*Dormes!*". Тотчас же на его глаза опустилась густая пелена, он почувствовал слабость, начал потеть и ощутил сильное давление на живот. Второй эксперимент, однако, оказался менее удачным.

Кроме пассов, для вызывания магнитного сна и родственных ему явлений использовались и другие средства. Доктор Бендси, один из ранних практиков, часто использовал металлические зеркала или даже обычные зазеркалья; другой доктор Барт утверждал, что прикосновение или раздражение любой части внешнего черепа может возбудить глубинные отделы мозга. Надавлив таким образом на орган любви к детям, его пациенты сразу же начинали думать о детях и часто ласкали подушку. В этой теории его поддерживает Хэддок, который впервые обнаружил, что воля магнетизера может заставить пациента подменить реальность своими фантазиями и, например, поверить в то, что носовой платок - это домашняя собака или младенец, а пустой стакан - наполнить жидкостью, которую он предложил. Влияние в таких случаях, однако, следует приписать скорее тому факту, что магнетизеры были также френологами, чем самим предполагаемым органам.

Наконец, следует упомянуть, что некоторые люди утверждают, что обладают способностью намагничивать себя, и Du potet, надежный авторитет в таких вопросах, поддерживает это утверждение. В *Journal de l'âme* (iv. p. 103) упоминается случай с человеком, который с детства мог загипнотизировать себя, просто фиксируя взгляд на некоторое время на определенной точке; в более поздние годы, вероятно, из-за слишком частого возбуждения такого рода, он был склонен впадать в трансы и видеть видения.

Симпатические отношения, которые с помощью магнетизма устанавливаются между двумя или более людьми, находящимися в состоянии сомнамбулизма или ясновидения, обычно называют *раппортом*, хотя нет никакой видимой необходимости в том, чтобы предпочесть французское слово. Самые близкие отношения существуют, естественно, между магнетизером и его объектом, и интенсивность раппорта варьируется, конечно, в зависимости от энергии воли одного и восприимчивости пациента другого. Тот же самый раппорт, однако, часто существует между пациентами одного и того же магнетизера, и может быть усилен простым соединением рук или сильным усилием воли со стороны врача. Часто утверждалось, что месмеризм производит исключительно *раппорт*, который у близнецов является следствием близкого природного сходства и одновременности организации. Ясновидящие, наделенные самыми высокими способностями, которые когда-либо наблюдались, таким образом, видят не только свое собственное тело, как если бы оно было прозрачным, но могут подобным образом наблюдать за тем, что происходит в телах других людей, если они введены в *раппорт* с ними, и отсюда их способность прописывать лекарства от их болезней. Пюисегюр, вероятно, первым обнаружил эту особенность: он

напевал про себя любимую мелодию, магнетизируя крестьянского мальчика, и вдруг тот начал громко петь ту же самую мелодию. Пациенты Хэддока подавали все естественные признаки боли в различных частях тела, когда их ударяли или щипали, в то время как сами они были нечувствительны к боли. Доктор Емелин обнаружил, что когда он подносил свои часы к правому уху, его пациентка слышала тиканье в левом ухе; если он подносил их к ее собственному уху, она ничего не слышала. Он также был не мало удивлен, когда другой пациент, в далеком городе, куда он ездил, открыл ему целую серию профессиональных размышлений, в которые он погрузился во время своего путешествия. И все же такое знание мыслей магнетизера не является чем-то необычным для хорошо подготовленных субъектов, которые неоднократно подвергались магнетизации. Миссис Кроу упоминает случай с одним джентльменом, которого лечили таким образом, пока он находился в Малверне, а его врач - в Челтнеме. Он лежал в магнетическом сне, как вдруг вскочил, хлопнул в ладоши и разразился громким смехом. Его врачу написали, и он ответил, что в тот же день он был занят мыслями о своем пациенте, когда внезапный стук в дверь испугал его, заставил вскочить и хлопнуть в ладоши. Тогда он от души посмеялся над своей глупостью! (I. p. 140.) Однажды Дюпоте наблюдал яркую иллюстрацию *взаимопонимания*, которое может существовать между двумя пациентами одного и того же магнетизера, даже если они незнакомы друг с другом.

Он лечил некоторых своих пациентов в больнице в Санкт-Петербурге с помощью магнетизма и, к своему удивлению, обнаружил, что, когда он укладывал одного из них спать на верхнем этаже, другой, находящийся на нижнем, также мгновенно засыпал, хотя не мог знать, что происходит наверху. Причем происходило это не единожды, а неоднократно, причем несколько недель подряд. Если оба спали, когда он приходил на ежедневный обход, достаточно было разбудить одного, чтобы услышать, как другой просыпается и издает громкие крики.

Магнитный сон обычно наступает не сразу, а после некоторой промежуточной опасности; чаще всего обычный сон служит мостиком, ведущим к магнитному сну, и все же эти два состояния совершенно разные. Когда сон наконец наступает, проявляются различные степени исключительных способностей, свидетельствующих о том, что внутреннее чувство пробудилось, а внешние чувства бездействуют. Пациент, однако, совершенно не осознает, что его глаза закрыты, и считает, что видит сквозь них, как в бодрствующем состоянии. Когда сомнамбулы спрашивают, почему они держат глаза закрытыми, они отвечают: "Я не знаю, что вы имеете в виду; я вас прекрасно вижу". Высшая степень, но редко развивающаяся у особо благосклонных людей, состоит в совершенном ясновидении, сопровождаемом чувством неопишуемого блаженства; в этом состоянии духовные и нравственные черты пациента принимают форму высшего развития, видения, отдаленные и будущие вещи различимы, и другие люди могут быть подвержены влиянию, даже , если они находятся на значительном расстоянии. Именно в этом состоянии у людей, находящихся в магнетическом сне, в высшей степени проявляются магические феномены магнетизма. Последние, как правило, сопровождаются ощущением интенсивного света, которое порой становится почти болезненным и должно быть купировано врачом, особенно когда оно угрожает вмешаться в бессознательные разговоры пациента. Однако за это удовольствие приходится дорого платить, так как оно истощает спящего, а во многих случаях так напоминает борьбу души при расставании с телом во время смерти, что кажется, что распад неминуем. Сами сомнамбулы утверждают, что такой магнетический сон сокращает их жизнь на несколько лет, и его необходимо вовремя прерывать, чтобы он не стал фатальным. Воспоминания редко сохраняются после магнетического сна, но после пробуждения продолжаются смутные и нечеткие импульсы, которые находятся в определенной связи с происшествием такого сна. Известный магнетизер Муйо однажды приказал пациентке, погруженной в магнетический

сон, пойти на следующий день и позвонить человеку, который ей не нравился. Обещание было дано с неохотой, но после пробуждения пациентка больше не вспоминала о нем. Чтобы проверить это, врач в сопровождении нескольких друзей отправился на следующий день в дом этого человека, и, к их большому удивлению, пациентка беспокойно ходила взад и вперед перед дверью и, наконец, вошла, заметно смущенная. Муйо сразу же последовал за ней и объяснил, в чем дело; она рассказала ему, что с момента ее подъема утром ее преследовала мысль о том, что она должна пойти в этот дом, пока ее нервозность не стала настолько болезненной, что заставила ее отправиться выполнять свое непрошеное поручение. (*Exposé des Cures, etc.*, iii. p. 70.)

Способность воспринимать присутствующие вещи без использования обычных органов и осознавать события, происходящие на расстоянии, часто приписывали дополнительному чувству, возможно, "здравому смыслу" Аристотеля. Более слабые его проявления можно увидеть в почти удивительной способности летучих мышей пролетать сквозь мельчайшие ячейки шелковых сетей, натянутых для этой цели, даже будучи лишенными зрения, и находить дорогу к своим гнездам без малейших колебаний. Кювье приписывал эту удивительную способность их изысканно развитому чувству осязания, благодаря которому они ощущают почти неосязаемое давление воздуха; но если это и объясняет их избегание стен и деревьев, то к тонким шелковым нитям это не может быть вполне применимо. Еще одна знакомая иллюстрация - совершенно удивительные способности, которыми часто обладают слепые или слепоглухие люди, различающие посетителей с помощью средств, не доступных и не известных их более удачливым собратьям. Обычно считается, что в таких случаях недостающие органы чувств восполняются за счет более совершенного развития остальных органов чувств, но даже это утверждение еще никогда не было полностью доказано, а если бы и было доказано, то оно дало бы ключ к некоторым почти чудесным достижениям слепых людей.

Это новое или общее чувство, кажется, пробуждается только в исключительных случаях и при особых обстоятельствах. То, что оно никогда не проявляется в здоровой жизни, объясняется тем простым фактом, что его сила затемнена непрекращающейся активностью обычных органов чувств. Особенностью и пока необъяснимой чертой этой силы является тенденция приписывать свои результаты не обычным органам, а путем любопытного переноса на какую-то другую часть тела, так что люди в магнетическом сне верят, по выбору магнетизера, что они видят, или обоняют, или слышат с помощью кончиков пальцев, впадины желудка, лба или даже затылка. Правда, такие саванты, как Альфред Мори (*Revue des Deux Mondes*, 1860, т. 25) и доктор Мишеа, приписывают эти новые способности только повышенной активности органов чувств; но эти рассуждения ничего не дают, поскольку такое поразительное увеличение раздражимости сетчатки или барабанной перепонки - такое же магическое явление, как и предполагаемое новое чувство. Простое объяснение заключается в том, что не глаз, который видит, и не ухо, которое слышит, а образы и звуковые волны передаются этими органами в большой нервный центр, где мы должны искать истинный источник всех наших восприятий. Если во время магнетического сна те же образы и волны могут быть переданы другими способами, результат будет точно таким же, как если бы пациент наблюдал с открытыми глазами и ушами.

Одна дама, лечившаяся у Деспина, таким образом слышала ладонью и читала кончиками пальцев, которыми она быстро проводила по буквам, представлявшимся ей во сне. В то же время она неизменно приписывала ощущения, которые испытывала, естественным органам чувств; например, цветы, положенные незаметно для нее, так что они едва касались ее пальцев, заставляли ее втягивать воздух ноздрями и восклицать: "Ах, как это мило!", а если

предметы прикладывали к подошве ее ноги, она часто восклицала: "Что это такое? Я не могу увидеть это отчетливо". Сомнамбулы могут выполнять домашнюю работу в темноте с тем же успехом, что и при свете дня, а пациентка, чей случай был тщательно изучен, могла подшивать тончайшие льняные платки, держа иглу у бровей, высоко над глазами. Таким образом, люди видели практически всеми частями тела, и этот факт заставил не одного выдающегося физиолога предположить, что при особых обстоятельствах все нервные сосочки эпидермиса могут стать способными передавать чувственные восприятия, обычно приписываемые только определенным органам, таким как глаз или ухо. Однако даже этого предположения недостаточно, чтобы объяснить способность некоторых намагниченных людей видеть и слышать с помощью пальцев, даже не прикасаясь к предметам или будучи отделенными от последних промежуточной стеной.

Высшие магические явления, связанные с магнитным сном, заключаются в восприятии скрытых вещей и во влиянии, оказываемом на людей на расстоянии. Лишь некоторые из них могут быть объяснены естественными законами и повышенной силой чувств, часто присущей людям с особенностями строения или больным. Напротив, органы чувств перестают действовать, и человек на некоторое время становится наделенным высшей силой, которая, вероятно, является частью его духовного существа, созданного по образу и подобию Всевышнего, но затемненного и ставшего недействительным в результате подчинения души земному телу. Эта сила также не всегда находится под его контролем; как бы в знак своего сверхъестественного характера, пациент очень часто воспринимает то, что совершенно безразлично для него самого, и вынужден, почти против своей воли, быть свидетелем или предвидеть события, смысл которых он не может разглядеть. Поэтому, как правило, важность этих откровений представляет меньший интерес, чем способ их получения, который неизменно относится к тому типу, который мы называем магией. Это еще больше подтверждается трудностью, которая почти всегда ощущается, перевести их, так сказать, на обычный язык, и отсюда многочисленные аллегорические и символические формы, под которыми они становятся известны. Будущие события часто не видят, а читают в газете или слышат, как их рассказывают незнакомые люди; в других случаях они, по-видимому, передаются духами умерших людей. Очень частой формой является впечатление, что душа покидает тело и, следуя по следу человека, на которого указывает магнетизер, со всей верностью и удивительной точностью хорошо обученной собаки, наконец, достигает его и видит его и его окружение. Расстояние также не имеет значения; как и обычные органы чувств, это новое чувство также имеет свои законы и свои границы, и если задача слишком тяжела, а расстояние слишком велико, восприятие остается смутным и неопределенным. Важнее всего то, что, в отличие от духовных видений, магнетизм никогда не позволяет спящему выйти за пределы нашего земного дома. С другой стороны, время - не большее препятствие, чем пространство, и настоящие сомнамбулы видели как прошлые и будущие события, так и далекие сцены. Ошибки, однако, случаются и здесь, как и со всеми другими нашими чувствами; как здоровые люди видят неправильно или слышат неправильно, так и магнетические спящие нередко ошибаются - ошибки, которым они тем более подвержены, что впечатления, полученные магическими силами, должны быть переведены на язык, адаптированный к обычным чувствам.

Среди сомнамбул этого класса Алексис - один из самых известных, и он оставил нам отчет о многих экспериментах в своей книге *"Explication du Sommeil Magnétique"*. Однажды друг доктора Майо погрузил Алексиса в магнетический сон, а затем приказал ему отправиться в Боппард на Рейне и разыскать его; после некоторых колебаний Алексис заявил, что нашел его, и описал - хотя никогда не видел его раньше - его внешность и одежду, а также душевное состояние, в котором он находился в тот момент; все это оказалось впоследствии

совершенно верным. Алексис заявил, что его восприятие очень сильно различалось по четкости и что его способность видеть друзей на расстоянии во многом зависела от привязанности, которую он к ним испытывал. Во всех случаях его магические способности значительно уступали способностям его естественных органов чувств, хотя они никогда не вводили его в заблуждение, как это иногда случалось. В *"Библиотеке животного магнетизма"* (vii. p. 146) приводится замечательный случай, подтвержденный несомненным авторитетом. В 1795 году английского консула Болдуина посетил итальянский импровизатор, у которого с собой оказался небольшой аптечный сундучок. На кухне консула находился маленький араб, скулион, страдавший от изнурительного кашля, которого хозяин намагнитил, чтобы вылечить. Во сне мальчик увидел аптечку, о которой раньше ничего не знал, и выбрал среди пиал одну с сахаром агримониума, которая избавила его от беды. После этого итальянец попросил, чтобы его тоже намагнитили; он быстро уснул и в таком состоянии, с закрытыми глазами, написал поэму, восхваляющую искусство магнетизма. Знаменитая подопечная Хэддока, Эмма, однажды выполнила важнейшее испытание всех магических явлений - она доказала ценность магнетизма в денежном вопросе. В 1849 году три банкноты на сумму 650 фунтов стерлингов были положены в банк и исчезли самым необъяснимым образом. Один из клерков признался, что, хотя он получил их, завернул в бумагу и положил вместе с другими банкнотами, он забыл регулярно вносить их в книги. Никаких следов обнаружить не удалось; наконец, обратились к намагниченному субъекту, который через некоторое время заявил, что записки лежат в определенной комнате, вставленные в определенную панель, которую она описала так точно, что при обыске пропавшие записки были найдены, а персона клерка очищена. В 1846 году доктор Барт намагнитил даму, которая была полна тревоги за своего мужа в Америке, от которого она долгое время не получала никаких известий. После того как ее несколько раз погружали в магнетический сон, она однажды воскликнула: "Слава Богу, моему бедному мужу лучше. Я смотрю через его плечо и вижу, как он пишет письмо, адресованное мне, которое придет через шесть или семь недель. Он говорит мне, что болен уже три месяца". Через два месяца после этого она действительно получила такое письмо, в котором муж сообщал ей о своей трехмесячной болезни и сожалел о боли, которую он, вероятно, причинил ей своим затянувшимся молчанием. Молодая женщина, которую Роберт Напьер приворожил в своем доме в Эдинбурге, описала не только дом своих родителей, как он выглядел в тот момент, но и дом некой мисс Б. в Новом Южном Уэльсе, где она никогда не была. В саду дома она увидела джентльмена в сопровождении дамы в черном и собаку светлого окраса с темными пятнами; после расспросов выяснилось, что полковник Б., отец молодой леди, действительно был в это время в саду со своей женой и собакой, хотя некоторые мелкие детали оказались неверными. Она также подробно и точно рассказала о верхних этажах дома Напьера, где никогда не была, но узнавала все постепенно, исправляя ошибки, которые допускала поначалу. Так, она говорила о старой тетушке Напьера, что та одета в темные цвета; через некоторое время она воскликнула: "О, теперь я вижу, что она одета в белое!". Впоследствии выяснилось, что старушка сидела в глубоком кресле, заслоненная спинкой кресла, а газовый свет находился позади нее; в этот момент подошла жена Напира, тетка наклонилась вперед, чтобы поговорить с ней, и, попав на свет, показала свою белую ночную рубашку. Этот случай особенно интересен как доказательство того, что восприятие сомнамбул зависит от условий, аналогичных тем, которые управляют обычными чувствами". (Colquhoun, p. 626.)

По мнению таких авторитетов, как Хуфеланд и другие, магнетический сон позволяет людям видеть внутренности тел других людей. Он сам слышал, как одна из его пациенток, женщина, не имевшая никаких познаний в анатомии, довольно точно описала внутреннее строение уха и некоторых других частей тела. (Похоже, было точно установлено, что она никогда не имела

возможности прочитать подобное описание, даже если бы ее память была достаточно ретентивной, чтобы она могла вспомнить и пересказать то, что ей довелось прочитать. Ясновидящий Алексис однажды увидел сквозь одежду посетителя шрам, и после долгого разглядывания его во сне он пришел к выводу, что это последствия укуса собаки, и в конце концов изложил все факты, связанные с этим происшествием, единственным оставшимся свидетельством которого был шрам. Даже исторические предсказания, сделанные в магнетическом сне, не являются редкостью. Смерть короля Вюртемберга была предсказана двумя сомнамбулами, которые находились на лечении и предупредили своих врачей, известных и заслуживающих доверия практиков с хорошей репутацией, о приближающемся событии. Смерть короля наступила без какой-либо серьезной болезни и в точности так, как предсказал один из пациентов; подтверждение было тем более поразительным, что предсказание было сделано в присутствии нескольких уважаемых людей, среди которых были министр королевства и несколько прорицателей. Другой случай - убийство шведского короля Густава Вазы, совершенное Анкарстремом в 1792 году. В сопровождении своего врача он, как граф Хага, однажды обратился к пациентке, которую лечил Обри, ученик Месмера. Она сразу узнала его, хотя и погрузила в магнетический сон, рассказала, что он страдает от сдавливания груди, последствия перелома руки, и предсказала ему, что его жизнь в опасности и что его убьют. Король был глубоко поражен, и, поскольку его врач выразил на его лице сомнение и презрение, он пожелал, чтобы тот вступил *в разговор* с пациентом. Не успели это сделать, как глаза врача опустились, он погрузился в магнетический сон, а когда через некоторое время его разбудили, он вышел из комнаты в сильном волнении". (A. Gauthier. *Hist. du Somnamb.*, ii. p. 246.)

Иногда феноменом магнетического сна является улучшение языка пациентов; это проявляется не только в случае образованных людей, чья дикция часто принимает высокую поэтическую форму, но гораздо более поразительно у неграмотных и невежественных пациентов, которые внезапно проявляют неожиданное знакомство с более изысканной формой своего родного языка, и нередко даже с идиомами, о которых они раньше не имели ни малейшего представления. Все эти различные симптомы были подтверждены многочисленными и заслуживающими доверия свидетелями. Скромные крестьянки использовали самые изящные формы своего родного языка; путешественники неожиданно восстанавливали употребление идиом, когда-то известных им, но давно забытых; и, наконец, настоящий языковой дар безошибочно позволял пациентам использовать идиомы, с которыми они раньше никогда не соприкасались. Этот феномен иногда выливается в поэтические импровизации значительного достоинства, а прекрасная музыка, которую многие слышат во время магнетического сна или перед смертью, словно пришедшая из другого мира, является, таким образом, не чем иным, как продуктом их собственного психического возвышения. Так, люди, говорящие лишь на местном диалекте и не знакомые ни с какой другой формой родного языка, погрузившись в магнетический сон, заговорят на самом лучшем английском или немецком, как будто их разум, освободившись от всех оков, вновь приступил к выполнению первоначальной задачи по формированию языка в соответствии с их возросшими способностями. Известны случаи, когда маленькие дети, чье обучение едва началось, декламировали стихи или сочиняли речи, на которые они были бы совершенно неспособны в здоровом состоянии и которых они впоследствии не помнили. Макниш упоминает молодую девушку, которая при магнетизации всегда возвращалась к валлийскому языку, на котором она говорила в детстве, но давно забыла, а Лозанна упоминает одну из своих пациенток, креолку, которая в возрасте пяти лет приехала во Францию, а в конце жизни, когда ее магнетизировали, говорила уже не на французском, а на жалком жаргоне своих ранних лет. Молодой кожевник из Англии, также совершенно необразованный, как и крестьянин из Пюисегюра, был способен в магнетическом сне

говорить по-немецки. Когда кто-нибудь в это время говорил с ним по-английски, его губы сразу же начинали шевелиться, и он переводил услышанное в прекрасные немецкие стихи. (Morin, *Journ. du Magn.* 1854, No. 199.)

Не следует упускать из виду, что дар пения и использования поэтического языка, часто очень красивого, нередко развивается у больных лихорадкой, а также у сумасшедших.

Невосприимчивость к впечатлениям извне - еще одно явление, которое магнетический сон объединяет со многими другими состояниями. Его вызывают такие анестетики, как хлороформ и эфир, полное истощение в результате долгих страданий, как у мучеников и заключенных, подвергавшихся пыткам, и чрезмерная потеря крови. Но в магнетическом сне она достигает более высокой степени, чем при других обстоятельствах; каталептические пациенты и даже ясновидящие в моменты наибольшего возбуждения, кажется, находятся в состоянии, в котором нервы перестают действовать как проводники впечатлений в мозг. Это часто приводило к неоправданным злоупотреблениям; врачи под предлогом научных исследований наносили своим пациентам тяжелые травмы, совершенно не помня о том, что, как бы ни была велика кратковременная бесчувственность, чувство боли возвращается в момент повторного пробуждения. С другой стороны, врачи пользуются этим состоянием бессознательного ощущения боли, чтобы проводить серьезные операции.

Первый случай, когда хирургическую операцию пытались провести, пока пациентка находилась в месмерическом сне, произошел с мадам Плантен, дамой шестидесяти четырех лет, страдавшей от рака груди. Господин Шапелен подготовил ее, погрузив на несколько дней в транс с помощью обычных месмерических пассов. Затем у нее проявились обычные симптомы сомнамбулизма, и она совершенно спокойно говорила о надвигающейся опасности, в то время как в сознании она созерцала ее с величайшим ужасом и страхом. 12 апреля 1824 года ее снова погрузили в транс, и болезненная и опасная операция была проведена менее чем за четверть часа, пока она беседовала с хирургом, знаменитым доктором Плоке, и ни голосом, ни дыханием, ни пульсом не показывала ни малейших признаков волнения или боли. Когда рана была перевязана, она проснулась, но, узнав о случившемся, пришла в такое сильное возбуждение, что магнетизеру пришлось снова заставить ее заснуть под его пассами. И все же, несмотря на этот блестящий успех, когда доктор Уоррен из Бостона спросил великого хирурга, почему он так и не повторил эксперимент, тот был вынужден признать, что не решился сделать это, "потому что предубеждение против месмеризма было настолько сильным в Париже, что повторение могло бы повредить его положению и репутации!"

С тех пор месмеризм неоднократно и почти всегда успешно применялся в качестве анестетика; доктор Джеймс Эсдалл, главный хирург президентства в Калькутте, довел его применение до регулярного метода. Доктор Форбс сообщает о двух случаях ампутации бедра в магнитном сне, которые были успешными, и подобные эксперименты были проведены в Англии и в Индии с тем же счастливым результатом.

Вероятно, с этой бесчувственностью связано то, что люди в магнетическом сне могут безнаказанно принимать необычайно большие дозы лекарств, которые они сами себе назначают. Ибо магнетический сон, как мы уже говорили, развивает, наряду с другими магическими явлениями, также и своеобразную проницательность в отношении болезней и средств их лечения. Хотя болезни могут принимать самые разнообразные обманчивые формы, предсказания, сделанные магнитными пациентами за много месяцев вперед, редко не подтверждаются. Это просто вопрос инстинкта, поскольку невежественные люди и маленькие дети обладают этим даром в равной степени с самыми осведомленными и

опытными пациентами. Лекарства почти исключительно так называемые простые - подсказка, имеющая определенную ценность для врачей, - но всегда назначаются с большой рассудительностью и в манере, демонстрирующей редкий медицинский такт. Доза, однако, обычно в два или три раза больше, чем обычно. Магнетические пациенты прописывают лекарства другим людям, с которыми они находятся в *контакте*, так же успешно, как и себе, поскольку состояние совершенного ясновидения позволяет им с идеальной точностью судить и о других людях. Один из самых замечательных случаев упоминается Шопенгауэром. ("Парерга" и др., I. с. 246.) Одна больная в России во время магнетического сна попросила лечащего врача ввести ее на девять дней в состояние обморока. Он сделал это неохотно, но в течение этого времени ее организм, казалось, наслаждался совершенным покоем, и благодаря этому она выздоровела. Хэддок также вылечил несколько человек на расстоянии, следуя указаниям, которые давала ему его пациентка в магнетическом сне; он передавал ей прядь волос или несколько написанных строк, которых было достаточно, чтобы она *общалась* с отсутствующими страдальцами.

Среди магических явлений, наблюдаемых в магнетическом сне, мы должны в последнюю очередь упомянуть экстатическое возвышение в воздухе, испускание особых звуков и способность производить необычные эффекты на расстоянии. Даже обычные сомнамбулы, как известно, не в такой степени подчиняются законам гравитации, как люди в состоянии бодрствования: отсюда их удивительные подвиги в хождении по крышам, скольжении по узким карнизам или даже беге вверх по перпендикулярным стенам. Известны случаи, когда люди, находящиеся в состоянии магнетического сна, плавали как в пресной воде, так и в море, хотя они не умели плавать и тонули, если заходили в воду в бодрствующем состоянии. Дюпотель видел, как один из его пациентов бежал вдоль стены своей комнаты на небольшой деревянной доске, которая была просто прикреплена к стене и не могла выдержать даже небольшого веса. Эта особенная сила тем более подтверждается, что люди падали с большой высоты, находясь в магнетическом сне, не получая никаких травм; но если их разбудить, а затем упасть, они неизменно снова подчиняются естественным законам, и часто погибают. Эта временная приостановка действия закона гравитации сравнивалась с аналогичными явлениями в науке. Так, хорошо известно, что гальванический ток, проходящий через витки медной проволоки, удерживает железную иглу, подвешенную внутри витков; а железный шарик, опущенный в стеклянную трубку между двумя мощными магнитами, таким же образом остается свободно висеть в воздухе. Сторонники этой теории считают, что если магнетизм может приостановить действие закона гравитации в металлах, то, по крайней мере, возможно, что он обладает подобной силой и в человеческом теле. Кроме того, было замечено, что некоторые заболевания, такие как сильные нервные лихорадки, значительно увеличивают вес страдальцев, в то время как состояние транса уменьшает его еще более разительно.

Что касается магических феноменов повышения интеллекта, Аберкромби упоминает случай с девочкой, которая в детстве слышала, как ее родственник играет на скрипке с определенным мастерством. Позже она стала его пациенткой и в магнетическом сне бессознательно повторяла некоторые произведения в тонах, очень приятных и близко напоминающих ноты скрипки. Каждый парок *usm*, однако, сменялся определенными симптомами ее болезни. Через несколько лет после этого она подражала звукам фортепиано и тонам нескольких членов семьи, которые любили петь, причем так, что каждый голос можно было легко и отчетливо узнать. Прошел еще год, и она с удивительной способностью и частым остроумием общалась с младшим товарищем, которого, как ей казалось, она наставляла на темы, представляющие политический и религиозный интерес. Отныне она вела два разных образа жизни; в бодрствующем состоянии она была глупа, неловка

движениях и не способна воспринимать музыку; во сне она становилась умной, проявляла удивительную осведомленность и большие музыкальные таланты. В критический момент ее жизни, когда ей был двадцать один год, с бедной девушкой произошла полная перемена; ее разговор в магнетическом сне потерял всю свою привлекательность, к нему примешались неподобающие замечания, и через несколько месяцев ее пришлось отправить в сумасшедший дом.

Только в нынешнем поколении возродилась способность некоторых людей магнетизировать животных, хотя она, несомненно, была полностью известна древним и отчасти может объяснить укрощение ядовитых змей на Востоке. Самым примечательным случаем, вероятно, является случай г-на Яна, директора Зоологического сада в Милане, который "очаровывает" змей и ящериц. В 1858 году к нему обратился ученый посетитель, профессор Эверсманн, с просьбой позволить ему стать свидетелем некоторых экспериментов; он сразу же схватил ящерицу (*L. viridis*) за голову и несколько мгновений пристально смотрел на нее; животное лежало спокойно, затем стало жестким и оставалось в любом положении, которое он хотел заставить его принять. Сделав несколько пассов указательным пальцем, животное по его приказу закрывало глаза. Господин Ян обнаружил свой дар случайно, когда однажды от него сбежала целая сумка ящериц (*L. ocellata*), и он заставил их своей волей и взглядом вернуться к нему. (*Der Zoolog. Garten*. Frankfurt, 1861, p. 58.) Француз Трезо проявил ту же власть над птицами, которых он демонстрировал в 1860 году в Париже. Он намагничивал их рукой и дыханием, но поскольку девять десятых бедных созданий умерли, не выдержав такого воздействия, он не смог извлечь никакой пользы из своего таланта. (Его соотечественник, Жак Пелиссье, по сообщениям того же авторитета, умел магнетизировать не только птиц, которые позволяли снимать себя с деревьев, но даже зайцев, так что они оставались сидеть в своей форме и были схвачены рукой (стр. 302).

СОМНАМБУЛИЗМ.

Хорошо известно, что сомнамбулизм в обычном смысле слова обозначает состояние людей, страдающих от болезни, которая нарушает их сон и заставляет их совершать странные или обычные действия, в зависимости от обстоятельств, в состоянии, в котором они, по-видимому, наполовину бодрствуют, а наполовину спят. Эта болезнь упоминается уже у древнейших авторов, а ее симптомы правильно описаны у Аристотеля. (Он утверждает, что больные встают во сне, ходят и разговаривают, что они различают предметы, как будто бодрствуют, поднимаются на деревья, преследуют врагов, выполняют задания, а затем спокойно возвращаются в постель. Состояние сомнамбулизма занимает промежуточное положение между обычным сном и магнетическим ясновидением и, вероятно, является следствием серьезных нарушений в нашей физической жизни, которые заставляют мозг действовать необычным и ненормальным образом. Он всегда наблюдался только ночью, и чаще всего в полнолуние, поскольку луна, по-видимому, влияет на сомнамбул не только своим светом, но и в каждой из различных фаз особым образом. Непосредственные причины ночных блужданий часто бывают самыми банальными; так, например, Муратори рассказывает о священнике, который становился сомнамбулой всякий раз, когда более двух месяцев не стригся! Ришар (*Théorie des Songes*, p. 288) упоминает аналогичный случай со старой женщиной, которая, как он знал, была подвержена такому же наказанию.

В то время как кошмары угнетают нас и делают невозможным любое движение, сомнамбулизм, напротив, порождает особую способность к локомоции и непреодолимый импульс к возвышенностям, чему способствует либо фактическое уменьшение удельного веса, либо увеличение силы. Эта тенденция лежит на полпути между ощущением полета, которое довольно часто встречается в сновидениях, и фактическим отрывом от земли и

зависанием в воздухе, которые происходят в экстремальных случаях экстаза. Чувства во время ночных бдений остаются в состоянии полуактивности; сомнамбула может казаться крепко спящим, ничего не видящим и не слышащим, так что самые громкие звуки и даже сильные толчки не пробуждают его; или же он, как и сновидец, может частично находиться под влиянием внешних впечатлений. Один встает ночью, идет в конюшню, седлает лошадь и едет в лес, а другой забирается на подоконник и выполняет все движения человека верхом на лошади. Многие с неизменной уверенностью движутся по опасным тропам и находят дорогу в кромешной тьме; другие совершают ошибки и падают, как профессор Дж. Феллер, который принял открытое окно за дверь. Каким образом они воспринимают природу своего окружения, до сих пор не объяснено; это может быть действие обычных органов чувств, хотя они кажутся закрытыми, или они могут обладать теми исключительными способностями, которые составляют магические явления, связанные с сомнамбулизмом. Так, Форбс (*Brit. and For. Med. Rev.*, 1846) приписывает их силу повышенной чувствительности сетчатки глаза и упоминает случай доктора Карри, который страдал от этого симптома в такой степени, что различал каждый предмет в полностью затемненной комнате с совершенной легкостью. У сомнамбул, однако, глаза обычно закрыты или сильно задраны вверх; а в тех редких случаях, когда они открыты, они, очевидно, ничего не видят. Кроме того, хорошо известно, что люди, подвергшиеся такому воздействию, продолжали читать, играть на инструментах и даже писать после того, как крепко уснули, ни разу не открыв глаз. Чувствительность сетчатки глаза здесь мало что может дать. Известен случай, когда отец вставал ночью, брал ребенка из колыбели и с широко открытыми глазами носил его по комнате, ничего не видя и находясь в таком состоянии полной бессознательности, что его жена, идя рядом с ним, могла спокойно выведать у него все его секреты, не осознавая этого процесса и не помня его на следующее утро. В возрасте сорока пяти лет он перестал ходить во сне, но вместо этого видел пророческие сны, которые открывали ему события следующего дня и последующие будущие события". (*Heer, Observ.*) Гассенди (*Phys.*, l. viii. ch. 8) упоминает молодого человека, жившего в Провансе, который вставал во сне, одевался, черпал вино в погребе, записывал счета и в самую темную ночь никогда не прикасался к предметам, стоявшим на его пути. Если он спокойно возвращался в свою постель, то спал крепко и, как ни странно, вспоминал все, что делал ночью; но если его внезапно будили в погребе или на улице, его охватывал сильный трепет и учащенное сердцебиение. Временами он видел очень плохо; тогда ему казалось, что он встал еще до рассвета и зажег лампу. В *"Мефодической энциклопедии"* приводится случай с молодым священником, который писал свои проповеди ночью и с закрытыми глазами, а затем читал каждую страницу вслух, исправляя и улучшая написанное. Лист бумаги, зажатый между глазами и рукописью, не мешал ему; он также не замечал этого, если последний убирали и подкладывали чистую бумагу; в этом случае он писал исправления именно там, где они должны были быть вставлены в текст. Макниш упоминает ("О сне", с. 148) курьезный случай с одним трактирщиком в Германии, огромной массой плоти, который засыпал в любое время и в любом месте, но который, когда это случалось во время игры в карты, тем не менее продолжал следить за мастью, как будто мог видеть, что его ведут. В 1832 году, когда ему едва исполнилось 50 лет, он буквально заснул, и паралич мгновенно убил его во время одного из таких приступов сна. Тот же автор упоминает сомнамбул, которые во сне выходили на берег моря и проплывали некоторое расстояние, не будучи разбуженными, а также случай с норвежцем, который во время пароксизмов садился в лодку и некоторое время греб сам. Его излечили от недуга с помощью ванны, наполненной водой, которая была поставлена так, что он должен был наступать в нее, когда вставал с постели. В Шотландии один крестьянин обнаружил снизу гнездо морской птицы, которое висело на недоступной высоте на отвесной скале; через несколько недель после этого он поднялся во сне и, к ужасу своих друзей, которые наблюдали за ним снизу, забрался туда,

взял птиц и благополучно вернулся в свою хижину. В прежние века сомнамбулы, по слухам, даже совершали убийства во сне; один парижанин таким образом поднялся, оделся, переплыл Сену, убил своего врага и вернулся тем же путем, ни разу не проснувшись; также сообщается, что один англичанин убил мальчика, находившегося в бессознательном состоянии, во время родов *ing* под этой привязанности. Современная наука, однако, ничего не знает о таких крайних случаях, и этот аргумент еще не использовался проницательными юристами.

Простой сомнамбулизм нередко связан с магнетическим сомнамбулизмом, а иногда может наблюдаться даже в трансах в дневное время. В таких случаях людей, которые ходят во сне, могут расспрашивать посторонние, и в своих ответах они нередко оказываются способными предсказывать будущие события или рассказывать о том, что происходит на расстоянии; или же они выполняют во сне задания, которые не смогли бы выполнить в бодрствующем состоянии; они сочиняют музыку, пишут стихи, читают произведения на иностранных языках, не обладая при этом необходимыми знаниями и подготовкой. Один бедный ткач в Германии однажды услышал проповедь, которая глубоко его тронула; через несколько недель он встал ночью и повторил всю проповедь от начала до конца; его жена тщетно пыталась разбудить его, и на следующее утро он ничего не знал о случившемся. Случаи, когда ученые, сильно озадаченные сложными проблемами, бросали их перед уходом на покой, а затем ночью поднимались в состоянии сомнамбулизма и легко решали их, отнюдь не редки.

IX.

ЧУДЕСНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ.

"Spiritus in nobis qui viget, illa facit".

Corn. Agrippa, Ep. xiv.

Единым и неперменным условием всех чудесных исцелений, будь то молитва, наложение рук, покаянное каждение или магическая сила, является вера. И врач, и пациент должны верить, что болезнь - следствие греха, и принимать буквальный смысл слов Спасителя, когда Он исцелил импотента у купальни Вифезда и сказал: "Вот, ты сделался цел; не *греши* больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже" (св. Иоанна, ст. 14). (Подобно своему великому учителю, все апостолы и святые Церкви всегда настаивали на покаянии в сердце, прежде чем даровать здоровье телу. Кроме того, интересно отметить, что все без исключения восточные мудрецы, каббалисты и более поздние теософы, придерживались одного и того же мнения, как бы сильно они ни расходились по другим пунктам. Лишь в одном некоторые из них расходились: они приписывали злым духам то, что другие приписывали греху; но это различие лишь номинальное, ибо люди, согрешив, вступают в общение со злыми духами и становятся подвластными их власти. Поэтому о женщине, "имевшей дух немощи восемнадцать лет", говорили, что она была "связана сатаной", а когда она была исцелена, то "освободилась от уз" (Лк. xiii. 16). (Лк. xiii. 16.)

К этой общей вере необходимо добавить энергичную волю врача и возбужденное воображение пациента. История всех веков учит, что при наличии этих элементов были получены результаты, которые вызывают изумление людей своей удивительной быстротой и кажущейся невозможностью. Обычно они кажутся результатом определенных

символических, но чрезвычайно простых действий, таких как возложение рук, которое, возможно, производит концентрацию силы, произнесение благословения или просто продолжительный, неподвижный взгляд. Однако главное, конечно, - это психическая энергия, которая становится доступной в результате неизвестного пока процесса. Молитва, вероятно, является самым простым средством, поскольку она естественным образом ободряет и возвышает сердце человека и наполняет его совершенной надеждой и уверенностью, которые необходимы для его выздоровления. Эта надежда, в случае чудесных исцелений у святых, существенно укрепляется коллективной силой всех предшествующих исцелений, которую традиция доносит до сознания, в то время как чувства испытывают сильное впечатление от окружающей обстановки, и особенно от вотивных приношений, свидетельствующих о реальности бывших чудес. В случае с мощами, где Церковь видит просто чудеса, многие люди верят в продолжающуюся магическую силу, ощутимую только очень чувствительными пациентами; так, великий богослов Толук приписывает "платкам или фартукам", которые были принесены с тела святого Павла и отгоняли болезни и злых духов (Деян. хix. 12), особую целебную силу, которой они были пропитаны. (В определенные периоды, когда ум целого народа возбужден и, следовательно, предрасположен к восприятию сильных впечатлений от особо одаренных и высокопривилегированных лиц, такие чудесные исцеления, конечно, наиболее многочисленны и поразительны. Так было, например, в первые дни христианства, во времена Реформации и в те годы, когда был основан орден иезуитов. Поэтому мало пользы от того, что мы ограничиваем эпоху подобных явлений каким-то определенным периодом - днями апостолов, когда совершались только настоящие чудеса, как считают многие богословы, или первыми тремя веками после Христа, в течение которых Толук и другие все еще наблюдают магические представления. Магические и чудесные исцеления отличаются не по своей природе, а только по первопричине, точно так же, как транс сомнамбул идентичен трансу религиозных энтузиастов. Разница заключается только в вере, которая совершает исцеление; если она чисто человеческая, то эффект будет лишь частичным и в большинстве случаев эфемерным; если божественная вера и высшая сила сотрудничают, как в настоящих чудесах, то эффект будет мгновенным и постоянным. Отсюда контраст между человеком, который по повелению Господа "взял постель свою и ходил", и бесчисленными калеками, которые отбрасывали свои костыли у могил святых, чтобы вновь обрести их через день или два, когда вместе с волнением исчезала и вновь обретенная сила. Отсюда и сходство между многими деяниями первых отцов-иезуитов и апостолов; напряженная энергия первых, подкрепленная чистой и непоколебимой верой, приводила к результатам, которые во всех отношениях были чудесными. Со смертью таких людей, как святой Ксаверий, и ростом мирских амбиций в сердцах Отцов эта сила исчезла, и современные чудеса стали ловушкой и заблуждением для простодушных верующих.

Вера в такую психическую силу, которой обладают немногие привилегированные люди, стара как мир. Пифагор исцелял с помощью чародейства; Илиус Аристид, который десять лет напрасно консультировался с учеными врачами, и Марк Антонин излечились с помощью инкубации. Тацит рассказывает, что император Веспасиан вернул зрение слепому, смочив его глаз слюной, а хромоту вернул возможность пользоваться ногами, сильно наступив на них. (Оба исцеления были совершены перед огромной толпой в Александрии, и в обоих случаях просители сами указали средства, с помощью которых они должны были быть восстановлены, а император лишь с большой неохотой уступил их молитвам и настоятельным просьбам своих придворных. (Sueton., *Vita Vespas.*) Пирр, царь Эпира, вылечил колики и болезни почек, положив больного на спину и прикоснувшись к нему большим пальцем ноги (Plutarch, *Vita Pyrrhi*); следовательно, и Веспасиан, и Адриан использовали тот же метод!

Наложение рук с целью чудесного исцеления практиковалось с незапамятных времен; халдеи и брамины использовали его в случаях злокачественных заболеваний. Короли Англии и Франции, и даже графы Габсбурги в Германии всегда считались способными вылечить гутры прикосновением рук, и поэтому эту жалобу называли "королевским злом". Идея, по-видимому, зародилась на севере; король Олав, святой, как сообщает Снорре Стурлесон, проводил эту церемонию. Оттуда, без сомнения, она была перенесена в Англию, где Эдуард Исповедник, похоже, первым стал лечить гутров. Во Франции каждый монарх при восшествии на престол получал при посвящении секрет *способа действия* и священную формулу - ведь здесь также устное слово шло рука об руку с магическим прикосновением. Филипп I. был первым, а Карл I. последним монархом, который совершил исцеление публично, произнеся древнюю фразу: "*Le roi te touche, Dieu te guérisse!*". Похожим образом испанские салюдадоры и энсальмадоры излечивали не только гутры и заикание, как упомянутые нами монархи, но и почти все недуги, которым подвержена человеческая плоть, наложением рук, горячей молитвой и дыханием на больного.

Подобные дары приписываются восточным властителям, а правящая династия в Персии утверждает, что унаследовала способность исцелять больных от раннего предка, святого шейха Сефи. Великий путешественник Шарден видел, как больные, едва способные ползать, тащились к ногам шаха и умоляли его лишь окунуть кончик пальца в чашу с водой и тем самым наделить его целительной силой. Не стоит удивляться тому, что те выдающиеся люди, которым удалось огнем своего красноречия и силой заразительного энтузиазма вооружить один мир против другого, авторы крестовых походов, были способны совершать чудесные исцеления. Петр Амьенский и Бернард Клервоский настолько завладели умами верующих, что их проклятия вызывали спазмы и страшные страдания у виновных, а их благословения возвращали речь немым и здоровье больным. Здесь также особую силу приписывали даже их одежде, и многие замечательные результаты были получены от одного лишь прикосновения. Испания, родина ревностной аскетической веры, изобилует святыми, совершавшими чудеса, самым успешным из которых был, вероятно, Раймунд Норматус (названный так потому, что не был рожден от женщины, а был вырезан из тела своей мертвой матери искусными врачами), который во время чумы 1200 года исцелил множество людей крестным знаменем. К этому же классу людей принадлежат, как уже говорилось, первые отцы Общества Иисуса, хотя их способности были столь же различны, как и характеры. Игнатий Лойола, представлявший интеллект нового ордена, совершил мало чудесных исцелений; Ксаверий, напротив, человек блестящей фантазии, добивался успеха в самых разных случаях. Первые лидеры, такие как Лойнес, Сальмерон и Бобадилья, вообще не обладали магической силой, но последующие преемники, такие как Очоа Каррера и Кепель, проявили ее в удивительной степени, хотя дары Очоа были четко ограничены исцелением больных наложением рук. Весь период этого сильного возбуждения длился всего шестнадцать лет, с 1540 по 1556 год, после чего яркая вера, которая только и делала возможными исцеления, исчезла. Стоит отметить, что сами иезуиты и большинство их историков отрицают, что когда-либо обладали способностью творить чудеса, и приписывают исцеления исключительно вере пациентов. Святой Ксаверий, как известно, возвращал к жизни мертвых, и даже если предположить, что они лежали только в обмороке и еще не умерли по-настоящему, выздоровление будет не менее поразительным. Самый примечательный из этих случаев - случай с единственной дочерью японского дворянина. Ее смерть настолько ошеломила отца, крупного лорда, обладавшего огромным состоянием, что его друзья опасались за его рассудок; в конце концов они убедили его обратиться за помощью к великому миссионеру. Он так и сделал; иезуит, преисполненный сострадания, попросил брата-священника присоединиться к нему в молитве, и оба упали на колени и молились с большим рвением. Ксавье вернулся к язычнику с радостным лицом и велел ему

утешиться: его дочь жива и здорова. Дворянин, совсем не похожий на отца из Священного писания, возмутился, решив, что святой человек либо не поверил в смерть его ребенка, либо отказался ему помочь; но когда он отправился домой, навстречу ему выбежал паж, принесший радостную весть о том, что его дочь действительно жива и здорова. После его возвращения она рассказала ему, что ее душу, когда она покинула тело, схватили отвратительные фигуры и потащили к огромному костру, но внезапно вмешались два прекрасных человека, которые вызволили ее из их рук и вернули к жизни. Счастливым отец немедленно вернулся с ней к святому человеку, и как только его дитя увидело Ксавье и его спутника, оно упало к их ногам и заявило, что они - друзья, вернувшие ее из нижнего мира. Вскоре после этого отец и вся его семья стали христианами. (Orlandini, Hist. Soc. Jesu., ix. c. 213.) Случай кажется очень простым и является одним из самых поучительных в современной магии. Девушка не умерла, но находилась в каталептическом трансе, в котором у нее были видения страшных сцен, и она превратила свирепую власть, которую болезнь имела над ее телом, в хватку враждебных сил, пытающихся завладеть ее душой. В то же время она стала ясновидящей и поэтому видела Ксавье и его спутницу достаточно отчетливо, чтобы впоследствии узнать их. Исцеление было совершено Всевышним в ответ на горячую молитву двух благочестивых людей, исполненных чистой веры, согласно священному обетованию: "Действенная, горячая молитва праведника много дает". Тем более приходится сожалеть, что даже в те дни искреннего благочестия и восторженной веры к истинному учению сразу же примешались чужеродные элементы; ведь уже Каспар Берсей приписывал некоторые свои исцеления Святой Деве; и вскоре сила ушла, когда честь перестали воздавать Тому, Кому одному она причиталась.

С тех пор способность совершать чудесные исцеления была дарована лишь немногим людям, и то в исключительных случаях. Так, Маттиас Вилль, немецкий божественный деятель XVII века, прославился своей чудесной силой над больными и одержимыми не меньше, чем своим горячим благочестием, непрестанными молитвами и постом, а также полным самоотречением. К нему привозили страдальцев со всех концов христианства, и сотни людей, от которых отказались врачи, были исцелены благодаря его искренним молитвам и благословию, которое он призывал свыше. Память о нем до сих пор жива в его доме, а надпись на его надгробном камне повествует о его необыкновенных способностях. (Cath. Encycl., Suppl. I. 1320.) Даже у янсенистов, при всей их враждебности к некоторым обычаям Церкви, был свой знаменитый аббат Париж, чья могила на кладбище Сен-Медар стала в 1727 году местом ряда чудесных исцелений, полностью подтвержденных юридическими доказательствами и подробно описанных Монжероном, человеком, которого аббат при жизни превратил из безрассудного распутника в истинно благочестивого христианина. (Магические явления, продемонстрированные по этому случаю, широко обсуждались, было написано множество книг и памфлетов как за, так и против их подлинности, пока тема не стала настолько замутненной партийным духом, что в наши дни крайне трудно отделить правду от большой примеси недостоверных утверждений. Особенностью этих сцен, которую в полной мере признавали даже противники, была совершенная бесчувственность большинства энтузиастов, так называемых *конвульсионистов*. Янсенисты по убеждению, эти люди, спокойные и хладнокровные в своих обычных занятиях, были настолько возбуждены религиозным волнением, что впадали, по двадцать и более человек за раз, в жестокие конвульсии и требовали, чтобы их били огромными дубинами с железными наконечниками, чтобы снять невыносимое давление на живот. Таким образом, они терпели удары по животу, которые при обычных обстоятельствах привели бы к тяжелым, если не смертельным последствиям.

Вышеупомянутый свидетель, видевший их почти невероятные страдания, Карре де Монжерон, утверждает, что сам он использовал железную дубинку, заканчивающуюся шаром и весящую от двадцати до тридцати фунтов. Одна из женщин-энтузиасток пожаловалась, что обычные удары не приносят ей облегчения, и тогда он со всей силы ударил ее шестьдесят раз. Но и это оказалось бесполезным, и стоявший рядом крупный и более мощный мужчина взял страшное орудие и своими сильными руками нанес ей еще сто ударов! Должно быть, напряжение ее мышц было необычайным, ведь она не только выдержала удары, которые убили бы и крепкого здорового человека, но и стена, к которой она прислонилась, начала дрожать и шататься от сильного сотрясения. Ударам не просто противостояла тургорность тела; казалось, что сама кожа была изменена таким образом, который неизвестен в здоровом состоянии. Так, один из братьев Марион ничего не почувствовал от удара остроконечным ножом в живот, и кожа ни в коем случае не была повреждена. Для этого транс, в котором он находился, обязательно должен был вызвать полное изменение органических атомов, и это одно из самых важных магических явлений, связанных с этим классом видений, о котором мы поговорим в другом месте.

Хорошо известно, что исцеления на могиле аббата Париса и ужасные сцены, разыгрываемые там этими *конвульсионерами*, привлекли к себе столько внимания, что король в конце концов был вынужден положить конец этому процессу. После тщательного расследования, проведенного специально назначенными для этой цели людьми, территория была охраняема, доступ туда был запрещен, а парижские клячи вывесили у входа следующее объявление:

*"Защита от короля. Защита от Дьё,
Не совершать чудо в этом месте!"*

В Ирландии в XVII веке был свой Грейкейкс, который, по неопровержимым свидетельствам, излечивал почти все болезни, известные человеку, простым прикосновением и горячей молитвой.

В 1662 году Валентину Грейкейксу из Уотерфорда в Ирландии приснилось, что он обладает даром исцелять *goîtres* простым наложением рук, как это делали короли Англии и Франции. Однако только когда сон повторился несколько раз, он прислушался к нему и опробовал свою силу на жене. Успех первой попытки побудил его попробовать и другие случаи, и вскоре его слава распространилась так далеко, что его послали в Лондон, чтобы он провел несколько сеансов лечения в Уайтхолле. Он неизменно добивался успеха, но ему приходилось много терпеть от насмешек придворных, поскольку он настаивал на лечении не только людей, но и животных. Его исцеления подтверждали такие авторитетные люди, как Джон Гланвилл, капеллан Карла II, епископ Руст из Дромора в Ирландии, несколько выдающихся врачей и знаменитый Роберт Бойль, президент Королевского общества. По их единодушному свидетельству, Грейтрекс был простодушным, набожным человеком, далеким от самозванства и претензий, твердо верившим, что Бог вверил ему особую силу, и сумевшим внушить другим такое же убеждение. Его метод был очень прост: он клал руки на больное место или осторожно растирал его в течение некоторого времени, после чего боли, опухоли или язвы, которые он хотел вылечить, сначала утихали, а затем исчезали совсем. Примечательно, что и здесь все зависело от характера веры пациента, поскольку в зависимости от степени веры последнее излечение происходило либо почти мгновенно, либо менее быстро, а в некоторых случаях требовало нескольких дней и многочисленных бесед. Его часто обвиняли в колдовстве и чародействе, но врачи Фейзелу и Артемий, а также Бойл защищали его с большой энергией, свидетельствуя о реальности его исцелений.

Одним из наиболее достоверных, хотя и единичных, случаев такого рода является выздоровление племянницы Блеза Паскаля, девочки одиннадцати лет. Она училась в школе-пансионе в знаменитом Порт-Рояле и страдала от ужасного свища в глазу, который причинял ей сильные боли в течение трех лет и грозил разрушить кости ее лица. Когда врачи предложили ей подвергнуться очень болезненной операции с помощью раскаленного железа, некоторые янсенисты предложили сначала помолиться за нее, а в это время к больному месту прикоснуться шипом, который, как говорят, был частью тернового венца нашего Спасителя. Это было сделано, и на следующий день отек и воспаление исчезли, а глаз восстановился. Девушка была официально осмотрена комиссией, состоявшей из личного врача короля, доктора Феликса, и трех выдающихся хирургов; но они сообщили, что ни искусство, ни природа не смогли добиться исцеления, и что оно должно быть приписано исключительно прямому вмешательству Всемогущего. Молодая женщина прожила еще двадцать пять лет и никогда не возвращалась к своей привязанности. Расин подробно описал этот случай, Арно и Паскаль, и все они подтвердили подлинность чудесного исцеления.

Во второй половине прошлого века некий отец Гасснер произвел большую сенсацию в Германии благодаря своим чудесным исцелениям и периодическим изгнаниям злых духов. Для последней цели он использовал не обычный ритуал католической церкви, а простое наложение рук и обращение к Спасителю. Почти всех пациентов, которых приводили к нему, он объявлял находящимися под влиянием злых духов и делил их на три класса: *circumsessi*, которые подвергались нападению лишь время от времени, *obsessi*, или околдованные, и *possessi*, которые были действительно одержимы. Когда к нему приводили больного, он сначала приказывал злему духу показать себя и продемонстрировать все свои силы; затем он горячо молился и именем Спасителя повелевал демону покинуть свою жертву. Простой, непритязательный мужчина лет пятидесяти, он появился в красном одеянии по моде, царившей в то время в его родной стране, и носил на шее крест с частицей святого креста, подвешенный на серебряной цепочке. Пациента усаживали перед ним так, чтобы свет из ближайшего окна полностью падал на его черты, и зрители, которые всегда толпились в комнате, могли спокойно наблюдать за всем происходящим. Часто он возлагал свой посох на голову страдальцев, захватывал их лоб и шею вытянутыми руками и, крепко держа их, произносил низким голосом горячую молитву. Затем, дав им поцеловать свой крест, если они были католиками, он отпустил их, дав несколько четких указаний по поводу лечения и убедительно посоветовав оставаться твердыми в вере. Вероятно, самый достоверный рассказ об этом замечательном человеке и его поистине чудесных исцелениях был опубликован ученым и выдающимся врачом, доктором Шизелем, который обратился к священнику с открытым заявлением, что пришел как скептик, чтобы понаблюдать за его действиями и изучить его метод. Он настолько убедился в силе отца Гасснера, что отдал себя в его руки в качестве пациента, был излечен от подагры в обостренной форме и вызвал крайнее негодование своих коллег-специалистов, откровенно заявив о своей убежденности в искренности священника и подлинности его исцелений.

Однако с исключительной силой этого священника было связано одно обстоятельство, которое поражало даже больше, чем его исцеления. Его воля была столь удивительно энергична, а контроль над слабыми умами столь совершенен, что он мог по своему желанию заставить пульс своих пациентов замедлиться или участиться, заставить их смеяться или плакать, спать или бодрствовать, видеть видения и даже испытывать эпилептические приступы. Как и следовало ожидать, большинство его посетителей составляли женщины и дети, но они были буквально беспомощными инструментами в его руках. Они не только двигались и действовали, но даже чувствовали и думали так, как он им приказывал, и во

многих случаях под его влиянием они могли говорить на языках, которых не знали ни до, ни после. В Ратисбоне комиссия, состоящая из двух врачей и двух священников, была направлена для изучения священника и его исцелений; профессор анатомии тщательно проследил за пульсом и нервами пациентов, которые были выбраны бессистемно, и все они подтвердили заявления, сделанные ранее; три других профессора, которые вызвались помочь в расследовании, согласились с ним в убеждении, что не было ни сговора, ни навязывания, которые можно было бы заподозрить. Священник, который не использовал никаких других средств, кроме молитвы и обращения пациентов к Богу, был признан действующим добросовестно, из чистых побуждений и в лучших целях; его исцеления считались подлинными. Однако в деле отца Гасснера присутствовали и предосудительные элементы, которые нельзя упускать из виду. Желание прославиться, которое в значительной степени определяет все подобные проявления необычных способностей, заставляло многих совершенно здоровых людей притворяться больными только для того, чтобы после излечения стать объектом всеобщего удивления. С другой стороны, сам добрый отец, несомненно, благодаря своему неожиданному успеху, был вынужден пойти дальше, чем он мог бы сделать при других обстоятельствах в своей простоте и откровенности. Он создал собственную теорию, объясняющую чудеса. По его мнению, первой причиной всех болезней, происходивших от "одержимости", были "княжества, силы, властители тьмы мира сего и духовная злоба в высших сферах", которых апостол упоминает как врагов более грозных, чем "плоть и кровь" (Ефес. vi. 12). (Они, по его мнению, обитают в воздухе и, нарушая атмосферу со злым умыслом, вызывают болезни в организме и заблуждения в разуме. Если несколько человек объединялись и с позволения Всевышнего отравляли воздух в значительной степени, то естественным следствием этого становились заразные болезни. Против этих демонов или "козней дьявольских" (Ефес. vi. 11) он использовал единственное средство, санкционированное Священным Писанием, - горячую молитву, которая, конечно, не могла иметь никакого эффекта, если пациент не разделял полностью его веру. Эту веру, опять же, он мог пробудить и укрепить высшей энергией своей воли, но, конечно, не во всех случаях; если молитва не приносила желаемого результата, он приписывал болезнь прямому посылу свыше, а не воздействию злых духов, или объявлял пациента лишенным веры. Подобным образом он объяснял рецидивы как последствия ослабления веры. Однако поразительные явления, которые он считал необходимым вызвать у своих пациентов, прежде чем попытаться их восстановить, относятся к тому, что можно назвать магией наших дней. Ведь эти симптомы никак не связаны с болезнью, от которой они страдали. Люди с большими ранами, окоченевшими конечностями или незрячими глазами по его приказу впадали в страшные пароксизмы, во время которых дыхание прерывалось, нос становился заостренным, глаза нечувствительными к прикосновениям, а все тело жестким и синюшным. И все же, когда пароксизм прекращался по его слову, пациент не чувствовал никаких дурных последствий, даже усталости, а все случившееся, как правило, мгновенно забывалось. Этот случай произвел огромную сенсацию во всей Европе, и великие люди его эпохи выступали то за, то против бедного священника, который подвергался жестоким гонениям и лишь время от времени находил действительно способного защитника, такого как Лаватер. Самым тяжелым наказанием для него стало осуждение его собственной церкви, которое сопровождалось приказом императора Иосифа II, императивно запрещающим все дальнейшие попытки. Папа Пий VII, поручивший изучить этот вопрос известной *Kongregation SS. Rituum*, объявил в 1777 году по их докладу, что действия священника являются еретическими и впредь не должны допускаться, и приказал епископу, под юрисдикцией которого он жил, предотвратить любое дальнейшее осуществление его притворной власти. Однако все эти декреты папских соборов и приказы имперских чиновников не могли отменить того, что уже совершил бедный священник, и история научила нас относительной ценности

расследований, проводимых предвзятыми священниками, и расследований, проводимых учеными людьми. Мы вполне можем сомневаться в суждениях авторитетов, которые когда-то осудили Галилея, а теперь даже осуждают прессу как проклятие; но мы не имеем права сомневаться в мнении людей, которые, будучи врачами и учеными, по природе своей склонны отвергать все утверждения о сверхъестественных или даже исключительных способностях.

В недавние времена принц Гогенлоэ в Германии утверждал, что совершил ряд чудесных исцелений, начиная с принцессы Шварценберг, которой он приказал "во имя Христа снова стать здоровой". Многие из его пациентов, однако, исцелялись лишь на время; когда их вера, возбужденная до предела, снова остывала, недуги возвращались; тем не менее в его жизни осталось достаточно фактов, чтобы утверждать чудесную силу его сильной воли, когда она воздействовала на особенно восприимчивое воображение и помогала искренней молитвой. (Kies., *Archiv*. IX. ii: 311.)

Спорадические случаи подобных способностей в последнее время проявлялись в Париже, во внутренних районах России и в Равенне, но доказательства, на основании которых делаются заявления в публичных журналах, настолько ненадежны, что нельзя надеяться на какие-либо важные результаты их расследования. Нынешнее время вряд ли можно назвать веком веры, и уже достаточно сказано, чтобы доказать, что без очень большой и искренней веры чудесные исцеления невозможны.

Х.

МИСТИЦИЗМ.

"Credo quia absurdum est" - Тертуллиан.

Один из самых замечательных классов магических явлений, сочетающий в себе почти все остальные известные признаки трансов с особым видом, называемым стигматизацией, известен как мистицизм в более ограниченном смысле этого слова. Он носит это название главным образом потому, что обозначает попытки соединить в тесном общении человечество с божеством, и каким бы несовершенным ни был успех всех этих усилий в целом, нельзя отрицать, что в отдельных случаях были получены весьма поразительные результаты. Чтобы достичь своей высокой цели, мистикам требуется полное омертвление всех человеческих привязанностей и естественных импульсов, а также коренное изменение своих привычных мыслей и чувств. Прежде всего, похоть плоти, похоть очей и гордость сердца должны быть убиты болью; поэтому мистики вполне довольны страданиями, наказаниями тела, отказом от самых простых удовольствий и радостью от фактического нанесения ран и увечий. Взамен этого полного омертвления человеческих привязанностей они преисполняются невыразимой любовью к божественному Спасителю, Жениху, и Святой Деве, Невесте, или даже к чисто абстрактным, бесплотным существам. Они наслаждаются великим внутренним комфортом и чувством счастья и покоя, которое не поддается никакому описанию. Однако что бы ни послужило непосредственной причиной их экстатического состояния - болезнь, аскетизм, самоистязания или долгая горячая молитва, - это высшее блаженство даруется им только во время транса. К сожалению, этот период счастья не только болезненно короток, но и неизменно сменяется мощной реакцией; согласно законам нашей природы, высшее возбуждение должно неизбежно смениться глубоким истощением, экстатическое блаженство - душевным унынием, а яркие видения небес - отчаянным представлением о непростительных грехах и безнадежном будущем. Отсюда страшные

доктрины мистиков всех веков, предписывающие постоянное самоотречение как единственный путь к Богу, которого пока нельзя найти во внешнем мире, а только во внутреннем сознании верующего. Если грешник не смеет надеяться приблизиться к Святому, то и кающемуся верующему постоянно грозит опасность вновь потерять то, что он приобрел страшными жертвами. Союз между ним и его Богом должен быть не только тесным, но и непрерывным - доктрина, которая привела к тому, что мистики с большой благосклонностью относятся к образам, порожденным земной любовью: для них Бог навсегда остается женихом, душа - невестой, а союз между ними - истинным браком верных. Путем такого обучения, умело и настойчиво проводимого, многим людям, особенно женщинам, удалось настолько полностью омертвить все физические функции своего тела, что их жизнь буквально сводится к одним лишь операциям ощущения и видения. Страдания, вызванные этими попытками подавить всю естественную жизненную силу, убить, так сказать, живое тело, сделав органы чувств неактивными, в то время как они все еще находятся в полной силе своего естественного состояния, часто не только болезненны, но и ужасающи. Бедная женщина, известная своим аскетизмом и сверхъестественными видениями, Мария Агредская, никогда не могла предаваться богослужению в темноте, не испытывая при этом настоящих мучений. Ее духовный свет внезапно гас, страшные ужасы обрушивались на ее душу и причиняли ей невыразимые муки, ужасные образы диких зверей и свирепых демонов окружали ее, воздух был наполнен проклятиями и невыносимыми богохульствами, и даже ее тело было охвачено дикими, конвульсивными движениями и жестокими спазмами. Неудивительно, что многие из этих мистиков потеряли рассудок, а другие стали жертвами страшных болезней. С другой стороны, нельзя отрицать, что многие из них были выдающимися примерами самоотречения и безупречной преданности, а также подлинными героями в борьбе за святую веру и любовь своих братьев. Сами их ошибки были настолько привлекательны, что основная ошибка забывалась, и все чувствовали, как мало людей, действующих по обычным мотивам, способны подняться на такую же высоту самопожертвования. Не следует также забывать, оценивая особенно мистиков наших дней, что в их искренности никогда нельзя сомневаться: они всегда действовали и продолжают действовать по искреннему убеждению и в твердой уверенности, что их работа заслуженна не в глазах людей, а перед Всевышним. Аскетов прежних веков не так легко понять; они были людьми, которые предлагали не только ограничить удобства жизни, но и сделать все наше земное существование подчинённым чисто божественным целям; так, например, Франциск Ассизский предписывал абсолютную бедность в качестве правила своего ордена. Главные магические явления, сопровождающие религиозный экстаз, - это невосприимчивость тела ко всем, даже самым сильным повреждениям, и восприятие вещей, недоступных нашим органам чувств в здоровой жизни. Строгий и продолжительный пост, сон на жесткой кушетке, полное воздержание от всех мыслей и чувств, кроме тех, что напрямую связаны с высшей жизнью, никогда не приводят к желаемому результату. С помощью таких средств вся природа человека окончательно изменяется; не только в законных отношениях, существующих между телом и разумом, но и в тех, которые связывают человека с природой; изменения, таким образом, являются в равной степени физиологическими и психическими. В конце концов они приводят к обретению силы, которая в глазах мистиков идентична той, что обещана в Евангелии от Марка хvi. 18. "Будут брать змей, и если что смертоносное выпьют, не повредит им". Какими бы необычными ни казались нам рассказы о страданиях и исключительных способностях мистиков, во многих случаях они слишком хорошо подтверждены, чтобы в них можно было серьезно сомневаться. Так, знаменитый аскет Роза Лимская была фактически ранена здоровой пищей, но во многих случаях мгновенно укреплялась всего лишь хлеба, смоченного в чистой воде; Бернар Клервоский значительное время жил на буковых листьях, сваренных в воде, а Мария из Оиньи однажды тридцать пять

дней питалась святой облаткой, которую принимала ежедневно. Мистики, которые, подобно последним, получали от Евхаристии не только телесное, но и духовное утешение, часто упоминаются в летописях Церкви. Другим же удавалось путем постоянного и сильного возбуждения разогреть свою кровь до такой степени, что они становились нечувствительными к внешнему холоду, даже когда зимние морозы становились непереносимыми для других. Само сердце, по-видимому, страдает от такого крайнего возбуждения; у Екатерины Сиенской его сильное сердцебиение и конвульсивные толчки можно было видеть и чувствовать, когда она находилась в состоянии экстаза, а сердце Филиппо Нери после смерти было обнаружено значительно увеличенным и фактически сломавшим два ребра своими конвульсивными спазмами.

К более редким, но столь же хорошо подтвержденным магическим феноменам этого класса следует отнести временную приостановку действия закона гравитации. Подобно браминам Индии, которые издавна обладали способностью без посторонней помощи подниматься с земли и оставаться подвешенными в воздухе, христианские мистики также не раз были замечены в том, что висели без опоры высоко над землей. В подтверждение своей веры в такие исключительные способности они приводят тот факт, что Аввакум был схвачен ангелом и унесен по воздуху, а Спасителя даже дьявол унес на очень высокую гору на вершине храма - случаи, в которых законы гравитации должны были быть подобным образом приостановлены.

Многие святые мужи, среди которых были Филиппо Нери, Игнатий Лойола и основатель ордена доминиканцев, оставались подвешенными в воздухе часами и днями; один из них, монах-кармелит П. Доминикус, в присутствии короля и королевы Испании и всего их двора. (Известны даже случаи, когда это поднятие тела происходило с благочестивыми людьми против их собственного желания и к их большому и искреннему огорчению, так как это привлекало всеобщее внимание в самой болезненной степени. К этому классу явлений относится и светящийся вид, который, как кажется, иногда сопровождает высокое состояние религиозного возбуждения. Так было с Моисеем, который "не знал, что кожа лица его сияет", и, вероятно, со Стефаном, когда "сидевшие в совете, смотря на него неподвижно, видели лицо его, как лицо ангела".

Однако наиболее поразительными из этих явлений являются те, которые известны как стигматизация, когда объединенная сила горячей, возвышенной веры и чрезмерно возбужденного воображения производит на теле реальные следы повреждений, хотя никаких таких повреждений никогда не наносилось. Церковные анналы изобилуют примерами женщин, которые после долгих размышлений о природе и достоинствах распятия носили на руках и ногах следы от гвоздей - эффект, который медицинская наука также признает возможным, поскольку подобные результаты нередки, по крайней мере у новорожденных младенцев, чьи тела отмечены в результате событий, которые недавно произвели особенно глубокое впечатление на матерей.

К сожалению, мистицизм также не смог уберечь своих приверженцев от примеси самозванства. Известно, что ложные чудеса происходили как в Церкви, так и вне ее, и легкое верие принимало многие заявления, которые не выдерживали самого простого расследования. Поэтому внимательный студент должен с величайшей осторожностью отличать подлинные и хорошо проверенные факты от опрометчивых или заведомо ложных заявлений. Однако даже в этом случае ему не следует забывать слова Паскаля, который, говоря об апостолах, сказал: "Я вполне готов верить историям, за правдивость которых свидетели страдали смертью". Не исключено даже, что духовный мир, как и материальный, может иметь свои изменения, а поскольку организмы силурийского периода невозможны в

наше время, то так называемые магические результаты могли быть получены некоторыми прежними поколениями, которые не под силу нашему. Никто не может с уверенностью определить в этом направлении, что возможно, а что невозможно; возможности человека категорически относительны, и каждый подвиг должен, по справедливости, оцениваться с учетом всех сопутствующих обстоятельств. Для людей нашего времени так же невозможно возвести такие пирамиды, какие строили древние египтяне, как для человека в добром здравии совершить силовые подвиги, на которые он может быть способен под влиянием высокой температуры или сильных пароксизмов.

Любопытной особенностью этих феноменов является интимная связь, в которой, как кажется, находятся друг с другом святые и так называемые демонические влияния. Святые представляются искушаемыми злыми духами, которые, однако, не имеют существования, кроме как в их собственном сердце, а одержимые, с другой стороны, время от времени испытывают благочестивые порывы и святые мысли. В первом случае врожденная греховность сердца создает образы демонов, таких как святой Антоний, увиденный в пустыне; во втором случае ангелы-хранители людей, как говорят, приходят им на помощь. Известны даже случаи, когда люди безвольно отдавались временному влиянию злых духов - под впечатлением, что таким образом они могут угодить Богу, - а путешественники специально подвергались дурному воздействию опиума или гашиша, чтобы испытать свои силы. Таким образом, мистицизм в конце концов разработал полную систему ангелов, святых и демонов, чьи разнообразные формы и особенности стали знакомы приверженцам в ранний период их жизни и наполнили их сознание образами, которые впоследствии обрели кажущуюся реальность в состоянии транса. То, что физическое состояние является мощным элементом всех этих явлений, ясно из того факта, что всякий раз, когда женщины подвержены трансам или видениям такого рода, последние регулярно меняются в зависимости от состояния их здоровья, и в большинстве случаев прекращаются в определенном возрасте. Этот факт очень характерно иллюстрирует взаимные отношения между телом и душой; состояние первого отражается в душе чувствами и образами, а душа точно таким же образом накладывает отпечаток на тело. Обычно это ограничивается лицом, где черты в своем выражении более или менее точно воспроизводят то, что происходит внутри; но в исключительных случаях психические события вызывают определенные механические или физические изменения в теле, которые время от времени приводят к болезни или даже становятся смертельными. Опыт доказывает, что если воображение стимулировать до чрезмерной активности, то оно может вызвать изменения в природе эпидермиса или даже слизистой оболочки, которые во всем напоминают симптомы настоящих болезней. Есть люди, которые энергичным усилием воли могут вызвать появление красных пятен, напоминающих воспаление, почти на всех частях тела. В крайних случаях эта способность доходит до обморока, при котором человек становится совершенно нечувствительным к любым травмам, теряет всякую способность двигаться и даже перестает дышать. Святой Августин упоминает несколько таких случаев. (Удивительная способность полковника Тауншенда впадать в состояние обморока слишком хорошо доказана, чтобы допускать какие-либо сомнения; он становился ледяным и жестким, его сердце переставало биться, а легкие - дышать; лицо становилось смертельно бледным, черты становились резкими и заостренными, а глаза оставались неподвижными. Усилием воли ему удалось вернуть себя к жизни, но однажды вечером, когда он попытался повторить эксперимент, успешно проведенный утром в присутствии трех врачей, ему не удалось снова проснуться. Впоследствии выяснилось, что у него больное сердце; однако в то же самое время, благодаря внимательному отношению и долгой практике, он добился почти идеального контроля над этим органом". (Cheyne, "Engl. Malady", London, 1733, p. 307.) Известно, что индийские факиры обладали подобной силой и позволяли хоронить себя в герметичных

могилах, где за ними иногда наблюдали в течение сорока дней военные стражники, и по истечении этого времени возвращались к жизни без видимых повреждений. Подобная власть над менее жизненно важными органами тела отнюдь не редкость; постоянно встречаются люди, способные по желанию спрятать язык так, что даже хирурги обнаруживают его с трудом; другие, как Юстинус Кернер, могут опорожнять желудок от содержимого, словно это карман, или сужать и расширять зрачки глаз по желанию. Также нередки случаи, когда индейцы и негры в своем отчаянии умирали только потому, что так захотели. Поэтому не приходится сомневаться, что если простое волевое усилие может привести к таким необычным результатам, то еще более исключительные эффекты могут быть получены благодаря горячей вере и чрезмерной стимуляции всей нервной системы, и многое, что кажется либо невероятным, либо, по крайней мере, в высшей степени чудесным, может найти простое и в то же время удовлетворительное объяснение.

Подлинная стигматизация, то есть появление пяти ран Спасителя, обычно проявляется только после многих лет постоянного размышления о Его страстях в сочетании с чрезмерным постом и другими аскетическими самоистязаниями. Первым этапом, как правило, является видение страданий Христа, сопровождаемое предложением венка из цветов или тернового венца. Если мистик выбирает первое, то результат остается в пределах общих последствий аскезы; если же он выбирает терновый венец, то могут появиться сами стигмы. Это происходит, естественно, только в очень редких случаях, когда мистик обладает той исключительной энергией и интенсивной пластической силой воображения, которые необходимы для того, чтобы приостановить естественные отношения души и тела. Тогда последнее, уже основательно ослабленное и истощенное, становится настолько восприимчивым к влиянию души, что воспроизводит, спонтанно и бессознательно, впечатления, глубоко запечатленные в сознании, и во время очередных экстатических видений раны проявляются внезапно. Их появление неизменно сопровождается жестокой болью, которая словно излучается огненными раскаленными дротиками из ран образа Христа. Поскольку умы мистиков бесконечно различаются по энергии воли и ясности восприятия, стигмы также видны более или менее отчетливо; и их природа варьируется от просто красноватых точек, которые становятся видны на голове, как эффект тернового венца, до настоящих кровоточащих ран. Первые склонны исчезать по мере того, как спадает возбуждение или ослабевают воля; вторые, однако, отличаются тем, что не продолжают кровоточить, но и не заживают. Только у женщин они склонны прорываться снова через регулярные промежутки времени, например, по пятницам, когда мистическое возбуждение снова достигает наивысшей степени, или в другие периоды, когда давление крови ищет выхода через эти новые отверстия. Поскольку такое состояние может продолжаться только за счет затянувшегося воспаления, стигматизация всегда сопровождается сильными болями и огромными страданиями, особенно во время кровотечения.

Самым ранним из всех случаев стигматизации, из которых около семидесяти полностью подтверждены, был случай Франциска Ассизского, который, проведя годы в горячей молитве о разрешении разделить страдания Спасителя, наконец увидел спускающегося к нему серафима с шестью крыльями, а между крыльями - форму распятого человека. В тот же миг он почувствовал пронзительные боли, а когда вышел из транса, то обнаружил, что его руки и ноги, а также бок кровоточат, как от сильных ран, а из ран на конечностях торчат странные темные наросты, похожие на гвозди. Поскольку это был первый известный случай стигматизации, Франциск Ассизский был полон серьезных сомнений относительно этого странного явления и тщательно скрывал его от всех, кроме самых близких друзей. Тем не менее раны видели и ощущали папа Александр и несколько кардиналов при его жизни, а после его смерти они стали объектом тщательного исследования. (Philalethes' *Divina Comm.*,

Paradiso, p. 144.) Есть только один другой случай, полностью подтвержденный, в котором мужчина был заклеимен таким образом; все остальные заслуживающие доверия случаи связаны с женщинами. Насколько тесна связь между волей и возникновением этих явлений, можно судить по одному из наиболее достоверных случаев - истории Джоанны Бургосской в Испании, которая в течение двадцати лет еженедельно проливала много крови, следя за чтением страстей нашего Спасителя. Когда ей исполнилось семьдесят лет, начальство убедило ее особыми доводами горячо молиться о прекращении страданий. Она бросилась перед распятием и оставалась там день и ночь в непрестанной молитве; на следующее утро раны закрылись и больше не кровоточили. Еще одно доказательство этой особенности заключается в том, что стигматизация происходит в основном в Италии, стране воображения, и в Испании, стране набожности; в Германии известно лишь несколько случаев, и ни одного на севере Европы и в Америке.

Среди знаменитых мистиков, которые не принадлежат как святые или мученики исключительно Церкви, прежде всего Генри Сузо, "Живое сердце", и Джон Рюйсбрук, так называемый Доктор Экстатикус. Первый, который часто впадал в трансы, а однажды долгое время лежал в обмороке, оставил после себя одни из самых привлекательных произведений, когда-либо написанных религиозными энтузиастами. Он жил в XIV веке, и когда двести лет спустя его могилу вскрыли, тело было найдено без изменений, а горячие поклонники верили, что чувствуют приятные запахи, исходящие от останков. Голландский бог Рюйсбрук был еще более известен своей святой жизнью и замечательными трудами, чем многочисленными чудесными видениями, которыми он наслаждался. В том же веке появился самый знаменитый проповедник, которого, вероятно, когда-либо видела Германия, - Джон Капистран, привлекавший массы магической силой своей индивидуальности и околдовывавший их своим жгучим красноречием. Уроженец Капистрано в Абруцци, где он родился в 1385 году, он стал сначала адвокатом и добился больших успехов в качестве такового на Сицилии. К несчастью, он был вовлечен в одну из многочисленных мелких войн, которые в то время отвлекали Италию; его сделали пленником и с варварской жестокостью бросили в грязную темницу. Здесь он посвятил себя аскетической набожности, и ему было видение, повелевавшее покинуть мир. Вернув себе свободу в возрасте тридцати лет, он вступил в орден францисканских монахов и вскоре стал проповедником с мировым именем. Путешествуя по Италии, Венгрии и Германии, он воздействовал на слушателей одним лишь своим появлением и производил поистине удивительные перемены в сердцах тысяч людей. Однажды в Вене он проповедовал под открытым небом перед собранием более чем ста тысяч человек; люди слушали его несколько часов среди громкого плача и рыданий, и огромное количество людей обратилось в веру, в том числе несколько сотен евреев. В Богемии он таким же образом убедил одиннадцать тысяч гуситов вернуться в католическую церковь, среди которых было много дворян и министров. Подобные успехи были достигнуты почти во всех крупных городах Германии, пока он не был отозван на юг, где Германия стала обязана ему и Иоанну Корвину своим избавлением от турок и знаменитой победой под Белградом в 1456 году. На протяжении всей своей карьеры он продолжал иметь экстатические видения, впадать в трансы значительной продолжительности и видеть стигмы на своем теле, но при этом оставался исключительно практичным человеком, не только обратившим многие тысячи людей от религиозных заблуждений, но и обратившим их от порочных привычек и преступных занятий к добродетельной жизни. В то же время он оказывал своим собратям огромные услуги в мирских делах, то отстаивая, то борясь за них с энергией и успехом, которые только и могли обеспечить ему имя в истории. Экстатическая природа другого мистика, Винсентио Феррера, произвела необычный эффект, который никогда не был замечен, кроме как в библейской истории. Он был уроженцем Валенсии и, не зная ни одного языка, кроме местного диалекта своей страны, всю жизнь продолжал

проповедовать на родном языке - и все же его понимали все, кто его слышал! Такой результат хотя бы отчасти объяснялся поразительной гибкостью его голоса, который в любое время так полно приспосабливался к его чувствам, что его тона находили отклик в каждом сердце. Напрасно папа, Бенедикт XIII, предлагал ему сначала епископство, а затем кардинальскую шапку; благочестивый монах отказался от всех почестей, кроме одной - звания папского миссионера, и этом качестве он прошел почти через все земли христианства, проповедуя и увещевая день и ночь, вызывая повсюду крайний энтузиазм и обращая тысячи людей от их порочных путей. Его красноречие и пыл были столь велики, что даже ученые мужи и свирепые воины заявляли, что он говорит ангельским голосом, а преступники глубочайшего пошиба падали ниц посреди огромных толп, признаваясь в своих проступках и торжественно клянясь покаяться и исправиться.

Однако величайшим из всех мистиков был уже упомянутый Филиппо Нери, святой католической церкви, чья простая искренность и истинно христианское смирение снискали ему уважение и восхищение людей всех вероисповеданий и всех эпох. Еще в детстве он был известен своими необычными дарами, а также горячим благочестием; будучи еще мирянином, он имел многочисленные видения и трансы, а когда на тридцатом году жизни он молился дни и ночи в катакомбах святого Себастьяна, его сердце внезапно так увеличилось, что некоторые межреберные мышцы отступили, и снаружи появилась большая опухоль, которая оставалась там всю жизнь, хотя и не причиняла ему боли. Его внутренний пыл был настолько велик, что кровь и весь организм постоянно находились в состоянии лихорадочного жара, и хотя он жил исключительно на хлебе, травах и оливках, он никогда не носил теплой одежды, даже в самые суровые зимы, всегда спал с открытыми дверями и окнами и предпочитал ходить с непокрытой грудью. В последние десять лет жизни его тело уже не могло поддерживать его экстатическую душу; всякий раз, когда он пытался читать мессу или проповедовать, его чувства становились настолько возбужденными, что у него пропадал голос, и он впадал в транс продолжительностью в несколько часов. В таком состоянии его часто поднимали вместе со стулом, на котором он сидел, на высоту нескольких футов от земли. Что делает эти магические явления особенно интересными, так это тот факт, что Филиппо Нери не только не придавал им особого значения, но и делал все возможное, чтобы скрыть их от глаз окружающих. Как только они начинали проявляться, он переставал читать мессу в присутствии других и разрешал своему служителю снова войти в келью, только когда тот убеждался, подглядывая через узкое отверстие в двери, что транс закончился. Когда другие восхваляли его благочестие и удивлялись этим чудесам, он неизменно улыбался и говорил: "Разве вы не знаете, что я всего лишь глупец и мечтатель?".

Он добавлял, что предпочел бы совершать дела, доказывающие его веру, а не быть получателем чудесных милостей. Но его авторитет был настолько велик, что всякий раз, когда к нему обращались или он считал своим долгом оказать влияние, оно оказывалось первостепенным и обеспечивало ему мощный контроль над историческими событиями. Так было, когда папа Григорий XIV отлучил от церкви короля Генриха IV, а его преемник Климент VIII продолжил страшное наказание, несмотря на все уговоры короля и придворных. Филиппо Нери, предвидя опасности, которые могли возникнуть в результате таких мер для Церкви, и глубоко переживая за благополучие французского народа, удалился на молитву, пригласив папского духовника присоединиться к нему в своих молитвах. Так продолжалось три дня без перерыва, когда наконец святой впал в транс и, очнувшись от него, сказал своему спутнику: "Сегодня папа придет за тобой, чтобы ты исповедовал его. Когда он будет исповедоваться, ты скажешь ему: "Отец Филиппо велел мне отказать Вашему Святейшеству в отпущении грехов и никогда больше не исповедовать Вас, пока Вы не освободите короля Франции от отлучения". Климент, глубоко тронутый этим посланием, немедленно созвал

совет кардиналов, и Генрих IV был вновь принят в лоно Церкви. Несмотря на такое огромное влияние, Нери сурово отказался от всех почестей и достоинств, даже от пурпура, который ему трижды предлагали, и умер в 1595 году, восьмидесяти лет от роду, в тот день и час, который он давно предсказывал. О том, что его видения сопровождались реальным клеймением, уже говорилось.

На нашем континенте был только один великий мистик, Роза из Лимы, которую называют *primus Americæ meridionalis flos*. Свою особую организацию она унаследовала от матери, которая часто видела видения, а когда ребенку исполнилось три года, сменила имя с Изабель на Розу, потому что увидела розу, подвешенную над лицом дочери. Девушка, которой восхищались из-за ее великой красоты и редкой миловидности, отказывалась от всех предложений и предпочла, несмотря на уговоры друзей и жестокое обращение со стороны братьев, поступить в монастырь. Однако по дороге туда она почувствовала, как ее шаги внезапно пресекла высшая сила, и увидела в этом сверхъестественном прерывании намек на то, что ей следует покинуть мир еще более полно, чем она могла бы это сделать, будучи монахиней ордена святого Доминика. Поэтому она построила себе маленькую келью в саду своего отца и вела здесь жизнь экстатического аскетизма, во время которой она часто оставалась без еды по несколько дней и недель и вступала в странную близость с птицами и насекомыми. Всякий раз, когда она принимала евхаристию, она испытывала удивительное счастье и впадала в трансы; в промежутках, однако, она сильно страдала от депрессии и полного отчаяния, которые в таких случаях могут быть результатом сильной реакции. Она умерла совсем молодой, измученная аскетической жизнью и постоянными волнениями, и с тех пор почитается как святая покровительница Перу.

КОНЕЦ.

Работы профессора Шеле де Вера.

ЧУДЕСА ГЛУБИН.

М. Шеле де Вер, профессор Виргинского университета. Третье издание, 12мо, ткань, \$1.50. Иллюстрированное, ткань, позолота, 2 доллара.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

Жемчуг. Кораллы. Факты и басни. Ртуть. Устрицы. Маяки. Странная рыба. Рыцарь в доспехах. Щепотка соли. Песчинка. Земля в беде.

"Одна из самых свежих, научных и в то же время самых популярных и восхитительных книг такого рода, которые мы когда-либо читали" - *St. John's Telegraph*.

"Эти очерки являются ценным дополнением к стандартной литературе того времени. Автор, который является одним из самых глубоких ученых эпохи и одним из самых блестящих эссеистов страны, извлек из глубин океана огромные запасы скрытых знаний..... Очарование книги заключается в искусной и в то же время естественной подаче простых фактов. Нас привлекла их свежесть, и вскоре мы уже следовали за ними с огромным интересом и энтузиазмом. Главы "Жемчуг", "Кораллы", "Ртуть", "Щепотка соли" и, собственно, почти все остальные - захватывающе интересны." - Ньюарк, *штат Нью-Джерси, Реестр*.

БРОДЯЧИЕ ЛИСТЬЯ ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ.

Новое издание, иллюстрированное. 12мо, ткань, \$1.50.

"Книга необычайно увлекательна" - Чикагский журнал.

"Вся работа полна очаровательных описаний и приятной информации."-Курьер-Журнал, Луисвилл.

"Эта небольшая книга окажет огромную услугу сотням читателей, в чьи руки она попадет" - *New Haven Palladium*.

"Лучшее произведение для молодежи, чем половина изданных книг рассказов" - "Сельский житель Нью-Йорка".

РОМАНТИКА АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ.

12мо, тканевый переплет, 1,50\$.

СОДЕРЖАНИЕ.

Бедный индеец. Скрытая река. Наш первый роман. Несколько названий городов. Кайзеры, короли и рыцари. Потерянные города. Затерянные земли.

"Мы можем только повторить, что она очень интересна и полна поучительных сведений, с которыми должен ознакомиться каждый американец" - "Тоledo Коммершиал".

"В подборе ранних исторических курьезов автор проявил хороший вкус и такт, и он в высшей степени владеет редким и бесценным искусством придавать сухим деталям истории романтический цвет и оттенок."-*American Athenæum*.

MODERN MAGIC.

12мо, ткань.

СОДЕРЖАНИЕ.

Колдовство. Черная и белая магия. Сны. Видения. Призраки. Гадание. Одержимость. Магнетизм. Чудесные случаи. Мистицизм.

Продается у всех книготорговцев или высылается по почте при получении цены по адресу

G. P. PUTNAM'S SONS, Publishers,

4th Ave. and 23d St., New York.

В ПРОЦЕССЕ ПУБЛИКАЦИИ.

Putnam's Elementary and Advanced Science Series,

Адаптирована к требованиям учащихся естественно-научных и художественных классов, школ высшего и среднего звена.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ СЕРИЯ.

Отпечатано единообразно в формате 16то, полностью иллюстрировано, ткань дополнительно, цена 65 центов за штуку.

1. ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ ПЛОСКОСТИ И ТВЕРДОГО ТЕЛА. Г. Энджел, Ислингтонская научная школа, Лондон.
2. КОНСТРУИРОВАНИЕ И ЧЕРЧЕНИЕ МАШИН. Э. Томкинс, Колледж королевы, Ливерпуль.
- ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДАНИЙ - Каменные, кирпичные и шиферные работы. Р. С. Берн, С.Е., Манчестер.
- ЗВ СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ - Деревянные и железные работы. Автор Р. С. Берн, к.т.н., Манчестер.
4. Военно-морская архитектура - строительство и закладка кораблей. С. Дж. П. Теарл, F.R.S.N.A., Лондон.
5. ЧИСТАЯ МАТЕМАТИКА. Льюис Сержант, В.А., (Camb.), Лондон.
6. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА. Уильям Росситер, F.R.A.S., F.C.S., Лондон.
7. ПРИКЛАДНАЯ МЕХАНИКА. Уильям Росситер, Ф.Р.А.С., Лондон.
8. АКУСТИКА, СВЕТ И ТЕПЛО. Уильям Лис, А.М., преподаватель физики, Эдинбург.
9. МАГНЕТИЗМ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО. Джон Энджелл, старший преподаватель естественных наук, Грамматическая школа, Манчестер.
10. НЕОРГАНИЧЕСКАЯ ХИМИЯ. Д-р У. Б. Кемсхед, Ф.Р.А.С., Дулвичский колледж, Лондон.
11. ОРГАНИЧЕСКАЯ ХИМИЯ. В. Маршалл Уоттс, доктор наук, (Лонд.,) Грамматическая школа, Гигглсвик.
12. ГЕОЛОГИЯ. Ву. У. С. Дэвис, LL.D., Дерби.
13. МИНЕРАЛОГИЯ. Дж. Х. Коллинз, F.G.S., Королевское политехническое общество Корнуолла, Фалмут.
14. ФИЗИОЛОГИЯ ЖИВОТНЫХ. Джон Энджелл, старший преподаватель естественных наук, Грамматическая школа, Манчестер.
15. ЗООЛОГИЯ. М. Харбисон, директор модельных школ, Ньютонардс.
16. АНАТОМИЯ И ФИЗИОЛОГИЯ РАСТЕНИЙ. Дж. Х. Бальфур, доктор медицины, Эдинбургский университет.
17. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОТАНИКА. Дж. Х. Бальфур, доктор медицины, Эдинбургский университет.
19. МЕТАЛЛУРГИЯ. Джон Майер, F.C.S., Глазго.
20. НАВИГАЦИЯ. Генри Эверс, доктор права, Плимут.
21. МОРСКАЯ АСТРОНОМИЯ. Генри Эверс, доктор права.
- 22A STEAM AND THE STEAM ENGINE-Land and Marine. Генри Эверс, доктор права, Плимут.
- 22B STEAM AND STEAM ENGINE-Locomotive. Генри Эверс, доктор права, Плимут.

23. ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Джон Мактурк, F.R.G.S.

24. ПРАКТИЧЕСКАЯ ХИМИЯ. Джон Говард, Лондон.

25. АСТРОНОМИЯ. Дж. Дж. Пламмер, обсерватория, Дарем.

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИПТОРА:

Очевидные опечатки в пунктуации и орфографии исправлены без комментариев. Один из примеров очевидной опечатки находится на странице 109, где слово "произнес" было заменено на "произнес" во фразе: "... he uttered a piercing cry....".

В дополнение к очевидным ошибкам были внесены следующие изменения:

1. Страница 376: Фраза "as early in 1773" была заменена на "as early as 1773".
2. Стр. 119: "какао" было заменено на "кока" во фразе "... опиум, бетель, хашиш и кока....".
3. Стр. 209: "Aureditated" было заменено на "Accredited", чтобы отразить правильное название книги Джарвиса: "Accredited Ghost Stories".
4. Страница 211: "Aured." было заменено на "Accred." во фразе "Accred. Истории о привидениях".
5. Стр. 234: "aids" было заменено на "aides" во фразе: "General d'Espagne roused his aides....".

Орфография большинства имен собственных оставлена без изменений за следующими исключениями:

1. "Göethe", "Goëthe" и "Goethe" были унифицированы до "Goethe".
2. Стр. 109: "Шиллинг" заменен на "Штиллинг" (Юнг Штиллинг, автор "Jenseits", ср. стр. 156, 204, 320).
3. Стр. 235: "Marca Erivigiana" заменено на "Marca Trivigiana".
4. Стр. 260: "Waltyries" было заменено на "Walkyries" во фразе "Walkyries and the heroes....".
5. Страница 376: "Eassner" было заменено на "Gassner" (ср. с. 441) во фразе: "...знаменитый отец Гасснер ... из Ратисбона....".
6. Стр. 402: "Mondez" было заменено на "Mondes" в названии журнала, "Revue des Deux Mondes" (ср. стр. 408).

В остальных случаях сохранена оригинальная орфография и пунктуация автора. Внутренние несоответствия, которые были сохранены в данной транскрипции, как и в оригинале, включают (но не ограничиваются):

отступничество/отступничество
пиколич/приколич
Æthiopian/Эфиопский
aurora boreales/аврора бореалис

На странице 319: "...Так, в 1578 году знаменитый астролог, отец всех погодных предсказаний в наших альманахах, предсказал, что в феврале 1524 года....".

На стр. 287: фраза "...бормочет слово Опе...." сохранена в печатном виде, но может означать "...бормочет слово От....".

На странице объявлений отсутствует номер 18.